

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

221

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
221

Главный редактор
Н.А. МАКАРОВ

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 902/904

ББК 63.4

К78

Редакционная коллегия:

Л.И. АВИЛОВА (зам. главного редактора),
В.И. ЗАВЬЯЛОВ (ответственный секретарь),
Л.В. КОЛЬЦОВ, С.Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В.Д. КУЗНЕЦОВ,
Н.В. ЛОПАТИН, Н.А. МАКАРОВ (главный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Г. ЖИЛИН,
доктор исторических наук А.М. ОБЛОМСКИЙ

Краткие сообщения Института археологии / Ин-т археологии РАН. – М. : Наука, 1939— . – ISSN 0130-2620.

Вып. 221 / гл. ред. Н.А. Макаров. – 2007. – 255 с. – ISBN 5-02-035219-5

Основу выпуска составляют материалы научной конференции “Археология Северо-Восточной Руси. Проблемы и материалы”, посвященной памяти археолога и историка древнерусской архитектуры Н.Н. Воронина (1904–1975), которая прошла в Ростове Великом в ноябре 2004 г. Публикации дают представление о современном этапе археологического изучения Северо-Восточной Руси, о новых тенденциях в изучении древнерусских поселений, материальной культуры, ремесла и процессов колонизации, а также о контактах между отдельными городскими центрами и областями средневековой Руси.

Для археологов, этнологов, историков.

Темплан 2007-I-371

ISBN 5-02-035219-5

© Институт археологии РАН, 2007

© Коллектив авторов, 2007

© Российской академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание “Краткие
сообщения Института археологии” (разработка,
оформление), 1939 (год основания), 2007

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2007

КОНФЕРЕНЦИЯ

“АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ: ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ”

Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев

Н.Н. ВОРОНИН И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Основу очередного выпуска КСИА составляют материалы научной конференции “Археология Северо-Восточной Руси. Проблемы и материалы”, состоявшейся в Ростове Великом 13–16 октября 2004 г. Конференция была посвящена памяти выдающегося археолога и историка древнерусской архитектуры Н.Н. Воронина (1904–1975 гг.), столетие со дня рождения которого было отмечено в 2004 г.

Увлеченная новыми проблемами, нацеленная на поиски новых материалов, появление которых дает новым поколениям ученых определенное преимущество в понимании прошлого по сравнению с предшественниками, археология иногда незаслуженно забывает имена тех, чьи труды еще недавно задавали основные ориентиры для исследований в обширных областях науки. Юбилей Н.Н. Воронина прошел малозамеченным. Между тем, этот ученый – один из значительных исследователей русского средневековья середины XX в. Фундаментальный труд Н.Н. Воронина “Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.” спустя почти полвека после своего появления остается основополагающим изданием, раскрывающим историю становления и развития каменного зодчества в Ростово-Сузdalской и ранней Московской Руси. Присуждение Н.Н. Воронину Ленинской премии за эту работу в 1964 г. стало одним из знаковых событий в реабилитации церковной старины и признании важности ее сохранения в атеистическом государстве. Впервые изданный в 1958 г. небольшой путеводитель “Владимир. Боголюбово. Сузdal. Юрьев Польской”, вместивший в себя живой рассказ об истории крупнейших городских центров и княжеских резиденций Владимира-Сузdalской земли и тонкий разбор художественных особенностей древних памятников, и сегодня оказывается лучшим путеводителем путешественника, отправляющегося по этим местам. Раскопки Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта в Смоленске в 1960–1970-е годы, выявившие многочисленные храмы домонгольского времени, по сути дела открыли неизвестную главу в истории древнерусского зодчества. Наконец, Н.Н. Воронин много сделал для сохранения памятников архитектуры и археологии в СССР в 1950–1960-е годы, постоянно привлекая общественное внимание к этой проблеме, что в те годы требовало большого гражданского мужества.

Разносторонний ученый, Н.Н. Воронин вошел в историю науки прежде всего как историк древнерусской архитектуры, с изучением которой были связаны его основные научные интересы. Однако сегодня уместно вспомнить, что тема Северо-Восточной Руси как особая крупная тема в средневековой археологии в ХХ в. была поставлена именно этим исследователем, фактически ставшим основоположником археологического изучения городов Ростово-Сузdalской земли. Ведь научное наследие А.С. Уварова уже в начале ХХ в. считалось обесцененным и было прочно забыто. Приступив в 1930-е годы к исследованию шедевров белокаменного зодчества XII–XIII вв., Н.Н. Воронин ясно осознал, что феномен их появления не может быть раскрыт без изучения исторического контекста, без мобилизации археологических материалов для освещения тех процессов, которые неожиданно выдвинули Северо-Восток на первый план в качестве нового политического центра Руси. В 1934 г. Владимиро-Сузdalская экспедиция ГАИМК начала раскопки в Суздале, Кидекше, Владимире и Боголюбове, постепенно в круг исследуемых городов были включены Ярославль, Ростов, Переяславль Залесский, Муром, Нижний Новгород. Предпринятые Н.Н. Ворониным в конце 1930-х – 1950-х годах полевые исследования не только выявили конкретную строительную историю знаменитых храмов и дворцов, но также позволили получить первые данные о культурном слое и исторической топографии основных городских центров центральной части Северо-Восточной Руси. В Среднерусской экспедиции Н.Н. Воронина работали отряды, изучавшие культурные напластования больших и малых городов и городищ, фортификации, курганные могильники на территории Владимирской, Псковской, Смоленской и Кировской областей. Работами отдельных отрядов этой экспедиции руководили Е.И. Горюнова, В.В. Седов, П.А. Раппопорт, А.Л. Монгайт. В работе экспедиции в разные годы принимали участие Г.К. Вагнер, В.Л. Янин, А.В. Никитин и другие известные археологи. Сегодня, возвращаясь к публикациям конца 1940–1950-х годов можно констатировать, что Н.Н. Воронин и его сотрудники, несмотря на скромный объем работ в большинстве городов, достаточно точно определили хронологию культурных напластований и картину исторической топографии городских центров. Таким образом, научные изыскания Н.Н. Воронина впервые связали изучение общих проблем сложения древнерусской культуры на Северо-Востоке, одним из высших достижений которой стала владимиро-суздальская архитектура, с изучением реальных археологических объектов, позволяющих восстановить конкретный исторический облик Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. Результаты многолетних исследований послужили основой дальнейшего археологического изучения древнерусских городов последующими поколениями ученых.

Успехи новгородской археологии, и в особенности открытие берестяных грамот, отодвинули археологические памятники Северо-Восточной Руси на второй план, несколько ослабив интерес к их изучению. Северо-Запад, в силу самого характера своих древностей, оказался более важным и значимым для изучения проблем общедревнерусской истории и культуры. Тем не менее, обследования и раскопки древнерусских памятников

Северо-Востока, возобновленные в середине 1930-х годов Н.Н. Ворониным, никогда не прерывались, постепенно распространяясь на новые объекты и территории. Обзор всего, что сделано археологами в этой области за десятилетия, прошедшие после окончания экспедиционных работ Н.Н. Воронина, – тема специальной историографической работы. Огромный новый материал, накопленный в результате раскопок в Ростове, Суздале, Москве, Твери, Владимире, Белоозере, появление обобщающих публикаций по археологии ряда средневековых городов и сельских территорий обеспечивают сегодня значительно более глубокое видение многих аспектов истории и культуры Северо-Восточной Руси. Изучение отдельных регионов, в которых интенсивность полевых работ особенно высока, стало выделяться в особые направления. Поэтому одна из задач сегодня – сохранение целостного взгляда на культурную историю и средневековые древности обширной Ростово-Суздальской земли. Надежную опору для этого дает обращение к научному наследию Н.Н. Воронина, в котором общие вопросы истории и культуры Северо-Восточной Руси, изучение истоков ее культурного своеобразия и политической консолидации занимают центральное место.

Доклады, представленные на конференции “Археология Северо-Восточной Руси. Проблемы и материалы”, и некоторые тематически близкие публикации, включенные в 221 выпуск КСИА, дают представление о современном этапе археологического изучения Северо-Восточной Руси, о новых тенденциях в изучении древнерусских поселений, материальной культуры, ремесла и процессов колонизации. Они не раскрывают полной археологической панорамы Ростово-Суздальской Руси и не исчерпывают всех аспектов изучения ее древностей, а скорее фокусируют внимание на некоторых проблемах, которые вызывают сегодня особый интерес и разрабатываются особенно интенсивно. Среди этих проблем – особенности формирования городских центров на Северо-Востоке, характер материальной культуры и хозяйствства средневековых сельских поселений, преемственность в развитии культуры и ремесленных традиций домонгольского и послемонгольского периодов, культурные связи и контакты между отдельными городскими центрами и областями средневековой Руси. Значительная часть публикаций вводит в научный оборот материалы новых полевых работ в городах и на сельских поселениях Северо-Восточной Руси и на сопредельных территориях, в том числе некоторые яркие находки из Владимира, Смоленска, Мякининского археологического комплекса в Подмосковье, селищ Суздальского Ополья, сделанные в самое последнее время. Собранные вместе, эти материалы показывают, с одной стороны, культурное своеобразие различных областей Северо-Восточной Руси, с другой стороны – реальное единство исторического процесса на этих территориях, значительное воздействие центра Ростово-Суздальской земли на колонизацию и формирование культурных традиций периферии.

Н.А. Макаров

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ НА СЕВЕРЕ: НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Роль Ростово-Сузdalской земли в политической и культурной истории Руси не может быть сколько-нибудь полно раскрыта без изучения ростово-сузальской колонизации Севера. Хотя история новгородского и ростовского соперничества на Севере – одна из “классических” тем в историографии средневековой Руси, конкретная история формирования ростово-сузальских владений в Заволжье и Заволочье остается малоизвестной. История проникновения Новгорода на Север в ранний период гораздо полнее документирована как письменными источниками, так и археологическими материалами.

Основные методические подходы, которые могут быть предложены археологией для изучения обозначенной темы, это, во-первых, выяснение времени возникновения населенных пунктов, известных по позднейшим документам как центры новгородских и ростовских владений, во-вторых, выделение и анализ распространения культурных элементов, которые могут рассматриваться как индикаторы новгородской и верхневолжской колонизации. Однако характер материальной культуры Руси XI–XIII вв., со свойственным для нее доминированием вещей общедревнерусских типов и сильной нивелировкой региональных культурных традиций в центральных областях, выступавших как исходные районы колонизационного движения, заметно затрудняют выделение археологических следов новгородцев и ростовцев. Среди древнерусских украшений и бытовых вещей, представленных в северных коллекциях, выделяются лишь единичные типы, которые могут рассматриваться как “новгородские” и “ростовские”. Поэтому, впервые обратившись к этой теме, я предложил рассматривать в качестве индикаторов ростовской и новгородской колонизационной волны украшения западнофинского и поволжско-финского облика, исходя из того, что присутствие их в той или иной степени отражает интенсивность северо-западного и волго-окского направления в колонизации (Макаров, 1989. С. 86–102).

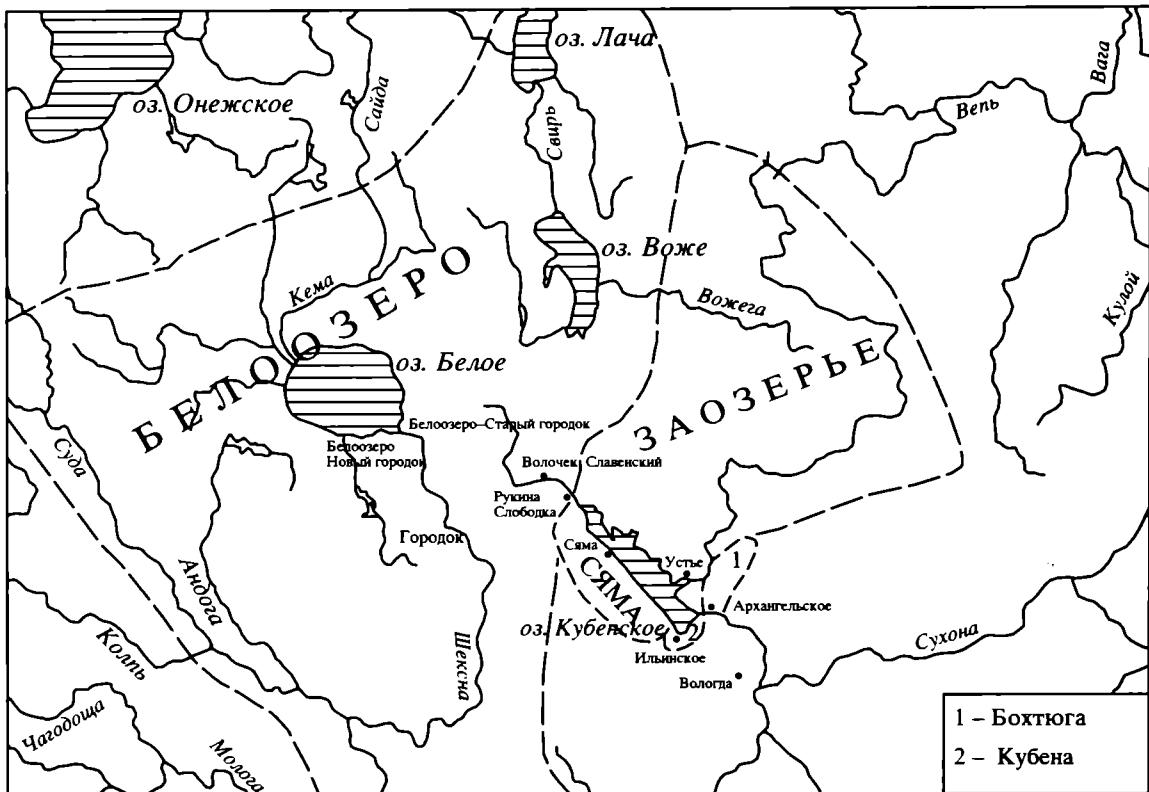
Полевые исследования 1980–1990-х годов на территории Белозерского края выявили роль Шексны как важнейшего канала верхневолжского освоения Севера, имевшего в X–XII вв. большее значение, чем путь по Костроме к среднему течению Сухоны. О значении Шексны свидетельствует, во-первых, относительно плотная заселенность всего ее течения от устья р. Суды до Белоозера (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 19–226; Кудряшов, 2000; 2002; 2003), во-вторых, раннее освоение волоков, выводивших из Шексны и Белого озера на север и восток, в том числе к Кубенскому озеру (Макаров, 1997. С. 48–103), в-третьих, размеры городской территории и характер материальной культуры города Белоозера, отражающие высокий статус этого центра (Захаров, 2004). Существенно, что в шекснинских и белозерских древностях X в. ярко выражен поволжско-финский культурный

компонент (шумящие украшения, изготовленные в наборной технике, проволочные височные кольца большого диаметра, лопщеная керамика), указывающий на связи колонизационного движения с Волго-Окским регионом и вероятное участие в нем мерян. Несмотря на присутствие средневековых памятников на р. Костроме и Галичском озере (Леонтьев, 1996. С. 246–267; Рябинин, 1986; 1997. С. 160–163, 186–196), складывается впечатление, что интенсивное использование Костромского пути началось позднее, а масштабы движения по нему были более скромными.

В настоящей работе рассматриваются археологические данные о колонизации Кубенских земель, исторически не столь известных, как Белоозеро, Вологда или Галич, но составлявших исключительно важное звено в географическом пространстве Севера в период его средневекового освоения. Их значение определялось, с одной стороны, положением у истоков р. Сухоны, на трассе шекснинско-сухонского водного пути, непосредственно за волжско-сухонским и шекснинско-сухонским водоразделами, отделявшими староосвоенные древнерусские земли от Заволочья, с другой стороны, относительной географической близостью к главным политико-административным центрам Северо-Восточной Руси (рис. 1). Цикл исследований средневековых поселений и могильников у д. Минино на северо-западном берегу Кубенского озера, проведенный в 1996–2004 гг. (Кубенское озеро, 2001; Макаров, Захаров, 2003; Макаров, Зайцева, 2003; Макаров, Меснянкина, 2004), сопровождался целенаправленными поисками средневековых памятников на всей территории Кубенского поозерья, что позволило до некоторой степени прояснить общую картину средневекового расселения в этом районе.

“Кубенские волости” впервые упомянуты в летописной статье 1398 г. в числе северных волостей, принадлежавших великому князю Василию Дмитриевичу и его союзникам и разграбленных новгородцами во время похода на Двину. Летописный рассказ не позволяет точно определить территории, о которых идет речь, однако его общий контекст указывает на то, что они представляли собой особое образование, отличное от Белоозера и Вологды, упомянутых в том же рассказе (ПСРЛ. Т. III. С. 392; ПСРЛ. Т. 24. С. 166). Судя по письменным источникам, во второй половине XIV в. Кубенская область была разделена на несколько разновеликих политико-административных образований, часть которых представляла собой самостоятельные удельные княжества, а другие были наследственным владением или куплей московских князей (Любавский, 1929. С. 105, 106; Кучкин, 1984. С. 296, 299–301). Имена этих образований: Сяма, Заозерье, Кубена, Ухтюжка, и Бохтиуга (рис. 1; 2).

Сямская волость на северо-западном берегу Кубенского озера, впервые упомянутая в духовной Дмитрия Ивановича 1389 г. (ДДГ. № 12. С. 34), находилась во владении московских князей как самостоятельная территория, обособленная от вологодских волостей. Обширная территория Сямской волости простиралась с юго-востока на северо-запад вдоль Кубенского озера почти на 50 км, соседствуя на западе с белозерскими землями. Заозерье – значительный массив земель, прилегавших к Кубенскому озеру с востока и с юга, включая значительную часть бассейна р. Кубены, – в конце XIV в. ча-

Рис. 1. Территориально-административное устройство белозерских, кубенских и верхнесухонских земель во второй половине XIV – начале XV в.

стью входило в состав владений ярославских князей, частью было выделено в особый Заозерский удел, первым князем которого стал четвертый сын ярославского князя Василия Васильевича Дмитрий. Присутствие его на Заозерском столе отмечено в Житии Дионисия Глушицкого около 1402 г. (Кучкин, 1984. С. 296). Центр Заозерского удельного княжества локализуется вблизи устья р. Кубены, на территории села Чирково. Кубена – небольшая, но плотно заселенная территория с центром в селе Кубенском вблизи юго-западного берега Кубенского озера – первоначально входила, по-видимому, в состав владений Дмитрия Васильевича Заозерского, от младшей линии потомков которого происходит род князей Кубенских. Волость Ухтюжка, впервые поименованная в первой духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1406/07 г. в качестве одного из “примыслов” великого князя (ДДГ. № 20. С. 56), охватывала значительный массив территории по р. Уфтиуге, впадающей в Кубенское озеро с севера. Еще одно малоизвестное суверенное образование конца XIV – первой четверти XV в. – Боятюжское княжество, находившееся в верхнем течении р. Сухоны, подробно рассмотрено в исследовании В.А. Кучкина, доказавшего принадлежность боятюжских князей Юрия Ивановича и Семена Юрьевича к роду ростовских князей. Судя по жалованным грамотам боятюжских князей, территория княжества должна быть локализована на левых притоках Сухоны Боятюге и Глушице

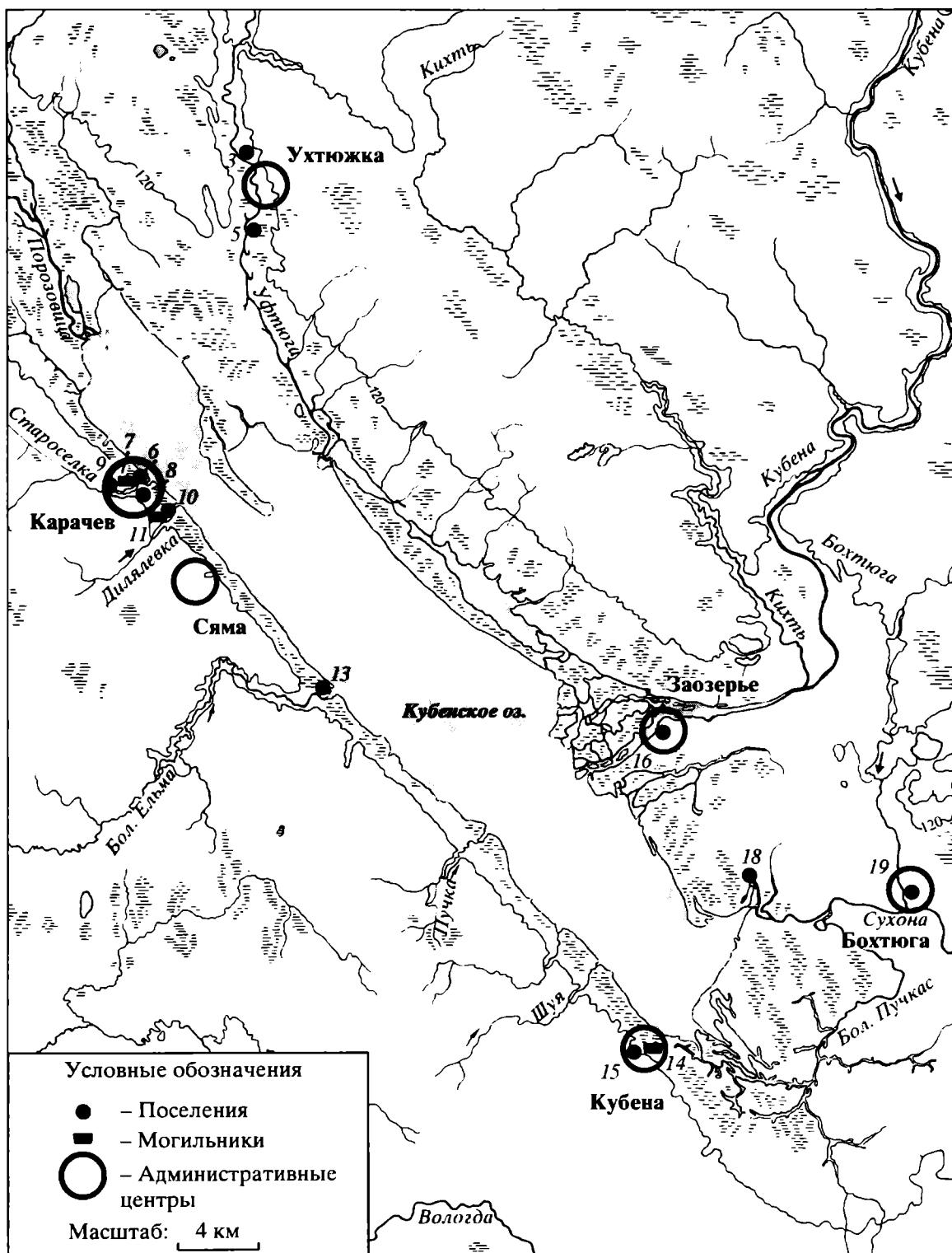

Рис. 2. Административные центры второй половины XIV – начала XV в. на Кубенском озере

(Кучкин, 1984. С. 280–282), где писцовые книги XVII в. помещают Бохтюжскую волость с центром в селе Архангельское на р. Бохтюге (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 156, 157).

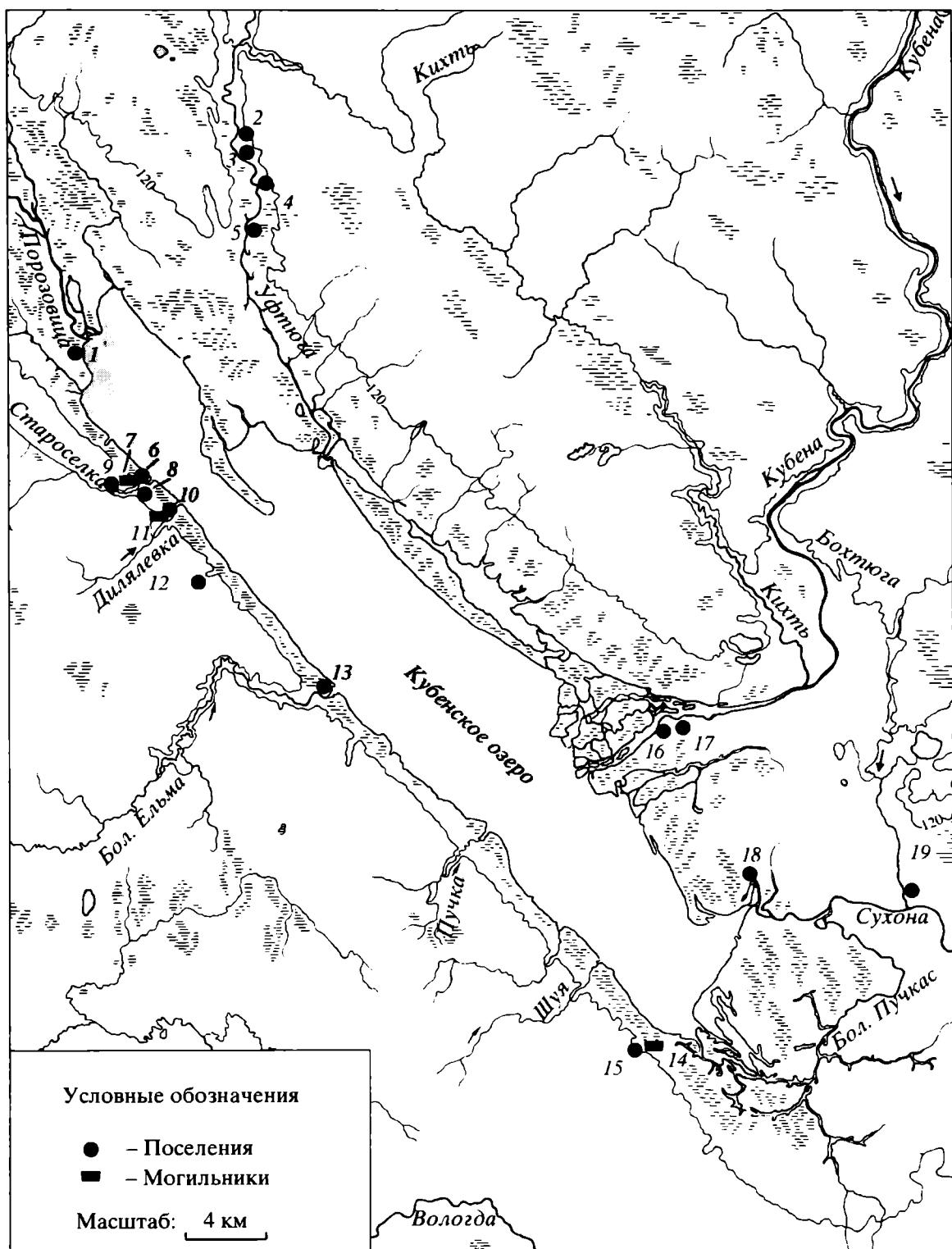
Владельческая принадлежность всех поименованных территорий во второй половине XIV в. определенно указывает, что в более раннее время они были прочно связаны с Ростово-Суздальским княжеством. При этом контекст источников позволяет полагать обособленность их в начальный период колонизации как от Белоозера, принадлежавшего до 1238 г. ростовским князьям, так и от Вологды, в состав которой кубенские волости были постепенно включены в XV в. С другой стороны, источники не дают никаких намеков на территориально-административное единство Кубенской области в начальный период колонизации. Проникновение ростово-суздальской колонизации в этот регион не привело к сложению здесь целостного территориального образования, а сопровождалось формированием нескольких волостей.

Как соотносится эта территориально-административная структура со средневековой сетью расселения, сложившейся в X–XIII вв., в начальный период колонизации, и зафиксированной археологической картой?

Средневековые материалы, датируемые в хронологическом интервале между X и XIV вв., представлены в Кубенском Поозерье на 19 памятниках – 16 поселениях и 3 могильниках (рис. 3). Часть этих объектов образует небольшие локальные группы. Всего в Кубенском Поозерье зафиксировано 13 одиночных объектов и локальных групп средневековых памятников: 4 в приусьевых частях рек, впадающих в Кубенское озеро с запада и юго-запада (р. Порозовица, Дмитровка, Делялевка, Большая Ельма и Княжица), 4 в среднем течении р. Уфтиги, на расстоянии 15–20 км от озера, 1 – в низовьях р. Кубены, 2 – в низовьях рек, впадающих в р. Сухону в ее верховьях. Эти памятники находятся на территории всех пяти упомянутых выше административных образований, причем значительная часть памятников локализуется на местах их исторических центров.

На кубенозерских памятниках можно выделить керамические и вещевые материалы, являющиеся хроноиндикаторами трех протяженных периодов: второй половины X – начала XII в., XII – первой половины XIII в. и XIII–XV вв. Датирующие материалы X – начала XII в. присутствуют на семи поселениях (Минино I, Минино VI, Владышнево I, Коробово VI, Кубенское, Чирково I, Ивановское I) и двух могильниках (Минино II, Владышнево II) в 6 микрорегионах. Основанием для выделения этого периода являются наборы лепной керамики без примеси круговой (Владышнево I, Ивановское I), присутствие в составе коллекции сильно профицированной лепной керамики, в том числе с орнаментацией в виде многоярусных поясков (Чирково I, Коробово VI), находки цветных лимонок и рубленого бисера и синих прозрачных навитых бус (Владышнево I, Коробово VI, Кубенское). В двух могильниках выявлены погребения по обряду кремации второй половины X – рубежа X–XI вв.

Датирующие материалы XII – первой половины XIII в. выявлены на семи поселениях (Минино I, Минино VI, Минино VII, Коробово VI, Чирково I,

Рис. 3. Археологические памятники X–XIV вв. на Кубенском озере

1 – Погост Антония (Пески); 2 – Ивановское I (Троицкая Гора); 3 – Ивановское II; 4 – Бережное (Куркинская); 5 – Прилуки II; 6 – Минино I; 7 – Минино II; 8 – Минино VI; 9 – Минино VII; 10 – Владышнево I; 11 – Владышнево II; 12 – Горка Покровская; 13 – Коробово VI; 14 – Кубенское, могильник; 15 – Кубенское, селище; 16 – Чирково I; 17 – Чирково II; 18 – Лука VI; 19 – Архангельское на Бохтуге

Прилуки II, Архангельское на Бохтюге) и в двух могильниках (Минино II, Кубенское) в шести микрорегионах. Для керамических комплексов XII в. на Кубенском озере характерно сосуществование лепной керамики с круговой. Основным датирующим материалом этого периода на селищах, не подвергавшихся раскопкам (Коробово VI, Чирково I, Архангельское на Бохтюге) является круговая керамика с линейным и волнистым орнаментом, с отогнутым венчиком, в том числе имеющим валик на внешнем крае или утолщение на внешней стороне. Важными хронологическими индикаторами этого периода являются зонные навитые полупрозрачные бусы, некоторые типы металлических образцов и украшений.

Выявление древностей второй половины XIII–XV в. на Кубенском озере основывается в настоящее время в большей мере на хронологической идентификации отдельных вещей (в первую очередь предметов личного благочестия), нежели на анализе массового керамического материала. Определимые материалы этого периода присутствуют на восьми памятниках (Минино VI, Коробово VI, Чирково I, Чирково II, Лука VI, Кубенское, Архангельское на Бохтюге, Пески). Действительное количество памятников этого времени несоизмеримо больше, однако ограниченные возможности выделения керамики второй половины XIII–XV в. в подъемном материале не позволяют представить подлинную картину расселения этого периода по археологическим данным.

Большинство кубенозерских селищ являются остатками стабильных долговременных поселений, функционировавших в течение двух–трех столетий (Минино I, Коробово VI) или в течение более продолжительного периода, включая позднее средневековье, новое и новейшее время (Минино VI, Чирково I, Чирково II, Лука VI, Архангельское). Неясным остается характер лишь нескольких небольших поселений на р. Уфтиюге (Ивановское II, Прилуки II) с очень низкой концентрацией культурных остатков. В этих селищах с равной долей вероятности можно видеть остатки небольших стационарных поселений и временные промысловые становища. Общая сеть расселения вокруг Кубенского озера в XI – первой половине XIII в. представляла собой совокупность семи локальных групп поселений и одиночных поселений, удаленных друг от друга на значительные расстояния. Выявить какую-либо иерархию в этой системе не удается, скорее всего большинство гнезд (кроме двух поселений на р. Уфтиюге и поселения Лука VI на Сухоне) имели равный статус. Расположение поселений обеспечивало, с одной стороны, удобный доступ к водным коммуникациям, с другой стороны, возможность формирования вокруг каждого обширной ресурсной зоны, в том числе собственных промысловых территорий.

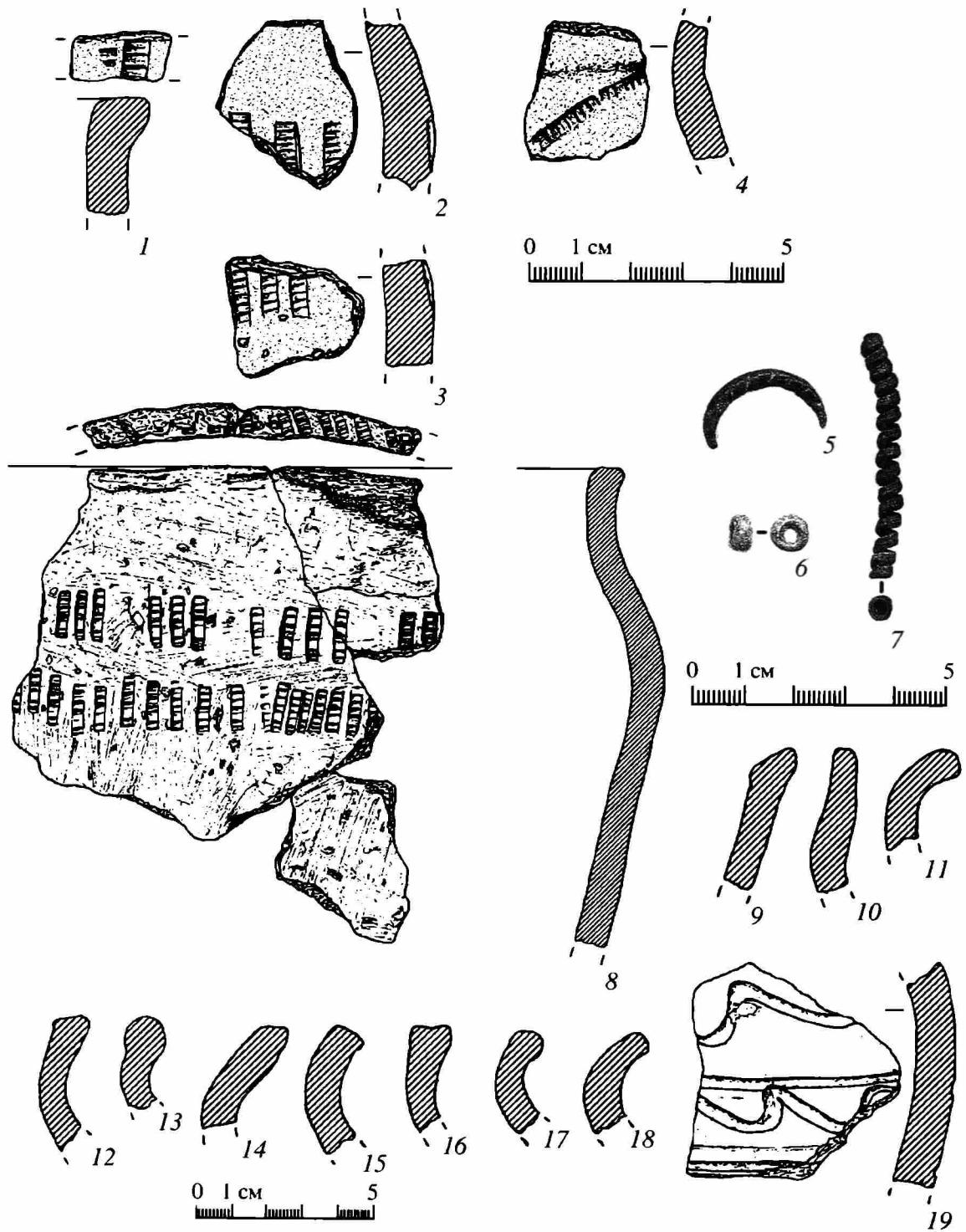
Хотя сеть расселения конца I – начала II тыс. н.э. на Кубенском озере была менее плотной, чем на сопредельных западных территориях – на Белом озере и в бассейне Шексны, – археологические материалы документируют заметный рост колонизационной активности, подобный процессам, происходившим в этот период во многих других районах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Пласт древностей X–XII вв. четко выделяется в археологических материалах Кубенского Поозерья, тогда как древности

предшествующего периода остаются почти неизвестными. На северо-западном берегу Кубенского озера появление первых поселений, образующих новую сеть, произошло во второй половине X в., возможно, близким временем должно быть датировано появление поселений с лепной средневековой керамикой на р. Уфтуге и р. Кубене. Очевидно, освоение западного побережья Кубенского озера, сопредельного с Шекснинским бассейном, развивалось в XI в. более интенсивно. На поселениях в верховьях Сухоны определимые материалы X–XI вв. не встречены. Общее размещение поселений X–XIII вв. в Кубенском Поозерье и более высокая концентрация древностей X–XI вв. на западном берегу озера показывают, что колонизация распространялась с запада.

Укажем некоторые памятники, которые выразительно документируют преемственность между древнейшей сетью средневекового расселения и локальными центрами позднесредневекового времени. Это поселение и могильник в селе Кубенском (поселение с материалами X–XI и XIII–XIV вв. локализуется в центре села, могильник XII – первой половины XIII в. – на его окраине), селище с круговой керамикой XII–XIV вв. на территории села Архангельское на Бохтуге, два селища на р. Уфтуге, на одном из которых найден сравнительно редкий образец христианской металлоконструкции – круглый образок с изображением Спасителя, инкрустированный железом по бронзе.

Пожалуй, наиболее яркий пример формирования позднесредневекового поселения, явившегося в начале XV в. центром удельного княжества, на основе средневекового поселения XI–XII вв. дали исследования в низовьях р. Кубены, в районе с. Чирково, где находился центр Заозерского удела. Два средневековых селища локализуются непосредственно на территории села, недалеко от часовни св. Дмитрия. Согласно “Житию Иоасафа Каменского”, “житие же имея благоверный князь Дмитрей над рекою, зовомою Кубеницею. Храм же име близ двора, великого мученика Дмитрея Селунского чудотворца, иже и доныне есть нами видим. Весь же зовома Чиркова” (Прохоров, 2005. С. 56). Летописному “Дмитрию святому” наследует построенная в XIX в. каменная часовня св. Дмитрия, сохранившаяся в селе Чирково на левом берегу р. Кубены, где позднейшие предания помещали двор заозерских князей (Суворов, 1893. С. 36).

Коллекция вещей, собранная на поселении Чирково I, включает 50 фрагментов грубой лепной средневековой керамики (рис. 4, 1–4, 8), в том числе 37, составляющих развал одного сосуда (рис. 4, 8); 77 фрагментов венчиков круговой керамики с профилировкой XII–XV вв. (рис. 4, 9–19) и около 120 предметов из цветного металла, железа, стекла, камня и глины от средневековья до новейшего времени (рис. 4, 5–7; 5; 6). Часть этих предметов не поддается точной хронологической атрибуции. Наиболее раннюю хронологическую группу средневековых вещей на селище составляют стеклянная прозрачная навитая желтая бусина (рис. 4, 6), бронзовая спиральная пластинчатая пронизка (рис. 4, 7), бронзовый ложновитой перстень (рис. 4, 5), бронзовое восьмеркообразное звено цепочки с перпендикулярным положением петель и рельефным орнаментом, бронзовая заклепка от котла. При этом

Рис. 4. Поселение Чирково I. Керамика и вещевой материал X – первой половины XIII в.
1–4, 8 – лепная керамика; 9–19 – круговая керамика; 5, 7 – цветной металл; 6 – стекло

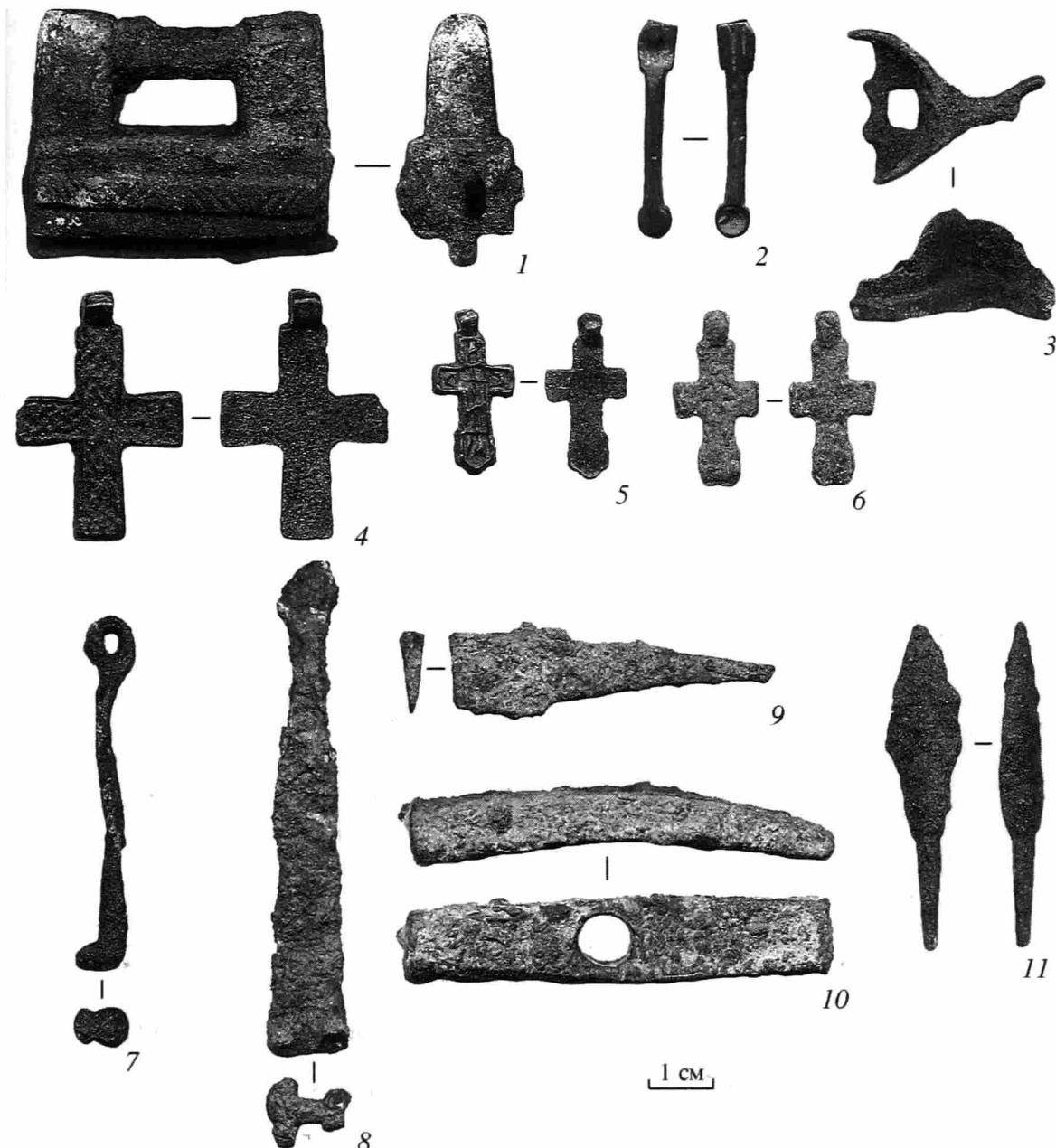

Рис. 5. Поселение Чирково I. Вещевой материал XII–XV вв.

1, 3, 7–11 – железо; 2, 4–6 – цветной металл

навитые желтые бусы и спиральные пластинчатые пронизки более характерны для комплексов XII – первой половины XIII в., а восьмеркообразные звенья цепочек с рельефным орнаментом впервые появляются на рубеже XI–XII вв. Ложновитые перстни появились на Белозерье в конце XI в. и продолжали использоваться до начала XIV в., но период их широкого распространения приходится на XII – начало XIII в. (Сумина, 1999. С. 177).

В коллекции из Чирково I представлены также вещи, вошедшие в обиход во второй половине XII в. и остававшиеся в употреблении до начала

Рис. 6. Чирково. Предметы христианского культа и монеты XIV–XV вв.

1, 2 – свинцово-оловянистый сплав; 3 – камень; 4–6 – серебро

XV в. (два железных ключа типа В; рис. 5, 7), и предметы, период бытования которых определяется в широких хронологических рамках X–XVI, XI–XV или XII–XV вв. (свинцовый конический грузик, ножи с широким плоским лезвием (рис. 5, 9), цилиндрические замки неопределенных типов (рис. 5, 3), железный ледоходный шип, бронебойный наконечник стрелы с пером пирамидальной формы (рис. 5, 11) типа 85, по А.Ф. Медведеву (1966. С. 84. Табл. 28, 22), железный ювелирный молоточек (рис. 5, 10).

Наиболее выразительную группу вещей, собранных на селище Чирково, составляют предметы XIV–XV вв. Среди них каменный крест с прямоугольными концами прямоугольного сечения и рельефным изображением херувима (рис. 6, 3). Близкие кресты с изображением херувимов происходят из Ростова Великого (Николаева, 1983. С. 127, 128. Табл. 54, 8) и Орлецкого городка (Ясинский, Овсянников, 1998. С. 89. Рис. 75). На поселении Никола Мокрый на р. Сухоне найден каменный крест с незаконченным изображени-

ем херувима (*Никитинский*, 1982. Рис. 31). Т.В. Николаева датировала крест с изображением херувима из Ростова XIII–XIV вв., крест с Орлецкого городка, исходя из общей хронологии памятника, должен быть датирован второй половиной XIV в. В коллекции представлены пластиначатые кресты из бронзы и свинцово-оловянного сплава: один с расширяющимися концами, орнаментированными плетенкой (рис. 5, 4), и три с прямыми концами и килевидным завершением нижней лопасти, несущие изображение креста и креста на Голгофе (рис. 5, 5, 6). Кресты с расширяющимися концами, орнаментированные плетенкой, известны по находкам в Новгороде (*Седова*, 1981. С. 55. Рис. 16, 21), в Суздале (*Седова*, 1997. С. 203. Рис. 72, 9), на поселениях Подмосковья (*Беленькая*, 1993. С. 15), Заонежья (*Кочкуркина, Спиридовон*, 1988), Вымского бассейна (Археология Республики Коми, 1997. С. 677. Рис. 6, 38) и в Латвии (*Мугуревич*, 1974. С. 237. Рис. 2, 35). Все датированные находки происходят из слоев конца XIV–XV в. Хронология нательных крестов с килевидным завершением нижней лопасти не разработана, отдельные экземпляры датируются XIV–XVI вв. (*Гнутова, Зотова*, 2000. С. 22, 2в, 2г) или второй половиной XVI–XVII в. (*Беляев*, 1994. С. 118. Табл. 107, 108). Из слоев начала XV в. на Нутном раскопе в Новгороде происходит деревянный крест с килевидным оформлением нижней лопасти (*Гайдуков*, 1992. С. 133. Рис. 42, 6).

Среди предметов личного благочестия 2 образка из свинцово-оловянного сплава в форме киотцев (рис. 6, 1, 2). Один из образцов несет поясное изображение святого, который с большой долей вероятности может быть идентифицирован как Николай Чудотворец. На другом образке, находившемся в массивной металлической оправе, плохо сохранившееся поясное изображение неизвестного святого. В коллекции представлен также еще один фрагмент подобной оправы – пластина из свинцово-оловянного сплава с пазом. Согласно М.В. Седовой, образки с полуарочным завершением в целом характерны для металлопластики XV–XVI вв. (*Седова*, 1981. С. 64), однако последние находки из Новгорода, близкие образку из Чиркова, происходят из слоев несколько более раннего времени – 1370–1380-х годов (*Дубровин.*, 2004. С. 14, 15. Рис. 1, 7; 2). В качестве одной из наиболее близких аналогий можно указать иконку с городища Никулицино в Вятской земле (*Макаров*, 2001. С. 102. Рис. 58, 15). В числе прочих датирующих вещей бронзовая копоушка, близкая находкам из Суздаля (*Седова*, 1997. Рис. 64, 17), Белоозера (*Захаров*, 2004. С. 193. Рис. 110, 1) и Новгорода (последняя происходит из слоев 1360-х годов) (*Гайдуков*, 1992. С. 100. Рис. 71, 2). В коллекции представлен также железный ключ от замка типа Г, по Б.А. Колчину (1982. С. 162), и замок этого типа, период бытования которого ограничен серединой XIII – первой половиной XV в. (рис. 5, 8), и железный замок типа Е, по Б.А. Колчину (1982. С. 160, 162), появившийся в середине XIV в. и остававшийся в употреблении до XVI в. (рис. 5, 1).

Для определения хронологии позднесредневекового комплекса исключительное значение имеют монетные находки (рис. 6, 4–6). Вместе с украшениями, бытовыми вещами и предметами личного благочестия в Чирково найдены денга великого князя Василия II 1440–1462 гг. (рис. 6, 4), москов-

ская денга “дозор” великого князя Ивана III 1462–1485 гг. (рис. 6, 6) и неизвестная русская монета первой половины XV в. (рис. 6, 5) (определение монет произведено чл.-кор. П.Г. Гайдуковым). Таким образом, хронология вещевых находок, период бытования которых охватывает XV в., хорошо согласуется с нумизматической хронологией. Из этого не следует, что датировка позднесредневековой группы вещевых материалов может быть ограничена XV в., часть из них должна быть отнесена ко второй половине XIII–XIV в., но выделение узкодатированных типов вещей этого времени не представляется возможным.

Материалы из Чирково важны, во-первых, как один из редких комплексов археологических древностей, соответствующих одному из исторических политico-административных центров XIV–XV вв. на Русском Севере, и, во-вторых, как свидетельство существования у Заозерского княжества достаточно длительной предыстории, восходящей, по меньшей мере, к концу XI – началу XII в. При всей скромности комплекса находок XI–XII вв., само присутствие их в точке будущего административного центра, на территории, весьма слабо насыщенной средневековыми археологическими материалами, – значимый факт.

Не все политico-административные центры XIV–XV вв. на Кубенском озере непосредственно наследовали более ранним поселениям. Иная ситуация зафиксирована на территории Сямской волости. Выявленные здесь поселения XI–XII вв. обнаруживают определенную топографическую связь с позднесредневековыми станками и погостами (Дмитриевский Каравеевский погост, погост на устье Ельмы), однако на территории исторического центра Сямской волости – Покровского погоста на р. Крутец – материалы, относящиеся ко времени ранее второй половины XIII в., не представлены. Вероятно, формирование Сямской волости во второй половине XIII–XIV в. сопровождалось определенными административными преобразованиями, устройством нового волостного центра.

Возможно ли выявить в археологических материалах Кубенозерья какие-либо следы культурных связей с центральными районами Ростово-Сузdalской земли? Хотя выделение вещей, которые могут рассматриваться как индикаторы ростовской колонизации, в северных коллекциях сопряжено с большими сложностями, в обширном собрании вещей, происходящем из раскопок памятников мининской локальной группы, находящейся на территории Сямской волости, представлены некоторые типы украшений, которые имеют интерес в связи с рассматриваемой темой.

Это прежде всего группа украшений поволжско-финских типов, преимущественно изготовленных в наборной технике или имитирующих ее. Основная часть этих вещей происходит из погребений по обряду кремации, некоторые происходят из культурного слоя поселения Минино I.

В могильнике Владышнево I к числу таких украшений принадлежат полутрубчатые горизонтальные подвески-пронизки с грушевидными бубенчиками (5 экз.) и бутылковидные подвески-пронизки (2 экз.). Трубчатые и полутрубчатые подвески известны по находкам в муромских и мордовских могильниках на Оке и Дне, на поселениях и могильниках Костромского края

(городище Попово на Унже, могильник Большое Молочное), в Ярославском Поволжье и на Белоозере (*Макаров, Меснянкина, 2004. С. 207–217*). Компактный в хронологическом отношении комплекс вещей из могильника Владышнево II датирован второй половиной X в.

Более многочисленная группа подобных вещей происходит из ранних комплексов могильника Минино II (рис. 7). В их числе проволочное височное кольцо со втулкой большого диаметра (рис. 7, 3) и обломок аналогичного кольца, фрагментированная наборная подвеска-конек типа XVII, по Е.А. Рябинину (рис. 7, 4), кольцевидная (?) каркасная подвеска со щитком из спаянных жгутов, фрагмент подвески неопределенной формы с рамой из спаянных жгутов с волютами, 2 подвески с треугольными щитками из спаянных волют (рис. 7, 2), накладка с круглым щитком, имитирующим волюту, полуторбчатая подвеска с ушками, аналогичная вышеописанным подвескам из Владышнева, 4 наборных костылька с напаянными волютами, 4 бутылко-видных привески. Принадлежность всех этих украшений к кругу поволжских древностей не вызывает сомнений, большая часть из них известна по находкам на мерянских памятниках.

География и хронология распространения втульчатых височных колец подробно рассмотрены А.Е. Леонтьевым (1996; 1996а. С. 159–161), сделавшим заключение, что эти украшения характерны для ростовской мери, а период их бытования ограничен VII–X вв., с возможным доживанием отдельных экземпляров до XI в. При этом исследователь обратил внимание на малочисленность находок этих украшений за пределами мерянского ареала и на локализацию их почти исключительно на территории Белозерья (Белоозеро, Крутик, Никольское на Суде). В последнее десятилетие “северная” серия пополнилась новыми находками (Усть-Ситское VI, Крохинские Пески II (*Макаров, 1997. С. 64, 240. Табл. 28, 5, 8*; *Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 293–300*), свидетельствующими, что эти украшения были достаточно широко распространены в Белозерском крае в X в. Таким образом, высказанное ранее наблюдение о влиянии мерянской культуры на культуру населения Белозерья в конце I тыс. получило новые подтверждения.

Из двух наборных коньков типа XVII, по Е.А. Рябинину, найденных в Минине, один происходит из культурного слоя селища Минино I, второй – с площадки могильника. Среди пережженных вещей в могильнике найден обломок украшения, который предположительно определяется как фрагмент еще одного конька. В своде Е.А. Рябинина учтено 85 подвесок этого типа, 78 из которых происходят с территории Древней Руси. Исследователь отметил, что, несмотря на присутствие отдельных наборных коньков типа XVII в Приладожье, на Верхней Волге, в марийских и мордовских могильниках и в Прикамье, основная масса находок имеет замкнутый ареал, концентрируясь в Ростово-Сузdalской земле и в окрестностях Мурома. Большинство коньков происходит из раскопок владимирских курганов, произведенных А.С. Уваровым, т.е. из области расселения мери, и датируется второй половиной X – первой половиной XI в., наиболее поздние находки относятся к концу XI – началу XII в. (*Рябинин, 1981. С. 33–35*). В последнее десятилетие собрание наборных коньков типа XVII пополнилось серией новых

Рис. 7. Украшения новгородско-финских типов второй половины X – начала XI в.
из могильника Минино II

1 – привеска-бубенчик на восьмерковидном костыльке; 2 – подвеска с треугольным щитком из спаянных волют; 3 – проволочное височное кольцо со втулкой; 4 – подвеска-конек типа XVIII по Е.А. Рябинину

находок из Белозерья (Крохинские Пески, Никольское на Суде). Подвески со щитками из волют известны по находкам на Сарском городище (Леонтьев, 1996. С. 174. Рис. 73, 20, 21) и других памятниках Волго-Окского региона (Вишневский, 2002. С. 551–554. Рис. 2, 27, 29; 2003. С. 42, 43. Рис. 1, 8), а также на Белозерье (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 77. Рис. 38, 21, 22), включая бассейн р. Суды (Башенькин, 1985. С. 79. Рис. 2, 25). Большинство рассмотренных украшений сопровождало погребения по обряду кремации и может быть датировано второй половиной X – началом XI в. Наборная подвеска-конек, найденная на поселении Минино I, обнаружена в культурном слое второй половины XI в.

Среди украшений, входивших в состав женского костюма, в мининском микрорегионе в XII – начале XIII в. преобладают типы, обычные как для Северо-Восточной Руси, так и для других территорий. Так, большинство зооморфных подвесок, представленных в коллекции из Минино, было распространено в XII – первой половине XIII в. в ареале, охватывавшем Юго-Восточное Приладожье, Белозерье, бассейн р. Ваги и Костромское Поволжье. В их числе плоские прорезные уточки типа I, плоские уточки с рельефным орнаментом типа V (уточки костромского типа), плоские прорезные двухголовые коньки типа VII, плоские прорезные одноглавые коньки типа XIII. Однако в собрании зооморфных украшений из Минино представлена и небольшая группа однотипных вещей, география которых в основном ограничена пределами Ростово-Сузdalской земли. Речь идет о плоских ажурных петушках типа IV, получивших название петушки “владимирского” типа (рис. I). В погребениях мининского могильника найдены 3 подобные подвески (погребения 26, 40, 48). Все они происходят из комплексов середины XII – начала XIII в.

В своде Е.А. Рябинина учтено 13 подвесок этого типа, 9 из которых было найдено на территории Руси и 4 – за ее пределами (Рябинин, 1981. С. 18). Исследователь справедливо обратил внимание на то, что эти украшения представлены как в городах центра Ростово-Сузdalской земли (Владимир, Сузdal, Ярополч), так и в сельских могильниках. В настоящее время этот список можно пополнить 11 новыми находками, происходящими как из центральных районов Ростово-Сузdalской земли (Ростов, Введенское на Волге), так и из ее периферийных северных областей: Белозерья (Белоозеро, Луковец, Никольское XVIII на Суде, Войлахта), оз. Лача (Тихманьга), Кубенского озера (Минино) (рис. I). Симптоматично отсутствие новых находок ажурных петушков на северо-западе Руси. Таким образом, представление о том, что бытование петушков “владимирского типа” было ограничено пределами Ростово-Сузdalской земли, подтверждается новыми находками. Присутствие этих украшений в Минино, безусловно, отражает южное, ростово-сузальское направление культурных связей.

Таким образом, на раннее проникновение ростовской колонизации на Кубенские земли указывает не только древность поселений, известных в позднейшее время как центры владений потомков ростовских и ярославских князей или волостей, перешедших в руки московских князей, но и целый ряд вещей, первоначальное происхождение которых связано с Волго-Окским

междуречьем. В одних случаях эти вещи могут отражать непосредственное проникновение на север колонистов из Поволжья, в других – влияние волгоокских культурных традиций. Присутствие серии поволжско-финских украшений (височных колец большого диаметра со втулкой, наборных украшений) на целом ряде шекснинских и белозерских памятников X в. (Круглик, Белоозеро, Крохинские Пески, Усть-Ситское VI) безусловно отражает не отдельные контакты и передвижения, а значительное воздействие мерянской культуры на культуру финского населения Шекснинского региона, определившее позднейшее включение Белоозера в состав Ростовской земли. Мерянский набор женских украшений, сопровождающий одно из наиболее ранних женских погребений в Минино, указывает, что в сфере этого влияния в конце X в. находились и территории на западном берегу Кубенского озера.

Почему же кубенозерские поселения, возникшие в XI–XII вв. и ставшие позднее основой для ряда административных центров, не оформились в XIII–XIV вв. в единое территориально-административное образование, подобно белозерским или поселениям на Ростовском озере? Ведь все условия хозяйствования и обустройства на приозерных территориях должны были подталкивать колонистов к консолидации. Я могу предложить лишь одно объяснение – средневековые поселки на Кубенском озере с момента своего становления находились в сфере влияния и контроля различных центров ростово-суздальской земли – Ростова (Бохтюга), Ярославля (Заозерье, Кубена), возможно Суздаля или Владимира (поселения на территории Сямской волости), и, таким образом, были несвободны в своем административном самоопределении. Именно изначальная связь кубенских поселков с различными центрами северо-восточной метрополии может с наибольшей вероятностью рассматриваться как фактор, предопределивший их административное обособление в позднесредневековый период.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М., 1997.
- Башенькин А.Н., 1985. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4.
- Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208.
- Беляев, 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.
- Вишневский В.И., 2002. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Вып. 5.
- Вишневский В.И., 2003. Новые материалы по погребальному обряду позднедьяковского населения Верхнего Поволжья // Археология: история и перспективы: Сб. статей / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль.
- Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Гнутова С.В., Зотова Е.Я., 2000. Кресты, иконы, складни: Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.
- Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Круглик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Дубровин Г.Е., 2004. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Мат. науч. конф. Великий Новгород. Вып. 18.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Колчин Б.А., 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кочкуркина С.И., Спиридовон А.М., 1988. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии. Петрозаводск.

Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия: Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вологда, 2001.

Кудряшов А.В., 2000. Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // РА. № 3.

Кудряшов А.В., 2002. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв.: Автограф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кудряшов А.В., 2003. Исследование волостного центра в Ирме // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. Исторические, философские, филологические и педагогические науки. № 1.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.

Леонтьев А.Е., 1996а. Втульчатые височные кольца // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.

Любавский М.К., 1929. Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. Л.

Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск.

Макаров Н.А., 1989. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным // СА. № 4.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 2003. Средневековые могильники на севере Древней Руси: новые исследования на Кубенском озере // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (14).

Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2003. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII в. // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Макаров Н.А., Меснянкина С.В., 2004. К изучению средневековых могильников с кремациями на Русском Севере // Восточная Европа в средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36.

Мугуревич Э.С., 1974. Крестовидные подвески XI–XV вв. в Латвии // Archeologija un etnografija. Riga. XI.

Насонов А.Н., 1951. “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1-60

Никитинский И.Ф., 1982. Отчет о работе Вологодской экспедиции в 1982 году // Архив ИА. Р-1. № 9341.

Писцовые книги русского Севера // Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2001. Вып. 1.

Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1921. Т. 24.

Прохоров Г.М., 2005. Житие Иоасафа Каменского // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский, Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обители. СПб.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60.

- Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
- Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М.В., 1997. Сузdalь в X–XV веках. М.
- Суворов Н.И., 1893. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. Вологда.
- Сумина И.А., 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник: Памяти М.В. Фехнер. М. (Тр. ГИМ; Вып. 111.)
- Ясинский М.Э., Овсянников О.В., 1998. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб. Т. 1.

С.Д. Захаров

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СЕВЕРНОРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Оборонительные сооружения – один из главных признаков, на которых базируется социально-экономическая классификация древнерусских поселений. Именно наличие или отсутствие укреплений служит основой для разделения поселений на городища и селища. В свою очередь размеры защищенной площади и плановая схема оборонительных сооружений являются наряду с другими параметрами важнейшими критериями для типологического деления городов. При этом наличие сложной, развитой системы фортификационных сооружений считается непременным атрибутом любого значительного древнерусского города. Настолько непременным, что А.В. Кузя даже не включил его в перечень “городских” археологических признаков, отметив лишь важность присутствия в столицых городах каменных оборонительных сооружений как свидетельств развития монументального зодчества (Археология СССР, 1985. С. 46, 52). Слова “укрепления” и “город” обычно воспринимаются как синонимы. Но является ли эта связь обязательной и всеобщей? Интересные данные для прояснения этого вопроса можно получить, обратившись к результатам исследований ряда севернорусских городов, и в первую очередь Белоозера.

Белоозеро – один из древнейших русских городов, крупнейший форпост древнерусской государственности и культуры на северных окраинах Руси. Значительность роли Белоозера в общей истории Руси вряд ли требует особой аргументации. Достаточно напомнить, что уже в летописной статье 862 г. Белоозеро называется городом и ставится в один ряд с такими известными городами, как Ладога, Изборск, Новгород, Ростов, Полоцк.

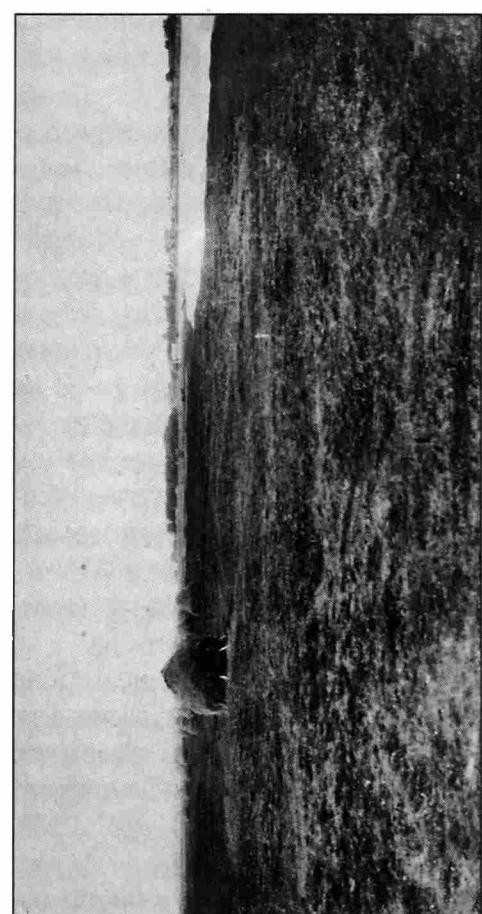
Вместе с тем, вопрос о статусе Белоозера весьма сложен. На этом городище оборонительные сооружения отсутствуют. Результаты многолетних археологических исследований позволяют утверждать, что Белоозеро на всем протяжении своего существования не имело укреплений. Об этом в

первую очередь свидетельствует прекрасная сохранность культурных напластований городища. До затопления 1964 г. этот памятник по сохранности культурного слоя можно было с полным правом назвать уникальным, поскольку, в отличие от большинства древнерусских городов, существующих и поныне, на территории Белоозера после его запустения не возникало каких-либо крупных поселений. Даже распашка до начала коллективизации затрагивала только левобережную часть города. На правом берегу Шексны традиционно располагались сенокосы. Благодаря этому поверхность городища была покрыта небольшими всхолмлениями. С.П. Шевырев, посетивший в 1847 г. Крохинский посад, указывая на местоположение Белоозера, писал: “Недалеко отсюда видны бугры – место старого города” (*Шевырев, 1850. Ч. II. С. 87*). Они хорошо видны на фотографии 1920-х годов (рис. 1, 3). При снятии плана города Белозерской экспедицией в начале 1950-х годов было зафиксировано около 80 подобных всхолмлений (рис. 1, 1). На отдельных участках они образуют несколько рядов, вытянутых вдоль берега реки. Результаты раскопок показали, что всхолмления представляют собой не что иное, как развалы построек. Их вершины маркируют местоположение печей от наиболее поздних для каждого участка города домов, как это видно на примере раскопа 32 (рис. 1, 2). Такая степень сохранности слоя полностью исключает любую возможность уничтожения или нивелировки городских укреплений в позднее время.

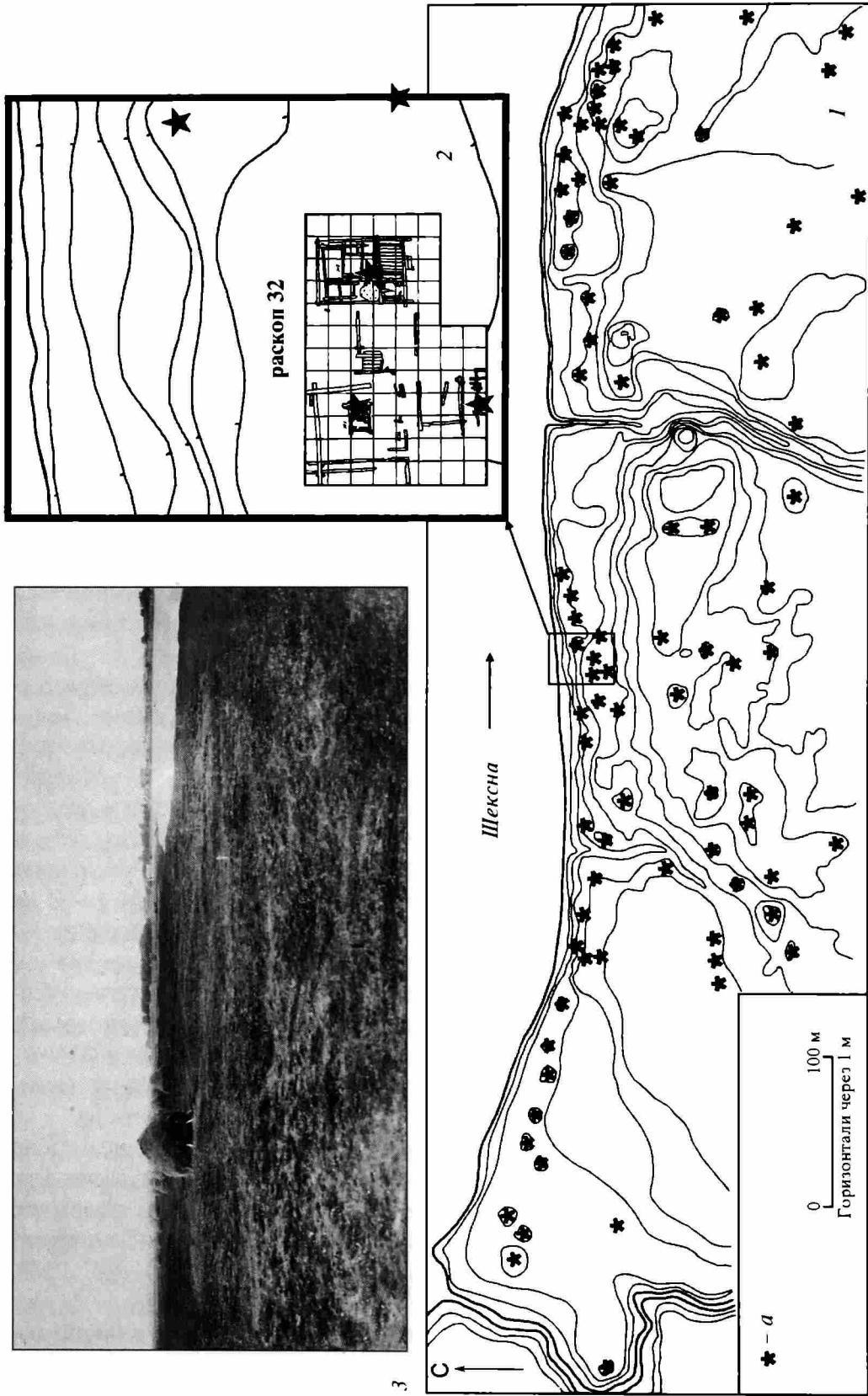
Можно, конечно, предполагать, что Белоозеро было укреплено деревянной оградой типа частокола или наклонного тына, поставленного на небольшом земляном валу. Подобные сооружения обнаружены при исследовании Софийской стороны Новгорода. Но даже небольшие валы в условиях исключительной сохранности слоя Белоозера должны были оставить заметный след на поверхности городища. Кроме того, специальные поиски остатков подобной ограды, предпринятые Л.А. Голубевой, успеха не имели. Ни в одном из многочисленных раскопов никаких следов валов или рвов не зафиксировано, в том числе в раскопах и траншеях, примыкающих к древнейшей части городской территории, являющейся наиболее перспективной для создания оборонительных сооружений (рис. 2). Поэтому достаточно уверенно можно говорить о том, что на всем протяжении своего существования, с момента возникновения в середине X в. и до полного запустения в XIV в., Белоозеро не имело фортификационных сооружений, по крайней мере, таких сооружений, которые были способны обеспечить защиту города.

Отсутствие столь видимого признака, лежащего в буквальном смысле слова “на поверхности”, было расценено некоторыми исследователями как свидетельство отсталости Белоозера, остановившегося в своем развитии из-за удаленности от центра и значительной “провинциальности” на уровне “эмбриона”, так и не достигшего статуса города (*Булкин и др., 1978. С. 130, 131*).

Для ответа на вопрос о правомерности включения Белоозера в число городских поселений обратимся в первую очередь к летописным известиям. Несмотря на общую скучность упоминаний о Белоозере, помимо записи 862 г. мы можем опереться на известный рассказ о восстании волхвов, попавший

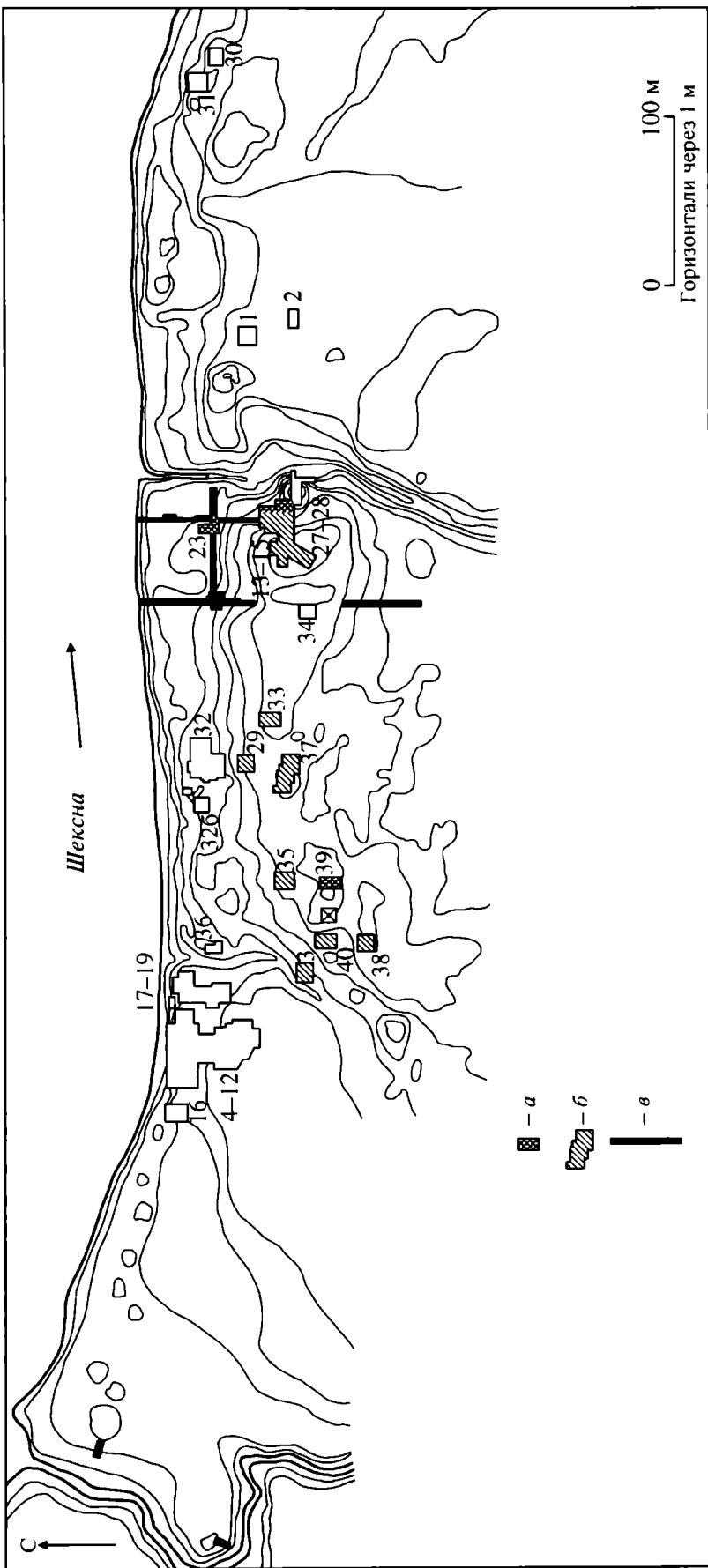

3

Рис. 1. Правобережная часть Белоозера. Остатки построек, фиксировавшиеся на поверхности до затопления

1 – план, снятый Белозерской экспедицией в начале 1950-х годов (а – прослеживаемые на поверхности всхолмления); 2 – верхний ярус построек в раскопе 32; 3 – вид на западную часть правобережного поселения с востока (фото 1920-х годов)

Рис. 2. Белоозеро. Древнейшая часть городской территории

a – раскопы, где обнаружены древнейшие напластования; б – находки, где обнаружены напластования Х – начала XI в.; е – траншеи, заложенные для поиска оборонительных сооружений

БЕЛООЗЕРО
1949-52, 1957-58.

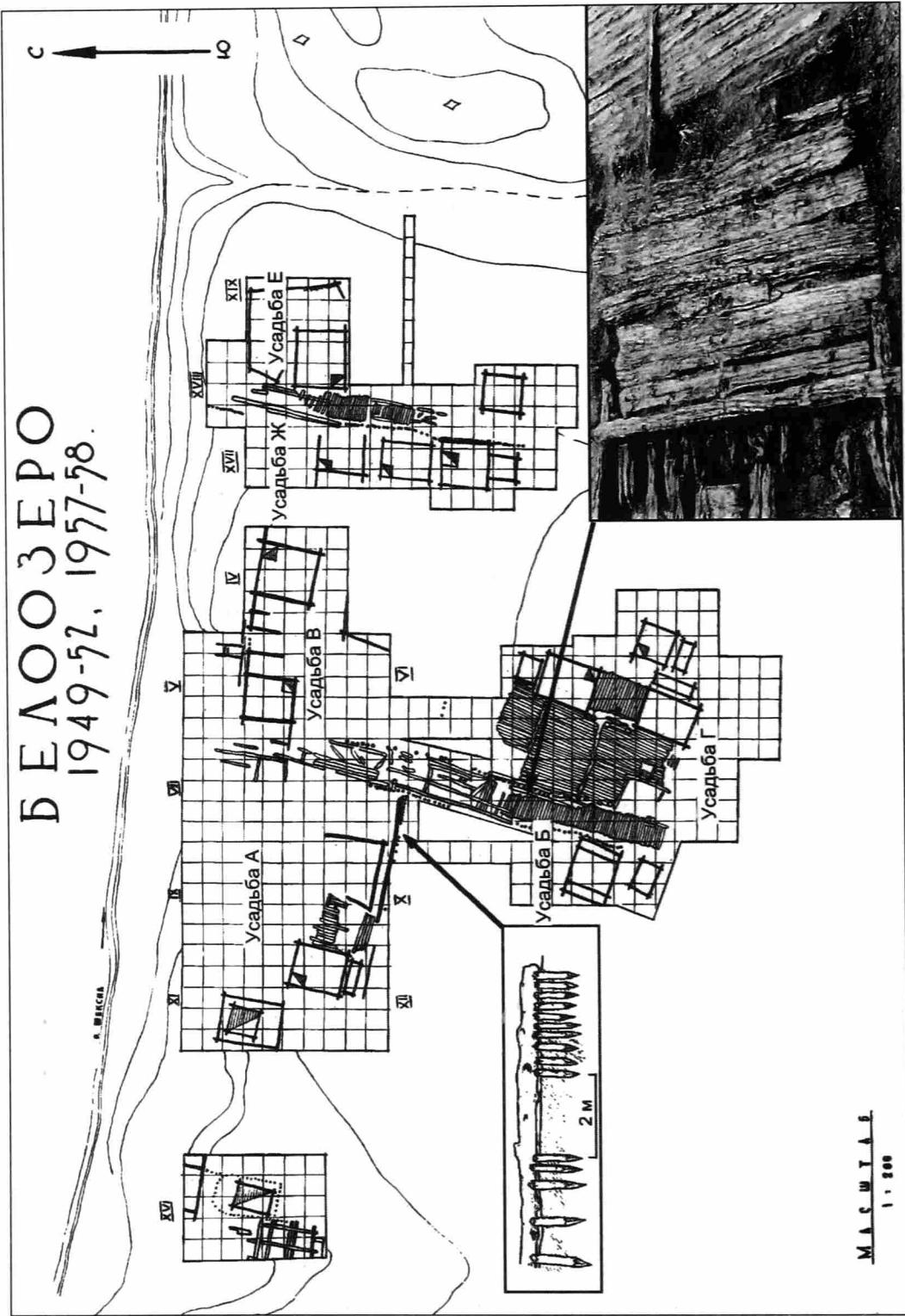

Рис. 3. Усадебная застройка и уличные мостовые в прибрежных раскопах правобережной части Белоозера (план из архива
Л.А. Голубевой с дополнениями)

на страницы летописей под 1071 г. Согласно этому рассказу Ян Вышатич после первой неудачной попытки захвата восставших возвращается со своим отрядом на территорию Белоозера и принуждает горожан участвовать в поимке волхвов. Летописец отмечает, что Ян входит именно в город к белозерцам. По словам летописца: «Ян же, вшед в *град* к белозерчес, и рече им: «Аще не имете волхву сею, не иду от вас за лето»» (НПЛ. С. 193. Курсив мой. – С.З.). То есть, несмотря на отсутствие укреплений, Белоозеро в XI в. воспринималось современниками как город.

Городской статус Белоозера подтверждают и результаты многолетних археологических исследований, раскрывающих перед нами яркий образ развитого городского центра. В материальной культуре Белоозера нашли свое отражение практически все признаки, присущие крупнейшим городам Древней Руси.

Значимую роль в установлении статуса того или иного поселения играют его общие размеры. В настоящее время можно считать доказанным, что Белоозеро состояло из двух частей, разделенных рекой. С учетом новых данных общая площадь города составляла более 54 га. По этому показателю Белоозеро оказывается вполне сопоставимо с такими крупными древнерусскими городами, как Полоцк, Рязань, Сузdalь, Галич.

Усадебная застройка и уличные мостовые фиксируются на Белоозере уже в напластованиях конца X – начала XI в. (Голубева, 1973. С. 79–82). Но наиболее детально они прослежены в раскопах, заложенных вблизи берега Шексны и относящихся ко второй половине XII–XIII в., поскольку здесь, благодаря низинному положению, сохранность дерева была наилучшей. На этом участке удалось зафиксировать существование усадеб со стабильными границами в виде возобновляемых частоколов и смену настилов мостовых. На одной из усадеб (усадьбе Г) вскрыт значительный по размерам многокамерный дом начала XIII в., объединенный, вероятно, единой кровлей. Двор этой усадьбы, отделенный от улицы частоколом с широкими въездными воротами, был замощен на площади в 128 м² (рис. 3) (Голубева, 1973. С. 102–104).

В ходе раскопок Л.А. Голубевой на Белоозере было выявлено 13 производственных построек, прослежено развитие всех групп ремесел, типичных для древнерусских городов (Голубева, 1973. С. 115, 118–177, 199–205). Для характеристики уровня развития ремесла на Белоозере важно отметить наличие следов камнерезного производства – находку неоконченной каменной иконки – и работы с золотом в ювелирных мастерских города. Широта и размах торговых связей Белоозера отчетливо отражается в составе вещевой коллекции, включающей в себя не только монеты и детали торгового инвентаря, но и огромное количество разнообразных импортов. По количеству найденных фрагментов амфор Белоозеро среди северных городов уступает лишь Новгороду. Город, в культурном слое которого встречаются столь редкие и разнородные вещи, как золотой византийский солид и чешский серебряный денарий, фрагмент люстровой керамики и рукоятка ножа из моржовой кости, несомненно, обладал обширными торговыми связями.

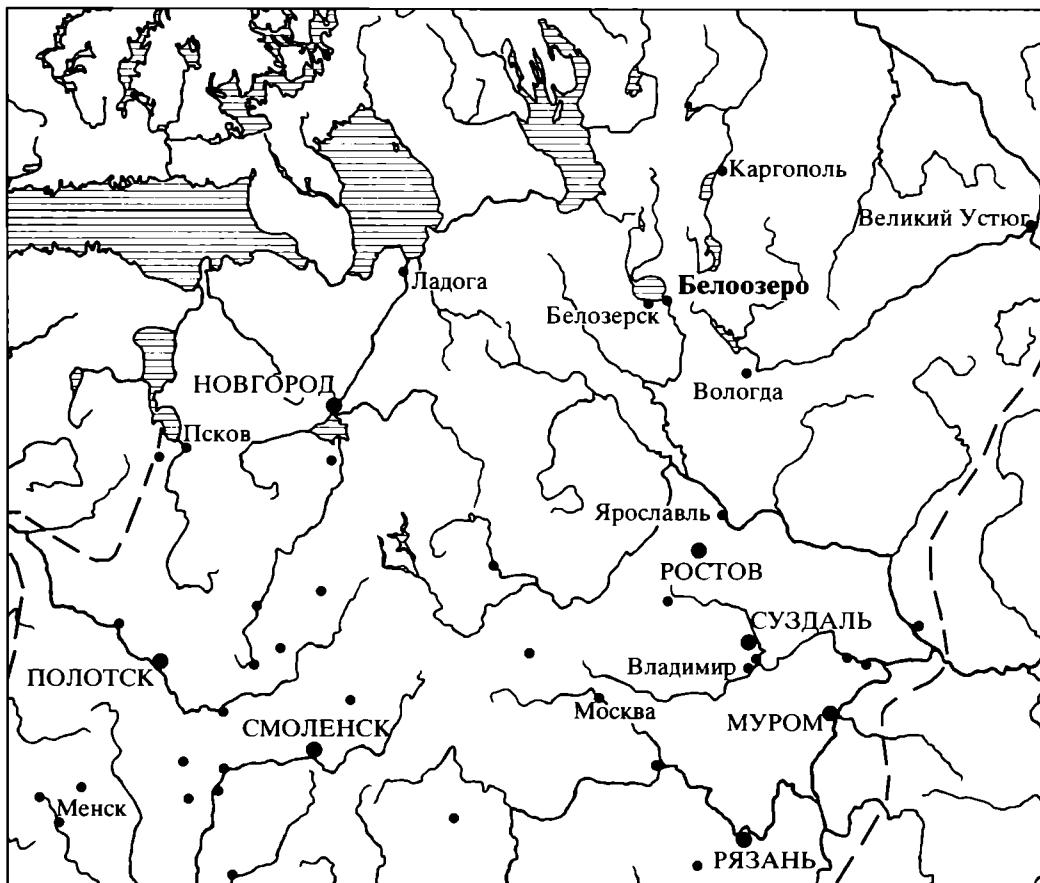
Функции Белоозера как крупного административного центра, места управления значительным по территории краем, отражает большая коллекция сфрагистических материалов. На сегодняшний день учтено 60 печатей и около 250 пломб. После Дрогичина, Городца на Волге и Новгорода – это четвертое по размерам собрание, происходящее с территории Древней Руси.

Несмотря на то, что на Белоозере не обнаружены берестяные грамоты, о грамотности горожан свидетельствуют находки различных предметов с надписями и буквами, писал и книжных застежек.

Интересные данные были получены при анализе социальной топографии города. Для Белоозера, где оборонительные сооружения, а следовательно, и видимое деление на детинец и посад, отсутствуют, этот вопрос приобретает особое звучание. Для его решения из всей коллекции вещевого материала был выделен набор предметов, которые можно считать определенными маркерами высокого социального статуса. Детальный анализ состава и топографического распределения таких находок показал, что на территории города выявляется не один, а целый ряд районов, где прослеживается ощущимая концентрация предметов, имеющих высокую материальную и социальную значимость, и, следовательно, проживала наиболее знатная и зажиточная часть городского населения. Эти районы располагались в разных частях Белоозера, причем, как показывает изучение хронологии “престижных” находок, возникали они изначально – в процессе освоения и заселения новых районов города, а не в ходе их постепенного развития (Захаров, 2004. С. 85–92). За выявленной структурой распределения “престижных” вещей нельзя не видеть определенных аналогий с социальной топографией Новгорода. В Новгороде благодаря широкомасштабным раскопкам удалось проследить четкую взаимосвязь между клановыми комплексами боярских усадеб, являвшихся исходными градостроительными ячейками, и местами древнейшего заселения.

Таким образом, как летописные, так и археологические материалы позволяют говорить о безусловно городском статусе Белоозера. Чем же объяснить сложившуюся ситуацию? Следует ли отсутствие оборонительных сооружений на Белоозере рассматривать как особенность, присущую только этому городу, остававшемуся до последней четверти XII в. – момента основания Великого Устюга – самым северо-восточным городским центром Древней Руси (рис. 4)?

Обращение к материалам исследований городов Северо-Восточной Руси показывает, что случай с Белоозером нельзя считать уникальным, а наличие сложной, развитой системы фортификационных сооружений не является обязательным условием для признания городского статуса того или иного поселения. Не обнаружены ранние укрепления в Великом Устюге и Вологде. В этих городах, так же как в Белозерске и Каргополе, земляные крепости возникают не ранее XV–XVI вв., в период постепенного становления и упрочения Московского государства (Ясински, Овсянников, 1998. Т. 1. С. 141–145; Кукушкин, 1997; Макаров, 1993. С. 80, 81; Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 120). Важные наблюдения были сделаны А.Е. Леон-

Рис. 4. Основные средневековые города северной части Руси

тьевым для Ростова, несомненно, входящего в число крупнейших древнерусских городов. Анализируя особенности городской топографии и отмечая сложности выявления первоначальных укреплений Ростова, исследователь, вместе с тем, не исключает возможности того, что в ранний период своей истории Ростов вообще не имел оборонительных укреплений или был защищен деревянной стеной без серьезной земляной насыпи (Леонтьев, 1997. С. 213).

Возможно, причины отсутствия крепостных сооружений на Белоозере следует видеть в чрезвычайно низком расположении города над водой, составляющем одну из ярких особенностей топографии Белоозера. Средняя высота большей части городской территории не превышала 2–3 м над уровнем Шексны. Лишь в древнейшей части правобережного поселения она достигала 5 м. Расположение города в столь низком месте вряд ли можно признать обычным. Основная часть крупных древнерусских городов занимала более высокие площадки. Вместе с тем Белоозеро не является единственным древнерусским городом, находившимся так близко к воде. Определенное сходство можно видеть в относительно низком расположении ранней Ладоги и неукрепленной части Рюрикова городища. Наиболее близкая ситуация зафиксирована в Ростове, возникающем на низком

участке озерного берега. По мнению А.Е. Леонтьева, именно сложностью строительства на болотистой почве можно объяснить отсутствие в раннем Ростове традиционных для древнерусских городов вала и рва (Леонтьев, 2003. С. 40).

Действительно, создание надежных укреплений в таких условиях должно было требовать значительных экономических и инженерных усилий. Однако Белоозеро, а особенно его древнейшая часть, в отличие от Ростова, располагалось на хорошо дренированном участке речного берега. Возведение здесь земляных оборонительных сооружений вряд ли следует считать невозможным с технической точки зрения. Белоозеро было центром значительного региона, демонстрирующего, как свидетельствуют раскопки сельских поселений, весьма высокий уровень материального достатка жителей. При этом площадь города составляла примерно треть от общей площади белозерских поселений, следовательно, его население – треть всего населения Белозерской области. Такой город, несомненно, обладал значительной экономической мощью и мог обеспечить крупное строительство (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 91, 92).

Представляется, что причины отсутствия защитных сооружений следует видеть не в технической или экономической невозможности строительства надежных укреплений, а в отсутствии необходимости в них.

В связи с этим интересные данные можно получить при обращении к материалам Новгорода. Наблюдения за историей развития Новгородского детинца, обобщенные недавно С.В. Трояновским, показывают, что первоначально на месте будущей крепости располагались обычные жилые кварталы. Согласно летописи, первые укрепления появляются на столетие позже времени возникновения города – в середине XI в. Но древнейшими археологически зафиксированными оборонительными сооружениями детинца являются остатки дубовых стен,озведенных в начале XII в. (Трояновский, 2001). Не имея достоверных археологических данных для суждения о характере и размерах укреплений середины XI в., отмечу, что и деревянная крепость начала XII в., занимавшая площадь около 4,5 га, вряд ли могла обеспечить надежную защиту такого огромного города, как Новгород, к тому же разделенного надвое рекой. При этом до конца XIII в. горожане не испытывали острой нужды в строительстве значительных фортификационных сооружений на посаде. При возникновении реальной опасности новгородцы спешно возводили необходимые линии обороны или подновляли существовавшие ранее, как показывают археологические исследования острогов 1169 и 1224 г. Выявленные укрепления имели вид наклонного тына на небольшом валу. Оборонительная линия зачастую проходила по территориям жилых усадеб, что свидетельствует о поспешном, экстраординарном характере строительства. Нивелировка вала 1169 г., зафиксированная в Козьмодемьянском раскопе, и вероятная реконструкция его в связи с событиями 1224 г. подтверждают тот факт, что эти укрепления после отражения непосредственной угрозы не содержались в порядке. Они имели временный характер, но позволяли успешно справляться с возникающей угрозой (Алешковский, Красноречьев, 1970; Хорошев, 1982. С. 250–260).

Только в конце XIII–XIV в., вследствие возросшей внешней военной опасности и постоянной угрозы со стороны Москвы, новгородцы проводят грандиозные работы по укреплению города, начиная со строительства каменных стен Детинца до создания мощной внешней оборонительной линии – Окольного города.

Обратившись к летописной истории Белоозера, легко заметить, что этот город ни разу не подвергался нападениям. Лишь в 1398 г. новгородцы в ответ на предательство двинских воевод и захват московским князем волостей на Вели и Двине сжигают “старый городок Белозерский”, существовавший во второй половине XIV в. на месте некогда огромного города (НПЛ. С. 391, 392). Косвенным подтверждением отсутствия значительной военной угрозы для города на всем протяжении его существования может служить небольшое количество оружия, обнаруженное на Белоозере. Из летописных сообщений известно, что белозерские воины принимали участие во многих событиях русской истории. В 1096 г. они воевали в княжеской междуусобице на стороне Владимира Мономаха (ПСРЛ. Т. 9. С. 127, 128). В 1184 г. белозерский полк под командованием воеводы Фомы Ласковича участвует в походе на болгар (ПСРЛ. Т. 10. С. 9). В культурном слое города присутствуют различные категории предметов вооружения. Но общее количество подобных находок на Белоозере в сравнении с коллекциями из других городов невелико. Так, доля бронебойных стрел среди всех белозерских наконечников в 2–4 раза меньше, чем в Суздале, Ярополче, Новгороде или Изборске (Захаров, 1996. С. 213). Бронебойных наконечников на Белоозере обнаружено меньше, чем золотых изделий. С учетом небольшого числа подобных находок из раскопок Л.А. Голубевой, малое количество предметов вооружения можно рассматривать как одну из характерных особенностей Белоозера. Эти наблюдения хорошо согласуются с данными, полученными А.П. Бужиловой при изучении антропологических материалов из некрополей Белозерья. Анализ уровня и характера черепных травм, отмеченных в популяциях региона, позволил исследовательнице сделать вывод о том, что военные травмы – весьма редкое явление на Русском Севере (Макаров и др., 2001. С. 263, 265).

Таким образом, приведенные сведения позволяют полагать, что отсутствие оборонительных сооружений на Белоозере не является уникальной особенностью, присущей только этому городу и свидетельствующей о его “недоразвитости”. Целый ряд городов в северной части Руси, расположенных во внутренних районах государства на достаточном удалении от приграничных территорий, изначально не имел укреплений. Появление и уровень развития фортификационных сооружений во многом зависели от наличия и степени военной угрозы для горожан. В Белозерье этот период наступает уже в XIV–XV вв., в то время, когда Старое Белоозеро опустевает, край оказывается в руках московских князей, а его центр перемещается с истока Шексны на южный берег Белого озера. Именно поэтому местом строительства мощной земляной крепости в 1488 г. становится не Белоозеро, а Белозерск.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология СССР: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985.
- Алешковский М.Х., Красноречьев Л.Е., 1970. О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории) // СА. № 4.
- Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л.
- Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
- Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутник IX–X вв.). Петрозаводск.
- Захаров С.Д., 1996. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА. № 2.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Кукушкин И.П., 1997. Вологодское городище // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.
- Леонтьев А.Е., 1997. Ростов в X–XI вв. // Славянский средневековый город: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2.
- Леонтьев А.Е., 2003. От столицы к уездному городу: (Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Макаров Н.А., 1993. Русский Север: таинственное средневековье. М.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 9, 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.
- Трояновский С.В., 2001. Новгородский детинец в X–XV вв. по археологическим данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Хорошев А.С., 1982. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Шевырев С., 1850. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: Вакантные дни профессора С. Шевырева в 1847 г. В двух частях. М.
- Ясински М.Э., Овсянников О.В., 1998. Взгляд на Европейскую Арктику // Архангельский Север: проблемы и источники. СПб. Т. I, II.

А.А. Зайцев

“ПЛЕМЯ КНЯЖЕ РОСТИСЛАВЛЕ” И СМОЛЕНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII в.

Памяти
Николая Владимировича Сапожникова

Главной особенностью изучения памятников смоленского зодчества до-монгольской поры является обилие историографических парадоксов, сменяющих друг друга во времени.

К их числу относится парадокс основополагающий: князья Роман и Давид названы летописью создателями храмов Иоанна Богослова и Архангела Михаила соответственно. При этом датировка соответствующих памятников производится по устанавливаемому хронологическому проме-

жутку, когда тот или иной князь занимал смоленский стол (*Каргер*, 1964. С. 49, 78; *Воронин*, *Rappoport*, 1979б. С. 133–135, 163; *Rappoport*, 1982. С. 84–85, 87). Установившаяся, таким образом, в литературе датировка памятников приводит к возникновению датировок иных событий по памятнику архитектуры: “в Житии (Авраамия Смоленского. – А.З.) упоминается священник Михайловской (Свирской) церкви Лука Прусин, а эта княжеская церковь была возведена лишь в 1191–1194 гг.” (*Печников*, 2003. С. 352, 353, примеч. 40).

Очевидное противоречие состоит в несоответствии крестильных имен сыновей Ростислава тем храмам, создателями которых их упорно именуют исследователи. Попробуем разобраться в ситуации.

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ И ВНЕЛЕТОПИСНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Имеются три летописных упоминания смоленских храмов: в статье под 6653 (1145/46) г. о закладке Борисоглебского собора на Смядыни (НПЛ, 2000. С. 27, 213; *Бережков*, 1963. С. 244); в статьях под 6686 (1180/81, церковь Иоанна Богослова) и 6705 (1197/98, церковь Архангела Михаила) гг. в летописных некрологах Роману и Давиду Ростиславичам (*Ипатьевская летопись*, 2001. Стб. 614–616, 702–704).

Внелетописные известия содержатся в литературных произведениях и поздних сборниках. В рукописи ГИМ (Увар. № 515) – отрывок опубликован М.Н. Тихомировым (1956. С. 356, 357. Примеч. 3) – под 6746 (1238) г. Давиду Ростиславичу присвоено создание церквей св. Михаила, Бориса и Глеба, перенесение мощей Бориса и Глеба из Вышгорода от св. Василия, Мстиславу Ростиславичу – создание церкви “святого на Поль” и устроение “великого града” Смоленска (*Тихомиров*, 1956. С. 357).

“Похвала князю Ростиславу Мстиславичу”, содержащаяся в Нифонтовском сборнике 30-х – начала 40-х годов XVI в. (ГПБ, Q.XVII.15) и опубликованная Я.Н. Щаповым (2004. С. 72–87), сообщает об освящении 15 августа 1150 г. Успенского собора.

В конволюте XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ. Ф. 304. Тр.-Серг. № 793), в первой его части, находится “Повесть о перенесении князем Давыдом Ростиславичем ветхих гробниц Бориса и Глеба из Вышгорода в Борисоглебский монастырь на Смядыни в Смоленске” – опубликована Л.П. Жуковской и Н.Н. Ворониным (*Воронин, Жуковская*, 1976. С. 69–79). “Повесть о перенесении гробниц” сообщает о “великом священии” Борисоглебского собора одноименного монастыря на Смядыни в воскресенье 11 августа 1187 г., на священномученика и архидиакона Евпла (*Воронин, Жуковская*, 1976. С. 71; *Булгаков*, 1993. С. 307).

В сборнике XVII в. Киевского Михайловского Златоверхого монастыря (ЦПБ АН УССР. Петров, № 476) – лучшая публикация выполнена Я.Н. Щаповым (1972. С. 276–282) – находится подборка из четырех смоленских известий: под 6642 г. об устроении Ростиславом Мстиславичем “великого града” Смоленска и создании храма святого Спаса “верху Смядыни”, под 6550 г.

об освящении церкви Богородицы 15 августа “внутри града Смоленска”, под 6746 г. о создании Давидом Ростиславичем церкви “на пристани собор архангела Михаила”, Бориса и Глеба на Смядыни, о перенесении мощей из Вышгорода и создании церкви Василия (*Щапов*, 1972. С. 282).

Я.Н. Щапов, обращавшийся к анализу известий в сборниках XVI–XVII вв., увидел “в смоленских летописных известиях обоих сборников фрагменты смоленского летописания XII–XIII вв.: в Нифонтовском сборнике – в особой переработке XII в., в Михайловском – в более близком к источнику виде, но в тематической выборке XVII в. на тему о княжеских сооружениях в Смоленске и с искажениями некоторых дат” (*Щапов*, 2004. С. 82).

Действительно, фрагменты, извлеченные из Михайловского и Уваровского сборников, совершенно непригодны для выяснения происхождения известий. В более ранней рукописи ГИМ пропущено посвящение храма “на Поль”, а Михайловский сборник приписывает Давиду Ростиславичу и создание церкви святого Василия, в то время как благодаря Уваровскому сборнику очевидно, что это ошибка переписчика, переделавшего фразу “принесь мощи святого Бориса и Глеба из Вышгорода от святого Василия” на “и принесение мощеи из Вышгорода, и святого Василия церковь созда” (*Тихомиров*, 1956. С. 357; *Щапов*, 1972. С. 282). Имеется еще одно любопытное совпадение, указывающее на общий источник сведений Уваровского и Михайловского сборников – это указание на количество лет княжения Ростислава Мстиславича, “княжения его 60 лет было”. Ипатьевский и Погодинский списки Ипатьевской летописи в статье, содержащей некролог Ростиславу, содержат цифру 50 лет “без месяца” (Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 532, примеч. 49). В Хлебниковском списке цифра 50 исправлена на 8. Между тем, мнение о первоначальности чтения “8 лет без месяца” более позднего и исправленного Ермолаевского списка Ипатьевской летописи следует считать удовлетворительным объяснением разнотечений (*Бережков*, 1963. С. 178, 179, 334, 335; *Приселков*, 1996. С. 85; *Кучкин*, 1997. С. 199). Содержащаяся в поздних сборниках цифра “60” может быть объяснена поздней попыткой разрешения указанного разнотечения списков летописи при наличии некоего дополнительного источника, по которому возможно было исчислить, по крайней мере, число лет жизни Ростислава, что вполне похоже на 60. Ростислав родился в первом десятилетии XII в., впервые упомянут в летописи в статье 6636 (1127–28) г. (Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 292; *Бережков*, 1963. С. 133, 134). Несмотря на желание исследователей видеть во фрагментах следы смоленского летописания (*Воронин*, 1972. С. 271–275), рассмотренные тексты носят явно вторичный характер по отношению к известиям Киевского свода, отразившимся в Ипатьевской летописи, материалов же для сопоставления известий с местным летописанием, как, например, и в случае с Рязанью, нет. Интересно, что Михайловский сборник может быть связан с Пинском (*Щапов*, 1972. С. 278), а, как заметил еще А.Н. Насонов, общий оригинал Ипатьевского и Хлебниковского списков писался в Турово-Пинском княжестве, где, возможно, произошло соединение Киевского свода Рюрика Ростиславича и Галицко-Волынской

летописи и где хранилась копия свода Рюрика (*Насонов*, 1969. С. 231–233). Потомки пинских князей в ветви князей Острожских дожили до XVI в., “в роду Острожских и мог сохраниться общий протограф списков Ипатьевской летописи” (*Насонов*, 1969. С. 231).

Обратимся, собственно, к материалам Киевского свода. С легкой руки М.Д. Приселкова, однородные редакторские вставки составителя свода 1198/99 г. под 6680, 6686, 6688 и 6705 годами получили наименование “семейной хроники Ростиславовичей”, при этом сам ученый оговорил, что эта хроника “не представляла современных записей об этих князьях, занимавших разные столы Киевского государства (Смоленск, Новгород и др.), а составлялась как коллекция некрологов” (*Приселков*, 1996. С. 89). В указанных статьях Ипатьевской летописи М.Д. Приселков отметил похожие “приписки элегического тона”, что и позволило ему выделить тексты и установить авторство составителя “всей летописной сводной работы 1200 г., т.е. Моисея” (*Приселков*, 1993. С. 88).

Однако ситуация при ближайшем рассмотрении текстов оказалась еще интереснее. “Элегические приписки” обнаруживаются в некрологе Ростиславу Мстиславичу – “приложивъся к отцемъ своимъ” (Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 532), и в некрологической заметке, посвященной Всеволоду Святославичу, Игореву брату (“Буй-Туру” “Слова о полку Игореве”), – “и приложиша к отцемъ своимъ и дедомъ, давъ общий долг, емоу же несть оубежати всякомоу роженомоу” (Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 696). Причем вторая приписка, по М.Д. Приселкову, вторична, принадлежит руке Моисея и вписана при вливании черниговских известий в свод (*Приселков*, 1993. С. 88, 89). При сопоставлении летописных статей со всей очевидностью вырисовывается своеобразная общая “заготовка” некролога, риторически расширяемая в зависимости от информационных возможностей автора. Самые общие слова и самый короткий некролог Моисей посвятил Святославу, никогда не княжившему на юге. Несколько больше распространен некролог Роману, но и он ощутимо меньше по размерам, чем некролог Мстиславу Храброму. С одной стороны, это может быть объяснено общим изъятием летописания Романа при Святославе Всеволодовиче, а сокрытие в Чернигове более доброжелательной памяти о Мстиславе связано с враждебной позицией Мстислава по отношению к Всеволоду суздалскому. Эта позиция делала Мстислава естественным союзником черниговских князей (*Рыбаков*, 1972. С. 128, 375, 376). Самый обширный некролог принадлежит Давиду, что, с одной стороны, согласуется близостью события ко времени составления свода (Давид скончался 23 апреля 1197 г. на св. вмч. Георгия: Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 706; Лаврентьевская летопись, 2001. Стб. 414), а с другой стороны, явной близостью Давида к Рюрику. Старший из Ростиславичей, Роман, удачливый военачальник, был более близок с Мстиславом Храбрым.

Из предлагаемого сопоставления следует, что оба упоминания смоленских храмов сделаны редактором свода (Моисеем Выдубицким?), причем не совсем ясен его информатор. Надежным хронологическим ориентиром такие сведения служить не могут.

Святослав 6680 (1170)	Мстислав 6686 (1180)	Роман 6688 (1180)	Давид 6805 (1197)
сын же блговѣрнии кнѣзь Ростиславич Стославъ бѣ окрашень вслѣдо добротѣлью . и баше храбръ на рати .	Син же блговѣрнии кнѣзь Мстиславъ сѣть Ростиславъ въздростомъ сердции бѣ . и лицемъ лѣпъ и всею добротѣлью . окраше . и блгоправенъ .	Син же блговѣрнии кнѣзь Романъ бѣ въздростомъ высокъ плечима величъ лицемъ красенъ и всею добротѣлью окрашень смеренъ кроткъ незлобивъ . правдивъ	се же блговѣрнии кнѣзь Дѣдъ въздростомъ бѣ сердции . образомъ лѣпъ всего добротѣлью окрашень блгоправенъ христолюбивъ .
и любовь имѣша ко всимъ всимъ паче же мѣстни прилежаще .	и любовь имѣша ко всимъ всимъ паче же мѣстни прилежаще	любовь имѣта ко всимъ, шво же правашетъ дѣи и своеи . и переже мѣстни прележашетъ	любовь имѣта ко всимъ шво же правашетъ дѣи и своеи . и переже мѣстни прележашетъ

и имѣниа не щадашетъ и не
сбирашетъ золата ни сребра но
дашаще дружинъ своимъ и шво же
праваше дѣлъ своимъ .
и приложися къ ѿмъ своимъ . и
отдомъ своимъ . ѡдавъ ѿбши
долгъ егоже нѣс оубжати
всакому роженому не бѣ бо тѣт
землѣ въ Руси котората же его не
хоташеть ни любашеть но всегда
бо тоснашеться на великаѧ дѣла
но престависѧ онъ и
слышавъше братыа преставленъ
его печали бывша велими и
плакашеся по немъ всѧ земля
Русская не може забыти доблести
его и Чернин Клобоуци вси не
могоуть забыти приголоубления
его

въ ликъ мишильскаго сподоблен же бысть . ѿ Творца своего
англскаго чину и радовашеся дѣлою и тѣломъ и ви-
дивши же книгии его примъши мишиль чинъ и
пострижеся и сама книгина его Дѣвѣ же столь свои далъ
сбояцю своему Мъстиславу Романовичу а сїа своего
Костянтина въ Роусь посла брату своему Юрикови на
роупѣ . а самого несча боляна соуда въ монастырь къ
сѣма мчнкоу Борису и Глѣбу на Смѣльну и вшедъ въ
манастырь возѧть роупѣ свои на нѣбо . молащеся глаголъ
Гси Бѣ мои . Гси призир на немощь мою вижъ
смиреніе мое . ѡдержащая ма нынѣ да тебою оуповася
терплю и въсихъ сихъ блгодарю та . Гси . тако смиригъ
еси дѣло мою и во црствии твоемъ причастника ма створи
млгвами прѣстыя твоеви мѣри прѣкъ и апстль и мочечъ и
всихъ прилѣбныхъ . стѣхъ ѿмъ . а также и тѣ пострадавше и
угодивши тебе искоушены быша ѿ дьявола яко злого въ
горнилъ иже мѣтвами Гси . избранныи(х)ъ стадомъ съ
десными ма ѿбвиами притчи и бы живота его . до того же
днѣ . и познавъ ходъ изнemога . ко исходу дѣш . и
возврѣвъ на нѣбо . и воздавъ хвалу Бѣбу гла бесмѣртныи
Бжѣ хвалю тебе ѿ всемъ воздаю црь бо если ты всимъ
единъ . во истину подавая своеи твари все бѣтьство имъ
въ наслаждение . створивъ бо ты мира сего ты соблюдаши
ожидая дїа . аже посла да доброму жицнъ жившимъ
почтеши яко Бжѣ а еже не покорившися твоимъ
заповѣдемъ . предаси соуду . въсъ бо соудъ праведень ѿ
тебѣ и безъ конца жизнъ ѿ тебе блгодатью своею . и всѧ
милуюши . притехающа к тебѣ кончавъ млѣву
воздвѣ роупѣ на нѣбо (молащеся глаголъ) и предасть дїю
свою въ роупѣ Бжайи

приложися ко ѿмъ своимъ . и ѿдомъ своимъ . ѩданъ .
ѡбции долгъ егоже нѣс оубжати всакому роженому и
бѣсъ книжини его во Смоленьской . и . лѣтъ . а всихъ лѣтъ
ѡ ржства . Ѣ . бесъ трехъ .

ГЕНЕАЛОГИЯ РОСТИСЛАВИЧЕЙ

Ростислав Мстиславич имел 6 или 8 детей: в зависимости от того, признать или нет Елену Ростиславну, выданную в 1163 г. замуж за краковского князя Казимира II, младшего сына Болеслава III Кривоустого, дочерью Ростислава Смоленского (Войтович, 2000. Раздел 3.16. № X-3). Также при весьма достоверной Елене присутствует легендарная Агриппина Ростиславна, упоминаемая в цикле повестей о Николе Заразском (Карамзин, 1991. С. 638, примеч. 358), помещенная Л. Войтовичем между Давидом и Мстиславом Храбрым (Войтович, 2000. Раздел 3.16. № X-8).

Крестильными именами сыновей Ростислава были: Роман-Борис, Святослав-Иоанн, Рюрик-Василий, Давид-Глеб, Мстислав-Феодор (Янин, Гайдуков, 1998. С. 44–50). В следующем поколении, т.е. у внуков Ростислава, крестильные имена известны не у всех. Однако для нас это имеет небольшое значение, так как кроме старшего сына Романа Ростиславича Ярополка (кем он наречен был при рождении, неизвестно), деятельность всех остальных внуков Ростислава принадлежит следующему столетию.

Произведем некоторые хронологические вычисления. Дата рождения Давида Ростиславича восстанавливается из указания его возраста на момент смерти: “а всех лет от рожества 60 бес трех” (Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 706), что указывает на 1141/42 г. (Бережков, 1963. С. 86, 208). Дату рождения старшего из Ростиславичей – Романа – можно примерно представить, если вспомнить, что в воскресенье 9 января 1149 г. дочь Святослава Ольговича, просватанная за Романа, была “ведена из Новагорода” (Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 368; Бережков, 1963. С. 147, 148). Предполагаем, что Роман Ростиславич родился около 1130 г.

Летопись сообщает о наличии жены у Святослава Ростиславича под 1160/61 г.: “княгиню впустиша в монастырь святыя Варвары” (НПЛ, 2000. С. 30, 218; Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 510; Бережков, 1963. С. 172). Сведений о потомках Святослава нет, он, по всей видимости, умер бездетным.

Л. Войтовичем из поздних источников извлечены сведения о двух браках Рюрика в 1162 и 1172 гг. и Мстислава Храброго до и после 1176 г. (Войтович, 2000. Раздел 3.16. № X-5, X-9).

Самый младший из сыновей Ростислава – Мстислав Храбрый – первый раз упоминается в летописи в 1161 г. (вероятно, в конце года), когда отец послал его в Белгород (Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 519; Бережков, 1963. С. 171, 172).

Таким образом, между Романом (около 1130 г.) и Давидом (1141/42 гг.) родились Елена (?), Святослав, Рюрик и Агафья, а после Давида – Мстислав (исключаем Агриппину). Не будет большой ошибкой предположить, что Мстислав Храбрый появился на свет в первой половине 1140-х годов. Получается, что все сыновья Ростислава достигли совершеннолетнего возраста при жизни отца и активно участвовали в политических событиях при его жизни.

В большой последней поездке поздней осени 1166 – зимы 1167 г. Ростислава встречали у Смоленска после “лучших мужей”, но до сына Романа

с епископом Мануилом, внуки (Ипатьевская летопись, 2001. Стб. 528). Очевидно, что это были Ярополк и Мстислав Романовичи, старшие дочери Рюрика и, вероятно, Изяслав и Мстислав Давыдовичи.

О возможном крестильном имени Ярополка Романовича мы скажем ниже в связи с постройками на правобережье Днепра.

Исчерпывающий обзор современного состояния изучения топографии древнего Смоленска выполнен Н.В. Сапожниковым (1991). Остановимся на некоторых его выводах, существенных для нас.

Настойчивая попытка применять топографические определения “детинец”, “окольный город” (*Воронин, Раппопорт*, 1967. С. 287, 288; *Алексеев*, 1977. С. 92, 94) для Смоленска преждевременны, накопленные археологические данные не позволяют определить место или места начального заселения и освоения территории Смоленска (*Сапожников*, 1991. С. 50, 51).

Несмотря на многочисленные ценные наблюдения и практически полное привлечение изобразительных источников, многие выводы о топографии города, истории его укреплений значительно устарели (*Воронин, Раппопорт*, 1979а. С. 76–87). Новые исследования значительно уточнили размеры и хронологию городских укреплений, их конструктивные особенности (*Сапожников*, 1991. С. 51–67). Нижние ярусы раскопов на ул. Соболева, в прибрежной части городской территории, появились во второй половине XI в., а непотревоженный и переотложенный нижний горизонт культурного слоя на Соборной горе имеет совокупную дату XII–XIII вв. (*Авдусин*, 1970. С. 69; *Авдусин, Асташова, Юркина*, 1975. С. 48; *Авдусин, Асташова*, 1976. С. 52; *Авдусин, Асташова, Сапожников*, 1977. С. 40, 41; *Асташова*, 1991. С. 22). Сооружение первоначальных укреплений Пятницкого острога произошло уже к середине XII в. (*Сапожников*, 1991. С. 60–62). Эти укрепления примыкали к оборонительным сооружениям “Старого города” и составляли вместе с ними единую систему фортификации (*Сапожников*, 1991. С. 58, рис. 3).

Приходится с сожалением отметить, что исследователи памятников архитектуры в большинстве случаев рассматривают архитектурное сооружение в отрыве от окружавшей его действительности. Так, очень глухо говорится о наличии или отсутствии культурного слоя под постройками или вокруг них, не выявляется взаимосвязь памятника с окружающим его слоем, не предпринимаются попытки оценить датирующие возможности культурного слоя по отношению к архитектуре.

Из материалов обследований храма Архангела Михаила создается впечатление о строительстве храма на свободном неосвоенном участке, но к югу от храма зафиксирован толстый культурный слой, насыщенный обломками керамики XII–XIII вв. (*Алешковский, Подъяпольский*, 1964. С. 234, 236).

Прежде чем перейти собственно к атрибуции построек, остановимся еще на одном существенном для датировок смоленских храмов моменте.

Огромной заслугой П.А. Раппопорта было создание метода датирования построек по формату строительного материала. Суть метода изложена им в обстоятельной статье (*Раппопорт*, 1976). Однако необходимо сделать некоторые уточняющие примечания. В качестве опорных дат хронологической

шкалы П.А. Раппопорт избрал сообщение о закладке Борисоглебского собора на Смядыни в 1145 г., а не найдя следующей опорной хронологической точки, призвал считать таковой 1230 г., когда Смоленск будто бы постиг страшный мор, следом начались “жестокие междуусобные княжеские распри, и в 1233 г. княживший до этого в Полоцке Святослав Мстиславич взял Смоленск штурмом. Если к этому добавить начавшиеся литовские набеги, то легко представить, какая разруха наступила в Смоленской земле”. При этом исследователь утверждает, что строительство в Смоленске “внезапно обрывается; не ослабевает, не угасает, а именно обрывается” (*Rappoport*, 1976. С. 90).

Начнем с последнего утверждения. Обрывается строительная активность в Смоленске или постепенно затухает, однозначно решить невозмож но по той же причине, по какой неприменимо упрощенное топографическое членение городской территории: ввиду малой его изученности. Нанесенные на сводный план постройки показывают интересную закономерность: большая их часть находится вне собственно городских укреплений (внутри “Старого города” Ростислава находится комплекс Соборной горы, Воскресенская (?) церковь и неизвестный по названию храм к юго-востоку от Соборной горы, на пересечении нынешних улиц Соболева и Школьной; *Воронин, Rappoport*, 1979б. С. 25–36, 91–108, 239–253; *Rappoport*, 1982. С. 82. Рис. 22; *Сапожников*, 1999. С. 120–127). Подобное расположение построек может быть объяснено лишь недостаточной изученностью самого Смоленска, поскольку исследователи отмечали абсолютно достоверные данные о еще не открытых памятниках, обнаруженных при разного рода земляных работах (*Воронин, Rappoport*, 1979б. С. 335–345. С. 334. Рис. 171).

Вернемся к 1230 г. Эта дата извлечена П.А. Раппопортом из Московско-Академического списка Сузdalской летописи (называемого иногда Московско-Академической летописью, далее – М-Ак), Московско-Академический список является летописным сборником, сохранившимся в рукописи конца XV в. Вторая его часть (6713/1205–6746/1237 гг.), куда входит рассматриваемая нами статья, совпадает с Софийской I летописью старшей редакции, включая индивидуальные чтения и описки этой редакции (Словарь книжников..., 1989. С. 45). СЛ обнаруживает совпадение на всем протяжении старшей редакции с Новгородской IV летописью, и обе они имеют общий протограф, лучше переданный в СЛ, в НВЛ текст протографа сокращен и пополнен новгородскими известиями. Я.С. Лурье предложил видеть в этом протографе СЛ и НВЛ общерусский (митрополичий) свод, соединявший “общерусское летописание (ближкое к Летописи Троицкой), новгородское, сузальско-ростовское (частично сходное с Летописью Московско-Академической), южнорусское (частью совпадающее с Летописью Ипатьевской), псковское и тверское” (Словарь книжников..., 1989. С. 58).

Сопоставление известий в статьях 6738 (1230/31) г. Синодального списка НПЛ и М-Ак позволяет говорить, во-первых, о достаточно строгой внутренней хронологии статьи НПЛ, т.е. чередование событий не нарушается более поздними или ранними вставками. Во-вторых, статья М-Ак является крат-

ким, можно даже сказать тезисным, изложением статьи НПЛ, куда произведены три вставки. Формализуем последовательность событий в таблицу:

НПЛ, Синодальный список	Московско-Академический список
землетрясение 10 мая	"трясеся земля и солнце померче"
солнечное затмение 14 мая	мор в Смоленске
<i>Отсутствует</i>	перенесение мощей святителя Леонтия в Ростове
<i>Отсутствует</i>	возвращение архиепископа Спиридона в Новгород из Киева
возвращение архиепископа Спиридона в Новгород из Киева	<i>Отсутствует</i>
постриги Ростислава Михайловича и уход Михаила в Чернигов	<i>Отсутствует</i>
конфликт Степана Твердиславича и Внезда Водовика	<i>Отсутствует</i>
голод в Новгороде	голод в Новгороде
отъезд Ростислава из Новгорода на Торжок	отъезд Ростислава из Новгорода на Торжок
бегство Водовика из Новгорода	<i>Отсутствует</i>
приглашение Ярослава Всеолодовича	<i>Отсутствует</i>
продолжение описания голода	<i>Отсутствует</i>
<i>Отсутствует</i>	преставление Мстислава Давидовича

Таким образом, видно, что в М-Ак сокращено изложение собственно новгородских событий против объема сведений НПЛ, а на фоне такого сокращения особенно выпукло видны вставные сообщения: первое – о море в Смоленске, второе – о перенесении мощей в Ростове, третье – о смерти смоленского князя Мстислава Давидовича. Известие о море выглядит так: “Того же лета бысть мор в Смоленске. Створша 4 скуделницы в дву положиша #\\$i·(Соф1: 17000) а в третьеи #\\$i· а в четвертои #\\$i· се же зло бысть по два лета” (Лаврентьевская летопись, 2001. Стб. 511, 512). Само это сообщение о море, на наш взгляд, представляет собой попытку переосмысливания внутреннего содержания статьи НПЛ, не понятую редактором или писцом С1Л, где описание постигшего город голода в изложении разделено. Почему при обработке сведений это соотнеслось со Смоленском – неясно, может быть, так по смыслу попытались связать присутствующее здесь же известие о смерти смоленского князя. Ни НПЛ, ни Лаврентьевская летопись о таких катастрофических происшествиях в Смоленске ничего не знают. Голод в Новгороде продолжался и в 1231 г. (второй год!), пока “прибегоша Немьци и-замория с житом и мукою и створиша много добра” (НПЛ, 2000. С. 71).

Сообщение М-Ак о смоленском “море” прочно укоренилось в литературе и постоянно используется авторами в качестве аргумента для объяснения утраты Смоленским княжеством лидирующего положения в политической конструкции древнерусских земель-княжений в XIII в. и более позднее время (Асташова, 1991. С. 48; Горский, 2004. С. 200, примеч. 33).

Все вышесказанное показывает, что избранная П.А. Раппопортом дата, завершающая период строительной активности в Смоленске, не может быть

признана ни удачной, ни достаточно обоснованной. Взамен на настоящий момент предложить можно лишь весьма условное “середина XIII в.”. Вообще, последними достоверными известиями о Смоленске в первой половине XIII в. являются сообщение НПЛ о взятии Смоленска на щит Святославом Мстиславичем с полочанами на Борисов день в 1233 г. и его возвращении в Смоленске (НПЛ, 2000. С. 72) и сообщение об успешном походе в 1239 г. Ярослава Всея Всеволодовича на Литву, когда на обратном пути он “Смолян оурядив князя Всея Всеволода посади на столе” (Лаврентьевская летопись, 2001. Стб. 469). За XIII в. имеются информационные лакуны со второй половины 1220-х до 1233 г. (помещение известия о смерти Мстислава Давыдовича в статью 1230 г. считаем сомнительным, точно известно, что в 1229 г. он еще был жив: Смоленские грамоты, 1963. С. 18–20) и с 1239 по примерно 1270 г., когда появляются первые сообщения о деятельности Глеба Ростиславича (Горский, 1996б. С. 37; 1996а. С. 77).

Попытка статистической обработки имеющихся данных о формате строительного материала смоленских построек подтвердила правоту П.А. Раппопорта в том, что существенными являются только два размера кирпича – длина и ширина, т.е. собственно его пропорции. В первую группу попали Успенский и Борисоглебский соборы, храм и “терем” на Соборной горе, церковь в Перекопном переулке, храм Петра и Павла и светская постройка к западу от него. Вторую группу образовали церкви на Малой Рачевке, Б. Краснофлотской ул. и ул. Соболева, храмы Иоанна Богослова, Василия на Смядыни, Архангела Михаила и галереи Борисоглебского собора и Петропавловской церкви. В третью группу объединились монастырские храмы Спасский в Чернушках, Троицкий на Кловке, на Протоке, храмы Кирилла и Пятницкий, церкви на Окопном кладбище и Воскресенской горе, галереи церкви на Малой Рачевке.

Подобное статистическое наблюдение более корректно группирует постройки по формату строительного материала, однако опять мало помогает в определении относительной датировки памятников. Вполне допустимой является вероятность строительства из кирпича разных пропорций примерно в один хронологический период. Для корректного отображения ощущается необходимость сплошного обмера строительного материала, что, по известным причинам, в настоящее время невозможно. Попробуем выделить памятники, позволяющие создать относительную хронологическую матрицу.

Л.В. Алексеев высказал плодотворную идею о связи нескольких церквей с сыновьями Ростислава Мстиславича, но его рассуждения и попытки атрибуции не выдерживают критики (Алексеев, 1977. С. 101). Постулируем отправные моменты для последующего построения: а) известия о строительстве Романом храма Иоанна Богослова и Давидом – Архангела Михаила, не соответствуют действительности (посвящение престола Романом-Борисом Иоанну Богослову требует изрядных натяжек в объяснении, а представление храма Михаила как памятного не имеет аналогий в древнерусской канонической практике); б) поздние топографические наименования, неизвестные для второй половины XII–XIII в., являются, исключительно на современном

уровне знаний о Смоленске, некорректными модернизациями; в) типологическая связь смоленских памятников с постройками других земель во многом гипотетична.

Призвание Ростиславом сыновей к политической деятельности укладывается в компактный временной промежуток 1150–1160 гг. Роман занял смоленский стол в 1154 г., Святослав – новгородский в 1158 г., Рюрик сел в Вышгороде в 1161 г., Давид – в Новгороде в 1154 г., Мстислав – в Белгороде в 1160 г. Поэтому выделение сыновей на “собственное хозяйство” в самом Смоленске произошло, вероятно, около этого времени. Двоих из братьев – Роман и Давид – в это время, скорее всего, могли не получить разрешения на строительство собственных храмов, так как небесным патронам смоленского княжеского дома – Борису и Глебу – был посвящен семейный княжеский монастырь.

Поэтому создание храма Иоанна Богослова может быть связано только с именем Святослава Ростиславича, в крещении Иоанна. Поскольку о потомках Святослава неизвестно ничего, можно предполагать, что он умер бездетным, а храм после его смерти перешел под патронат Романа. Это хорошо согласуется с двумя уровнями древних полов внутри храма (разница между ними, по археологическим меркам, незначительна – 10–15 см) и объясняет второй строительный этап: пристройку галерей встык к основному объему храма (*Воронин, Раппопорт, 1979б. С. 123–139; Сапожников, 1998. С. 220, 221*). И первый, и второй полы были сложными: первоначально пол был выстлан рядами плинфы, уложенными “постельной стороной перпендикулярно северной и южной стенам церкви”, были найдены фрагменты прямоугольных поливных плиток белого, темно-коричневого, желтого и серого цветов. Второй горизонт полов отличается заведомой парадностью: в подкупольном пространстве он сделан из плотно подогнанных прямоугольных плит фиолетово-розового песчаника, в центральной апсиде пол выложен фигурными поливными плитками (с зеленой, желтой, темно-коричневой поливой и поливой белого перламутра), образовывавшими рисунок из попеременного чередования диагональных полос, в западной части храма, северной и южной апсиде пол был выложен плинфой. В западной части рисунок пола повторял первый горизонт, в апсидах плинфа “была уложена концентричными стене кругами” (*Сапожников, 1998б. С. 220*). Возвведение галерей, произошедшее одновременно с настилкой второго пола (плиты песчаника подобны обнаруженным при устройстве погребений в галереях), превратило скромой по пластике храм в стройный, продуманный по композиции и объемному решению, ансамбль. Ремонт и обстройку можно отнести к первой половине 1170-х годов, вскоре после смерти Святослава.

Новые данные, полученные Н.В. Сапожниковым, еще больше сблизили храм Иоанна Богослова с церковью Петра и Павла и Василия в Смядынском монастыре (*Сапожников, 1998б. С. 222, 226*). Считаем возможным отнести возвведение Васильевской церкви к самому началу 1160-х годов. С одной стороны, Рюрик Ростиславич начал княжить в Вышгороде в 1161 г., а сооружение храма в монастыре (а не в городе, на дворе или близ двора князя) находит объяснение в дальнейшей судьбе Рюрика. Вся его деятельность была

связана с южнорусскими столами (он много лет княжил в Овруче, где построил церковь Василия в начале 1190-х годов: *Rappoport*, 1982. С. 29, 30), потом с перерывами в течение двадцати лет занимал киевский стол и, вероятнее всего, собственного двора в Смоленске не имел.

Закладку храма Архангела Михаила следует связывать не с деятельностью Давида, а с последней поездкой Ростислава Мстиславича. Описание удивительной встречи, которой удостоился Ростислав осенью 1166 г., заставляет предположить празднование, к примеру, определенной юбилейной даты. На 6 сентября приходится память чуда архистратига Михаила в Хонех, двумя месяцами позже – 8 ноября – праздновали собор архистратига Михаила и Гавриила (*Невоструев*, 1997. С. 357, 394). С.С. Подъяпольский пишет о присутствии в кладке храма на высоте от 2,5 до 4 м «полосы кладки “со скрытым рядом” от 1 до 2 м, а выше вновь идет порядовая кладка» (*Воронин, Rappoport*, 1979б. С. 175). Равнослойная техника кладки была обычной для Смоленска (*Rappoport*, 1982. С. 82–86), техника кладки “со скрытым рядом” характерна для южной строительной традиции, удовлетворительного объяснения ей придумать невозможно. Видеть здесь руку киевских мастеров, присланных Ростиславом, будет явной натяжкой (тогда надо искать объяснения, почему эти мастера прекратили работу, и верхний ярус здания возводили смоляне). Невозможно установить наверняка, был храм в 1166 г. только заложен или Ростислав участвовал в его освящении. Но “привязка” его именно к последним годам жизни Ростислава снимает противоречие в посвящении престола.

Давид Ростиславич, вполне возможно, был инициатором росписи и дальнейшего украшения храма (как Роман в случае с Иоанновской церковью, что и отразил Моисей Выдумщик в некрологах), где-то неподалеку мог находиться его загородный двор. Ответ может быть получен только при дальнейших исследованиях культурного слоя к югу от церкви Михаила. Собственная строительная деятельность Давида преимущественно связана с Борисоглебским монастырем, где при нем были возведены галереи монастырского храма и произошло его обновление в связи с переносом “ветхих гробов” Бориса и Глеба из Вышгорода в Смоленск. Давид, как минимум, около 15 лет занимал стол в Вышгороде и в более позднее время, уже будучи смоленским князем, не желал упускать “монополии” Ростиславичей на святыни культа Бориса и Глеба (*Воронин, Жуковская*, 1976. С. 77, 78; *Воронин, Rappoport*, 1979а. С. 37, 38).

При такой раскладке памятников видно, что последний из Ростиславичей (Мстислав Храбрый) остался как бы без собственного храма. В имеющейся группе близких по типу построек две церкви не атрибутируются (в Перекопном переулке и на ул. Соболева). Предпочтение может быть отдано зданию на улице Соболева: азимут постройки (101°) указывает на закладку храма в феврале (*Сапожников*, 1999. С. 125, 126). 8 февраля празднуется память Федора Стратилата, а 17 февраля – Федора Тирона (*Булгаков*, 1993. С. 83, 93, 94). Именно этот храм можно, таким образом, связать с последним сыном Ростислава. Предпочтение может быть отдано св. Федору Тирону, патрону Мстислава Владимировича (деду Мстислава Храброго), посвятившему ему свой киевский монастырь (*Кучкин*, 1997. С. 198, 199).

Несколько слов о внуках Ростислава. Неизвестное нам крестильное имя Ярополка Романовича может быть Петр или Павел, и тогда именно с ним связан храм Петра и Павла в правобережье. Совершенно неизвестными для нас пока остаются княжеские постройки первой половины XIII в., и в частности неизвестно, были ли собственные храмы у Владимира-Димитрия Рюриковича и Святослава-Симеона Мстиславича.

До сих пор в Смоленске не открыты постройки второй половины XIII в. и более позднего времени до потери Смоленском самостоятельности в начале XV в. Их обнаружение маловероятно, так как количество храмов было достаточно для обслуживания княжеской семьи.

Несколько важных заключительных замечаний. Необходимость корректировки поздних летописных известий с данными других источников наблюдается, в частности, по генеалогии смоленских князей середины – второй половины XIII в. Никоновская летопись в сообщении о преставлении князя Александра Глебовича Смоленского восстанавливает его родословную так: “внук Ростиславль, правнук Мстиславль, прправнук Давидов, прпраправнук Ростиславль” и т.д., т.е. считает деда Александра – Ростислава Мстиславича – сыном Мстислава Давидовича. Это, с одной стороны, возможно: мы видим Ростислава Мстиславича среди младших князей в Киеве в 1231 г. (Лаврентьевская летопись, 2001. Стб. 457). Мстислав Давидович родился в 1193 г., а отсутствие данных о рождении Ростислава вроде бы позволяет сделать такое предположение. Однако оно вступает в противоречие с известными печатями Ростислава Мстиславича, где на лицевой стороне находится изображение св. Бориса а на другой – св. Глеба (Янин, Гайдуков, 1998. С. 50; 2000. С. 294). На печатях Мстислава Давидовича находится изображение св. Феодора на одной стороне и св. Бориса и Глеба – на другой. Следовательно, если считать Ростислава сыном Мстислава Давидовича, то возможно было бы ожидать сохранения изображения св. Феодора на моливдовулах его сына. В то же время, если Ростислав был сыном Мстислава-Бориса Романовича, то указанное противоречие снимается. Таким образом, получается, что смоленский стол сохранялся в руках представителей старшей ветви Ростиславичей (Ярополк Романович не имел потомков мужского пола, о детях других братьев Ростислава – Святослава и Всеволода Мстиславичей – ничего неизвестно).

Среди причин, приведших к затуханию строительной активности, следует видеть не гипотетическую усобицу Ростиславичей или иные стихийные бедствия, а, на наш взгляд, два существенных обстоятельства. Строительная индустрия является экономически затратным предприятием, требующим больших материальных и человеческих ресурсов. Климатические колебания постепенно привели к истощению общего производственного потенциала, усугубившегося разрушением традиционных торговых связей в результате монгольского нашествия. Параллельно в Смоленской земле произошло стремительное дробление некогда единых земель. Если в начале XIII в. отчетливо из общего массива Смоленских земель выделяется Торопецкий удел Мстислава Храброго и его сыновей (Янин, 1998. С. 48–51), то в конце XIII – первой половине XIV в. можно увидеть отдельные столы в Вязьме, Брянске,

Таблица. Ростислав Мстиславич Смоленский и его потомки до потери Смоленском независимости*

	<u>Роман</u> ?–† лето 1180	<u>Борис</u>	<u>Ярополк</u> ?–† после 1177	
	<u>Мстислав Старый</u> Борис	?–† июнь 1223	<u>Святослав</u> (Изяслав?)	<u>Симеон</u> † п. 1238
			<u>Всеволод</u>	<u>Петр</u> † п. 1239
			<u>Ростислав</u> Борис	<u>Борис</u> † п. 1240 (1)
	<u>Святослав Иоанн</u> ?–†1170			
РОСТИСЛАВ ?–†14.03.1167	<u>Рюрик</u> ?–†19.04.1212	<u>Василий</u>	<u>Ростислав</u> 05.04.1172–†1218	<u>Михаил</u>
			<u>Владимир</u> 1187–†1239	
				<u>Димитрий</u>
				1187–†1242
				<u>Андрей</u> †1300 (2)
	<u>Давид</u> 1140/41–†23.04.1198	<u>Глеб</u>	<u>Изяслав</u> †1185	
			<u>Мстислав Феодор</u> Константин	<u>Феодор</u> †1189 †1218 (3)
			<u>Мстислав Феодор</u>	<u>Мстислав</u> 1193–†(1230?)
	<u>Мстислав Храбрый</u> ?–†1180	<u>Феодор</u>	<u>Мстислав Удатный</u> До 1176–† февраль 1227	<u>Феодор</u> Василий † конец марта 1217
				<u>[Семен]</u> †1231
				<u>Мстислав</u> (Юрий?)
	<u>Давид</u>	<u>Глеб</u>	<u>Давид</u> †1226	<u>Ярослав</u> †1245
	<u>Владимир</u>	<u>Глеб</u>	<u>Владимир</u> †1226/33?	

Можайске, вероятно Дорогобуже, карликовые владения со столицами в Фомином городке и Березуе. Причем, с последней трети XIII в. источники фиксируют непростые взаимоотношения сначала между сыновьями самого Ростислава, а потом между потомками Глеба Ростиславича, отягощенные сложным политическим балансированием смоленских князей между Москвой и Литвой (*Горский*, 1996б. С. 37–41). А.А. Горский предположил, что “негативную роль сыграло активное участие князей смоленского дома в борьбе за Киев и Галич в первой трети XIII в., в результате которого часть смоленского боярства, по-видимому, оседала (подобно черниговским боярам) в Южной Руси” (*Горский*, 2004. С. 199, 200). Однако археологические материалы, полученные на раскопанном участке севернее Соборной горы на ул. Соболева (более 700 м²), не свидетельствуют о резких потрясениях в материальной культуре жителей смоленских усадеб начиная с 50-х годов XIII в. На фоне общего уменьшения числа находок и меньшей их выразительности на одной из усадеб “качество построек улучшается”, на другой – увеличивается плотность построек, появляется новый тип жилища, на треть-

* Настоящая таблица не претендует на исчерпывающую полноту и точность ввиду своего иллюстративного назначения. Она составлена с учетом работ: *Войтович*, 2000; *Горский*, 1996б; 1996а; *Янин*, 1998; *Янин, Гайдуков*, 1998; 2000. Автором были привлечены также данные А.А. Зимина (1998). А.А. Зимин, не ставивший своей задачей выяснение происхождения боярской аристократии ранее заявленного им периода (вторая половина XV – первая треть XVI в.), в интересующей нас части (роды, восходящие к князьям Смоленского дома) в основном использовал материалы Бархатной книги.

Так, князья Вяземские (по Бархатной книге) являются потомками Андрея Владимировича “Долгой Руки” (внук Рюрика Ростиславича; Зимин, 1988. С. 136, 137); Всеволож-Заболоцкие, Еропкины, Полевы – потомками Александра Глебовича (Зимин, 1988. С. 223 и след. Схема 10); Ржевские, Толбузины, Полевы, Еропкины – потомками Юрия Святославича (Зимин, 1988. С. 229 и след. Схема 20); князья Ярославские – потомками Федора Ростиславича Черного (Зимин, 1988. С. 83 и след. Схема 7). Из всех родословных росписей наиболее достоверной оказывается ветвь Ярославских князей.

10-я глава Бархатной книги (“Родъ князей Смоленских”) в росписи Смоленских князей повторяет ошибку Никоновской летописи (см. выше), устанавливая следующее родство:

“А у Мстислава Давыдовича сынъ Ростиславъ.

А у Ростислава Мстиславича Давыдова внука Смоленского дети:

1. Князь Федоръ Чудотворецъ...
2. Князь Глебъ сидель на Смоленске.
3. Князь Михайло.

При этом Бархатная книга точно фиксирует прекращение рода собственно Смоленских князей на Юрии Святославиче: “и по Юрье Смоленские Князи извелися”. Показательно, что, например, род князей Вяземских написан в Бархатную книгу “по ихъ росписи”.

Время возникновения ложных идентификаций и родословных росписей вырисовывается достаточно точно – XVI в., поскольку Никоновская летопись, Государев родословец 1555/56 г. и Бархатная книга устойчиво фиксируют именно эти, искаженные генеалогические связи. Отчасти причиной могло быть неверное определение старшинства сыновей Ростислава Мстиславича (в Бархатной книге оно таково: “1. Святославъ. 2. Рюрикъ. 3. Романъ. 4. Давыдъ. 5. Мстиславъ”). Вяземские в своей росписи, как видится, стремились подтвердить свое старшинство в роде потомков (вероятнее, род Вяземских восходит к князю Александру Михайловичу, который был правнуком младшего брата Святослава Ивановича Василия, чья деятельность связана со второй половиной XIV в.).

Вопрос возникновения ложных генеалогических росписей в XVI в. – тема отдельного исследования, но из представленной таблицы следует одно: старшая ветвь потомков Ростислава Мстиславича пресекается на Федоре Юрьевиче в первой половине XV в., продолжение старшинства в роде князей Смоленского дома относится к князьям Вяземским.

① Потомство Ростислава-Бориса Мстиславича (указаны годы княжений)

② Андрей Долгая Рука – князья Вяземские

③ Константин Давидович – князья Фоминские и Березуйские

ей в 30-е годы XIII–XIV в. функционирует кожевенное ремесло (*Асташова, 1991. С. 41–45; Полонская, 1991. С. 122*).

В заключение следует остановиться на двух немаловажных обстоятельствах. Повторно подвергнутое лингвистическому анализу знаменитое смоленское граффити о “врагах-игуменах” (*Воронин, 1964. С. 176; Рыбаков, 1964б. С. 179–181; 1964а. № 34. С. 35, 36. Табл. XXI*) А.А. Зализняком исправлено по смыслу и отнесено по датирующей матрице к 1240–1320 гг. (*Зализняк, 2004. С. 279, 280*). Это, с одной стороны, полностью разрушает красивую “романтическую интерпретацию” (А.А. Зализняк) Б.А. Рыбакова, а с другой – свидетельствует о продолжении существования соборного комплекса на Протоке, по крайней мере, во второй половине XIII в. (Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт считали, что “храм на Протоке начал разрушаться вскоре после своего сооружения, возможно уже в XIII в. В XIV–XV вв. в его руинах обосновалось кладбище”: *Воронин, Раппопорт, 1979б. С. 329*.)

До конца не исчерпаны возможности немногочисленных поздних изображений Смоленска. Прочтение скучных надписей на “Плане осады Смоленска” Виллема Хондиуса (изготовлен в 1636 г. по эскизам картографа Иоганна Плейтнера) несколько дополняет наши знания о наименовании некоторых городских объектов (*Борисовская, 1992. С. 127, 134, 135*). Центральные ворота крепости на “Плане” подписаны как “Porta Regia” (“Королевские ворота”), ворота в южной части крепости названы “Porta Malacoviana” (что соотносится с их поздним наименованием – “Молоховские”). А вот ворота, ведущие в северо-западном направлении в сторону двух полуразрушенных храмов, в одном из которых однозначно определяется церковь Иоанна Богослова (№ 63 на “Плане”: *Воронин, Раппопорт, 1979б. С. 122, рис. 56*), названы “Porta Carnitiana”, что может быть понято, как “Мясные”, “Мясницкие” или каким-то подобным образом, что при ближайшем расположении древней Резницкой улицы не так уж маловероятно (*Воронин, Раппопорт, 1979б. С. 338*); рядом находился и Житный двор (*Сапожников, 1991. С. 55, 56*). В пределах крепости уверенно опознаются как каменные три постройки (Успенский собор, “Monaster s. Abrahami”, храм на Воскресенской горе), еще пять церковных зданий изображены как деревянные. “План” Плейтнера-Хондиуса демонстрирует исчезновение большинства известных нам по исследованиям каменных построек. Три постройки представлены в относительно нормальном состоянии (Спасский монастырь № 52, церковь Василия № 64, храм Петра и Павла № 84), остальные здания изображены в той или иной степени руинированности (№ 14, 54, 63, 67). План Плейтнера-Хондиуса фиксирует утрату Смоленском к первой половине XVII в. большинства каменных сооружений домонгольской поры. Предполагаем, что основная часть утрат произошла в период литовского владения городом с начала XV в.

Только дальнейшие археологические исследования на территории Смоленска и других центров княжества позволят пополнить знания о топографии города, хронологии его культурно слоя, а возможно, сделают общим достоянием новые памятники архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д.А., 1970. Смоленская экспедиция // АО 1969 г. М.
- Авдусин Д.А., Асташова Н.И., 1976. Раскопки в Смоленске // АО 1975 г. М.
- Авдусин Д.А., Асташова Н.И., Сапожников Н.В., 1977. Раскопки в Смоленске // АО 1976 г. М.
- Авдусин Д.А., Асташова Н.И., Юркина Т.В., 1975. Смоленская экспедиция // АО 1974 г. М.
- Алексеев Л.В., 1977. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. № 1.
- Алешковский М.Х., Подъяпольский С.С., 1964. Новые данные о церкви Михаила-архангела в Смоленске // СА. № 2.
- Асташова Н.И., 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
- Бархатная книга. М., 1787. Электронная версия: www.genealogia.ru/projects/barhat/
- Бережков Н.Г., 1963. Хронология русского летописания. М.
- Борисовская Н., 1992. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков: Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. М.
- Булгаков С.В., 1993. Настольная книга для Священно-Церковно-служителей: Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. М. Т. I.
- Войтович Л., 2000. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль: Історико-генеалогічне дослідження. Львів. Электронная версия: <http://litopys.org.ua/dynasty/dyn.htm>
- Воронин Н.Н., 1964. Смоленские граффити // СА. № 2.
- Воронин Н.Н., 1968. Смоленская архитектурная экспедиция // АО 1967 г. М.
- Воронин Н.Н., 1972. Следы раннего смоленского летописания // Новое в археологии: Сб. статей, посвященный 70-летию Артемия Владимировича Арциховского. М.
- Воронин Н.Н., Жуковская Л.П., 1976. К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1967. Смоленский детинец и его памятники // СА. № 3.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1971. Раскопки в Смоленске в 1967 г. // СА. № 2.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979а. Древний Смоленск // СА. № 1.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979б. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.
- Горский А.А., 1996а. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь. I. М.
- Горский А.А., 1996б. Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. М.
- Горский А.А., 2004. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.
- Зализняк А.А., 2004. К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М. Т. XI.
- Зимин А.А., 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.
- Ипатьевская летопись, 2001 // ПСРЛ. М. Т. II.
- Карамзин Н.М., 1991. История государства Российского. М. Т. II–III.
- Каргер М.К., 1964. Зодчество древнего Смоленска (XII–XIII вв.) Л.
- Клименко В.В., Слепцов А.М., 1999. Климат и история России в IX–XVI вв. // Вестник Моск. энергетического ин-та. № 2. Электронная версия <http://gepl.narod.ru/Articles/Vestnik/vestnik.htm>
- Кучкин В.А., 1997. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризы // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 2001. Т. I.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. СПб, 1885. Т. 10.

- Насонов А.Н.*, 1969. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.
- Невоструев К.И.*, 1997. Мстиславово Евангелие XII в.: Исследования. М.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III.
- Песков Д.* Железный век. Электронная версия <http://www.kulichki.com/~gumilev/debate/Article07e>
- Печников М.В.*, 2003. Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М.
- Полонская М.Ю.*, 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
- Приселков М.Д.*, 1996. История русского летописания XI–XV вв. СПб.
- Раппопорт П.А.*, 1976. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // СА. № 2.
- Раппопорт П.А.*, 1982. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников // САИ. Л. Вып. Е1-47.
- Рыбаков Б.А.*, 1964а. Русские датированные надписи XI–XIV веков // САИ. М. Вып. Е1-44.
- Рыбаков Б.А.*, 1964б. Смоленская надпись XIII в. о “врагах игуменах” // СА. № 2.
- Рыбаков Б.А.*, 1972. Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”. М.
- Сапожников Н.В.*, 1991. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
- Сапожников Н.В.*, 1998а. Вновь открытые памятники древнесмоленской архитектуры // Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. М.
- Сапожников Н.В.*, 1998б. Новые данные о церкви Иоанна Богослова XII в. в г. Смоленске // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина. М.
- Сапожников Н.В.*, 1999. Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске // Археологический сборник: Памяти Марии Васильевны Фехнер. М. (Тр. ГИМ; Вып. 111).
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: (XI – первая половина XIV в.).
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 2: Л-Я.
- Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.
- Тихомиров М.Н.*, 1956. Древнерусские города. М.
- Щапов Я.Н.*, 1972. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии: Сб. статей, посвященный 70-летию Артемия Владимировича Арциховского. М.
- Щапов Я.Н.*, 2004. “Похвала князю Ростиславу Мстиславичу” как памятник литературы Смоленска XII в. // Щапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М.
- Янин В.Л.*, 1998. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 2000. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 14.

В.Ю. Коваль

О ДРЕВНЕРУССКИХ АМУЛЕТАХ-ЗМЕЕВИКАХ

Древнерусские амулеты-змеевики не раз привлекали внимание археологов и искусствоведов. Им посвящены многочисленные исследования российских ученых, последним из которых был свод, составленный Т.В. Николаевой и А.В. Чернецовым (1991). Поводом для нового обращения к данной теме стала находка хорошо сохранившегося литого бронзового¹ амулета при раскопках 2003 г. на селище Мякинино 1, расположенном на правом берегу р. Москвы, неподалеку от д. Мякинино, близ северо-западной окраины г. Москвы. Площадка селища размещается на краю первой надпойменной террасы, ее площадь составляет около 15 000 м², т.е. оно относится к числу сельских поселений среднего размера.

Селище Мякинино 1 было открыто в 1992 г. А.В. Трусовым. В 2003–2004 гг., в связи с начавшимся на территории памятника строительством, Подмосковная экспедиция ИА РАН (нач. экспедиции А.В. Энговатова) провела здесь широкомасштабные раскопки, в результате которых удалось исследовать более 5000 м² площади селища (почти всю его центральную часть и южную окраину). Основная масса материала, полученного при раскопках (керамика, вещевые находки), датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в., однако жизнь на селище продолжалась и позже, в XIV – начале XV в. Ярко выраженный материал второй половины XIII в. на памятнике пока не обнаружен, что позволяет допускать разрыв в жизни селища, приходившийся на середину XIII в., который можно связывать с разорением Северо-Восточной Руси в результате Батыева нашествия 1237–1238 гг.

Амулет-змеевик был обнаружен в центральной части площадки селища, в черном культурном слое, слабо потревоженном современной распашкой (этот слой имел мощность 20–30 см и сохранился в виде полосы шириной 5–10 м, протянувшейся вдоль кромки берегового склона), который представлял собой остатки насыщенных углем отложений селища XII–XIII вв., частично перемешанных в результате распашки или перекапывания земли на огородах, вероятно, в XIV–XV вв. Археологический контекст находки позволяет с наибольшей степенью вероятности датировать время ее выпадения в культурный слой первой половины XIII в.

Публикуемый предмет представляет собой круглый плоский медальон диаметром 4 см с рельефными изображениями (рис. 1). Он относится к редко встречающейся группе змеевиков со сценой Крещения Господня на лице-

¹ Змеевик был изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы с большим содержанием олова (Cu – 55,44%; Sn – 36,05%; Pb – 7,81%; Ag – 0,3%; Sb – 0,4%). Исследование состава металла осуществлено в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ по методу неразрушающего рентгенофлюоресцентного энерго-дисперсного анализа (аналитик – Р.А. Митоян). Пользуюсь случаем выразить благодарность Р.А. Митояну, а также А.В. Энговатовой и Т.Г. Сарачевой за помощь в изучении данного образца.

Рис. 1. Амулет-змеевик из Мякинино

вой стороне (тип 27 по сводке Т.В. Николаевой и А.В. Чернецова). В центре трехфигурной композиции помещена обнаженная фигура Иисуса Христа. Слева – Иоанн Предтеча с правой рукой, протянутой к голове Христа, справа – ангел с крыльями. Между фигурами внизу помещены два шестиконечных креста, надписей нет. По краю медальона проходит рельефный псевдо-зерненый валик. На оборотной стороне изображено фантастическое существо в виде обнаженной женщины, с ногами, переходящими в тела змей, которые разветвляются и оканчиваются 11 головами.

До появления нашей находки было известно всего девять змеевиков подобного типа, причем все они были отлиты из меди или сплавов на ее основе. Таким образом, мякининский змеевик стал десятым в этом ряду. Из всех ранее известных змеевиков этого типа пять происходили из частных коллекций XIX–XX вв., места их находок неизвестны. Один экземпляр найден в Киеве в 1981 г. при неясных обстоятельствах. Еще два образца были найдены в XIX в. в селе Староселье в Остерском уезде Черниговской губернии (*Толстой*, 1888. С. 382–384; Каталог... 1908. С. 98; *Орлов*, 1926. Табл. XVII, 2; *Николаева, Чернцов*, 1991. С. 71, 72. Табл. XII, 3). Кроме того, подобный змеевик найден в Новгородской земле (в могильнике у д. Лихарева Горка в Лужском уезде) в ходе археологических работ конца XIX в. (*Целепи*, 1900. Л. 15; *Мусин*, 2002. С. 188), однако место его хранения неизвестно. Это единственный амулет данного типа, для которого до сих пор был известен археологический контекст (он происходил из жальничного женского захоронения, инвентарь которого включал обрублённоконечные витые браслеты, ромбощитковые кольца с крестовым узором, гладкие монетовидные привески и глазчатые бусы), позволяющий датировать данный погребальный комплекс XI в. (самое позднее – первой половиной XII в.).

Следует отметить, что мякининский змеевик совершенно аналогичен двум беспаспортным медальонам, один из которых находился в собрании Д.И. Прозоровского, а второй хранится в Русском музее (*Николаева, Чернцов*, 1991. С. 71. Табл. XII, 1, 3). Судя по опубликованным изображениям, это сходство заходит так далеко, что можно было бы допускать изготовление всех трех амулетов в одной литейной форме. Правда, первые два медальона

имели одинаковые дефекты по краю (*Николаева, Чернецов, 1991. С. 71*), отсутствующие на нашем образце.

Т.В. Николаева считала, что змеевики с изображением сцены Крещения характерны в основном для среднерусской группы таких произведений (*Николаева, Чернецов, 1991. С. 31*). Между тем, среди 11 ранее известных змеевиков со сценой Крещения (типов 27 и 28, по Т.В. Николаевой и А.В. Чернецову) не было ни одного, найденного в среднерусской зоне (первой такой находкой стал как раз змеевик из Мякинино). Напротив, большинство экземпляров, для которых были известны места находок, происходили из Южной Руси. Поэтому мнение о среднерусском происхождении амулетов этой группы является, по-видимому, ошибочным. Скорее надо говорить о южнорусском их происхождении. Найдки таких же амулетов в окрестностях Новгорода и Москвы не меняют общей картины, тем более что здесь они были, скорее всего, привозными предметами.

Таким образом, находка амулета-змеевика домонгольской поры в Подмосковье принадлежит к числу редких, но не уникальных образцов средневековой мелкой пластики. Уникальность этой находки состоит в ином: среди 65 экземпляров змеевиков XII – первой половины XIII в., учтенных в своде Т.В. Николаевой и А.В. Чернецова, лишь полтора десятка были найдены при археологических раскопках (в Новгороде, Суздале, Киеве, Волковыске, Бресте, Изяславле, Ярополче, на Райковецком городище, а также в могильниках Лихарева Горка в Новгородской земле и у д. Погостище в Вологодской области), т.е. в археологически зафиксированных контекстах. Большинство из перечисленных пунктов являются городами, а два – сельскими могильниками в Северной Руси. Таким образом, змеевик из Мякинино – первый на территории Руси подобный предмет, найденный при археологических исследованиях непосредственно на площади древнего сельского поселения. Даже если привлечь данные по случайным находкам, то окажется, что на селищах подобные вещи встречаются исключительно редко. Среди 22 мест находок амулетов-змеевиков² до сих пор достоверно был известен только один пункт, который можно было связывать с селищем, – это место на берегу р. Белоус рядом с Черниговом, где в 1821 г. была найдена знаменитая золотая “черниговская гривна”³. Еще четыре пункта случайных находок, локализуемых в сельской местности, нельзя с уверенностью связывать именно с селищами, поскольку они могли происходить из небольших городищ или курганных могильников.

Само по себе присутствие амулета-змеевика на селище не может рассматриваться в качестве чего-то совершенно необычного, однако очевидно, что подобные изделия, даже те, которые были изготовлены из бронзы или меди, а не драгоценных металлов или камня, представляли собой в эпоху средневе-

---

² Здесь нами учитываются лишь те адреса, которые локализуются в пределах конкретного населенного пункта, а не более широких административно-территориальных единиц (области, уезда, губернии и т.п.).

³ На берегах реки Белоус размещается несколько крупных древнерусских селищ – остатков пригородных сел черниговских князей и их бояр.

ковья большую редкость и вряд ли могли быть собственностью представителей широких слоев населения. В Новгороде такие амулеты встречены на двух разных усадьбах, принадлежавших священнослужителям – на усадьбе “Д” Неревского раскопа, на которой присутствовали к тому же многочисленные импортные вещи, привезенные из паломничества в Византию (*Седова, 1994. С. 90–94*), а также на Троицком раскопе, на усадьбе, принадлежавшей на рубеже XII–XIII вв. известному церковному деятелю и иконописцу Олисею Петровичу Гречину (*Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 100; Николаева, Чернецов, 1991. С. 56*). Золотые и серебряные змеевики также могли принадлежать только высшему слою русской аристократии. Таким образом, эти амулеты допустимо относить к числу социально значимых, дорогих и престижных предметов, которыми могли владеть лишь представители аристократии или духовенства, проживавшие в основной своей массе в городах. Поэтому подавляющее большинство находок змеевиков происходит из городов, а на сельское поселение подобный предмет мог попасть только вместе со своим владельцем, социальный и имущественный статус которого должен был быть очень высок. Сам факт посещения такими людьми сравнительно небольшого сельского поселения XII в. (которое не могло быть ничем иным кроме небольшого села) представляется весьма интересным.

Как было показано целым рядом исследователей, амулеты-змеевики, находимые на территории древней Руси, связаны своим происхождением с аналогичными предметами, изготавливавшимися в Византии. Именно византийские змеевики послужили прототипами для их русских реплик. Поэтому сюжеты, изображавшиеся на лицевой и оборотной сторонах этих медальонов, берут свои истоки в византийской культурной традиции. Чудовища со змеями-волосами или змеями-ногами, помещавшиеся на оборотной стороне змеевиков, олицетворяли злого демона женского пола (носителя болезней и смерти), и, как это явствует из помещенных на некоторых экземплярах надписей (текстов заклинаний), на греческом языке этот демон именовался “истерой”, а на русском – “дной” (т.е. смертью). Разумеется, в Византии и Руси такой демонический образ осмыслился по-разному, в соответствии с народными представлениями и суевериями. Что касается иконографии образа “истеры”–“дны”, то она связывалась исследователями с Медузой Горгоной, изображения которой известны на средневековых книжных миниатюрах (*Колchin, Хорошев, Янин, 1981. С. 100; Николаева, Чернецов, 1991. С. 34, 35*). Вместе с тем, существует обоснованное мнение, что изображавшийся на амулетах персонаж персонифицировал некоего демона, который в сознании людей того времени вряд ли был связан с давно забытой “медузой”, а имел какое-то иное имя. Высказывались предположения, что у населения Византии этот демон назывался Абизу или Гилу, однако прямых доказательств такой интерпретации не существует, они базируются на косвенных признаках (*Spier, 1993. Р. 37–44*)⁴. Сложно сказать, как называли этого демона на Руси,

⁴ Пользуюсь случаем выразить свою благодарность А.В. Чернецову, познакомившему меня с зарубежной литературой по этому вопросу и давшему ряд ценных замечаний и консультаций.

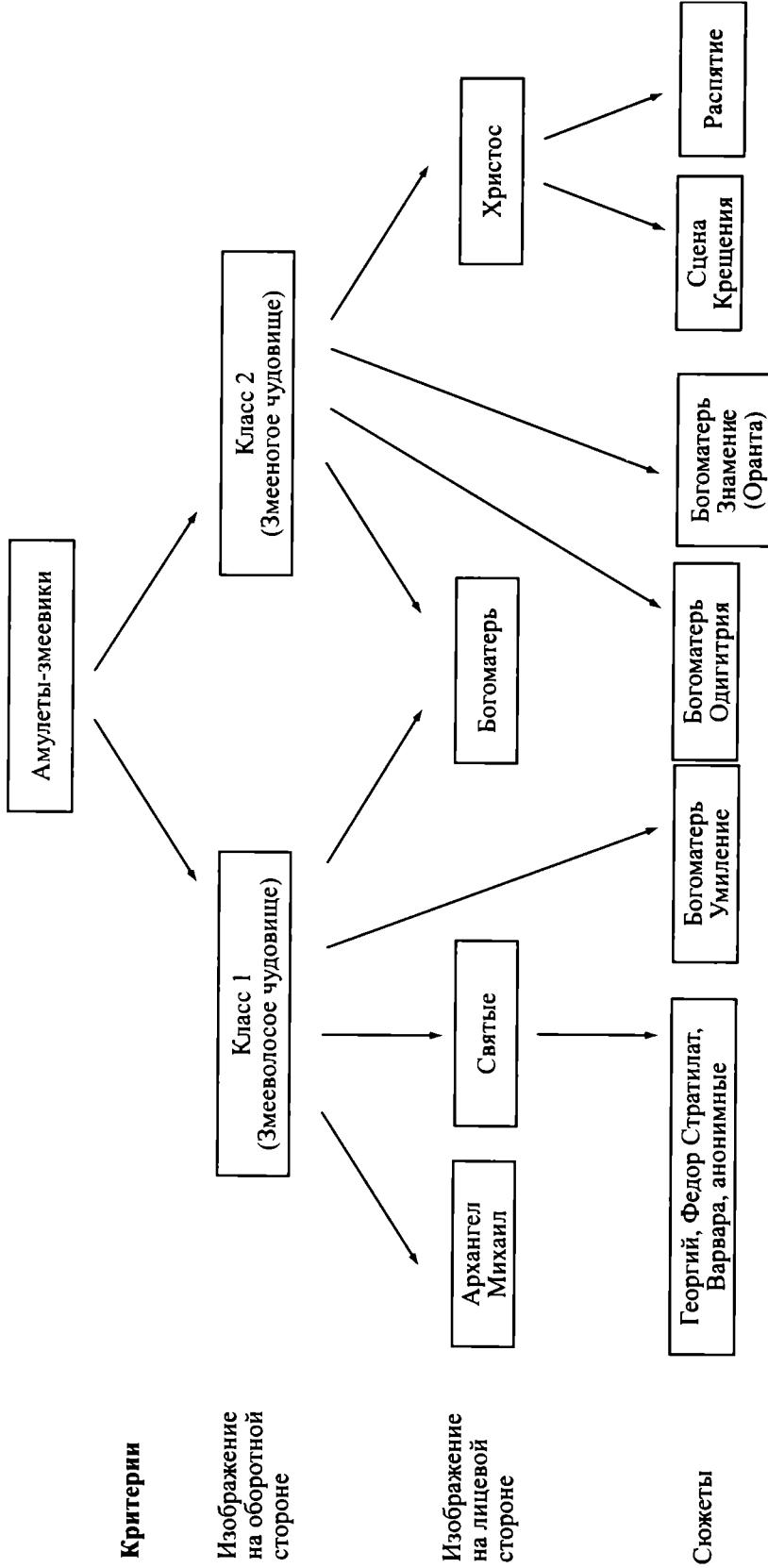

Рис. 2. Схема классификации амулетов-змеевиков

но существует мнение (исходящее из надписи на змеевике XIV в.), что его называли “дна” (*Николаева, Чернецов, 1991. С. 75*)⁵.

Учитывая всю сложность поставленного вопроса, следует вернуться к проблеме классификации амулетов-змеевиков. На заре изучения этих медальонов предпринимались попытки положить в основу такой классификации изображения змеевидных композиций на обратной стороне амулетов (*Орлов, 1926*), однако им были свойственны дробное членение сюжетов при отсутствии какой-либо иерархии признаков группировки. Т.В. Николаева и А.В. Чернецов предложили классификацию этих амулетов, основанную на группировке сюжетов, имеющихся на их лицевой стороне, что позволило сделать важные выводы о датировке и генезисе таких медальонов. Вместе с тем, А.В. Чернецов отмечал, что именно благодаря змеевидным композициям данная категория памятников (змеевиков) и выделяется на фоне других медальонов (*Николаева, Чернецов, 1991. С. 20*).

Если исходить не из деталей сюжетов, изображенных на тыльной стороне змеевиков (т.е. взаиморасположения голов змей, числа голов и т.п.), а из их общей композиционной схемы, то окажется, что все они могут быть разделены всего на два класса.

К **первому классу** принадлежали те медальоны, в центре которых изображалась человеческая голова, из которой как бы вырастали тела змей, расходившиеся в разные стороны. Такая картина действительно напоминает волосы-змеи Медузы Горгоны. Конкретная трактовка данного образа широко варьирует в деталях на разных амулетах, но сама иконографическая схема здесь всегда остается неизменной. К этому классу принадлежат подавляющее большинство известных на Руси амулетов-змеевиков и все амулеты, найденные на территории Византии и Западной Европы.

Второй класс змеевиков отличается тем, что на них помещалось изображение обнаженной женской фигуры, ноги которой разветвлялись на тела змей, количество которых колебалось от 11 до 13. Сюжет с змееногим чудовищем принципиально отличается от образа змееволосого демона и никак не мог вытекать из него. Скорее здесь можно заметить связь с хтоническими божествами античной и римской эпох, в частности, с известными змееногими персонажами: основателем Афин Кекропом, Эхидной (матерью Химеры и Лернейской Гидры), змееногой богиней – прародительницей скифов (*Артамонов, 1961. С. 66*). Количество медальонов этого класса существенно уступает образцам класса 1 (они составляют менее 1/6 всех известных на Руси экземпляров).

Указанные классы змеевиков довольно жестко коррелируют с изображениями на их лицевых сторонах, а значит восходят к разным прототипам (рис. 2). Если обратиться к наиболее ранним амулетам (как русским, так и византийским), т.е. тем из них, которые датируются XI–XIII вв., то становится очевидным, что на лицевой стороне медальонов класса 1 (со змееволосым

⁵ Но если учесть, что “дна” это только русская калька греческой “истеры” (т.е. матки), остается возможность для продолжения поиска тайного имени “истерического” демона.

демоном) помещались изображения Богоматери Умиление (типы 13–18)⁶, архангела Михаила (типы 1–3, 6–12), различных святых (Георгия, Феодора Стратилата, Анны, анонимных святых), а на византийских амулетах часто помещалась надпись с текстом заговора от “истеры”. На лицевой стороне амулетов класса 2 (со змееногим чудовищем) встречены изображения Иисуса Христа (в сценах Крещения и Распятия; типы 27, 28, 40) и Богоматери (в двух иконографических разновидностях – Знамения и Одигитрии; типы 20 и 26). На русских амулетах класса 1 домонгольской эпохи подобные сюжеты отсутствуют полностью⁷.

Следовательно, в XII–XIII вв. в русских землях существовали две разные, взаимно не пересекавшиеся традиции, восходившие к принципиально различавшимся наборам прототипов (шедевров византийского происхождения). При этом прототипы, положившие начало змеевикам класса 2, на территории самой Византии пока не известны (что, впрочем, не исключает возможности обнаружения их в будущем, учитывая очевиднуюrarитетность таких изделий). Лишь после того, как связь русских изготовителей амулетов-змеевиков с этими традициями окончательно прервалась, с XIV в. стало возможным эклектическое сочетание разнородных сюжетов с образцов классов 1 и 2: так могли появиться змеевики с двумя конными воинами на лицевой стороне и “змееногим чудовищем” на оборотной (тип 29), с Распятием на лицевой и “змееволосым чудовищем” на оборотной (тип 41), Богоматерью Одигитрией на лицевой и “змееволосым чудовищем” на оборотной (типы 21–23) (Николаева, Чернецов, 1991. С. 66–68, 72, 73, 82).

Что касается иконографии змееногого чудовища, изображавшегося на амулетах класса 2, то ее происхождение оставалось не выясненным. Очевидно, что почти 1000-летний хронологический разрыв между змеевиками XI–XIII вв. и позднеантичным культом змееногой богини не позволял впрямую связывать их между собой. Поэтому исследователям приходилось констатировать, что “конкретные источники [этого] типа змеевидной композиции... неизвестны, но представляется, что и в этом случае следует предполагать византийский источник” (Николаева, Чернецов, 1991. С. 35). Правда, А.В. Чернецов указывал на возможную связь этой композиции с фантастическими змееногими животными на гностических геммах либо с таким персонажем, как серена, которая могла иметь “змеиное” окончание своего тела. Однако конкретный исток (прообраз) изображения змееногого чудовища на русских амулетах оставался неизвестным. И все же такой прообраз, как представляется, нам удалось установить. В “Книге о статуях города Константинополя”, приписываемой известному византийскому историку конца XII – начала XIII в. Никите Хониату (но созданной, вероятно, иным лицом – свидетелем или современником взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г.), опи-

⁶ Здесь и далее номера типов змеевиков даны по сводке Т.В. Николаевой и А.В. Чернецова (Николаева, Чернецов, 1991).

⁷ Отметим, что и на византийских медальонах этот сюжет чрезвычайно редок: лишь на одном свинцовом амулете, хранящемся в Музее Ашмола (Оксфорд, Великобритания) на лицевой стороне имеется поясное изображение Христа Пантократора (Spier, 1993. Pl. 2, c).

сываются медные статуи, переплавленные латинянами в монету. Среди них упоминается одна статуя, стоявшая на Ипподроме, которая в источнике названа “Сциллой”: “древнее страшилище – Сцилла, которая до поясницы имела вид высокой, полногрудой и свирепой женщины, а далее разветвлялась на множество диких чудовищ, представленных нападающими на корабль Одиссея и пожирающими значительное число его спутников” (*Никита Хониат*, 2003. С. 340). Даже будучи чрезвычайно кратким, это описание до такой степени совпадает с образом на “змеевиках”, что его трудно посчитать случайным. Скорее надо думать, что именно эта статуя, находившаяся на всеобщем обозрении в Константинополе, и послужила тем прообразом⁸, который был в несколько упрощенном виде перенесен на гипотетические византийские амулеты-прототипы. При этом следует обратить внимание также на внешнее композиционное сходство изображений на змеевиках с трактовкой женского крылатого демона на терракотовой пластинке из Херсонеса, у которого ноги переходили в растительные побеги, находившиеся в руках демона (*Артамонов*, 1961. Рис. 16)

Однако если наша догадка верна, то нужно заново рассмотреть вопрос о дате змеевиков класса 2 с изображениями так называемой “Сциллы”⁹, которые датировались Т.В. Николаевой “не ранее XIII века”. Следует, впрочем, подчеркнуть, что А.В. Чернецов высказывал сомнение в столь поздней дате, замечая, что сюжет со змееногим чудовищем присутствовал на амулете с изображением Распятия, найденном в Новгороде в слоях первой трети XII в. (*Николаева, Чернецов*, 1991. С. 65, 66, 72, 81)¹⁰. Эта находка была сделана в Неревском раскопе на мостовой Великой улицы. Между тем, культурный слой между мостовыми формировался путем подсыпок грунта, состоявшего из культурного слоя, который мог быть существенно древнее самой мостовой. Поэтому дата находки, происходящая из дендрохронологической датировки мостовой (первая треть XII в.), в данном случае может быть только “*terminus post quem non*”. Реальная дата изготовления и бытования данного амулета вполне могла заходить в XI в.

Рассмотрим дату змеевиков класса 2 в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Поскольку в 1204 г. статуя “Сциллы” была уничтожена крестоносцами, то в XIII в. она уже не могла бы послужить злым прообразом для исследуемого сюжета. Следовательно, “*terminus ante quem*” для изготов-

⁸ В этой связи нельзя не вспомнить о метком замечании А.В. Чернецова об объемной, “*скulptурной* трактовке образа” змееногого чудовища на амулетах (*Николаева, Чернецов*, 1991. С. 35). Как видим, в самом деле источником этого образа послужила скульптура.

⁹ Вероятно, эта статуя имела близкое отношение к гомеровской “Сцилле” из “Одиссеи” и эпоса об аргонавтах, представлявшей собой чудовище с шестью головами, пожравшее шесть спутников царя Итаки (отличие змеевиков состояло лишь в числе змейных голов этого чудовища – не 6, а 12 или 13).

¹⁰ В 2003 г. в Новгороде был найден второй такой же амулет (*Янин и др.*, 2004. Рис. 1, 1). Следует заметить, что на обоих новгородских амулетах образ “Сциллы” существенно переработан: ее тело не обнажено, а “одето” в “платье”, скрывшее признаки пола, а переплетения змейных тел предельно орнаментализированы. Поэтому змеевики этого типа можно считать стилистически более поздними, чем амулеты с обнаженной “Сциллой”.

ления первых медальонов с изображениями “Сциллы” является 1204 г., а наиболее вероятным временем их появления на Руси следует считать XI–XII вв. Предлагаемая дата подтверждается упоминавшейся уже новгородской находкой медальона с Распятием на лицевой стороне и “Сциллой” на оборотной. Конечно, амулеты класса 2 могли тиражироваться на протяжении XIII в., но появление их на Руси следует относить не позднее чем к XII в. Заметим, что и датировка византийских амулетов (относящихся к классу 1 по нашей группировке) укладывается в период X–XII вв. (Spier, 1993. P. 31–33).

Очевидно, амулеты с изображениями “Сциллы” происходили от каких-то немногочисленных прототипов, копирование которых не привело к широкому распространению этих реплик. Постепенно, вероятно уже на протяжении XIII в., традиция изготовления таких медальонов исчезает. Можно указать лишь 2 змеевика, датированных XIV в. (с изображением двух конных воинов), на которых встречен деградировавший образ “Сциллы” (Николаева, Чернецов, 1991. Табл. XIV, 1, 2), где туловище чудовища вообще пропало, но при этом сохранилась такая композиция в размещении переплетенных змейных тел, которая заставляет угадывать то место, где оно могло бы размещаться; тела змей здесь уже не связаны с головой, но их переплетение напоминает именно композицию змеевиков с изображением “Сциллы”.

Столь слабое развитие исследуемого сюжета, практически не имевшего продолжения в эпоху после XIII в., можно впрямую связывать с исчезновением константинопольского прообраза (статуи “Сциллы”), в то время как образ “змееволосого чудовища” (какой бы демон ни подразумевался под ним) оставался известным хотя бы по книжным миниатюрам. У “Сциллы” не было подобной “информационной подпитки”, что и вызвало резкое снижение интереса к этому образу.

Наш вывод входит в противоречие с мнением А.Е. Мусина, который датировал амулеты-змеевики со сценой Крещения на лицевой стороне (которым обязательно сопутствовало изображение “Сциллы” на оборотной) XIII–XIV вв., основываясь на подобной дате венецианской стеклянной иконки-литика, найденной в Тверском Поволжье. Кроме того, этот автор предположил, что именно такие иконки послужили прототипом для амулетов-змеевиков со сценой Крещения (Мусин, 2002. С. 191). Не возражая против атрибуции и датировки указанной иконки-литика¹¹, следует заметить, что ее находка никоим образом не может свидетельствовать о дате и происхождении амулетов-змеевиков, которые, несомненно, появились в Византии не позже X в., а на Руси – не позже конца XI в. (это касается амулетов обоих классов). Что же до сцены Крещения, то она, как нам представляется, скорее всего имела своим прототипом какую-то византийскую икону, существовавшую в XII в., а появившуюся, вероятно, и значительно ранее этой даты. Иконка-литик западноевропейской работы являлась прежде всего товаром, который предназначался для сбыта в Византии или иной стране византийского культурного круга (такой страной могла быть и Русь). Поэтому на этом предме-

¹¹ Вместе с тем следует напомнить, что конкретное место ее находки не известно, тем более не может быть установлена ее археологическая дата.

те воспроизводился не западный, а византийский иконописный сюжет, хорошо знакомый и близкий восточным христианам. При этом исполнение изображения свидетельствует о существенной переработке раннего византийского прототипа в духе западноевропейского искусства того времени. Очевидно, что и у этой иконки, и у амулетов-змеевиков со сценой Крещения был один общий византийский иконописный прототип, который пока остается неустановленным.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И.*, 1961. Антропоморфные божества в религии скитов // АСГЭ. Вып. 2.
- Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, 1908. М. Отд. VIII–IX.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.*, 1981. Усадьба новгородского художника XII века. М.
- Мусин А.Е.*, 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Никита Хониат*, 2003. История со времен царствования Иоанна Комнина. Рязань. Т. 2.
- Николаева Т.В., Чернецов А.В.*, 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.
- Орлов А.С.*, 1926. Амулеты-“змеевики” Исторического музея // Отчет ГИМ за 1916–1925 гг. М.
- Седова М.В.*, 1994. Паломнический комплекс XII в. Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Толстой И.И.*, 1888. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. СПб. Т. III.
- Целепи Л.Н.*, 1900. Раскопки в Новгородском и Лужском уездах Санкт-Петербургской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. № 92.
- Янин В.Л. и др.*, 2004. Исследования в Людином конце Новгорода в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород. Вып. 18.
- Spier J.*, 1993. Medieval Byzantine Magical Amulets and their Tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. LVI.

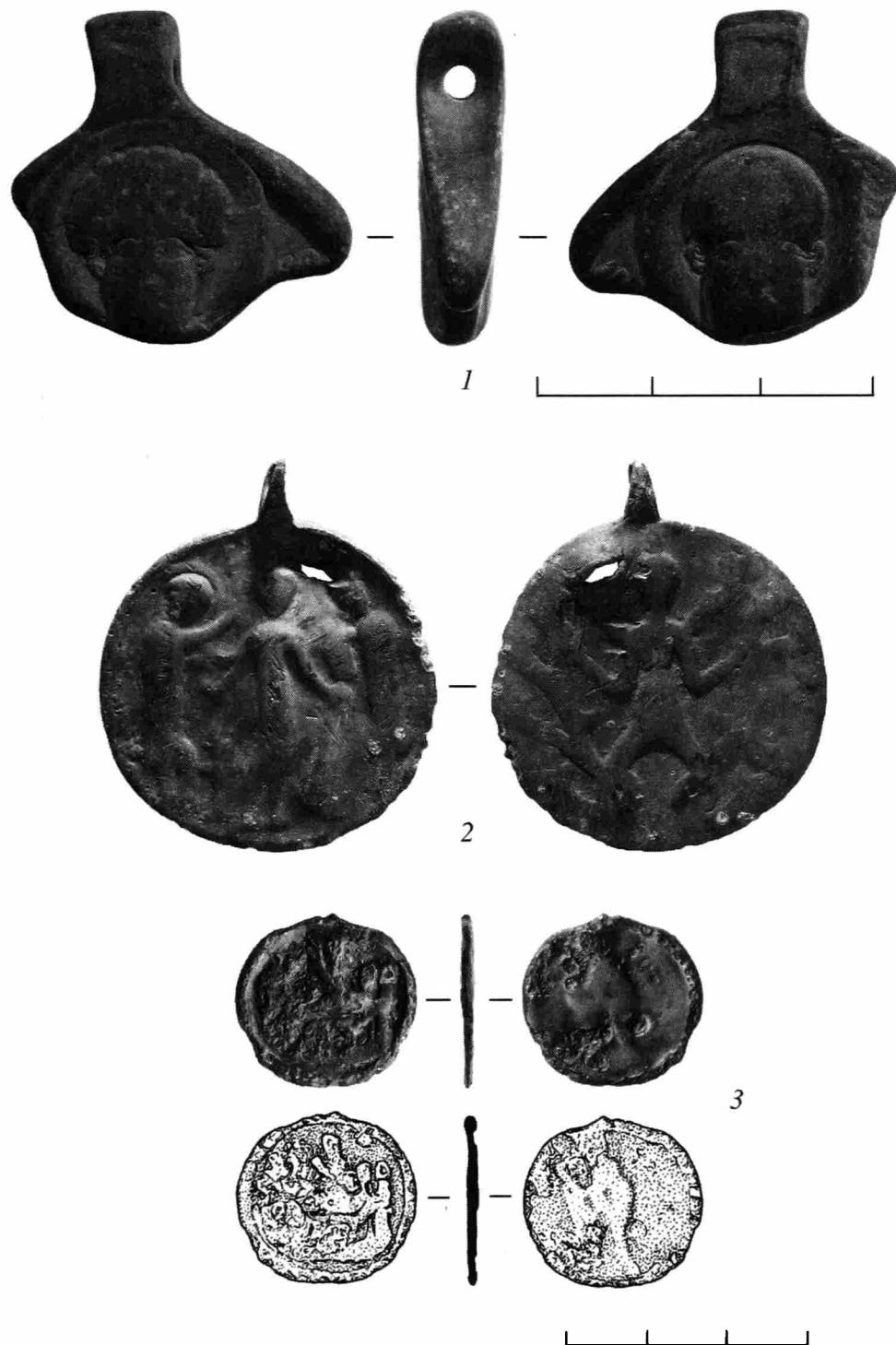
Н.А. Макаров, А.М. Красникова

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ СУЗДАЛЬСКИХ СЕЛИЩ: НОВЫЕ НАХОДКИ

Предметы христианского культа XII–XV вв., найденные в Суздале и его окресте, получили известность благодаря исследованиям М.В. Седовой, которая ввела в научный оборот коллекцию христианских древностей из раскопок 1950–1990-х годов и высказала предположение о сложении некоторых типов художественного литья на Северо-Востоке Руси и производстве металлических образков в мастерских при Владимирском Успенском соборе (Седова, 1974; 1988; 1997. С. 195–205). Среди предметов христианского культа, найденных в Суздале, преобладают металлические кресты-тельники, энколпионы и образки обычных древнерусских типов, предназначенные для массового спроса. Раскопки 1990-х годов во Владимире, в ходе которых была открыта серия каменных образков и металлической пластики, выделяю-

щаяся высоким качеством художественного исполнения, значительно обога-тили ранее сложившиеся представления о предметах личного благочестия, находившихся в обиходе жителей центральных районов Северо-Восточной Руси (Жарнов, 1999; 2000; Седова, Мухина, 1999). Полевые работы на суз-дальских селищах, проведенные Суздальской экспедицией ИА РАН в 2001–2005 гг. (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005; Макаров, 2005), по-полнili собрание христианских древностей новыми находками. Цель настое-ящей публикации – введение в научный оборот этих материалов, часть кото-рых получена в результате раскопок селищ, а другие собраны при обследо-вании распаханных участков поселений. В составе коллекции одна каменная и две металлические иконки, амулет-змеевик, три энколпиона, наперсный крест, пять металлических крестов-тельников, один каменный и один кера-мический. Найдки происходят с семи памятников, расположенных в бли-жайших окрестностях Суздаля, на расстоянии от 4 до 15 км от вала окольно-го города. Шесть из этих поселений были впервые выявлены в ходе обследо-ваний 2001–2005 гг.

Из раскопа на селище Кистыш 3 происходит фрагмент двусторонней ка-менной иконки с изображением святых (рис. 1, 1). Образок найден в яме (№ 9), располагающейся рядом с остатками постройки древнерусского вре-мени. Помимо этого, в сравнительно небольшой по размерам и мощности заполнения яме, было обнаружено еще 23 находки, среди которых 5 же-лезных игл, 8 стеклянных зонных бусин, а также значительное количество ке-рамического материала XII–XIII вв. Образок, изготовленный из темно-се-рого камня имел полукруглое завершение, сохранилась его верхняя часть высотой 30,2 мм и шириной 30,4 мм с головами святых. На одной стороне – голова молодого святого (очевидно, воина) с кудрявыми волосами и неболь-шой бородкой, на другой – голова святого с высоким лбом, возможно, св. Николая. На обеих сторонах сохранились S-образные титла, под кото-рыми, вероятно, были помещены колончатые надписи. Край иконки окайм-лялся гладким рельефным валиком шириной 3 мм. Изображения выполне-ны невысоким округленным рельефом. На обеих сторонах они сильно стер-ты, так что некоторые детали не читаются. Существенно, что следы силь-ной потертости хорошо заметны не только на верхнем, но и на нижнем, об-ломанном краю образка, что может быть объяснено лишь тем, что иконку продолжали носить еще долгое время после того, как ее нижняя половина была отколота. Изображения выполнены выокопрофессиональным резчи-ком, тонко проработавшим черты лица обоих святых. Близкой аналогией по стилистике изображения является иконка, обнаруженная при исследова-нии М.И. Сикорским вала в Переяславе-Хмельницком в 1979 г. и датируе-мая им XI–XII вв. Т.В. Николаева относит ее к изделиям южнорусской груп-пы мелкой пластики (Сикорский, 1979. С. 337; Николаева, 1983. Табл. 11, б). Некоторые детали, такие как миндалевидные глаза святых и начертание S-образного титла, сближают образок из Кистыша с памятниками мелкой каменной пластики, найденными во Владимире (Жарнов, 1999. С. 165–173). Однако фрагментированность образка делает невозможным развернутое сопоставление.

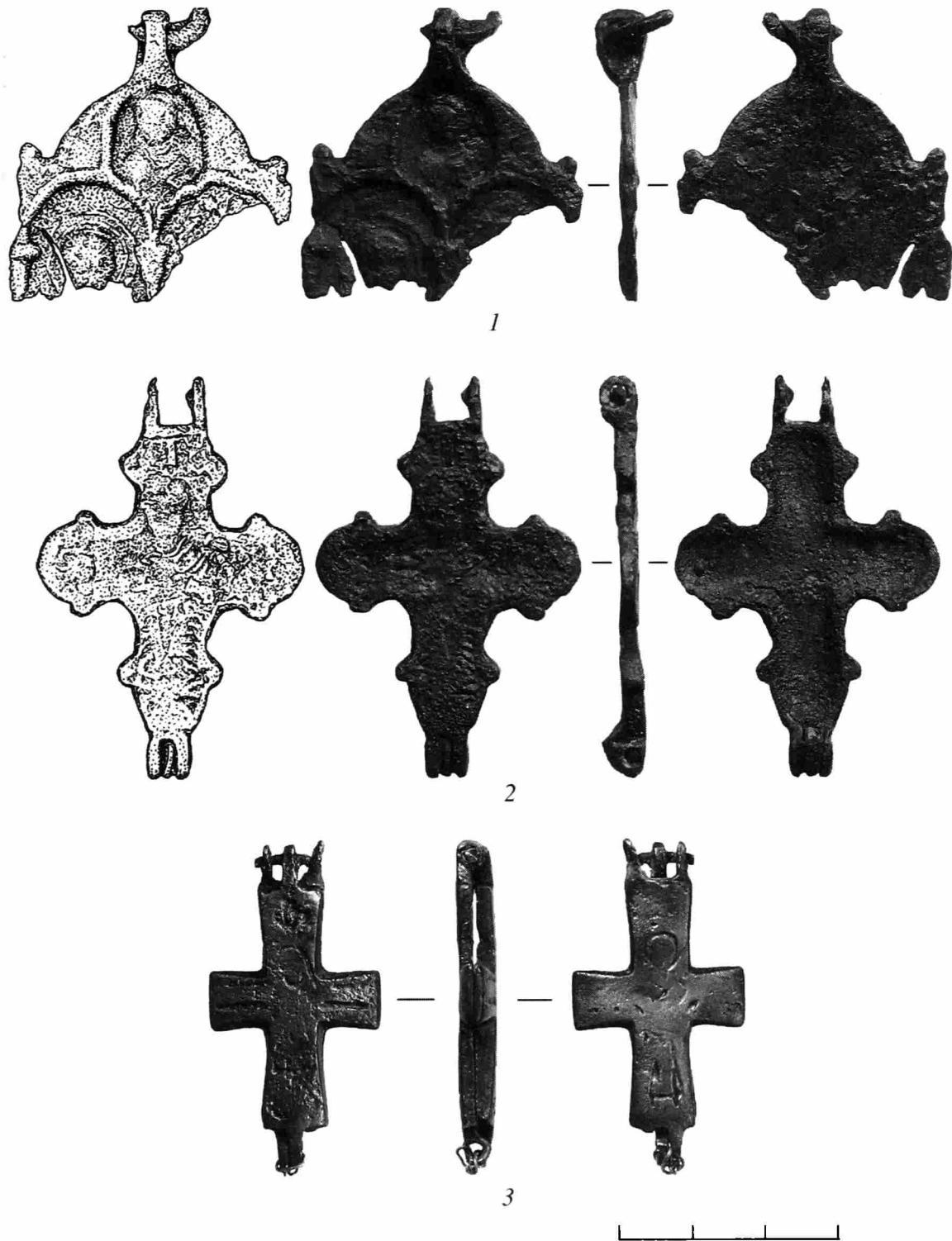

Рис. 1. Предметы личного благочестия, собранные при раскопках селищ Сузdalского Ополья
1, 2 – Кистыш 3; 3 – Большое Давыдовское 2 (1 – камень; 2, 3 – бронза)

На другом участке того же селища в распашке обнаружен фрагмент бронзового складня с ушком с изображением двух святых (рис. 2, 1). Сохранилась верхняя часть образка с полукруглым завершением и ушком, с погрудным изображением Иисуса Христа в нише с арочным завершением и двумя симметричными нишами, в которых были помещены изображения святых. От одного из этих изображений сохранилась голова с нимбом и часть копья, другое полностью утрачено. Фигуры святых находились под полуциркульными арками между колонн с капителями. Среди известных нам древнерусских металлических образков подобных предметов нет. Прием помещения святых под арками между колоннами с выделенными на них капителями широко распространен в византийской каменной и металлической пластике и книжной миниатюре XI–XII вв. (Банк, 1978, С. 95–97, рис. 78, 80, 84–87, 94, 97; Николаева, 1983. Табл. 7, 1; 8, 2; 10, 1). Образок из Кистыша не принадлежит к массовым типам древнерусского литья, производившимся в десятках экземпляров, возможно, это воспроизведение неизвестного нам византийского оригинала, изготовленное в единственном экземпляре или в небольшом количестве копий.

Круглая подвеска-образок с рельефным изображением Успения Богоматери на лицевой стороне и изображением святого в рост (?) на обороте найдена на селище Большое Давыдовское 2 (рис. 1, 3). Диаметр иконки 22,6 мм, по краю с обеих сторон прослеживается узкий выпуклый ободок. Образок сильно корродирован, изображение плохо читается, что указывает на изготовление его путем ряда повторных отливок. Подвеска происходит с распаханной поверхности селища, на участке, где значительно преобладает круговая керамика XII–XIII вв. М.В. Седовой было учтено 22 круглых подвески-образка с изображением Успения, большинство из которых найдено в пределах Северо-Восточной Руси. Исследовательница полагала, что подобные образки производились при Владимирском Успенском соборе и имели своим прототипом изображение на митрополичьей печати из Суздаля (Седова, 1997. С. 196–199). Многие образки с Успением, как и иконка из Большого Давыдовского, имеют сглаженные нечеткие изображения. Однако все известные нам образки, в отличие от вновь найденного, – односторонние.

Амулет-змеевик с изображением Крещения Господня на лицевой стороне (рис. 1, 2) найден на селище Кистыш 3. Змеевик представляет собой круглый медальон диаметром около 4 см, рельефные изображения на обеих его сторонах сильно стерты, так что части фигур читаются с трудом. На лицевой стороне медальона композиция из трех фигур – Иисуса Христа, Иоанна Предтечи и ангела. В нижней части композиции, между фигурами просматриваются 2 шестиконечных креста, по краю – узкий рельефный валик. На оборотной стороне помещено изображение фантастического змейного существа с женской грудью. В верхней части медальона сквозное отверстие, пробитое острым предметом. Ушко узкое, шириной около 3 мм. Змеевик найден на распаханной поверхности селища. На том же участке найдено 45 фрагментов венчиков круговой керамики с характерной профилировкой XII–XIII вв. и 35 вещей из железа, цветного металла, камня и стекла. Для датирования распаханного культурного слоя на этом участке существенны на-

Рис. 2. Предметы личного благочестия, собранные при раскопках селищ Сузdalского Ополья

1 – Кистыш 3; 2 – Глебовское 1; 3 – Вишенки 3 (1–3 – бронза)

ходки бронзового крестика с желтой эмалью. Можно полагать, что культурные отложения на этом участке датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в., хотя часть находок может относиться и ко второй половине XIII в.

Змеевик из Кистыща относится к тому же типу 27 по каталогу Т.В. Николаевой и А.В. Чернецова, что и публикуемый В.Ю. Ковалем в настоящем издании змеевик из Мякинина. В точности повторяя его размеры и детали изображений (насколько о них можно судить по сильно стертому рельефу), он отличается от экземпляра из Мякинина худшим качеством отливки и оформлением ушка. Подробные данные о распространении змеевиков этого типа, среди которых амулет из Мякинина – десятый, приведены в статье В.Ю. Кovalя, высказавшего мнение об их южнорусском происхождении (см. с. 56). Предложенная В.Ю. Ковалем датировка змеевика из Мякинино – первая половина XIII в., установленная по составу вещей из культурного слоя, хорошо согласуется с датировкой амулета из Кистыща.

Среди новых находок 2 энколпиона. Целый закрытый прямоконечный энколпин, происходящий из раскопок селища Вишенки 3, несет на лицевой стороне черневое инкрустированное изображение Распятия с крестом над головой Христа, на обратной – изображение Богоматери (рис. 2, 3). Большая часть черневого заполнения утрачена, схематичное изображение прослеживается по врезному контуру. По классификации А.А. Песковой, энколпин должен быть отнесен к типу 6 группы IV, самому многочисленному по числу находок (Корзухина, Пескова, 2003. С. 140–141, 165–170). Анализ вложения энколпиона проведен в лаборатории ИИМК РАН А.Е. Мусиным и Е.Ю. Медниковой по специально разработанной методике (Медникова, Мусин, Пескова, 2006)¹. При рассмотрении содержимого энколпиона под электронным микроскопом среди продуктов коррозии металла на внутренней поверхности креста-реликвария зафиксированы микроскопические фрагменты вещества желтого цвета, отождествляемые с костными останками, смолистого полупрозрачного вещества зеленоватого цвета, несколько скрученных нитей древней ткани, выполненных в технике прядения, и фрагмент человеческого волоса. Сравнение спектров смолистого вещества, зафиксированного в энколпione, с подобными спектрами средневекового воска и ладана показали их значительное сходство. Таким образом, можно полагать, что в энколпione находились костные ткани (частицы мощей), покрытые особым составом – воскомастиком, смесью ладана и воска. Крест обнаружен в перемешанном распашкой культурном слое вместе с керамикой и вещами XII – первой половине XIII в. Как показала А.А. Пескова, черневые кресты-реликварии этого типа производились на Руси со второй половины XI в., а в XII – первой половине XIII в. были достаточно широко распространены как в южнорусских, так и в северорусских землях. Энколпин этого же типа, но с иными стилистическими особенностями изображения, найден Н.Н. Мошениной при раскопках селища Весь 1 (Корзухина, Пескова, 2003. С. 230–237).

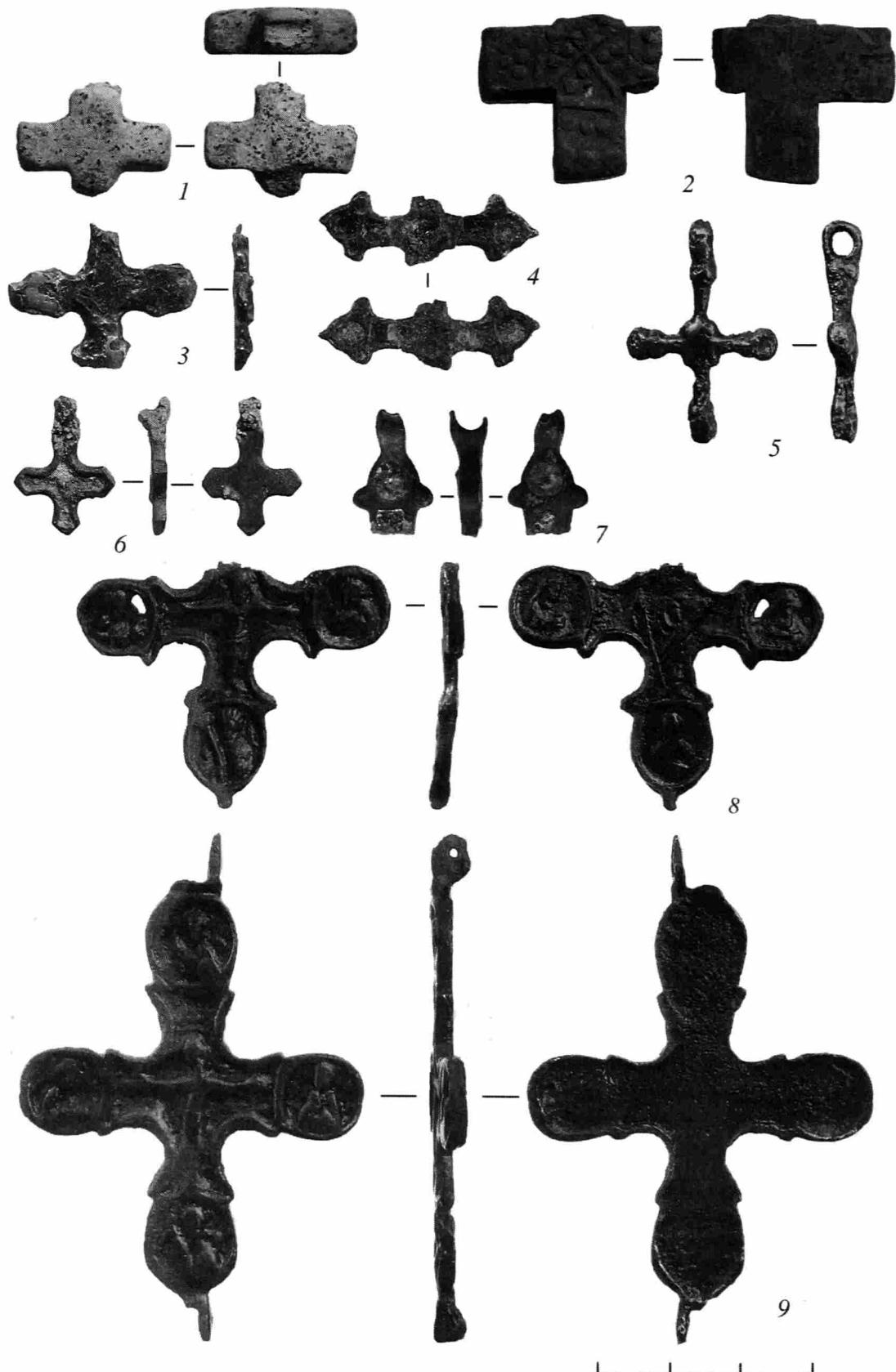
¹ Авторы признательны д.и.н. А.Е. Мусину и к.и.н. Е.Ю. Медниковой за лабораторное исследование содержимого энколпиона.

Створка энколпиона размером $5,6 \times 3,7$ см с рельефным изображением Распятия найдена на селище Глебовское 1 на территории современного села Глебовское (рис. 2, 2). Низкорельефное изображение Христа с широко раскинутыми руками сильно стерто, сверху слабо читается изображение креста. По форме этот крест-реликварий ближе всего к типу 3 группы VIII, выделенному А.А. Песковой. Исследовательница полагает, что подобные энколпионы появились не ранее конца XII в. и получили широкое распространение в XIII в., преимущественно – в Северо-Восточной Руси (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 223–228*).

Створка энколпиона размера $5,1 \times 8,2$ см с закругленными концами, несущая рельефное изображение Распятия и погрудные изображения предстоящих в боковых медальонах архангелов – в верхнем и нижнем – найдена местными жителями на огороде на селище Янево VI (рис. 3, 9). Энколпионы этого типа, на лицевой стороне которых помещалось изображение архангела Михаила, выделены в тип VII.4, появление которого относится ко второй половине XIII в. Подобные энколпионы были распространены в XIV–XV вв. (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 195, 218–220*).

Двусторонний наперстный крест с закругленными концами найден на распаханном участке поселения Иваньково-Кощеево I (рис. 3, 8). Ширина креста 3,3 см, высота сохранившейся части 2,5 см, верхняя лопасть обломана. На лицевой стороне креста рельефное изображение распятия, на боковых лопастях медальоны с изображениями предстоящих, на нижней лопасти медальон с изображением архангела. На обратной стороне креста изображение архангела Михаила (?), в медальонах – изображения святых. Иконография и стилистика изображений сходны с изображениями на энколпионах типа VII.4 (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 218–220*), что, вероятно, указывает на их хронологическую близость. На распаханном участке селища, откуда происходит крест, представлена круговая керамика с характерной профилировкой XII – первой половины XIII в. и второй половины XIII–XV вв. и отдельные фрагменты сосудов более позднего времени. Энколпионы и наперстные кресты с закругленными концами и медальонами в лопастях производились и использовались в течение длительного периода, отдельные находки их представлены в комплексах конца XVI – начала XVII в. (*Чернов, 2000. С. 66–80, рис. 4, 25, 26*). Отсутствие четких хронологических признаков, позволяющих разделить ранние и поздние экземпляры, не позволяет предложить узкую дату для створки энколпиона из Янево 6 и наперстного креста из Иванько-Кощеева 1, однако в целом они близки находкам XIII–XIV вв., изданным А.А. Песковой (*Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 146–147*).

Из коллекции, собранной при раскопках поселения Вишеники 3, происходит бронзовый крестик с шариками на концах с квадратным средокрестием размером $2,2 \times 3,2$ см – один из характерных древнерусских типов XII – первой половины XIII в. (рис. 3, 5). Среди металлических крестов-тельников три бронзовых двусторонних с трехлепестковыми концами, простым средокрестием и эмалевыми вставками. Два из них происходят из раскопок селища Вишеники 3, у одного обломаны две лопасти, второй представлен в двух фрагментах (рис. 3, 3, 4). Фрагмент еще одного креста такого же типа – часть

верхней лопасти с ушком – найден на селище Шекшово II (рис. 3, 7). Крестики с трехлепестковыми концами, украшенные эмалью, в XII – первой половине XIII в. получили широкое распространение на всей территории Древней Руси (Мальм, 1968). Более редким типом следует считать равносторонние кресты с треугольными концами, также инкрустированные желтой эмалью, один из которых найден в распашке на поселении Кистыш 3 (рис. 3, 6). Д.А. Беленькая выделяет их как один из подтипов крестов с округлым средокрестием (тип III, подтип 2), датируя XIII–XV вв. (Беленькая, 1993. С. 17). Найдки подобных крестов на селищах Куликова поля и Подмосковья датированы XIV–XV вв. (Гриценко, Пуцко, 2000. С. 213, 219, рис. 10; Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 187, 188, рис. 3, 5). Учитывая характер керамической коллекции с поселения Кистыш 3, можно с большой долей вероятности датировать крест с эмалью временем не позднее XIV в.

Керамический крест с прямыми концами прямоугольного сечения с простым средокрестием и штампованным геометрическим узором происходит из культурного слоя XII – первой половины XIII в. в раскопе на селище Вишенки 3 (рис. 3, 2). Подобные кресты, имитирующие каменные с декорированными зернью металлическими муфтами на концах, в XII–XIII вв. получили распространение в различных регионах Руси – от южнорусских областей до Белоозера (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. Рис. 26, 11; Захаров, 2004. С. 226). Серия керамических крестов найдена при раскопках в Ветчаном городе во Владимире, где, по-видимому, было наложено их производство (Жарнов, 2003. С. 54–57, рис. 6, 9–12). Следует отметить, что основной массив находок никак не декорирован. Реже можно наблюдать экземпляры с изображением косого или прямого креста в средокрестии и иногда на лопастях, выделенных в отдельные зоны. При этом орнаментация чаще встречается на северно-русских крестах. Найдка из Вишенок 3 выделяется из ряда более сложным декором, состоящим из “жемчужин” (имитации зерни), на лопастях, выделенных в отдельные зоны, и в треугольниках, образованных косым крестом в средокрестии.

Еще один крест, найденный на селище Вишенки 3, в распашке на поверхности, – каменный прямоконечный, шириной 1,8 см, с частично обломанной верхней и нижней лопастями (рис. 3, 1). Крест изготовлен из мягкого светло-серого камня. Прямоконечные кресты – наиболее распространенный тип древнерусских каменных крестов, представленный, в частности, значительной серией находок из Суздаля и Владимира (Седова, 1997. С. 204, рис. 72, 4, 12; Жарнов, 2003. С. 54–55, рис. 6, 3–7).

Постепенное расширение раскопок на селищах домонгольского времени в различных регионах Руси выявляет значительное количество предметов христианского культа, отложившихся в культурном слое. Как показали на-

Рис. 3. Предметы личного благочестия, собранные при раскопках селищ Сузdal'skogo Opol'ya

1–5 – Вишенки 3; 6 – Кистыш 3; 7 – Шекшово 2; 8 – Иваньково-Кощеево 1; 9 – Янево 6 (1 – камень, 2 – керамика, 3–9 – бронза)

ши подсчеты, предметы личного благочестия найдены более чем на половине северорусских селищ XI–XIII вв., исследованных раскопками. Среди христианских древностей, собранных на сельских поселениях, преобладают металлические кресты-тельники различных типов, но представлены также каменные и керамические кресты и другие категории вещей – металлические и каменные образки и энколпионы (Макаров, 2004).

Находки предметов христианского культа на сузdalских селищах, таким образом, не являются неожиданностью, они хорошо вписываются в общую картину широкого распространения предметов личного благочестия среди обитателей сельских поселений, раскрывающуюся в последние годы. Однако состав сузdalской коллекции отличается некоторым своеобразием – присутствием серии сравнительно редких категорий и типов вещей с более сложной символикой, сопоставимых по своему количеству с металлическими крестами обычных древнерусских типов, предназначенными для массового спроса. Вероятно, это своеобразие отражает особые культурные традиции центра Сузdalской земли, сложившиеся в условиях более интенсивной и глубокой христианизации этой территории, и особый социальный облик сузdalских сел, в которых было сосредоточено не только рядовое земледельческое население, но и другие социальные группы, включая бояр и различные категории служебного населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв.: Очерки. М.
- Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208.
- Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово I в Истринском районе Московской области // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М. Вып. 2.
- Грищенко Г.А., Пуцко В.Г., 2000. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.
- Жарнов Ю.Э., 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира на Клязьме // РА. № 3. С. 165–174.
- Жарнов Ю.Э., 2000. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. № 1.
- Жарнов Ю.Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и “проблема 1238 года” // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2005. Сельское расселение в центральной части Сузdalской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв.: Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Макаров Н.А., 2004. Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ и проблема христианизации северорусской деревни // Исторические записки. М. Вып. 7 (125). С. 251–274.
- Макаров Н.А., 2005. Культурный ландшафт Сузdalского Ополья XI–XIII вв. и проблемы политического самоопределения Сузdalской земли // Наукові записки з української Історії: Збірник наукових статей письменій пам'яті В.В. Седова. Переяслав-Хмельницкий. С. 37–46.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

- Мальм В.А., 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.
- Медникова Е.Ю., Мусин А.Е., Пескова А.А., 2006. Священные вложения древнерусских энколпионов в контексте литургической практики: возможности комплексного анализа // «Христианская историография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии». СПб. (в печати)
- Медынцева А.А., 1999. Мастерская Тудора // РА. № 3. С. 149–159.
- Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М. (САИ; Вып. Е1-60).
- Седова М.В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л. С. 101–104.
- Седова М.В., 1988. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Сузdalской Руси // Древности славян и Руси. М.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.
- Седова М.В., Мухина Т.Ф., 1999. Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире // РА. № 3. С. 160–164.
- Сикорский М.И., 1979. Исследования в Переяславе-Хмельницком // АО 1979 г. М.
- Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998 гг.) // РА. № 1. С. 63–81.

Т.Г. Сарачева

**ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII–XVI вв.
С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ***

В течение длительного времени в отечественной историографии господствовала точка зрения о том, что с серединой XIII в. экономика и культура русских земель, испытавших на себе тяжесть ордынского ига, переживали период упадка. Однако в настоящее время среди историков и археологов наблюдается тенденция к переосмыслинию последствий монгольского нашествия. В большей мере этому способствуют новые данные, полученные благодаря археологическим исследованиям последних десятилетий, которые позволяют объективнее оценить уровень развития отдельных древнерусских территорий в золотоордынский период (Макаров, 2003. С. 5–11; Чернецов, 2003. С. 12–17).

Изучение археологических памятников Северо-Восточной Руси показывает, что в середине XIII в. не все населенные пункты пострадали в одинаковой мере. Так, например, многие небольшие селища, а также северные территории, не попавшие под прямой удар монголов, смогли в какой-то мере сохранить преемственность ремесленных и культурных традиций. Предметный мир домонгольского периода и последующего времени имеет целый ряд коренных отличий. Выделение категорий предметов, бытовавших после середины XIII в., вызывает определенные затруднения (Макаров, 2003. С. 5).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-00276а).

Это утверждение справедливо и для такого яркого компонента материальной культуры, как металлические украшения.

В настоящее время ювелирные изделия золотоордынского времени исследованы слабо в силу нескольких причин. Во-первых, напластования второй половины XIII–XVI вв. на сельских памятниках выделить довольно сложно, а погребальный обряд в это время характеризуется практически полным исчезновением сопровождающего инвентаря. Во-вторых, множество ювелирных изделий происходит из сильно потревоженных и перемешанных поселенческих слоев. В-третьих, материал раскопок последних лет, который и дал основную массу украшений второй половины XIII–XVI вв., зачастую не введен в научный оборот и вследствие этого остается недоступным. И, наконец, точка зрения о немногочисленности ювелирных изделий этого времени привела к тому, что мы плохо представляем номенклатуру и хронологию украшений и также, какие из составляющих женского убора, известного по курганным древностям, продолжают использоваться впоследствии.

Сбор и систематизация разрозненной и немногочисленной, но увеличивающейся с каждым полевым сезоном информации о ювелирных изделиях Северо-Восточной Руси находится в начальной стадии, и настоящая работаносит предварительный характер. Составленная преимущественно по опубликованным данным выборка украшений второй половины XIII–XVI вв. включает находки из раскопок 36 памятников, а также подъемный материал (рис. 1; табл. 1)¹. Условия их обнаружения (в закрытых комплексах, на незначительных по площади селищах, возникших после середины XIII в. и существовавших сравнительно короткое время, из городских слоев второй половины XIII–XVI в.) определяют различную степень надежности датировок.

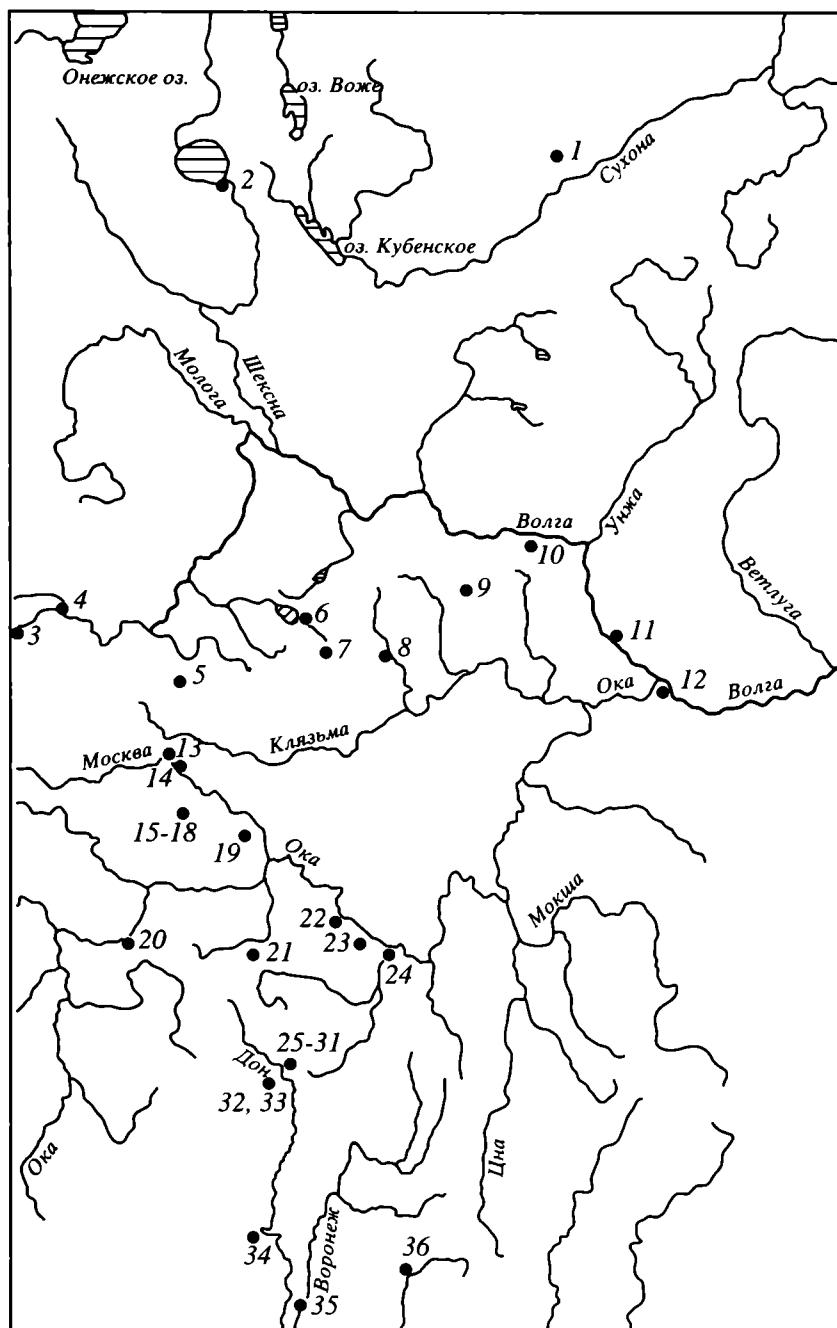
Головные украшения (38 экз.). В выборке представлены височные кольца перстнеобразные, многобусинные и с фигурной лопастью, а также серьги в форме знака вопроса. Украшения из комплексов, имеющих сравнительную узкую дату, относятся к концу XIV – началу XVI в.

Перстнеобразные височные кольца (рис. 2, 1, 2) принадлежат к числу частых находок на домонгольских памятниках, однако, судя по новгородским древностям, продолжают бытовать до начала XV в. (Седова, 1981. С. 13).

Многобусинные височные кольца – характерное украшение води – встречаются в новгородских слоях с конца XIII в. (Лесман, 1990. С. 70). Интересно отметить, что в Махринском кладе обнаружены фрагменты двух семилопастных височных колец. Это пока единственный известный случай находки этноопределывающего украшения вятичей в комплексе золотоордынского времени. В состав клада входил серебряный лом, к которому, скорее всего, и относятся фрагменты колец.

---

¹ В выборку включены неопубликованные материалы из раскопок Твери, Дмитрова и подмосковных селищ Мякинино 2, Клёново, Мешково 1; городища Городок Нижегородской обл.; памятников Верхнего Подонья – Вединец 1, Устье 3, Грязновка 2, Бучалки 3, Монастырщина 5, Исааковские Выселки. Выражаю искреннюю благодарность Н.Е. Персову, В.В. Солдатенковой, М.И. Гоняну, Н.Н. Грибову, А.В. Энговатовой, В.Ю. Ковалю и С.В. Шполянскому за предоставленную информацию и возможность ознакомиться с находками.

Рис. 1. Памятники Северо-Восточной Руси, из которых происходят ювелирные изделия выборки

1 – Тиуновский могильник; 2 – Белоозеро; 3 – Старица; 4 – Тверь; 5 – Дмитров; 6 – Переяславль-Залесский; 7 – Кистыш 3; 8 – Сузdal'; 9 – Петровское; 10 – Плес; 11 – Городец на Волге; 12 – Городок; 13 – Мякинино 2; 14 – Москва; 15–18 – Кленово, Мешково 1, Озинобишко 5, Щапово 4; 19 – Настасьино; 20 – Сорокино городище; 21 – Махринский клад; 22 – Переяславль-Рязанский; 23 – Гавердовский клад; 24 – Старая Рязань; 25–31 – Грязновка 2, Бучарки 3, Устье 3, Вединец 1, Бутырки 2, Куликовка 4, Исааковские Выселки; 32, 33 – Монастырщина 5, Березовка 5; 34 – Семилукское городище; 35 – Шиловское селище; 36 – Мосоловское селище. Источники рисунков украшений см. в таблице 1

Таблица 1. Ювелирные изделия Северо-Восточной Руси второй половины XIII – XVI вв.

№ п/п	Памятник	Дата	Источник информации
Перстнеобразные височные кольца			
1	Мякинино 2	XV в.	Отчет
2	Исаковские Выселки	2-я пол. XIII–XIV в.	Гончарный, 2003. Рис. 157, 10
Многобусинные височные кольца			
3, 4	Махринский клад	начало XV в.	Клянин, 1997. С. 38
Височные кольца с фигурной лопастью			
5, 6	Гавердовский клад	начало XV в.	Зубков, 1951. С. 139
7	Плес	XV в.	Травкин, 2000
8	Тиуновский могильник	XIV–XV вв.	Никитинский, 1996. С. 216
Серьги в форме знака вопроса			
9, 10	Мякинино 2	1-я пол. XV в.; случайная находка	Отчет
11–18	Тверь (Затьмацкий посад)	2-я пол. XIV – начало XVI в.	Солдатенкова, Персов, 2005. С. 216
19	Гавердовский клад	начало XV в.	Зубков, 1951. С. 139
20	Сорокино городище	60–70-е гг. XV в.	Зацаринный, 2003. С. 106
21	Тиуновский могильник	XIV – начало XV в.	Никитинский, 1996. С. 216
22	Суздаль (окольный город)	XIV–XV вв.	Седова, 1997. С. 133
23, 24	Переяславль Залесский	XII–XVI вв.	Воронин, 1949. С. 199
25–27	Городок	2-я пол. XV – начало XVI в.	Сообщение Н.Н. Грибова
28	Семилукское городище	XII–XIII вв.	Пряхин, Цыбин, 1991. С. 103
29	Шиловское селище	XII – начало XV в.	Пряхин и др., 1987. С. 32
30	Старая Рязань (посад)	верхние напластования	Даркевич, Борисевич, 1995. С. 195
31, 32	Москва (Манежная площадь)	2-я пол. XIII–XIV в.	Векслер, Лихтер, 1997. С. 245
33	Петровское	2-я пол. XV – начало XVI в.	Травкин, 1989. С. 7
34–37	Белоозеро	случайная находка	Захаров, 2004. С. 47, 169
38	Устье 3	случайная находка	Гончарный, 2003. С. 196
Браслеты			
39	Гавердовский клад	начало XV в.	Зубков, 1951. С. 139
40	Кленово	2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.	сообщение С.В. Шполянского
42	Настасьино	2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.	Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 53

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Памятник	Дата	Источник информации
43, 44	Старая Рязань	не установлена	Даркевич, Борисевич, 1995. С. 150; Монгайт, 1955. Рис. 137, 1
45–48	Белоозеро	случайная находка	Голубева, 1973. С. 141; Захаров, 2004. С. 180
49	Дмитров	XIV в.	Никитин, 1971. С. 283–284
50	Устье 3	XII–XIV вв.	Сообщение М.И. Гоняного
51	Грязновка 2	конец XIII – 3-я четв. XIV в.	Гоняный, 2003. С. 191
52	Шиловское селище	XII – начало XV в.	Пряхин и др., 1987. С. 20
53	Исаковские Выселки	2-я пол. XIII–XIV в.	Гоняный, 2003. С. 456
54	Городок	2-я пол. XV – начало XVI в.	Сообщение Н.Н. Грибова

Овальнощитковые перстни

55–68	Тверь (Затьмацкий посад, кремль)	рубеж XIV–XV вв.; XV–XVI вв.	Олейников, 1997. С. 185, рис. 6, 4; Персов, Солдатенкова, 2005. С. 213–216; Кобозева, Дворников, 1997. С. 202, рис. 2, 4
69	Мешково 1	XIII в.	Сообщение С.В. Шполянского
70	Монастырщина 5	XIV в.	Гоняный, 2003. С. 189, рис. 226, 10
71	Переяславль Рязанский	XIV–XV вв.	Подземная охранная зона..., 1995. Рис. 13, 4
72	Шиловское селище	XII – начало XV в.	Пряхин и др., 1987. С. 32
73, 74	Гавердовский клад	начало XV в.	Зубков, 1951. С. 138
75–78	Ведище 1	конец XIII – XIV в.	Гоняный, 2003. С. 189, рис. 226, 5, 6
79, 80	Дмитров (кремль)	2-я пол. XV в.; случайная находка	Отчет
81–90	Настасьино	XIV–XV вв.; случайные находки (8 экз.)	Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 54, 55
92	Москва	2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.	Рабинович, 1971. С. 79
94	Щапово 4	конец XIII – начало XIV в.	Гоняный, 1998. С. 165, рис. 4, 4
95	Устье 3	XII–XIV вв.	Гоняный, 2003. Рис. 226, 7
96	Грязновка 2	конец XIII – 3-я четв. XIV в.	Гоняный, 2003. Рис. 226, 12
97	Куликовка 4	XII–XIV вв.	Гоняный, 2003. Рис. 226, 8
98	Бутырки 2	XII–XIV вв.	Гоняный, 2003. Рис. 226, 4
99	Сузdalь	не установлена	Седова, 1997. Рис. 65, 13
100–104	Белоозеро	не установлена; случайные находки (3 экз.)	Голубева, 1973. С. 142; Захаров, 2004. С. 47

Таблица 1 (продолжение)

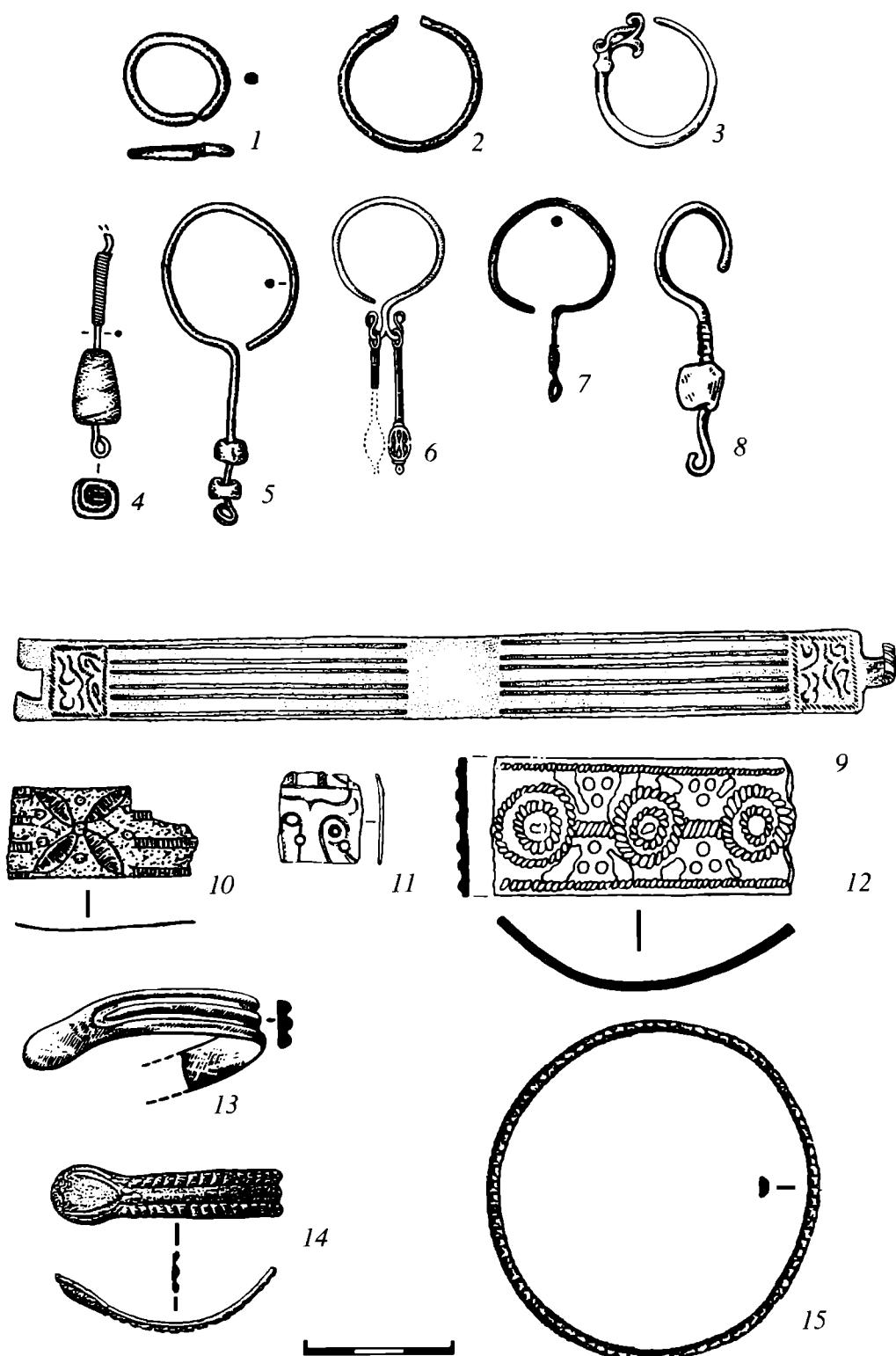
№ п/п	Памятник	Дата	Источник информации
105, 106	Старая Рязань	не установлена	Даркевич, Борисевич, 1995. С. 167; Монгайт, 1955. Рис. 137, 7
107–114	Мякинино 2	XIV в.; 1-я пол. XV в.; случайные находки (6 экз.)	Отчет
Круглощитковые перстни			
115–119	Белоозеро	случайные находки	Захаров, 2004. С. 183
120	Исаковские Выселки	2-я пол. XIII–XIV в.	Гоняный, 2003. Рис. 159, 6
121	Устье 3	XII–XIV вв.	Сообщение М.И. Гоняного
122–125	Тверь (Затьмацкий посад)	XV–XVI вв.; случайная находка (1 экз.)	Сообщение В.В. Солдатенковой
Квадратнощитковые перстни			
126–131	Белоозеро	случайные находки	Захаров, 2004. С. 61, 183
132	Суздаль	не установлена	Седова, 1997. Рис. 65, 6
133, 134	Мякинино 2	XV в.	Отчет
135–137	Настасьино	XV в.; случайные находки (2 экз.)	Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 55
138	Березовка 5	середина XIII – начало XIV в.	Гоняный, Грищенко, 2000. С. 149
Ромбощитковые перстни			
139	Гавердовский клад	начало XV в.	Зубков, 1951. С. 138
140	Устье 3	случайная находка	Сообщение М.И. Гоняного
141–143	Белоозеро	случайные находки	Захаров, 2004. С. 61, 182
144	Тиуновский могильник	2-я пол. XIV в.	Никитинский, 1996. С. 216
145–148	Тверь (кремль, Затьмацкий и Загородский посады)	XIV в.; XVI в.	Хухарев, 1997. С. 182–183; сообщение В.В. Солдатенковой
149	Шиловское селище	XII – начало XV в.	Пряхин и др., 1987. С. 32
150, 151	Настасьино	случайные находки	Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 56
Щитковые перстни с поперечными валиками на обруче			
152	Дмитров (кремль)	случайная находка	Отчет
153, 154	Исаковские Выселки	2-я пол. XIII–XIV в.	Гоняный, 2003. Рис. 159, 5; 157, 11
155–158	Старая Рязань	не установлена	Даркевич, Борисевич, 1995. С. 184, 197, 211
159, 160	Суздаль	не установлена	Седова, 1997. Рис. 65, 5, 10
161–164	Белоозеро	случайные находки	Захаров, 2004. С. 61, 183–184

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Памятник	Дата	Источник информации
165–167	Устье 3	случайная находка	Гоняный, 2003. Рис. 226, 2, 3
168, 169	Настасьино	случайные находки	Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 54–56
Квадрифолиевые перстни			
170–172	Устье 3	случайные находки	Гоняный, 2003. Рис. 226, 13
173	Белоозеро	случайная находка	Захаров, 2004. С. 184
Щитковые перстни с особым видом декора			
174	Суздаль	не установлена	Седова, 1997. С. 71
175	Москва (Зарядье)	2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.	Рабинович, 1971. С. 76
176	Белоозеро	2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.	Голубева, 1973. С. 142
177	Городец на Волге	2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.	Медведев, 1968. С. 39, рис. 7, 2
Перстни со вставками			
178, 179	Белоозеро	2-я пол. XIII в.; случайная находка	Голубева, 1973. С. 142; Захаров, 2004. С. 183–184
180	Дмитров	не установлена	Отчет
181	Городок	2-я пол. XV – начало XVI в.	Сообщение Н.Н. Грибова
182	Тверь (Затьмацкий посад)	XV в.	Сообщение В.В. Солдатенковой
Узкопластинчатые перстни			
183	Дмитров	XV в.	Никитин, 1971. С. 284
184	Старица	XV–XVI вв.	Седова, 1981. С. 132
185–191	Тверь (Затьмацкий посад)	XV–XVI вв.	Солдатенкова, Персов, 2005. С. 216
192	Мякинино 2	XV – 1-я пол. XVI в.	Отчет
193–197	Белоозеро	случайные находки	Захаров, 2004. С. 182
Булавки "пус ѿеппі"			
198, 199	Мякинино 2	XV – возможно, 1-я пол. XVI в.	Отчет
200	Дмитров	XIV в.	Отчет
201–317	Тверь (Затьмацкий посад)	XV–XVI вв.	Сообщение В.В. Солдатенковой
Бубенчики с валиком			
318	Дмитров	конец XIII–XIV в.	Отчет
319	Березовка 5	середина XIII – начало XIV в.	Гоняный, Гриценко, 2000. С. 149, рис. 8, 16
320	Кистыш 3	случайная находка	Макаров и др., 2004. С. 27

Таблица 1 (окончание)

№ п/п	Памятник	Дата	Источник информации
321	Шиловское селище	XII – начало XV в.	<i>Пряхин и др., 1987. С. 9</i>
322	Старая Рязань	не установлена	<i>Даркевич, Борисевич, 1995. С. 203</i>
323	Озношино 5	XIII в.	<i>Шполянский, 2003. С. 262, рис. 4, 31</i>
Пуговицы цельнолитые			
324–342	Тверь (Затьмацкий посад)	XV–XVI вв.	<i>Солдатенкова, Персов, 2005. С. 216</i>
343	Мосоловское селище	2-я пол. XIII–XIV в.	<i>Цыбин, 1987. С. 42</i>
344	Куликовка 4	случайная находка	<i>Гоняный и др., 2003. С. 242, рис. 7, 14</i>
345, 346	Устье 3	случайные находки	Сообщение М.И. Гоняного
Пуговицы паяные			
347–350	Тверь (Затьмацкий посад)	XV–XVI вв.	<i>Солдатенкова, Персов, 2005. С. 216</i>
351	Мякинино 2	2-я пол. XV в.	Отчет
Пряжки			
352	Дмитров	2-я пол. XIV – начало XV в.	Отчет
353	Мякинино 2	случайная находка	Отчет
354	Бучалки 3	случайная находка	<i>Гоняный, 2003. С. 188</i>
355	Устье 3	случайная находка	<i>Гоняный, 2003. С. 188</i>
Разделитель ремня			
356	Дмитров	2-я пол. XIII–XIV в.	Отчет
Поясное кольцо			
357	Дмитров	2-я пол. XIII–XIV в.	Отчет
Накладки			
358	Щапово 4	конец XIII – начало XIV в.	<i>Гоняный, 1998. С. 165, 166, рис. 4, 3</i>
359	Сузdalь	XIV–XV вв.	<i>Седова, 1997. С. 133</i>
360–367	Мякинино 2	XIV, XV, 1-я пол. XVI в.; случайная находка	Отчет
368–376	Тверь (Затьмацкий посад)	XV–XVI вв.	Сообщение В.В. Солдатенковой
377, 378	Устье 3	случайные находки	Сообщение М.И. Гоняного
379, 380	Дмитров	XIV–XV вв.	Отчет
381	Грязновка 2	конец XIII–XIV в.	<i>Гоняный, 2003. Рис. 233, 2</i>

Рис. 2. Головные украшения и браслеты

1, 4, 5 – Мякинино 2; 2, 15 – Исаковские Выселки; 3, 6, 9 – Гавердовский клад; 7, 14 – Старая Рязань;
8 – Переславль-Залесский; 10 – Кленово; 11 – Белоозеро; 12 – Дмитров; 13 – Грязновка 2

Височные кольца с фигурной лопастью (рис. 2, 3) имеют широкие хронологические рамки бытования, вплоть до XV в. В настоящее время известно 12 пунктов находок, которые концентрируются преимущественно в районе Белоозера и его округи, а также в Подмосковье.

Начиная с XIV в. самым распространенным головным украшением становятся проволочные серьги в форме знака вопроса (рис. 2, 4–8), пришедшие на Русь с Востока (Седова, 1981. С. 16; Полякова, 1996. С. 171–175; Недашковский, 2000. С. 42). Они найдены на многих русских памятниках в слоях XIV–XV вв.

Браслеты (15 экз.). Браслет с шарнирным замком из Гавердовского клада украшен штрихованными полосами, находки из поселений Кленово и Настасьино – гравированными четырехлепестковыми розетками, экземпляры из Старой Рязани и Белоозера – изображением львиных морд на концах (рис. 2, 9–11). Браслеты с аналогичным декором известны среди новгородских и золотоордынских древностей XIV в. (Седова, 1981. С. 119; Полякова, 1996. С. 179, 180). Фрагмент бронзового браслета, украшенный ажурным и ложносканым декором, обнаружен в Дмитрове (рис. 2, 12).

В выборку вошло несколько пластинчатых браслетов с рельефными валиками (Белоозеро, Городок, Старая Рязань, Шиловское поселение; рис. 2, 13, 14). Согласно новгородской шкале древностей, они появляются в 40-е годы XIII в. и бытуют до 60-х годов XV в. (Седова, 1981. С. 114; Лесман, 1990. С. 39).

Перстни (рис. 3). В выборке представлены щитковые (123 экз.), пластинчатые (17 экз.) и перстни со вставками (5 экз.). Семь щитковых перстней могли использоваться в качестве печатей (рис. 3, 5, 6, 11, 20). Это перстни с изображением птицы (Москва, Тверь), зверя (Тверь, Настасьино, Ведище 1, Щапово 4, Устье 3), воина (Мякинино 2). Первой половиной XIV в. датируется перстень с изображением зверя из Новгорода; к этому же времени относится находка с изображением льва из Болгар (Седова, 1981. С. 138, рис. 52, 4; Полякова, 1996. С. 178, рис. 61, 15).

87 экземпляров происходят из коллекций подъемного материала, раскопок поселенческих слоев, датированных в пределах двух и более столетий, а также из переотложенных слоев. Они отнесены к периоду после середины XIII в. на основе хронологии новгородских, псковских, вымских и золотоордынских древностей (Седова, 1981. С. 136; Лесман, 1990. С. 52, 54; Полякова, 1996. С. 178, 179, рис. 61, 12, 28, 29, 31–33; Савельева, 1987. С. 126, рис. 34). Это перстни овальнощитковые с плоским недекорированным щитком (появляются во второй четверти XIII в. и широко распространяются впоследствии), овальнощитковые с заостренными краями овала (с начала XIV в.), круглощитковые перстни с плоским неорнаментированным щитком или с гравировкой (с конца 30-х годов XIII в.), квадратнощитковые (вторая половина XIII – вторая половина XIV в.), ромбощитковые (с 70-х годов XIII в.), перстни с поперечными валиками на обруче и щитками разной формы (после 1238 г., основная масса находок – после 1299 г.), квадрифолийные свинцово-оловянные (с 30–60-х годов XIII в., широко распространяются с XIV в.).

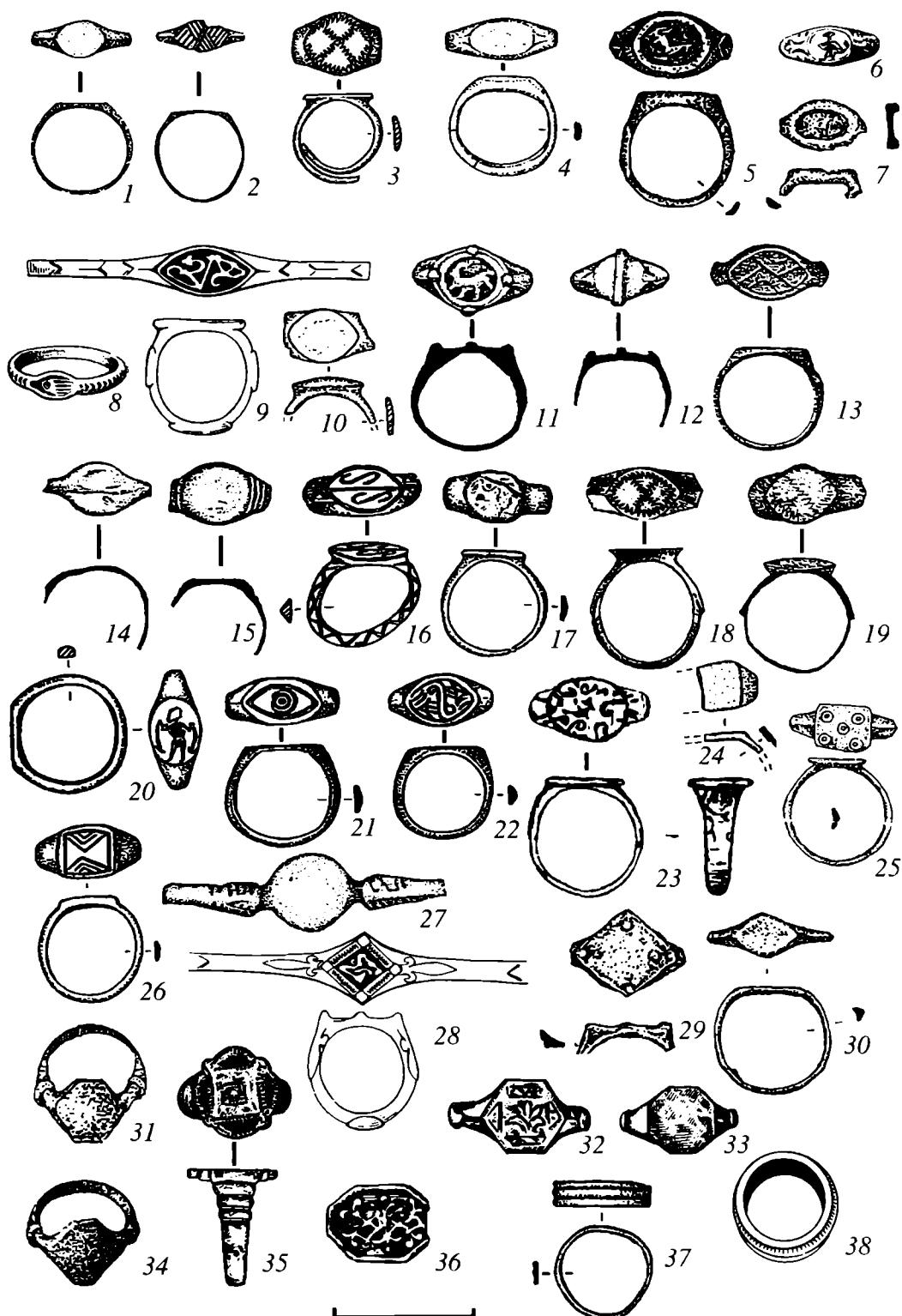

Рис. 3. Перстни

1, 2 – Тверь; 3, 4, 10, 16, 17, 20–22, 24, 26, 37 – Мякинино 2; 5, 7, 18, 25, 29, 30 – Настасьино; 6, 8 – Москва; 9, 28 – Гавердовский клад; 11, 12 – Вединец 1; 13 – Монастырщина 5; 14 – Куликовка 4; 15 – Бутырки 2; 19 – Мешково 1; 23 – Переяславль-Рязанский; 27, 31, 34 – Исадковские Выселки; 32, 33, 35 – Старая Рязань; 36 – Сузdal'; 38 – Дмитров

Несколько перстней выборки выделяются особым видом декора. Восьмиугольный щиток перстня из Суздаля покрыт так называемым решетчатым орнаментом с растительными окончаниями, характерным для золотоордынских ювелирных изделий XIV–XV вв. (рис. 3, 3б). Среди древностей Северо-Восточной Руси известно три овальнощитковых перстня с изображением руки (Москва, Белоозеро, Городец на Волге; рис. 3, 8). Наиболее близкий по форме и декору новгородский экземпляр датируется концом XIII – началом XIV в. (Седова, 1981. С. 112). Кроме того, аналогичный перстень найден вместе с древнерусской керамикой в жилище XIV в. Болгарского городища (Полубояринова, 1993. С. 29).

Перстни со вставками. В выборке представлены перстни с овальными оправами на квадратных щитках (Белоозеро, Дмитров), с круглой (Городок) и с восьмиугольной оправой (Тверь).

Пластинчатые перстни из Мякинина, Дмитрова, Белоозера, Старицы и Твери имеют ребристое поперечное сечение (рис. 3, 37, 38). Судя по материалам Новгорода и Гдовских курганов, перстни с валиками бытовали во второй половине XIV–XV в. (Седова, 1981. С. 131, 132). Тверской перстень из комплекса XV в. украшен четырьмя припаянными скаными поясками, а украшение из перемешанных слоев – гравированным геометрическим декором.

Детали костюма. На памятниках Северо-Восточной Руси найдены бронзовые булавки “*пус ёппи*” (119 экз.). Их использовали для крепления головного платка к жесткой основе на территории Поволжья в XIV–XVII вв. (Краснов, Каховский, 1978. С. 142). Появление булавок на Руси в начале XIV в. связывают с модой, принесенной монголами с Востока (Седова, 1981. С. 158). В Новгороде и Москве обнаружены каменные формы для их отливки (Рындина, 1963. С. 217, рис. 10, 4; Григорьев, 1953. С. 349). В выборке представлены как литье, так и проволочные булавки (рис. 4, 1–3).

С слоями второй половины XIII – первой половины XIV в. связаны находки литых и тисненных больших бубенчиков с линейной прорезью и поперечным валиком (рис. 4, 4–7). К этому же времени относятся новгородские и золотоордынские бубенчики аналогичной формы (Седова, 1981. С. 156; Лесман, 1990. С. 61; Полякова, 1996. С. 201, 202). Кроме того, они входили в состав погребального инвентаря вымских могильников XIII–XIV вв. (Савельева, 1987. С. 85, рис. 29, 41).

Пуговицы (27 экз.) относятся к слабо изученным категориям древнерусских ювелирных изделий, поэтому в выборке преобладают находки из датированных комплексов и слоев (рис. 4, 8–10). Некоторые экземпляры украшены гравированным геометрическим декором. Так, нижняя часть тулова пуговиц с Мосоловского селища, Куликовки 4 и Устья 3 покрыта концентрическими зигзагообразными линиями. Аналогичные пуговицы характерны для золотоордынских напластований Болгарского, Увекского городищ и материалов мордовского Гагинского могильника XIV в. (Полякова, 1996. С. 198).

Пряжки (4 экз.) с одночастной рамкой (рис. 4, 11, 12) имеют многочисленные аналогии среди золотоордынских древностей (Полякова, 1996. С. 202). Фрагмент пряжки из Дмитрова украшен ромбом – характерным де-

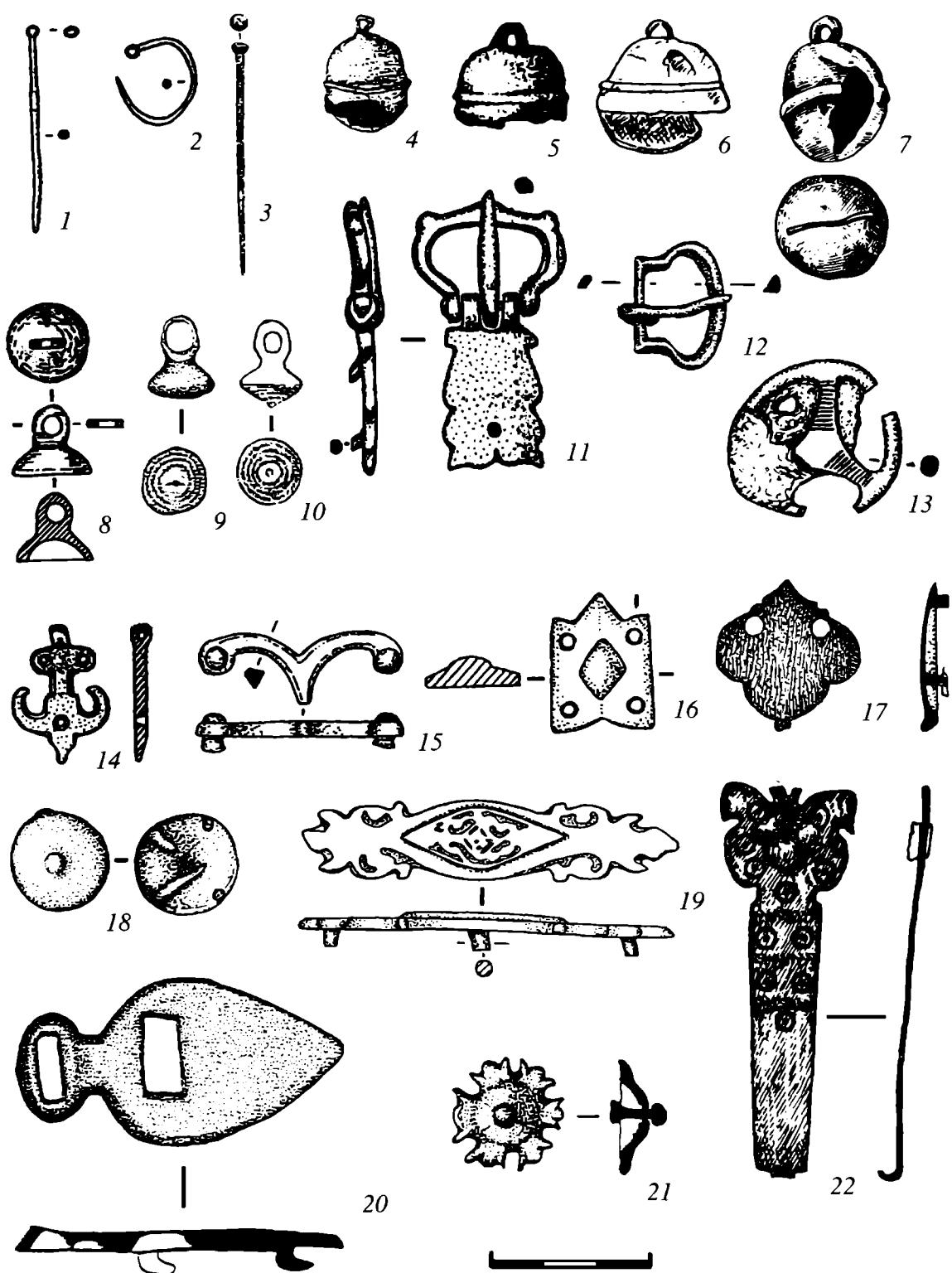

Рис. 4. Детали костюма

1, 2, 8, 11, 14–16, 19 – Мякинино 2; 3, 13, 18 – Дмитров; 4 – Ознобишино 5; 5 – Березовка 5; 6 – Шиловское селище; 7 – Старая Рязань; 9 – Куликовка 4; 10 – Мосоловское селище; 12 – Бучалки 3; 17 – Щапово 4; 20 – Устье 3; 21 – Грязновка 2; 22 – Суздаль

коративным элементом поясной гарнитуры поволжских памятников (*Полякова*, 1996. С. 203, 208).

Разделитель ремня (рис. 4, 13) и уплощенное *поясное кольцо с рельефным декором* найдены на территории Дмитровского кремля.

Накладки (25 экз.) могли украшать пояса, одежду, бытовые предметы, оклады книг и конскую узду, поэтому в выборке они составляют единую группу (рис. 4, 15–22). Форма, декор, приемы лужения и золочения многих накладок находят многочисленные параллели в золотоордынских материалах. Мякининская накладка с ромбом аналогична поясному наконечнику первой половины XIV в. из Новгорода (*Седова*, 1981. С. 150, рис. 57, 18). Подобные украшения найдены на Болгарском городище, Лайшевском и Алексеевском VI селищах (*Полякова*, 1996. С. 207, 210; *Руденко*, 2000. С. 50, рис. 5, Д19; 2001. С. 71, рис. 38, 12–15). Назначение бронзовой конической накладки в виде шестилепестковой розетки с поселения конца XIII–XIV в. Грязновка 2 можно определить уверенно: это украшение золотоордынского головного убора XIV – начала XV в. (*Полякова*, 1996. С. 169).

Таким образом, в выборку вошло более 380 ювелирных изделий второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси. Ее анализ позволяет утверждать, что металлический убор в этот период претерпевает определенные изменения. Вместе с тем, в нем сохраняются украшения, хорошо известные в домонгольское время: перстнеобразные и многобусинные височные кольца, кольца с фигурной лопастью, браслеты с валиками, шарнирные и ложновитые, круглощитковые и квадрифолийные перстни, поясные кольца и разделители ремня. Многие находки, меняя какие-то элементы оформления, сохраняют черты сходства с украшениями предыдущего периода. Вероятно, неслучайно серьги с бусинами становятся самым популярным головным украшением. Наличие бусин, как стеклянных, так и металлических, а также проволочной навивки для их фиксации, – привычные конструктивные элементы древнерусских височных колец.

Изменения, коснувшиеся щитковых перстней, заключаются в исчезновении выпуклых щитков, появлении новых форм щитков и дополнительного декоративного элемента – поперечных валиков на обруче. Самой популярной формой в это время становятся овальнощитковые перстни. Практически все перстни сомкнутые. Щелевидные бубенчики были широко распространены в период до середины XIII в. Новый элемент, появившийся в них, – выпуклый валик на тулове. Декор на домонгольских пуговицах, как правило, отсутствует, в отличие от находок, учтенных в выборке.

Сравнительный анализ орнамента показывает, что он также претерпевает ряд изменений. Появляется большое число украшений без декора. Среди орнаментированных преобладают геометрические, заметный процент составляют зооморфные элементы. Столь популярный в домонгольское время растительный декор встречен в единичных случаях и лишь как дополнение к геометрическому.

К типам украшений, не известным в домонгольский период, следует отнести серьги в виде знака вопроса, ромбощитковые, восьмиугольные, овальнощитковые недекорированные и овальнощитковые с заостренными края-

ми перстни, перстни с поперечными валиками, булавки “пус йеппи”, накладки с петлей и фигурные бляшки с ромбом.

Хронологическое распределение украшений позволило уточнить датировку серег в виде знака вопроса. В Новгороде они относятся к периоду с начала XIV до середины XV в. Найдки колец в комплексах второй половины XV в. позволяют расширить время их бытования на территории Северо-Восточной Руси.

Набор и форма украшений, их декоративные элементы демонстрируют заметное влияние восточных импульсов. Это выглядит закономерным явлением, так как многие памятники Северо-Восточной Руси располагались в контактной зоне с кочевым миром. Многочисленные аналогии в золотоордынских древностях имеют восьмиугольные, овально- и квадратнощитковые перстни, серьги, булавки, накладки с петлями и выпуклым ромбом. Вероятно, какая-то часть украшений вышла из стен золотоордынских мастерских. Они могли появиться на Руси вместе со своими владельцами или же быть привезенными для распространения среди местного населения. Безусловно, русские мастера могли производить украшения по образцам, пришедшим с востока. Найдки литеийных форм для булавок являются красноречивым свидетельством культурных и технических заимствований ювелиров, которые легко копировали украшения, пользующиеся спросом у местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., 1997. Новые находки стеклянных изделий в Москве (по материалам 1994 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.

Воронин Н.Н., 1949. Раскопки в Переяславле Залесском // МИА. М.; Л. № 11.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.

Гоняный М.И., 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII–XIV вв. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской волости // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 96.)

Гоняный М.И., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля: Дис. ... канд. ист. наук. М.

Гоняный М.И., Гриценко В.П., 2000. Поселение 2-й пол. XIII – нач. XIV в. Березовка-5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Григорьев М.Г., 1953. Древняя Москва // По следам древних культур: Древняя Русь. М.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли; XI – XIII вв. М.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Зацаринный С.В., 2003. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища: (К вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула. Т. 2: Археология. История, этнография, искусствоведение.

Зубков В.И., 1951. Гавердовский клад XV века // КСИИМК. Вып. XLI.

Клянин Р.В., 1997. Археологические исследования в Веневском районе в 1996 году // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тула. Вып. 1.

Кобозева Е.В., Дворников А.С., 1997. Золотоордынская поливная чаша из Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.

- Краснов Ю.А., Каходский В.Ф., 1978. Средневековые Чебоксары. М.
- Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода, 1988 г. М.
- Макаров Н.А., 2003. Русь в XIII в.: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: древности тёмного времени. М.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Сузdalском Ополье // РА. № 1.
- Медведев А.Ф., 1968. Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. Вып. 113.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
- Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоординский город Укек и его округа. М.
- Никитин А.В., 1971. К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933–1934 гг.) // Древности Московского Кремля. М. (МИА; № 167.)
- Никитинский И.Ф., 1996. Исследования археологических памятников XIV–XV вв. на верхней Кокшенге // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.
- Олейников О.М., 1997. Новые материалы по исторической топографии бывшего Затьмацкого посада г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.
- Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань, 1995.
- Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.
- Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991. Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.
- Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М. (МИА; № 167.)
- Руденко К.А., 2000. Датировка находок “аскизского круга” из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань.
- Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. М. № 117: Новые методы в археологии. (Тр. Новгородской Археологической экспедиции; Т. III.)
- Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.
- Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Средневековые ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 2.)
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М.В., 1997. Сузdal в X–XV веках. М.
- Солдатенкова В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитеином производстве и бытования некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI веков // Ставрографический сборник. М. Кн. 3.
- Травкин П.Н., 1989. Петровское селище на р. Уводь // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 2.
- Травкин П.Н., 2000. Плёсское ювелирное искусство от истоков до наших дней: Каталог. Плёс.
- Хухарев В.В., 1997. К вопросу о Тверской символике XIII–XV вв. // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь.
- Шполянский С.В., 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Озношино в Подмосковье // Русь в XIII веке: древности тёмного времени. М.
- Цыбин М.В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII – XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Чернецов А.В., 2003. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

И.Е. Зайцева

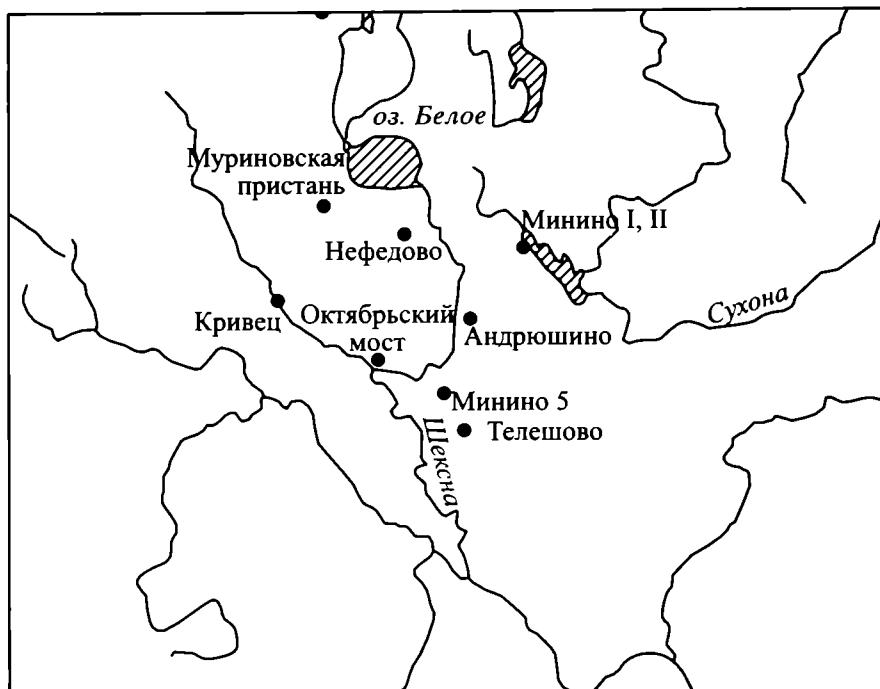
ИЗГОТОВЛЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ НА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН ДРЕВНЕЙ РУСИ

В результате широкомасштабных исследований грунтовых могильников XI–XIII вв., расположенных на северо-восточных окраинах Древней Руси, были получены значительные коллекции украшений из цветных металлов (*Назаренко, Овсянников, Рябинин, 1984; Овсянников, Рябинин, 1986; Макаров, 1990*). Стандартность изделий древнерусских и финно-угорских типов, смешанность в погребениях предметов разной этнической окраски позволили говорить о преимущественно импортном происхождении металлических украшений в могильниках. Вероятную причину обилия изделий из цветных металлов в этом далеком крае исследователи видели в широком распространении пушной торговли (*Макаров, 1996. С. 174*).

В последнее десятилетие активные исследования были проведены на сельских поселениях региона. Раскопкам подверглись селища Мининского археологического комплекса (Кубенское озеро), а также ряд поселений среднего течения р. Шексны и ее притоков¹ (*Кудряшов, 1996. С. 189–197; 2000. С. 44–57; 2003. С. 148–160*). На селищах собраны богатые коллекции предметов из цветных металлов. Например, на поселении Минино I плотность находок из цветных металлов составляет 3,8 предметов на 1 м² при толщине слоя около 50 см. На многих селищах были открыты участки с остатками черной и цветной металлообработки. Такие объекты выявлены на поселениях Минино I на Кубенском оз., Кривец, Октябрьский Мост, Минино 5 на р. Юг и Телешово (рис. 1). Отдельные находки производственного характера происходят почти со всех поселений. Новые находки позволили вновь обратиться к проблеме изготовления и бытования металлических украшений на северо-восточных окраинах Древней Руси. Что преобладало в костюме местных жителей в различные хронологические периоды: импортные вещи, произведенные в крупных городских центрах, или изделия сельских мастеров, живших по соседству?

Решение этого вопроса возможно путем комплексного исследования открытых в ходе раскопок остатков производственной деятельности на селищах, обнаруженного на них инструментария, анализа технологии изготовления готовой продукции и составов сплавов как сырьевых материалов, так и законченных изделий. Центральным объектом для этой работы стали материалы, полученные в ходе раскопок Мининского археологического комплекса. Для сопоставления рассматриваются данные по археологически исследованным синхронным селищам среднего течения р. Шексны и

¹ Исследования на Шексне и ее притоках проведены экспедицией Череповецкого музея-ного объединения под руководством к.и.н. А.В. Кудряшова. Благодарю А.В. Кудряшова за возможность использовать в работе неопубликованные материалы.

Рис. 1. Сельские поселения северо-восточных окраин Древней Руси с комплексами по обработке цветных металлов

района оз. Белого, наиболее близко расположенных к Минино. Такая работа представляется актуальной для всей древнерусской археологии, так как, несмотря на широкий размах полевых исследований сельских поселений в последние годы, количество археологически изученных производственных комплексов по обработке цветных металлов остается пока незначительным.

Для выделения производственных комплексов использовались методы планиграфического и стратиграфического анализа. Технология изготовления предметов определялась путем визуального осмотра при увеличении в 10–40 раз при помощи бинокулярной лупы. Состав металла остатков сырья и готовых изделий, происходящих из Мининского археологического комплекса и селищ средней Шексны, определялся методом спектрального анализа в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры и в Институте геохимии и аналитической химии имени В.И. Вернадского РАН. Металл, обнаруженный на стенках тиглей из поселения Минино I, определен при помощи рентгенофлюоресцентного анализа на геологическом факультете МГУ.

Комплексы X – начала XI в. Наиболее ранние древнерусские комплексы, содержащие материалы, связанные с изготовлением украшений из цветных металлов, на сельских поселениях северо-восточных окраин Древней Руси относятся к X – началу XI в. Они исследованы на поселениях Октябрьский Мост и Андрюшино в среднем течении р. Шексны (Кудряшов, 2000. С. 46, 50–52) и Телешово в нижнем ее течении (Кудряшов, 2003).

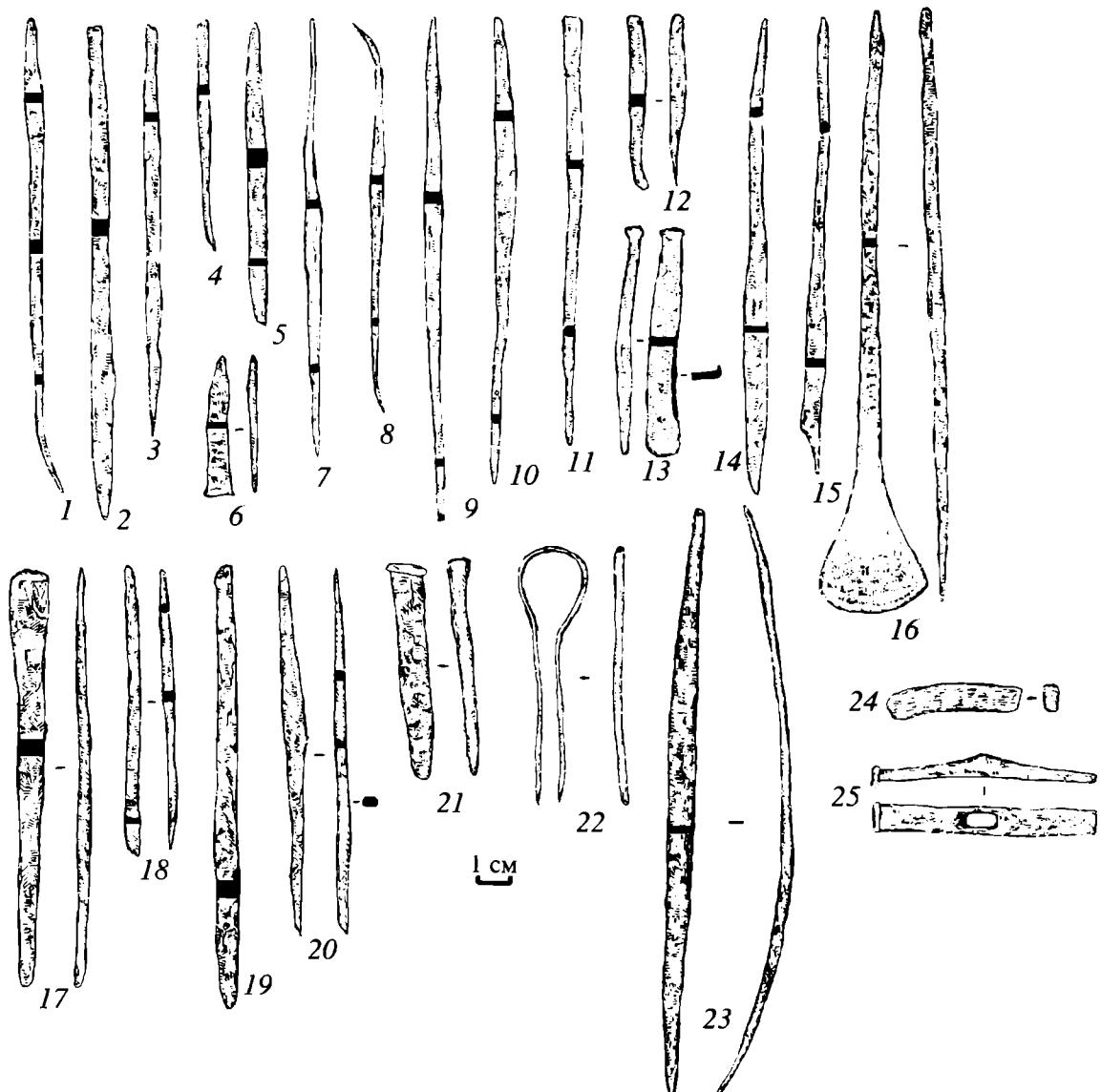
На поселении Октябрьский Мост раскопаны две жилые постройки с очагами в “корытообразных” ямах (термин А.В. Кудряшова) и остатками деревянных конструкций по периметру, в которых наряду с бытовой утварью обнаружены предметы, связанные с обработкой металлов. В одной из построек работали и с черным, и с цветными металлами. Здесь найдены железные крицы и шлаки, зубило с рабочей частью шириной 5 мм, бородок для пробивания отверстий, отдельные фрагменты стакановидных тиглей, бронзовая полосчатая заготовка (рис. 2, 23), а также целая створка двусторонней глиняной литейной формы для изготовления круглых подвесок (*Кудряшов, 2000. С. 46, рис. 2, 1, 10*). В другом сооружении обрабатывали бронзу: в комплексе постройки обнаружены бронзовая заготовка и фрагмент стакановидного тигля. Недалеко от этого очага лежали створка известняковой литейной формы для изготовления мелких изделий и целая льячка с ковшиком круглой формы, слепленная достаточно грубо (*Кудряшов, 2000. С. 46, рис. 2, 2, 4*). Инструментарий свидетельствует о том, что преобладающей техникой изготовления украшений было литье. Вероятно, на поселении наряду с мелкими нашивными украшениями выделялись шумящие подвески различных конструкций, выполнявшиеся в технике “воскового вязания”.

В Телешово среди развали очага находилась ручка от льячки. Довольно много здесь инструментов, предназначенных для холодной обработки металла: три зубила (рис. 2, 6, 13), три чекана-расходника (?) с плоской и приостренной рабочей частью (рис. 2, 14, 17, 18), штихель для гравирования и разделки изделий (рис. 2, 15). К универсальным инструментам относятся фрагмент клещей и железная лопаточка с трапециевидной рабочей частью (рис. 2, 16). Подобные лопаточки хорошо известны в финно-угорской ремесленной традиции (*Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 55–58*). На поселении собраны обрезки пластин, использовавшиеся в качестве сырьевого металла. Интересен фрагмент проволоки, скованной из сложенной вдоль полосы металла.

Уникальная находка для сельских поселений обнаружена в Андрюшино: это железный ювелирный молоточек длиной 64 мм (рис. 2, 25). Один его рабочий край раскован в площадку подпрямоугольной формы размерами $8,8 \times 4,7$ мм, другой был меньше – $7,3 \times 2,4$ мм. С обеих сторон ударные поверхности имеют следы наклепа. Отсюда же происходят четыре железных инструмента, как с заостренными, так и с притупленными рабочими концами (рис. 2, 5, 7–9). Из сырьевых материалов найдены прямой кусок проволоки и обломки пластин.

Таким образом, анализ наиболее ранних комплексов, характеризующихся находками в бытовых сооружениях нескольких предметов, связанных с обработкой цветных металлов, свидетельствует о домашнем характере этого производства, не достигшем еще стадии специализации. Подобная картина характерна и для исследованного широкой площадью поселения Крутик (*Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 63*).

Комплексы XI в. по обработке цветных металлов изучены на селищах Минино I, Минино 5 на р. Большой Юг, Кривец. Интересным является тот

Рис. 2. Находки, связанные с цветной металлообработкой, обнаруженные на селищах Средней Шексны

(1–22, 25 – инструменты; 23, 24 – сырьевой металл (1–21, 25 – железо; 22–24 – бронза))

факт, что в периферийных частях всех трех поселений открыты материалы, связанные с обработкой железа.

В Минино к этому времени относятся два объекта. Это слой серо-коричневой супеси, насыщенной стекловидными шлаками, в котором сосредоточены обломки глиняных тиглей и льячек, капли и выплески металла, оплавленные медные пластины, слиток оловянной латуни. К сожалению, в раскопе изучен только край этого слоя, и его полная характеристика невозможна. Серо-коричневый слой перекрывает постройка – специальная ювелирная мастерская, представляющая собой небольшой однокамерный сруб с глинообитным полом и большим глинообитным очагом в центре. Принимая во вни-

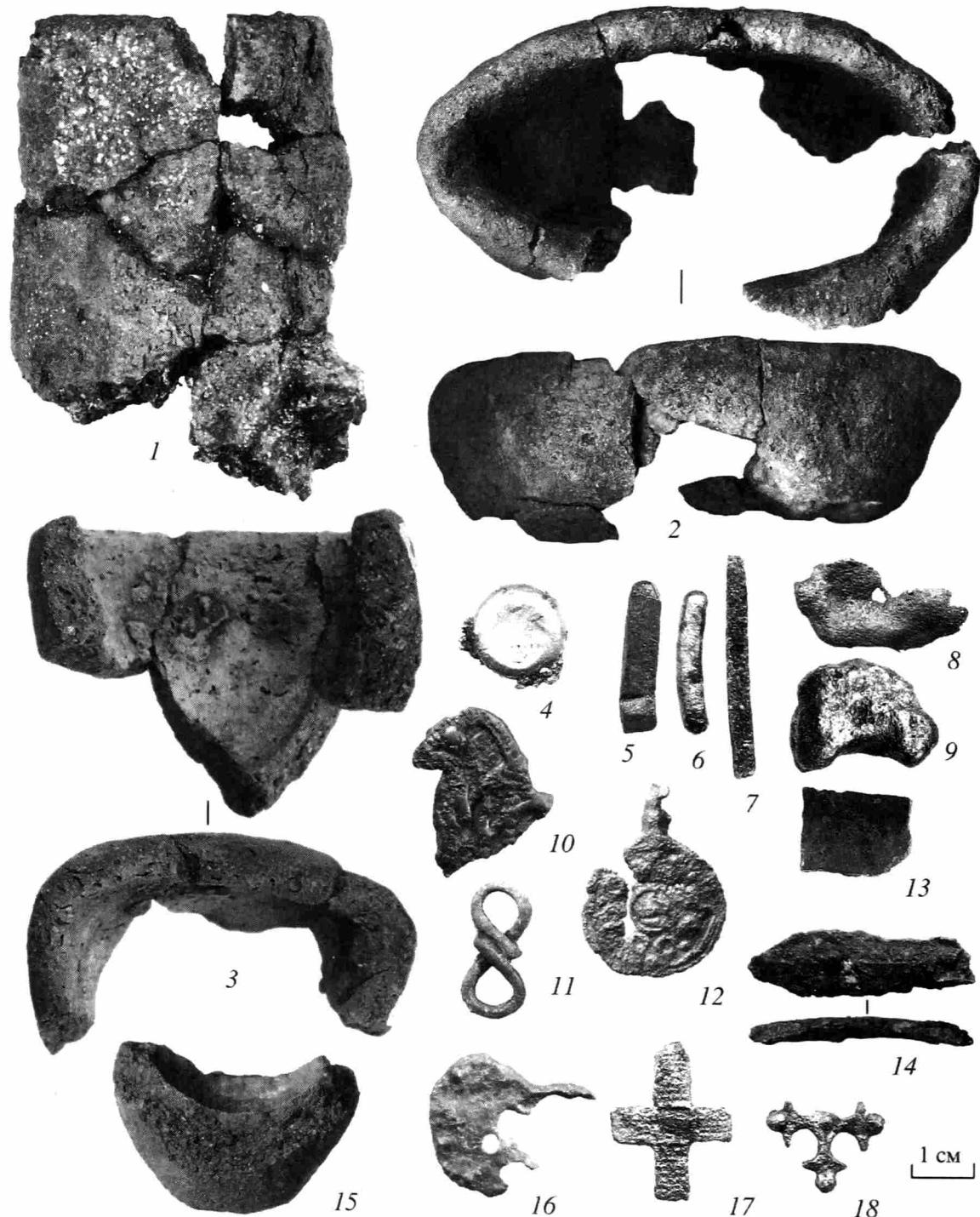
мание небольшую площадь раскопа, однозначно определить соотношение серо-коричневого слоя и постройки-мастерской пока невозможно.

К рассматриваемому комплексу относятся фрагменты четырех глиняных тиглей и шесть лячек. Все тигли были, по-видимому, одного типа: большие высокие толстостенные стаканы с овальным (овально-заостренным?) устьем и округлым дном, сделанные из огнеупорной глины с примесью песка. Толщина стенок тиглей составляет 7–8 мм. Два экземпляра сохранились на высоту 6 и 7,5 см, на одном из них видны следы захвата клещами (рис. 3, 1). По наблюдениям Н.В. Ениосовой, в материалах Гнёздова высота тиглей этого типа достигает 8–9,5 см, а объем равняется 25–30 см³ (*Ениосова, Митоян, 1999. С. 56, 57*). На стенках трех тиглей выявлены остатки серебра в разных пропорциях с медью, на одном – медь с небольшой присадкой свинца. Активную работу с серебром в мастерской подтверждает находка слитка 99% серебра в виде “таблетки” весом 6,57 г (рис. 3, 4). Три лячки сохранились практически целиком (рис. 3, 2). От трех других остались только ручки. Плоскодонные ковшики лячек имели овальную форму с двумя слиями, вытянутую перпендикулярно ручке. Анализ металла со стенок двух лячек показал, что в них плавили олово. Подобные лячки широко известны в финно-угорских древностях. В большом количестве они найдены на Крутике (*Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 67, 68*). На участке мастерской обнаружены еще один слиток оловянной латуни в виде небольшого бруска (рис. 3, 7), медные капли и выплески металла, оплавленные медные пластины, использовавшиеся в качестве сырья.

Кроме комплексов в культурном слое XI в. на селище Минино I собраны отдельные разрозненные находки производственного назначения: фрагменты тиглей, слитки (рис. 3, 6, 9), выплески и обрезки пластин.

В Минино 5 в районе жилого очага начала XI в. собраны несколько кусков оплавленной меди и ее выплесков, слиток свинцовой бронзы в виде бруска размерами 40 × 5,9 × 4,4 мм (рис. 2, 24), фрагмент кованой заготовки квадратного сечения из свинцовой латуни, оплавленный недоделанный поясной наконечник. Разрозненные находки, связанные с изготовлением украшений, происходят и с других участков поселения: это ручка от красноглиняной лячки, бронзовый кованый пинцет с прямыми губками длиной 72 мм (рис. 2, 22), несколько железных инструментов универсального назначения с рабочими окончаниями линейной формы (рис. 2, 10–12). В качестве сырья могли использоваться кованый прут квадратного сечения из меди с примесью свинца, а также многочисленные обрезки пластин от медных сосудов.

В Кривце комплекс, связанный с обработкой цветного металла, находился в жилом сооружении. Здесь наряду с бытовыми находками на краю очага найдены выплески свинцовой бронзы на землю, медные шлаки, оплавленные свернутые пластины разной толщины. На территории поселения собрано большое количество железных инструментов универсального назначения, которые могли использоваться и в цветной металлообработке. Это два зубила (рис. 2, 21), 4 инструмента с острыми рабочими концами квадратного и круглого сечений (рис. 2, 1, 3, 4, 20), два с линейными притупленными (рис. 2, 2, 19). Интересен железный инструмент подпрямоугольного сечения

Рис. 3. Найденные артефакты, связанные с ювелирным производством, обнаруженные на селище Минино I
 1, 3, 15 – тигли; 2 – льячка; 4–7, 9 – слитки; 8 – выплеск; 10–12, 14, 16–18 – изделия местного производства (?); 13 – пластинчатая заготовка (1–3, 15 – глина; 4 – серебро; 5–13 – сплавы на основе меди; 14, 16–18 – легкоплавкий сплав)

длиной 168 мм. На его заостренном в виде лопаточки крае шириной 5,8 мм сохранились остатки налипшего белого металла (олово?). Возможно, он использовался в процессе нанесения полуды. На поселении найдены обрезок волоченой проволоки, неумело покрытый толстым слоем полуды, и железный луженый пластинчатый браслет.

Комплексы XII – начала XIII в. Три комплекса XII – начала XIII в. открыты на поселении Минино I. Отдельные находки производственного характера обнаружены на селищах Октябрьский Мост и Муриновская Пристань.

В Минино I изготовление металлических украшений в это время, вероятно, осуществлялось в жилых домах². В одной постройке вместе с бытовыми находками собраны один фрагмент тигля в виде плоскодонной чашечки окружной формы высотой 3 см (толщина стенки 4,5–5 мм) с остатками меди с небольшим содержанием цинка на стенках, несколько медных выплесков и пластин, кусочек чистого олова. Близкий мининскому по форме целый тигель происходит из Старой Ладоги (*Давидан*, 1980. С. 64. Табл. 3, 7). Здесь же обнаружены медная кованая заготовка в виде небольшой пластинки прямоугольной формы (рис. 3, 13) и несколько обрезков медных пластин.

Более выразительны остатки производственных комплексов, связанные с двумя другими постройками: первой половины XII в. и второй половины XII – начала XIII в., частично перекрывающими друг друга. Большинство находок производственного характера обнаружено за пределами срубов, преимущественно около входов. Вероятно, ненужный мусор выбрасывался на улицу.

К комплексу постройки первой половины XII в. можно отнести фрагменты не менее шести тиглей и ручку от льячки. Большинство обломков тиглей незначительны по размерам, а потому форма сосудов восстанавливается предположительно. Четыре тигля были цилиндрическими круглодонными (по-видимому, высокие стаканы). Круглодонные цилиндрические высокие стакановидные тигли различаются по своим размерам – большие и малые. Большие тигли-стаканы (2 экз.) сделаны из оgneупорной глины с примесью мелкого песка и органики. Они имеют округлое дно и овальное или круглое устье диаметром 3–4 см. Толщина стенок тиглей составляет от 6–8 мм в верхней до 8,5–12 мм в придонной частях (рис. 3, 15). В больших высоких стаканах плавили свинцовую латунь. Металл на стенках тиглей из этой постройки содержит большое количество сурьмы.

Малые тигли-стаканы (2 экз.) сделаны из оgneупорной глины с незначительной примесью песка. В тесто этих тиглей было добавлено значительное количество органики. Они имеют округлое дно и круглое устье диаметром 2–2,3 см. Толщина стенок тиглей разнится: от 5,5 до 12 мм. Целые экземпляры тиглей такого типа из Гнёздова имеют высоту 5–6 см, объем 8–11 см³ (*Ениосова, Митоян*, 1999. С. 57).

² Возможно, для изготовления украшений использовались и расположенные неподалеку специальные постройки, однако небольшая раскопанная площадь не позволяет пока делать определенные заключения.

По наблюдениям В.М. Горюновой и Н.В. Ениосовой, высокие круглодонные тигли со сливом и без имели достаточно широкое распространение на территории Древней Руси. Подобные экземпляры имеются в материалах Старой Ладоги, Крутика, Новгорода, Рюрикова городища, Городка на Ловати, Ростова и др. (Горюнова, 1994. С. 63–70; Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 65; Ениосова, Митоян, 1999. С. 61). Тигли этого типа обнаружены на древнеудмуртском городище Иднакар и в городах Волжской Болгарии (Иванова, 1998. С. 134, 135). Хронологические рамки бытования таких тиглей очень широки. Они представлены как на памятниках второй половины I тыс., так и в материалах предмонгольского времени.

Фрагменты двух тиглей относятся к типу круглодонных конических с треугольным устьем. Они сделаны из огнеупорной глины с добавлением мелкого песка и органики. Толщина стенок тиглей составляет 7–11 мм. Достаточно уверенно реконструируется верхняя часть одного тигля, сохранившегося на высоту 4,5 см. Его устье имело размеры 5,7 × 7 см. Хотя придонные части тиглей не сохранились, ясно, что их высота не превышала ширину. В одном тигле этого типа обнаружены остатки биллона и латуни.

Круглодонные и остродонные конические тигли с треугольным устьем широко использовались в практике северорусских ювелиров. Они составляют подавляющее большинство среди тиглей поселения Крутик (Голубева, 1991. С. 151), преобладают в Новгороде (Рындина, 1963. С. 213, 214), Белозере (Голубева, 1951. С. 39), на Сарском городище (Леонтьев, 1996. С. 128, рис. 50, 19, 22), встречены в Торжке, Новогрудке, Полоцке и других городах. Специальный анализ широкораскрытых конусовидных тиглей, происходящих с памятников Северной Руси, предпринят В.М. Горюновой. Она полагает, что этот тип тигля имеет финно-угорское происхождение, а его широкое распространение в северных русских городах в XII в. “хорошо увязывается с ходом новгородской колонизации и притоком в Новгород финно-угорского населения” (Горюнова, 1994. С. 69).

Из сырьевых материалов в комплексе постройки обнаружены медные пластины, обрывки бронзовой и свинцово-оловянной проволоки, неудавшаяся отливка плоской подвески-уточки, разрезанная для переработки (рис. 3, 10). Возможно, в Минино изготавливались зооморфные украшения. Здесь же найдены звенья в виде восьмерок от проволочных цепочек, сделанные в подражание финно-угорским цепочкам, исполненным в технике воскового вязания (рис. 3, 11). Вероятно, в постройке работали и с легкоплавкими сплавами. Здесь найдены небольшие кусочки этого сплава, имеющие разную форму и являющиеся отходами и браком литейного процесса, а также обрезки проволоки. Вместе с изготовлением украшений мастера занимались починкой медной посуды. В материалах комплекса найдены заготовки заклепок из свинцовой бронзы.

Из инструментов в комплексе постройки второй половины XII – начала XIII в. представлены фрагменты четырех тиглей и одной льячки. Льячка практически идентична самой большой льячке из мастерской XI в.: размеры ее ковшика составляют 6 × 3,5 см, толщина стенки 6,5 мм, тесто – корич-

невая глина с примесью органики и крупной дресвы. На стенках льячки обнаружены остатки олова и сурьмы. Тигли представлены небольшими фрагментами, не позволяющими полностью восстановить их форму. Вероятно, все они были круглодонными стакановидными: два больших и два малых (рис. 3, 15). В тесте всех тиглей примесь органики довольно высока, в двух из них существенны добавки мелкого песка. Толщина стенок тиглей составляла у больших тиглей в верхней части около 8 мм, в нижней – до 11 мм, у малых – 5–6 мм. Проведенный анализ металла со стенок трех тиглей показал, что в двух из них, большом и малом, плавили оловянную бронзу с небольшими добавками свинца, а в третьем, малом, – медь, загрязненную свинцом.

К сырьевым материалам относятся два уже частично использованных медных слитка и бесформенный кусочек олова. Один слиток был деформирован, а другой сохранил свою первоначальную форму бруска (рис. 3, 5). Очевидно, несмотря на активное использование медной посуды в качестве источника меди, местные мастера получали этот металл и в качестве специального ювелирного сырья. Похожие небольшие медные слитки известны в Старой Ладоге (*Давидан, 1980. С. 65*).

В материалах комплекса обнаружены многочисленные бесформенные выплески меди и оплавленные медные пластины, обрывки проволоки и обрезки пластин (рис. 3, 8). Наряду со сплавами на основе меди значительную роль в деятельности мастерской играла работа с легкоплавкими сплавами. Здесь собраны фрагменты олова из заполнения литниковых каналов, выплески, многочисленные обрывки проволоки из сплава олова и свинца.

Вероятно, в этой мастерской изготавливались кресты-тельники (рис. 3, 17, 18), подвески разных типов (рис. 3, 12), бусы, металлические детали поясной гарнитуры (рис. 3, 14, 16).

На поселении Октябрьский Мост найдены обломки двух каменных литьевых форм. Одна, с рисунком круглой подвески, была сделана из розового сланца, другая, с изображением креста, – из белого известняка. На Муриновской Пристани в одной из жилых построек около очага находилась льячка. На других участках поселения собраны фрагмент толстостенного круглодонного тигля и кусок устья тонкостенного тигля, а также два железных инструмента с линейными рабочими краями, отдельные обрезки пластин и их сплавленные куски.

Таким образом, детальное рассмотрение остатков производственных комплексов, выявленных практически на каждом исследованном широкой площадью сельском поселении северо-восточных окраин Древней Руси, приводит к убеждению, что большая часть металлических украшений обитателей этих отдаленных поселков была изготовлена на месте. Мастера имели доступ к дальним торговым каналам и могли получать необходимые им сырьевые материалы. Тем не менее, этот вид деятельности на всем рассматриваемом хронологическом отрезке оставался, преимущественно, в рамках домашнего ремесла. Только одна постройка на селище Минино I имела специальное производственное назначение. Наряду с распространением самой простой и доступной техники литья по оттиску готового изделия, ювелиры в

совершенстве владели сложнейшей финно-угорской техникой воскового вязания. В ходу были легкоплавкие свинцово-оловянные сплавы, позволяющие максимально упростить процесс изготовления изделия и получить эффектное “серебряное” украшение.

В заключение хотелось бы отметить значительные различия в области изготовления и бытования металлических украшений, существовавшие на северо-западных окраинах Новгородской земли, в Водской пятине, и северо-восточных рубежах Древнерусского государства. Если в Водской пятине сформировался своеобразный “локальный вариант новгородской культуры” (Рябинин, 1997. С. 60) со своими традициями в изготовлении и ношении украшений, сделанных из многократно переплавленного лома старых изделий, а местные ювелиры не имели доступа к чистым сырьевым металлам (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2003. С. 236, 237), то ситуация на северо-востоке была прямо противоположной: мастера могли работать непосредственно с ювелирным сырьем, но не создали новых типов украшений, а занимались редупликацией попадавших к ним изделий из центральных мастерских.

ЛИТЕРАТУРА

- Голубева Л.А., 1991. Литейное дело на поселении Крутик // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси. М.
- Голубева Л.А., Кочкурина С.А., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Горюнова В.М., 1994. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Давидан О.И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. № 21.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., 1999. Тигли Гнёздовского поселения // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 111.)
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2003. Особенности бронзовых сплавов Северо-Запада Руси // Археология и история Пскова и псковской земли. Псков.
- Иванова М.Г., 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск.
- Кудряшов А.В., 1996. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.
- Кудряшов А.В., 2000. Средневековое поселение Октябрьский Мост на Шексне // РА. № 4.
- Кудряшов А.В., 2003. Поселение и могильник у д. Телешово на реке Согоже // Археология: история и перспективы: Первая межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Макаров Н.А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.
- Макаров Н.А., 1996. Колонизация Севера в X–XIII вв. и некоторые общие проблемы взаимоотношения центра и окраин в истории Древней Руси // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.
- Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.
- Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1984. Средневековые памятники Чуди Заволочской // СА. № 4.
- Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1986. Новые данные о культуре средневекового “чудского” населения в бассейне озера Лача // СА. № 2.
- Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. М. № 117.
- Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.

С.В. Шполянский

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС СЕЛИЩА КЛЕНОВО 2
ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕРЕМЫШЛЯ МОСКОВСКОГО
(К вопросу об изучении материальной культуры
русской деревни после монгольского нашествия)

Обращение к материалам раскопок средневековых сельских поселений для характеристики особенностей развития материальной культуры – явление до последнего времени довольно редкое для археологии Московского региона. В первую очередь это объяснялось небольшими сериями находок, происходящих с селищ, по сравнению с огромными коллекциями из раскопок городов, и кажущаяся невыразительность материала при сопоставлении с погребальным инвентарем курганов.

Увеличение внимания к рассмотрению составов вещевых комплексов, происходящих со средневековых селищ, стало заметным только в последние годы, когда в результате проведения широкомасштабных охранных работ в распоряжении специалистов оказались представительные наборы находок, позволяющие характеризовать быт и хозяйство средневековой деревни. Публикациями материалов раскопок ряда поселений (Щапово 4, Озношино 5, Настасьино) была создана первичная база для общей характеристики состава наборов вещей с поселений XIII–XV вв., и стала возможна постановка задач по изучению тенденций в развитии материальной культуры сельских районов основной территории Московского княжества.

Несмотря на то что итоги работ на селищах в Подмосковье только начинают вводиться в научный оборот, уже сейчас можно говорить о большом потенциале сельских памятников как одного из основных источников по изучению материальной культуры всей Московской Руси и отдельных ее регионов.

Характерной особенностью большинства малодворных сельских поселений является, как правило, сравнительно непродолжительный период их существования, обусловленный причинами как хозяйственного, так и социального плана (Чернов, 1991. С. 112, 113). При археологических исследованиях доказательством этому, по-видимому, можно считать отсутствие следов перестроек сооружений, расположенных в пределах усадьбы, и перепланировок самого двора. В сочетании с небольшой площадью селищ (по мнению Н.Н. Грибова, до 7000 м²), наличие одного “строительного горизонта” ограничивает продолжительность существования поселения временем жизни одного – двух поколений (для Новгорода, например, средняя продолжительность существования построек была определена в 20–25 лет: Засурцев, 1959. С. 263). В набор находок, происходящих с таких памятников, входят наиболее универсальные предметы быта и украшения, использовавшиеся в течение сравнительно непродолжительного периода, что исключает возможность обычной для крупных поселений неоднозначной хронологической интерпретации открытых комплексов.

Одной из важных проблем региональной археологии и истории, которая может быть решена при исследовании селищ, представляется вопрос о длительности использования вещей, относимых к так называемому “вятическому” набору украшений, и формировании вещевых комплексов, обычных для сельского быта удельного времени.

Основное преимущество материалов раскопок сельских поселений при рассмотрении вопроса о времени прекращения бытования вещей, характерных для погребального инвентаря древнерусских курганов и грунтовых могильников бассейна верхней и средней Оки, определяется закономерностями формирования бытовых комплексов, отражающих набор вещей, используемых в повседневной жизни. В отличие от погребальных памятников, материалы раскопок поселений позволяют проследить процесс постепенного изменения состава украшений в течение XIII в., использующихся для повседневного ношения, или выхода из употребления вещей, характерных для более раннего времени.

Перемышль – одна из 11 волостей Московского княжества, выделенных Иваном Даниловичем Калитой в удел своему младшему сыну, князю Андрею. Его владения занимали обширную территорию на юго-западе Московской земли, располагаясь в бассейнах рек Нары, Лопастни и по берегам правых притоков Пахры – рек Мочи и Рожайки. В XIV – первой половине XV в. этот регион составлял основу владений серпуховских князей. Перемышльская волость, располагаясь в среднем и нижнем течении р. Мочи, на северо-восточной границе удела, занимала ключевое положение на дороге, связывавшей Москву с землями бассейна Верхней Оки.

С начала 1980-х годов в окрестностях центра волости – городища Перемышль Московский – экспедициями ГИМ проводятся разведки, направленные на выявление средневековой структуры расселения. С 1992 г. раскопками полностью или частично исследован целый ряд селищ конца XII–XV вв., что делает территорию волости Перемышль одним из наиболее археологически изученных районов Московского княжества удельной поры. Это позволяет проследить тенденции в изменениях бытовых наборов вещей и украшений на материалах исследований средневековых деревень, расположенных в непосредственной близости друг от друга.

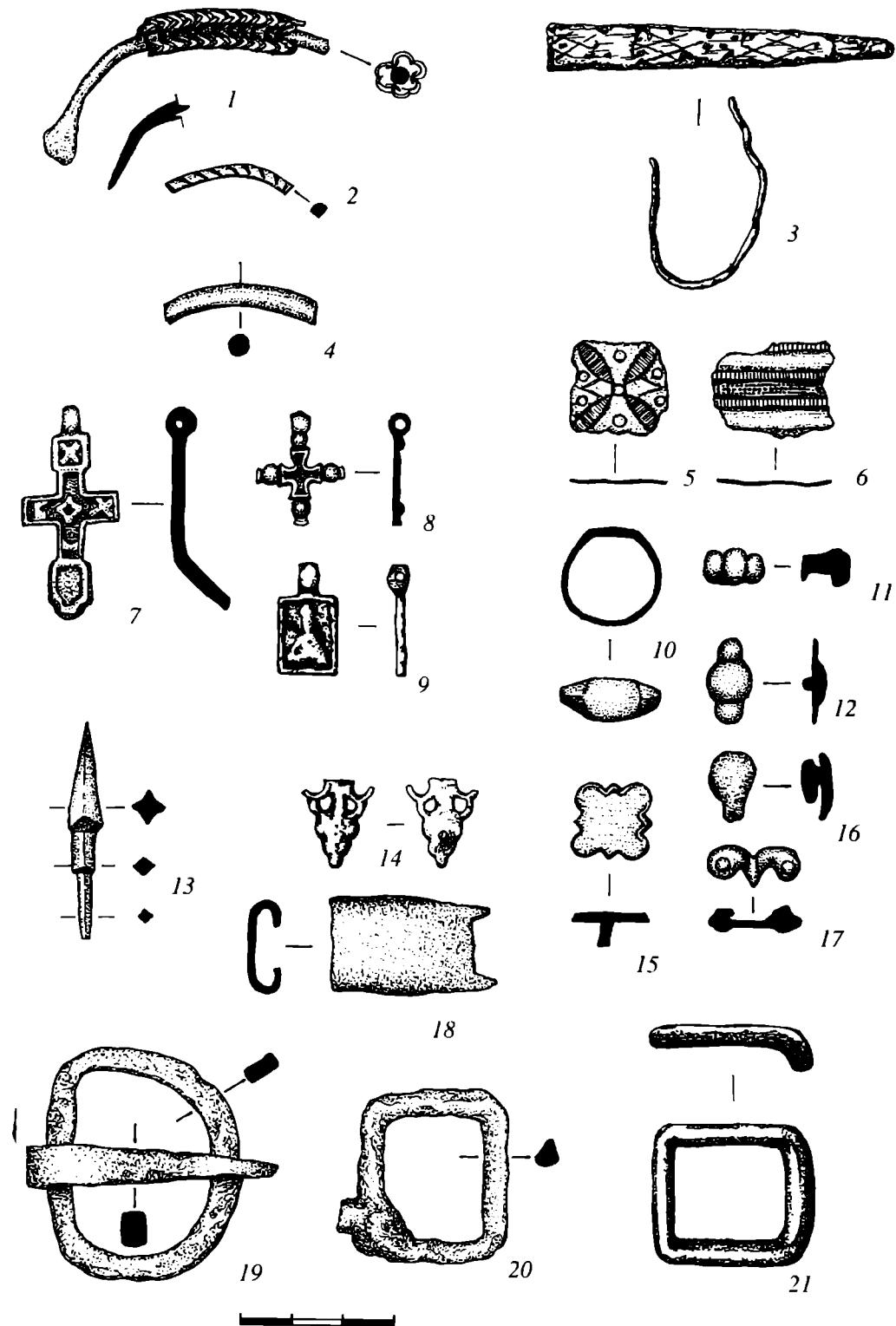
При раскопках поселения Озношино 5 были получены находки, позволяющие характеризовать особенности материальной культуры региона на завершающем этапе существования курганных древностей во второй – третьей четверти XIII в. (Шполянский, 2003. С. 253–264). Состав находок на селище отражает, по-видимому, тот период, когда так называемые “вятические” древности, продолжая использоваться в быту, постепенно прекращают играть роль погребального инвентаря. Наличие на селище небольшого количества находок, относящихся ко второй половине XIII в., дает возможность уточнить датировку памятника и свидетельствует, по-видимому, о довольно позднем исчезновении из повседневного обихода вещей, связанных обычно с курганной погребальной традицией. Однако в целом набор находок поселения демонстрирует доминирование в составе металлическо-

го убора украшений, характерных для предшествующего, домонгольского времени.

Совершенно другая ситуация прослежена на селище Щапово 4 (*Гоняный, 1998. С. 151–167*), располагающемся рядом с Ознобишино 5 (расстояние между памятниками менее 5 км). Селище датировано автором раскопок концом XIII–XIV в. Раскопки этого поселения демонстрируют уже иной облик материальной культуры, выражющийся в другом наборе вещей. При полном отсутствии украшений “курганного круга”, те немногочисленные находки, которые были обнаружены на селище, отражают реалии золотоордынской эпохи в Восточной Европе. Основной недостаток материалов, происходящих со Щапово 4, – их немногочисленность. На памятнике найдено всего 17 индивидуальных находок, в том числе 11 ножей, что, конечно, не позволяет достаточно полно характеризовать состав вещевых комплексов сельских поселений раннемосковского времени.

Материалы раскопок селища Кленово 2 позволяют существенно дополнить представления об особенностях средневековой деревенской культуры региона. Селище расположено в среднем течении р. Мочи, на ее левом берегу, в 0,7 км к западу от села, открыто в 1997 г. Небольшие размеры памятника (около 3000 м²) позволяют уверенно относить его к числу именно малодворных поселений. В 1999 г. на селище были проведены раскопки на площади 184 м², изучены остатки трех хозяйственных построек. Вещевой комплекс селища представлен 50 индивидуальными находками, происходящими как из заполнения сооружений, так и из пахотного горизонта. Наиболее выразительную группу находок составляют украшения и предметы, относящиеся к поясной гарнитуре.

Украшения представлены небольшим количеством вещей, всего найдено четыре фрагмента браслетов и один перстень. Важными для прояснения ранней даты памятника представляются находки браслетов, имеющих аналогии в курганных древностях Москворечья. Первый из них – фрагмент бронзового плетеного на дроте браслета с пластинчатым щитком на конце дрота (рис. 1, 1). Такие браслеты в небольшом количестве встречены в составе погребального инвентаря курганов, по мнению Т.В. Равдиной, характерны для финального этапа бытования вятических древностей и относятся ко времени не ранее начала XIII в. (*Равдина, 1975. Рис. 11. Табл. 8*). В Новгороде подобные украшения были отнесены М.В. Седовой к числу “брраслетов в виде стержня с обмоткой” и датированы в широких рамках от рубежа XI–XII вв. до второй половины XIII в. Среди них аналогом подмосковным находкам назван браслет в виде стержня с кольчужной (по терминологии А.В. Арциховского) плетеной обмоткой в средней части, который был найден в слое середины XIII в. (*Седова, 1981. С. 100*). Плетеные на дроте браслеты известны на средневековых памятниках Поволжья, мордовских могильниках (*Рыкунова, Рыкунов, 1997; Мартынов, 1998; Кельгининский могильник, 1998; Грибов, 2000*), в грунтовом могильнике Бутырки на верхнем Дону (*Гоняный, Недошивина, 1991*). Обобщенно датировку этих находок можно определить в пределах конца XII – XIII в.

Рис. 1. Украшения, ременные накладки, предметы личного благочестия и вооружения селища Кленово 2

1–3, 5–6, 8, 10–12, 14, 15, 21 – цветной металл; 4 – стекло; 7, 9 – цветной металл, эмаль; 13, 16–20 – железо

Другая находка, известная по курганным погребениям, – обломок дротового литого браслета, украшенного с внешней стороны косыми насечками (рис. 1, 2). Браслет был изготовлен по оттиску, хорошо читается дефект литья – образовавшийся наплыв от избытка металла с внутренней стороны, который был механически удален, в результате чего браслет получил в сечении форму сегмента круга. По мнению Т.В. Равдиной, такие браслеты также характерны для завершающей стадии бытования курганных древностей (Равдина, 1975. Табл. 8), для времени не ранее конца XII в. Из раскопок сельских поселений такие браслеты известны в районе Куликова поля, где встречены на селищах “предмонгольского” времени (Гоняный, Кац, Наумов, 2003. С. 241).

Третий обнаруженный на селище браслет (рис. 1, 3) относится к пластинчатым разомкнутым с сужающимися концами. По форме пластины и характеру орнаментации кленовская находка наиболее близка так называемым тупоконечным браслетам, хорошо известным по материалам раскопок в Новгороде и Верхнем Поволжье (Седова, 1981. С. 103–110; Рябинин, 1986. С. 65; Архипов, 1986. С. 43). Это довольно массивное изделие (толщина пластины до 2 мм, максимальная ширина около 1 см) покрыто с внешней стороны тонким слоем белого металла (серебра?), поверх которого инструментом с острым рабочим краем нанесен повторяющийся орнамент в виде ромбов. По мнению М.В. Седовой, геометрические мотивы в орнаментации ювелирных изделий чаще всего характерны для изделий деревенских ремесленников, распространяются с XII в., продолжая бытовать и в более позднее время (Седова, 1981. С. 115).

Браслеты, аналогичные найденному, относятся к числу широко распространенных почти на всей территории Древней Руси типов, но не характерны для Москворечья. В отличие от пластинчатых загнутоконечных браслетов, как заметил еще А.В. Арциховский, “у вятичей они встречаются гораздо реже, чем, хотя бы у кривичей или новгородцев” (Арциховский, 1930. С. 22).

Среди наиболее ранних находок, обнаруженных на селище, можно еще назвать фрагмент гладкого браслета из непрозрачного стекла синего (?) цвета, происходящий из заполнения ямы 8 (рис. 1, 4). Сохранность стекла, из которого он изготовлен, довольно плохая, обломок покрыт толстым слоем беловатой патины, цвет стекла читается только на сколах. Производство и распространение стеклянных браслетов традиционно считалось характерным для домонгольского времени, однако работы последних лет в ряде городов (в частности, в Твери и Москве) показали, что стеклянные браслеты продолжают бытовать и во второй половине XIII–XIV в. Дополнительным доказательством этого может служить сравнительная многочисленность стеклянных браслетов (17) на селище Настасьино, основной период существования которого исследователи определили в пределах XIII–XIV вв. (Энгватова, 2004. С. 122, 123).

Вероятнее всего, обломками браслетов являются два небольших фрагмента бронзовых орнаментированных пластин, датировка которых, несмотря на плохую сохранность, уверенно может быть определена золотоординским временем (рис. 1, 5, 6). Размеры первой сохранившейся пластинки со-

ставляют $1,7 \times 1,6$ см, она имеет неровные обломанные края, орнамент на ней представлен растительным узором в виде четырехлепестковой розетки, с симметрично расположеными кружками между лепестками, в одном случае по одному, в другом – по два кружка. Фрагмент браслета с точно такой же композицией был обнаружен при раскопках селища Настасьино (*Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 53, рис. 90, 9*). На экземпляре из Настасьино, который имел несколько лучшую сохранность, розетка разделяла идущие вдоль браслета четыре узкие орнаментальные полосы, украшенные частой вертикальной штриховкой. Подобные, но рельефно выделенные, полосы характеризуют второй обломок бронзовой пластины, происходящей из раскопок Кленово 2. Края пластины сильно оббиты, однако орнаментация на них частично сохранилась. Форма фрагмента браслета близка прямоугольной, размеры составляют $2,4 \times 1,7$ см. В дополнение к штрихованным полосам, между двумя из них, идущими посередине пластины, размещается узор, нанесенный, по-видимому, с помощью тонкого чекана. Мелкие наколы, в расположении которых прослеживается рядность, размещены в пределах линзовидной рельефно выделенной зоны.

Найденные фрагменты, так же как и браслет, происходящий из Настасьино, исходя из аналогий в орнаментации, могут быть отнесены к числу пластинчатых разомкнутых прямоконечных браслетов или браслетов с шарнирным замком. В Новгороде аналогичные браслеты найдены в слоях середины – второй половины XIV в. и отнесены к кругу золотоордынских древностей (*Седова, 1981. С. 119, рис. 41, 10, 11*). Подобные браслеты хорошо известны в древностях Болгары. К сожалению, качество публикации не позволяет говорить о соответствии в технологии изготовления, тем не менее, параллели в орнаментации (четырехлепестковые розетки, продольные рельефные полоски с мелкими насечками), а также ширина пластины, из которой изготавливались болгарские браслеты ($1,5\text{--}1,8$ см), свидетельствуют об общих традициях изготовления и ношения этих украшений (*Полякова, 1996. С. 179–181*).

Единственный перстень, найденный на селище, – простой замкнутый щитковый, со щитком подовальной формы, без изображений на нем (рис. 1, 10). С внешней стороны обруча хорошо заметен литейный шов. Щитковые перстни относятся к числу широко распространенных украшений в Восточной Европе, на селище Настасьино они составляют большую часть коллекции перстней (*Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 54*). В Новгороде перстни с овальными щитками встречены в слоях XII – середины XV в. (*Седова, 1981. С. 135*).

Наременных накладок на селище найдено шесть, четыре из них изготовлены из цветного металла, две – железные. Все накладки крепились на основу с помощью штифтов, все шесть представляли индивидуальные формы. Наиболее близки между собой две маленькие трехчастные накладки, изготовленные из свинцово-оловянного сплава (рис. 1, 11, 12). В одном случае изделие представлено полусферической бляшкой, диаметром 8–9 мм, с призывающими к ней с двух сторон округлыми бляшками меньшего размера (диаметр около 5 мм), плоскими в сечении. Накладка крепилась на основу на одном штифте, располагавшемся в основании центральной бляшки.

У другой накладки центральная бляшка по размерам и форме сечения почти не отличалась от двух крайних, имела овальную форму (максимальный диаметр 6 мм), также крепилась на одном штифте, расположенным в ее центре.

Еще одна находка представлена накладкой, близкой по форме квадрифолилю, без какого-либо орнамента с внешней стороны, размерами 1,7 × 1,7 см (рис. 1, 15). Очень похожие на кленовскую находку четырехлепестковые, с небольшими выступами между лепестками бляшки из Болгара были отнесены Г.Ф. Поляковой к числу розетковидных (Полякова, 1996. С. 209, рис. 67, 10). По-видимому, среди булгарских находок присутствуют аналоги и ажурной прорезной бляшке, фрагмент которой также был обнаружен при раскопках селища Кленово 2 (рис. 1, 14). Форму накладки восстановить трудно – сохранился обломок подтреугольной формы со штифтом, расположенным с тыльной стороны. Скорее всего она относится к числу бляшек с петлей для прикрепления боковых ремней – типу трехлепестковых, по классификации Г.Ф. Поляковой (1996. С. 213, 214, рис. 68, 23).

Накладки из железа представлены всего двумя находками (рис. 1, 16, 17). В одном случае что-либо определенное о форме изделия сказать сложно – сохранился только небольшой фрагмент окончания бляхи, со штифтом с тыльной стороны. Вторая, V-образная бляшка, формой напоминающая “ласточкин хвост”, крепилась на основу с помощью двух бронзовых штифтов. Близкие аналогии таким бляшкам, судя по публикациям, в средневековых древностях Поволжья и Руси неизвестны. Отдаленные параллели по форме можно проследить в аскизской культуре южной Сибири. Для каменского этапа существования культуры, который датируется XIII–XIV вв., характерны так называемые бляшки-“галочки” (Кызласов, 1983. С. 60. Табл. XI, 89), которые, впрочем, сильно отличаются от находки на селище размерами (сибирские гораздо больше) и наличием орнаментации. Обращение к сибирским древностям уместно в связи с рядом публикаций последних лет, демонстрирующих наличие в средневековых древностях Восточной Европы материалов, надежно связываемых с сибирскими традициями, проявляющимися, в основном, в своеобразии поясных наборов и конского снаряжения (Белорыбкин, 2000; 2001; Руденко, 2000. С. 240–253; Дворченский, 2004. С. 46, 48).

Прямых аналогий обнаруженным на поселении накладкам, происходящих со средневековых русских памятников, неизвестно, однако функционально близкие украшения, принадлежащие к ременной гарнитуре, изготовленные из цветного металла и железа, найдены в большом количестве на булгарских и золотоордынских памятниках Поволжья (Федоров-Давыдов, 1966. С. 47–67; Полякова, 1996. С. 207–214; Руденко, 2003. С. 476–488).

Кроме наременных бляшек к поясной гарнитуре и снаряжению всадника и коня из находок на селище относятся четыре пряжки, четыре кольца разного диаметра, в том числе одно с пробоем. Две пряжки принадлежат к широко распространенным типам (Колчин, 1959. С. 107, 108, рис. 96) – они железные, одна из них имеет прямоугольную рамку размерами 3 × 2,6 см, вторая полукруглая, ее максимальные размеры 5,5 × 5 см. Исходя из размеров, по-видимому, обе пряжки можно отнести к числу подпружных (рис. 1, 19, 20). Одна пряжка изготовлена из бронзы, прямоугольной формы рамка размера-

ми $3 \times 2,1$ см имеет слабо выгнутую переднюю часть (рис. 1, 21). Вероятно, пряжкой или наконечником ремня является еще одна находка, изготовленная из железной пластины, края которой завернуты, образуя скобы для крепления на ремне, а в передней прямо срезанной части симметрично расположены два заостренных шипа (рис. 1, 18). Аналогичная пряжка или накладка была обнаружена на селище Настасьино (Двуреченский, 2004. С. 46, рис. 73, 13). Довольно многочисленны подобные находки на памятниках района Куликова поля, где обнаружено шесть таких изделий на памятниках до-монгольского времени (Гоняный и др., 2003. С. 241, рис. 6, 10), также интерпретированных как наконечники ремней.

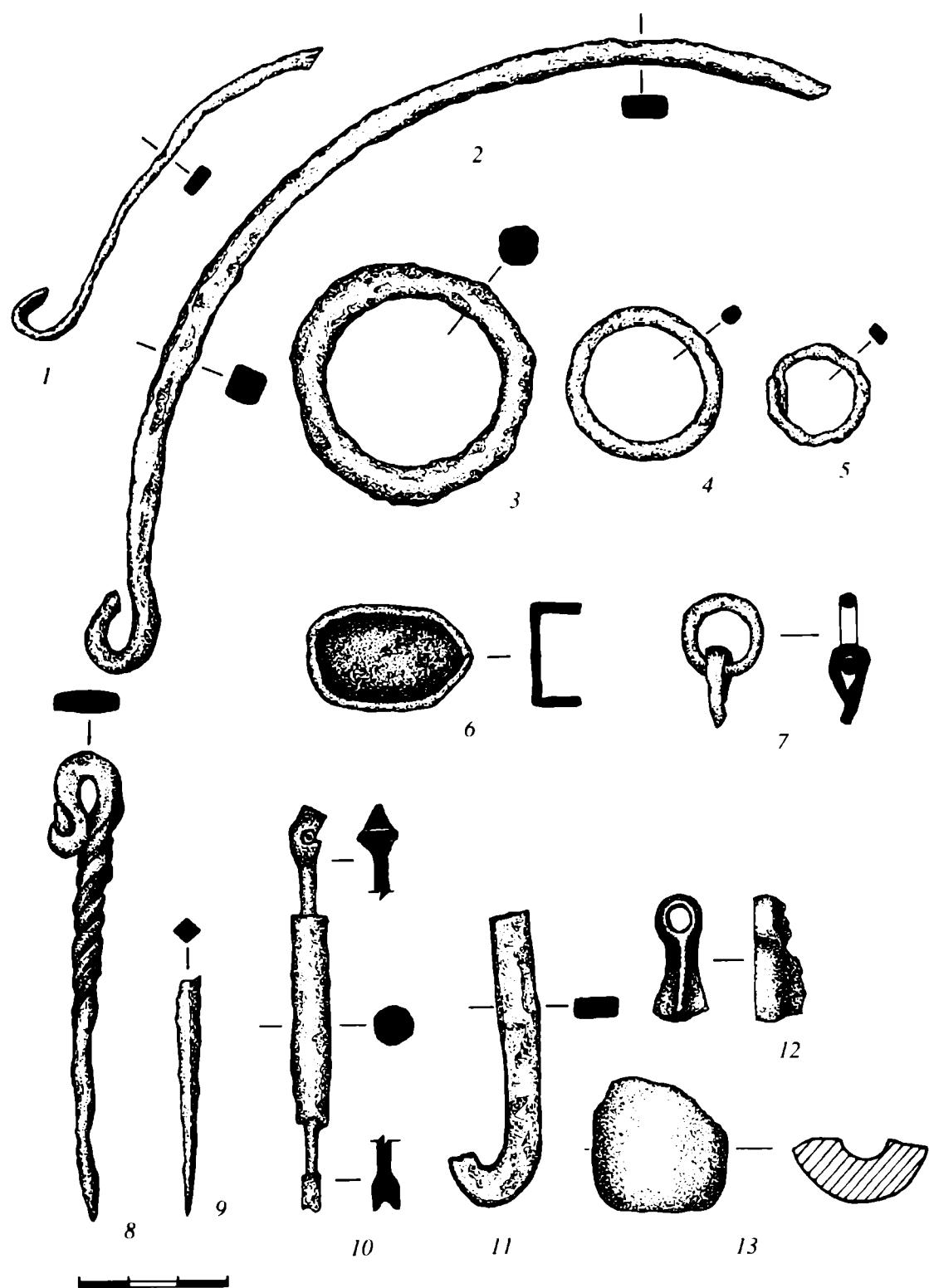
Из найденных на селище колец (рис. 2, 3–5, 7) одно, наиболее крупное, диаметром 5 см, вероятно, может быть уздечным, два имеют меньшие размеры – 3 и 2 см. Еще одно маленькое колечко (диаметром около 1 см) помещено на пробой, конец которого обломан, вероятнее всего седельный (Двуреченский, 2004. С. 47).

Предметы христианского культа представлены на селище находками двух нательных крестов и иконки (рис. 1, 7–9). Первый крест восьмиконечный, размерами $5 \times 1,8$ см, с рельефным изображением небольшого равноконечного крестика в средокрестии и косыми крестами, расположенными на лопастях. Возможно, неорнаментированной осталась нижняя лопасть креста, но сохранность находки не позволяет говорить об этом наверняка. Слегка углубленный фон лицевой стороны креста залит эмалью желтого цвета, в том числе и центр крестика, расположенного в средокрестии.

Аналогичные кресты, правда несколько меньших размеров и не несущие на лицевой стороне изображений (возможно, из-за плохой сохранности), найденные на территории Великого Посада Москвы и Кунцевском городище, датированы Д.А. Беленькой XIV в. Нательные кресты подобной формы, по ее мнению, близки восьмиконечным крестам с изображением распятия, помещавшимся в центре крестов-мощевиков, изготовление которых связано с деятельностью московских великолияжеских мастерских (Беленькая, 1993. С. 13, 14, рис. 1, 2). Наиболее известным среди них является серебряный крест-мощевик, упоминающийся в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича (Николаева, 1976. С. 139, 140, рис. 45).

Второй крест – небольшой равноконечный, размерами $2,2 \times 1,9$ см, с дугами в средокрестии и шариками на концах. Крестик литой, односторонний, его средокрестие имеет форму крестика с расширяющимися концами, контур которого выполнен высоким рельефом.

Одной из наиболее интересных находок на селище представляется небольшая нательная иконка, происходящая из пахотного горизонта. Она прямоугольная, имеет размеры $2 \times 1,2$ см, в центре погрудное рельефное изображение неизвестного святого. Фигура святого выполнена схематично, читаются лишь согнутые в локтях и поднесенные к груди руки и удлиненная форма головы, возможно с нимбом или шапкой на ней. Не занятное изображением пространство залито эмалью желтого цвета, хорошо выражен бортик, идущий по краю иконки. Ушко для подвешивания имеет форму куба со срезанными углами.

Рис. 2. Найдки бытового назначения селища Кленово 2

1–12 – железо; 13 – глина

Большой интерес представляет то обстоятельство, что при раскопках селища Кутьино 2, проводившихся Г.А. Шебаниным и М.И. Гоняным в 2001 г., была обнаружена идентичная иконка*. Памятник расположен также в пределах средневековой волости Перемышль, на ее северной окраине, на левом берегу р. Мочи, в ее низовьях. Датировка селища определяется авторами раскопок в пределах XIII – начала XV в. Расстояние между поселениями, с которых происходят оба образка, составляет менее 15 км.

Степень сходства между двумя находками очень велика, совпадают не только размеры, характер изображения и желтая эмаль в качестве фона, но и наличие общего мелкого дефекта (небольшая асимметричность формы изделия). При таком сходстве очень велика вероятность изготовления обеих иконок в одной мастерской. Вряд ли можно говорить о местном производстве, скорее находки свидетельствуют о наличии общих связей с центром изготовления этих образцов мелкой пластики и синхронности памятников, на которых они были найдены.

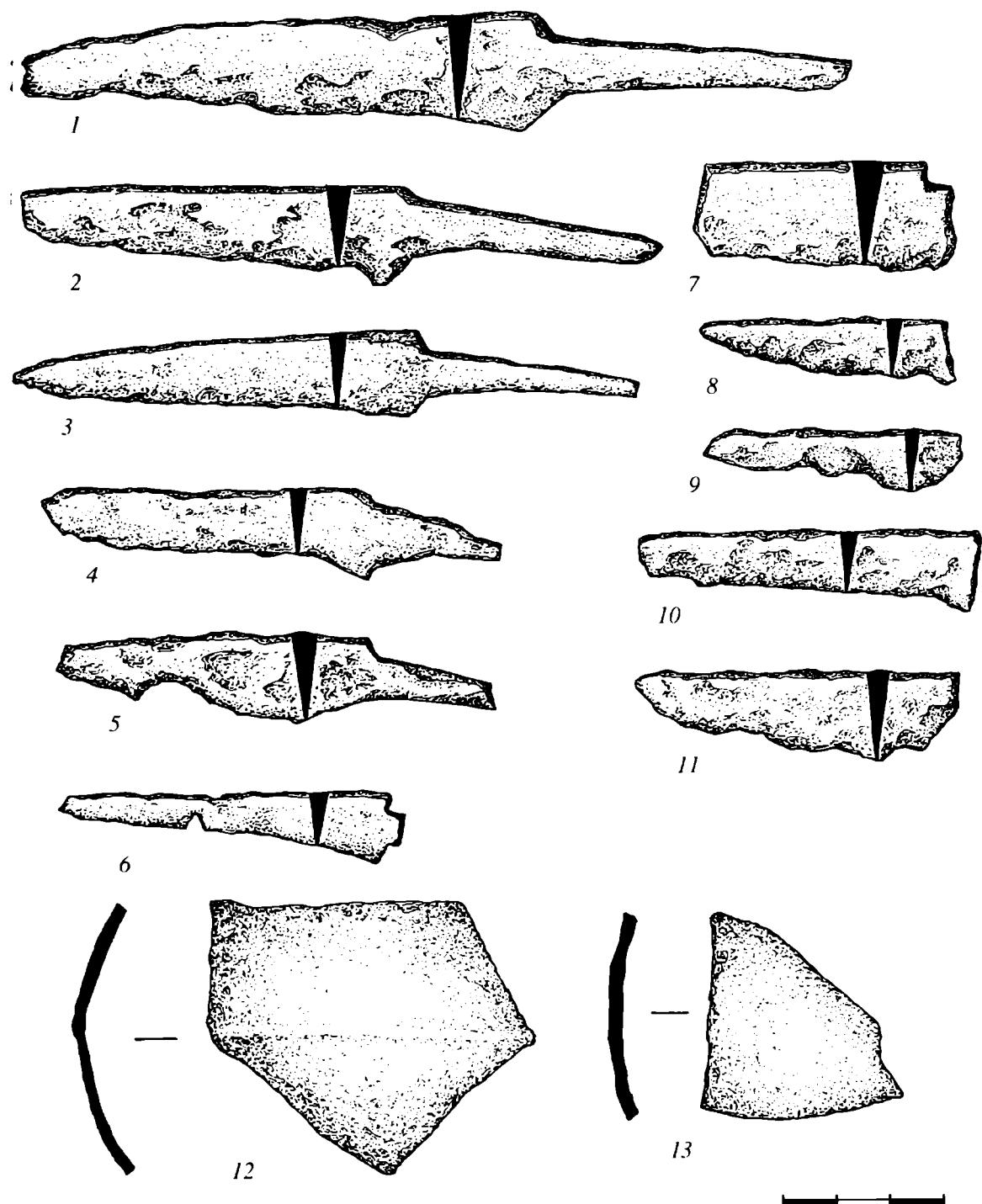
Близкой аналогией найденным на селищах иконкам можно назвать образок, происходящий с посада городища Корнике, расположенного неподалеку от современного г. Венева в Тульской обл. Полностью совпадают размеры образка и характер изображения (которое было определено как изображение св. Николы), отличающегося большей проработанностью, чем подмосковные находки, но также довольно схематичного, на иконке из-под Венева отсутствуют следы эмали. Образок был датирован временем не позднее второй половины XIV в., а исходя из особенностей иконографии, по мнению В.Г. Пуцко, вероятнее всего относился к несколько более раннему времени (Гриценко, Пуцко, 2000. С. 210, 218, рис. 7).

Находки, относящиеся к числу предметов вооружения, представлены единственным наконечником стрелы (рис. 1, 13). Наконечник бронебойный, длиной 5,5 см, длина пера, которое имеет квадратное сечение, составляет 3,1 см. По своей форме наконечник наиболее близок типу 95, по А.Ф. Медведеву, отличаясь от него ромбическим сечением шейки и черешка (Медведев, 1966. С. 84. Табл. 25, 3).

Остальные вещи, обнаруженные на селище, представляют уже довольно привычный для исследователей сельских памятников набор находок, использовавшихся в повседневном быту. Наиболее многочисленны ножи – 11 целых экземпляров и фрагментов лезвий (рис. 3, 1–11). Все они представляют собой хозяйствственные универсальные орудия с длиной лезвия от 6,1 до 10 см (Колчин, 1959. С. 54–56). Кроме этого, найдена железная заглушка рукояти ножа (затыльник) миндалевидной формы (рис. 2, 6), подобная происходящим с селища Настасьино (Дворченский, 2004, С. 41, рис. 75, 12–14).

Среди прочих находок фрагмент овального кресала, обломок корпуса цилиндрического замка, обломки двух ведерных дужек прямоугольного сечения (рис. 2, 11, 12), булавки для прикалывания кудели (рис. 2, 1, 2, 8). Инструменты представлены обломком ромбовидного в сечении шила, длина со-

* Автор выражает благодарность исследователям за предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок.

Рис. 3. Найдки ножей и чугунных котлов селища Кленово 2
1–11 – железо; 12, 13 – чугун

хранившегося фрагмента 4,9 см (рис. 2, 9). Неясно назначение предмета, рабочая часть которого по форме близка острию циркульного резца (рис. 2, 10). Двумя находками представлены обломки чугунных котлов (рис. 3, 12, 13). На одном из фрагментов хорошо читается продольный литейный шов, оставшийся на месте сочленения верхней и нижней частей литейной формы. Чугунные котлы являются характерным признаком памятников золотоордынского времени в Поволжье (Руденко, 2000б. С. 219–221, рис. 4), но их находки пока почти не известны в материалах раскопок русских средневековых памятников.

Несмотря на немногочисленность, вещевой комплекс памятника выглядит достаточно представительным для характеристики изменений в материальной культуре сельского населения одной из волостей Московского княжества, происходивших после монгольского нашествия. Среди находок, демонстрирующих эти изменения, детали ременной гарнитуры и некоторые украшения (фрагменты браслетов), свидетельствующие о существенном влиянии степных и поволжских традиций на формирование элементов костюма, пришедших, в известной степени, на смену набору украшений, хорошо известному по раскопкам курганов. Немногие находки, характерные для финального этапа бытования “вятических” древностей, позволяют говорить как о сравнительно позднем выходе из использования этих вещей, так и об особенностях вещевого комплекса переходного времени, состоящих в сочетании деталей костюма, характерных для разных периодов.

Одним из значимых элементов материальной культуры сельских районов Московского княжества удельного времени представляются кресты и иконки-тельники, происходящие в том числе и с Кленово 2. При исключительной редкости обнаружения крестов в процессе исследования некрополей раннемосковского времени, материалы раскопок поселений дают возможность оценить степень распространенности в повседневном быту сельского населения ношения предметов христианского культа. Найдки крестов представляются основным свидетельством широкого распространения христианского мировоззрения в сельской среде, сменившего во второй половине XIII в. традиционные языческие представления.

На основании состава вещевого комплекса селища, его датировка может быть определена в пределах второй половины XIII – первой половины XIV в. Принадлежность памятника к наиболее многочисленной группе средневековых селищ – малодворным поселениям – позволяет говорить о типичности намеченных тенденций развития материальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А., 1986. Марийцы XII–XIII вв.: (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // Средневековая археология Восточной Европы. М. (КСИА; № 208.)

Белорыбкин Г.Н., 2000. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань.

- Белорыбкин Г.Н.*, 2001. Золотаревское городище. Казань.
- Гоняный М.И.*, 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII – XV вв. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской области // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 96.)
- Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н.*, 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII в.: Древности тёмного времени. М.
- Гоняный М.И., Недошивина Н.Г.*, 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. № 1.
- Грибов Н.Н.*, 2000. Исследование погребально-обрядового комплекса Саровского городища (по материалам раскопок 1996–98 гг.) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.
- Грищенко Т.А., Пуцко В.Г.*, 2000. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.
- Дворченский О.В.*, 2004. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. Подмосковной экспедиции; Т. 2.)
- Засурцев П.И.*, 1959. Постройки древнего Новгорода: (предварительная характеристика по материалам Неревского раскопа 1951–1955) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М. Т. II. (МИА; № 65.)
- Кельгининский могильник*. Саранск, 1998.
- Колчин Б.А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М. Т. II. (МИА; № 65.)
- Кызласов И.Л.*, 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.
- Левашиева В.П.*, 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43.)
- Мартынов В.Н.*, 1998. Могильник Заречное II // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола. Вып. 1.
- Медведев А.Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие: Лук и стрелы, самострел VIII – XIV вв. М.
- Монгайт А.Л.*, 1947. Салтыковские курганы // МИА. М. Вып. 7.
- Николаева Т.В.*, 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.
- Полякова Г.Ф.*, 1983. Изделия из цветного и драгоценного металлов из Болгар: типологический и историко-культурный анализ. М.
- Равдина Т.В.*, 1975. Хронология “вятических древностей”: Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Руденко К.А.*, 2000а. Булгарские железные пряжки и накладки (X–XIV вв.) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.
- Руденко К.А.*, 2000б. Металлические котлы Поволжья и Приуралья VIII–XIV вв. // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.
- Руденко К.А.*, 2003. Происхождение и развитие элементов аскизской культуры в Поволжье и Прикамье в XI–XIV вв. // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н.*, 1997. Некоторые данные о материальной культуре средневековой Усть-Шексны – г. Рыбинск (обзор изделий из черного и цветного металла) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.
- Рябинин Е.А.*, 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
- Саракева Т.Г., Сапрыкина И.А.*, 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. Подмосковной экспедиции; Т. 2.)
- Седова М.В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.
- Чернов С.З.*, 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества в XII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.
- Шполянский С.В.*, 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у с. Озношино в Подмосковье // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
- Энговатова А.В.*, 2004. Заключение // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. Подмосковной экспедиции; Т. 2.)

Н.Н. Грибов

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОКРУГА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Район Волго-Окского правобережья вблизи устья р. Оки на фоне центральных земель Северо-Восточной Руси в археологическом отношении остается пока недостаточно изученным. Однако уже накопленный связанный с ним материал вполне достаточен для первичного осмысления.

Освоение примыкающей к окскому устью территории исторически связано с развитием сельской округи г. Н. Новгорода, одного из крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. Ядром этих земель является протяженный, вытянутый на 70 км с запада на восток участок возвышенного плато с развитым овражно-балочным рельефом, площадью 720 км². Компактность этой области обусловлена отчетливыми естественными рубежами. С северной стороны по выступу платформы береговой террасы ее ограничивают русла Волги и Оки, пойма р. Кудьмы (правобережного притока Волги) очерчивает эту территорию на юго-востоке, с юго-запада к ней подходит широкая заболоченная Богородская долина (выходящая в пойму р. Кишмы, правобережного окского притока). Данный участок Волго-Окского правобережья в XVI – первой половине XVII в. был известен как Березопольский стан Нижегородского уезда. Сложение здесь развитой поселенческой структуры впервые произошло еще в XIV в. (Грибов, 2000. С. 41–73).

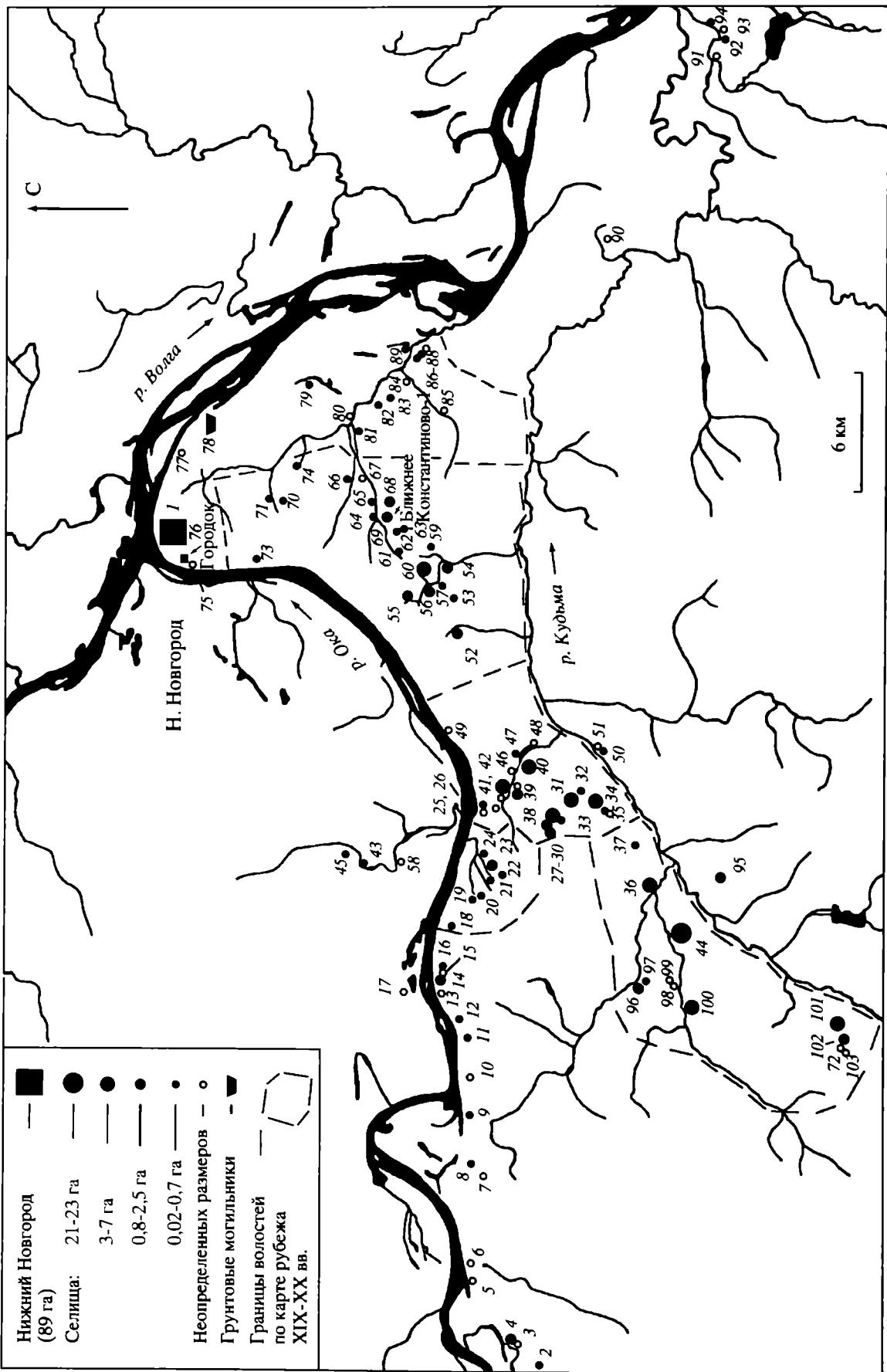
Первые русские селища в этой области, на правом берегу Оки, были обнаружены в 1940-е годы Б.А. Сафоновым (Анучин, Черников, 1991. С. 153–159). Количество известных в этом районе средневековых поселений заметно возросло после его разведочного обследования В.Ф. Черниковым в 1959 г. (Черников, 1959). Планомерным изучением ближайших окрестностей г. Н. Новгорода с 1994 г. занимается экспедиция историко-археологического центра “Регион” исторического факультета Нижегородского государственного университета. За последнее десятилетие этим коллективом было проведено сплошное археологическое обследование ближайшей Нижегородской округи, в результате которого открыто более трех десятков ранее неизвестных средневековых памятников, начаты раскопки на селищах Ближнее Константиново 1 и 4 и на городище Городок. Собранные материалы позволяют не только охарактеризовать материальную культуру населения Нижегородской округи, выявить особенности местных домостроительных традиций, но и сделать выводы о структуре сельского расселения в данной области. Палеогеографические изыскания, проведенные здесь под руководством канд. геогр. наук С.А. Сычёвой в 2002 г., позволили получить палеоэкологическую информацию, столь необходимую для реконструкции реалий жизни и быта средневекового населения (Грибов, Сычёва, 2003. С. 90–93). Настоящая работа посвящена рассмотрению лишь общих пространственно-хронологических характеристик развития нижегородской пригородной инфраструктуры в эпоху средневековья.

Следует отметить, что письменные памятники, освещающие историю освоения земель вблизи устья Оки, малочисленны, хорошо известны историкам и в настоящее время в значительной степени информационно исчерпаны. В этой связи археологические источники имеют решающее значение.

По состоянию на 2004 г. в очерченном районе зафиксировано 103 памятника, оставленных русским населением в период до начала XVI в. (рис. 1). На пяти из них (помимо г. Н. Новгорода) проводились археологические раскопки: это селища Ближнее Константиново 1 (1570 м²), Ближнее Константиново 4 (20 м²), Копнино 2 (22 м²), Шава 1Б (60 м²), городище Городок (192 м²). Шурковка (на площади не более 4 м²) проведена на 18 селищах.

Основная масса местных памятников с некоторой долей условности может быть разделена на три хронологические группы. Методически эта дифференциация опирается на временные рамки бытования наиболее ранних из узко датированных встреченных керамических типов, известных по комплексам Рязанской и Московской земель. В первую группу входят всего три селища (Подвязье 3, 4, Доскино 10), время основания которых наиболее вероятно датируется промежутком между второй половиной XII и XIII в. К этой группе памятников примыкает и г. Н. Новгород, на детинце которого известны находки, традиционно связываемые с домонгольским периодом, а также два сельских могильника (на селище Копнино 2 и у больницы им. Семашко). Вторая группа объединяет подавляющее большинство (92%) памятников. Возникновение связанных с ними поселений произошло во второй половине XIII – XIV в. И, наконец, к третьей группе может быть достоверно причислено лишь одно городище Городок, освоение площадки которого началось не ранее середины XV в. Исключенными из рассмотрения оказались пять селищ, представленных маловыразительными находками. Таким образом, хронологический “спектр” памятников позволяет связать время наивысшей активности в освоении данной местности с монгольским периодом.

Земли вблизи устья Оки были известны на Руси еще задолго до их заселения выходцами из коренных областей Древнерусского государства. Известие о коренных жителях этого края встречается среди первых сообщений Начальной русской летописи: “...по Оце реце где потече в Волгу же Мурома языкъ свои и Черемиси свои языкъ Мордва свои языкъ...” (Лаврентьевская летопись, 1926. Стб. 11). Древнейшие письменные известия об эпизодических проникновениях сюда русичей датируются X в. Это экспедиции торговых людей, обосновавшихся в болгарских поволжских городах уже в 20-х годах X в. (Путешествие..., 1939. С. 78, 79), военные походы киевских князей. Однако первым упоминаемым летописцами древнерусским поселением в районе устья Оки, стал Нижний Новгород (по первым известиям о нем – Новъгород). Согласно летописи, он был заложен великим князем владимирским Юрием Всеволодовичем в 1221 г. (Лаврентьевская летопись, 1926. Стб. 445). Результаты археологических исследований не противоречат этой дате. В 1989 г. выяснилось, что связанная с нижегородским детинцем земляная насыпь лежит на материке и не подстилается каким бы то ни было культурным слоем (Гусева, 1989). Бытование наиболее ранних средневековых артефактов, встречающихся на памятнике, датируется в достаточно широких пре-

делах, включающих в себя начало – первую половину XIII в. Значительное удаление (50 км) от города двух из трех древнерусских селищ первой хронологической группы делает небеспочвенным предположение об их основании еще до заложения города на устье Оки (возможно, выходцами с берегов р. Клязьмы, где первые древнерусские поселения датируются XI–XII вв., см.: Седова, 1978. С. 10, 11). Вместе с тем, обследование ближайшей округи показало, что Н. Новгород был основан в малообжитой “пустынной” местности, где были редки поселения не только русичей (если они вообще существовали; по крайней мере, в границах 20-километровой зоны они не обнаружены), но и коренного финноязычного населения. Расселение русских колонистов в рамках всего выше очерченного района Волго-Окского правобережья, ознаменовавшееся возникновением здесь первых стационарных поселений, началось не ранее второй половины – конца XII в. Уточнение хронологии и географии начальной стадии этого процесса является одной из задач дальнейшего археологического изучения данной территории.

Возникновение г. Н. Новгорода положило начало активному освоению прилегающей к нему местности еще в 20–30-е годы XIII в. Очевидно, это было обусловлено самим статусом нового населенного пункта, который изначально своим основателем был замыслен как крупное многофункциональное поселение, как великолукской город. Только в этом ключе становится понятным строительство в нем двух каменных храмов спустя всего несколько лет после возведения первых укреплений. Обнаруженные в 1929 и 1960 гг. детали белокаменного убранства этих сооружений выполнены в типичных формах владимиро-суздальской пластики (Агафонов, 1976. С. 13, 14). Одним из первых окрестных поселений стал Благовещенский монастырь, удаленный от детинца на 1,3 км вверх по Оке. Первое известие о нем как о монастыре загородном датируется 1229 г. (Лаврентьевская летопись, 1926. Стб. 451). С началом формирования поселенческой структуры ближайшей округи, очевидно, связан и сельский могильник, раскопанный В.Ф. Черниковым на территории больницы им. Семашко, в 4 км от окского устья. Особенности погребального обряда, наличие и характер погребального ин-

Рис. 1. Карта русских средневековых памятников XIII–XV вв. в окрестностях г. Нижнего Новгорода

1 – г. Н. Новгород; 76 – городище Городок; 78 – могильник у больницы им. Семашко. Селища: 2 – Венец 1; 3, 4 – Подвязье 4, 3; 5 – Дудин Монастырь; 6 – Подъяблоновское; 7, 8 – Сокол 2, 1; 9, 10 – Дуденёво 1, 2; 11, 12 – Сысоевка 2, 1; 13, 14, 15, 16 – Оленино 2, 5, 3, 4; 17 – Юрьевское 2; 18 – Оленино 5 (поселение); 19, 20, 21, 22, 23 – Поляны 2, 3, 4, 5, 1; 24, 25, 26 – Доскино 3, 10, 5; 27–30 – Крутец 2, 3, 1, 4; 31, 32 – Буревестник 3, 1; 33, 34, 35 – Копнино 1, 2, 3; 36 – Ефимьево 1, 2; 37 – Копнино 5; 38, 39 – Хватково 4, 3; 40 – Сартаково 3; 41, 42 – Хватково 2, 1; 43 – Гавриловское; 44 – Великосельево; 45 – Горбатовское; 46, 47 – Сартаково 4, 1; 48 – Новопавловка 1; 49 – Доскино 9; 50, 51 – Новопавловка 2, 3; 52 – Кусаковское; 53 – Ближнеборисовское; 54 – Румянцевское; 55 – Ольгинское; 56 – Луч; 57 – Румянцево 2; 58 – Нагулино 2; 59 – Козловское; 60 – Бешенцево 2, 3; 61 – Бешенцево 1; 62, 63 – Ближнее Константиново 3, 4; 64, 65 – Мордвинцево 2, 1; 66 – Анкудиновское; 67 – Федяково 1; 68 – Культура; 69 – Ближнее Константиново 1; 70, 71 – Кузнечиха 3, 1; 72 – Шапкино 3; 73 – Слуда; 74 – Новопокровское; 75 – Елецкое; 77 – Старые Печёры; 79 – Свято; 80 – Утечено 2; 81 – Утеченское; 82, 83, 84 – Большая Ельня 6, 7, 5; 85 – Фроловское; 86–89 – Малая Ельня 2, 5, 1, 3; 90 – Новое Ликеево; 91, 92, 93, 94 – Шава 1Б, 6, 5, 7; 95 – Выползово 1; 96, 97, 98, 99 – Стрелково 5, 4, 3, 2; 100 – Лазарево 1; 101 – Пальцино 1; 102, 103 – Шапкино 1, 2

вентаря позволяют датировать этот памятник в пределах XIII в. (Черников, 1991. С. 218–221).

Судя по отсутствию каких-либо письменных известий о разорении Н. Новгорода как во время татаро-монгольского нашествия, так и во второй половине XIII – середине XIV в., можно предполагать, что с момента основания города его сельское окружение складывалось непрерывно в течение достаточно длительного времени.

В середине XIV в. в связи с возникновением великого Нижегородско-Суздальского княжества и с последующим переносом в г. Н. Новгород велико-княжеского стола происходит очередной, вероятно, самый массовый наплыв населения в Нижегородские пределы. Как показали раскопки на периферии средневекового посада (на Ильинской Горе), с резким изменением демографической ситуации в это время может быть связан и рост территории самого города (Грибов, 1999. Л. 148).

Освоение городской округи в середине XIV в. приняло массовый характер: в местном Нижегородском летописце сохранилось обращение первого нижегородского князя Константина Васильевича к своим людям с призывом селиться по берегам Волги, Оки и Кудьмы, в непосредственной близости от города (Гацисский, 1886. С. 2, 3). С этим сообщением согласуются данные археологии: датировка подавляющего большинства селищ Нижегородской округи определена в пределах конца XIII – начала XV в. Ближе к концу этого периода очерченную выше географическую область можно рассматривать уже как компактную непрерывно заселенную территорию, освоение которой исторически было связано с городом на устье Оки. Первое упоминание о ней как о заселенном пространстве (без определения статуса) встречается в летописном сообщении 1378 г. (Рогожский летописец, 1922. Стб. 134). Впоследствии ее летописное наименование (Березово Поле) трансформировалось в название Березопольского стана.

В 1377/78 г., после Пьянского побоища, происходит разорение как Н. Новгорода, так и его округи, отрядами татар и мордвы. Остатки застройки, исчезнувшей не ранее рубежа XIV–XV вв. как на территории города, так и на одном из селищ его округи (Ближнее Константиново 1), свидетельствуют о том, что эти события не привели к длительному запустению ни самого города, ни окрестных земель.

Непрерывность освоения территории Нижегородской округи, принадлежность подавляющего большинства известных здесь памятников к одному, достаточно узкому, хронологическому промежутку, охватывающему преимущественно XIV в., делают корректной постановку вопроса о реконструкции структуры расселения, сложившейся здесь к середине – второй половине XIV в. Наибольший интерес в этой связи представляют ближайшие окрестности города (на удалении 20 км), обследованные лучше, чем другие места. В качестве способа выделения поселенческих структур на этой территории были привлечены известные методы экономической географии, ранее апробированные на археологическом материале (Хагетт, 1968. С. 51–57; Афанасьев, 1993. С. 112–114). Результатом проделанной работы стала дифференциация основной массы известных селищ по нескольким территори-

альным группам (*Грибов*, 2000. С. 62). Совпадение пространственных рубежей этих группировок с границами позднейших волостей, известных по картам рубежа XIX–XX вв., свидетельствует о сложении волостной структуры в Нижегородской округе еще в эпоху великого нижегородского княжества и консервацию связанного с ней территориального деления в течение многих последующих столетий. Данный вывод подкрепляется и расположением позднейших волостных центров вблизи от наиболее крупных центральных поселений выделенных групп средневековых памятников.

Изучение структуры одной из выделенных группировок, территориально связанной с позднейшей Бешенцевой волостью, позволило и внутри таких объединений зафиксировать весьма сложную иерархию, существование достаточно крупных населенных пунктов, к которым тяготели мелкие поселения. На одном из таких центров “второго порядка”, селище Ближнее Константиново 1, в 1995 г. были начаты стационарные исследования. В 2003 г. площадь раскопанного здесь участка составила 1570 м². Целый ряд характеристик этого памятника позволяет рассматривать его как княжеское или боярское владельческое село. В пользу такого определения свидетельствуют: 1) особенности его планировки в виде наличия структурного ядра – крупного усадебного комплекса, обозначенного частокольной оградой с проезжими воротами; 2) дифференциация жилых построек в соответствии с социальным положением их владельцев; 3) присутствие в коллекции инвентаря большого и разнообразного комплекса социально престижных предметов (предметов воинского снаряжения и снаряжения верхового коня, монет, бронзовых поясных накладок; весьма показательна коллекция импортной восточной керамики, насчитывающая 67 образцов, среди которых более 40 фрагментов относятся к посуде на кашинной основе) (*Грибов*, 2001. С. 161, 162).

Интересное наблюдение было сделано при изучении остеологических сборов. Помимо большого количества костей домашнего скота зафиксировано много остатков рыб ценных пород (стерлядь, осетр, севрюга, белуга). На основе анализа местной палеоэкологической ситуации был сделан вывод, что рыбы этих разновидностей могли лишь специально завозиться на поселение (*Грибов, Цепкин*, 2004. С. 83, 84).

Менее масштабные исследования, проведенные на других крупных поселениях Бешенцевой волости, служащих центрами притяжения для ряда мелких селищ, выявили и на них находки, обычные для феодальных усадеб. Это бронзовые поясные накладки, элементы снаряжения верхового коня, фрагменты импортной поливной кашинной посуды. Сборы с малых (преимущественно до 0,8 га) по размерам селищ отличаются наличием лишь обычного бытового инвентаря, редкими остеологическими остатками. Все это позволяет связать доминирующие по своим размерам в выделенных поселенческих блоках крупные (1,8–8 га) поселения с владельческими селами, а тянувшие к ним мелкие селища – с деревнями, с поселениями феодально-зависимого населения.

Таким образом, структура сельского расселения вблизи г. Н. Новгорода, сложившаяся ко второй половине XIV в., близка по своим чертам к территориальной волостной организации, соответствующей развитой системе фео-

дальних отношений (Чернов, 1991. С. 112–133). Последняя, очевидно, являлась определяющим фактором при сложении местной структуры расселения. Скорее всего, именно боярские и княжеские “гнезда” служили в округе Н. Новгорода центрами освоения окрестных земель.

Ближе к рубежу XIV–XV вв. в связи с серией военных катастроф, с началом опустошительной феодальной войны, с утратой политической независимости Н. Новгорода, его земли приходят в упадок. Самые катастрофические последствия для края имел поход татарского войска эмира Едигея 1408 г. Местный актовый материал этого времени пестрит упоминаниями селищ и пустошей. С XV в. археологи связывают “хиатус” в городских культурных напластованиях, в окрестностях города подавляющее число сельских поселений либо исчезает с рубежа XIV–XV вв., либо прерывает свое функционирование минимум на одно столетие.

Единственным известным в окрестностях города памятником XV в. является небольшое (0,72 га) мысовое городище Городок. Оно расположено в 1,5 км от детинца нижегородской крепости, за пределами посадских укреплений средневекового города (Грибов, 2003). Поселение занимает верхнюю площадку мыса, образованного двумя отвержками большой овражной системы, прорезающей правый коренной берег Оки в 0,8 км от ее устья. Хронологическая компактность нумизматического комплекса, собранного на памятнике в 2003–2004 гг. (чекан большинства определимых монет – 18 из 20 – не выходит за рамки промежутка 1446–1505 гг.), позволяет определить его датировку в рамках середины XV – начала XVI в. Облик материальной культуры данного городища (парадная поливная посуда, редкие образцы мелкой пластики – костяная и бронзовая иконки-привески, бронзовые кресты-энколпионы, железные писала), усадебный характер его планировки характерны для поселений городского типа. Вместе с тем, тщательное археологическое обследование окружающей местности выявило удаленность памятника от периферии средневековой застройки г. Н. Новгорода, что не позволяет рассматривать занимаемый им участок как часть территории средневекового города (Грибов, 2005).

Судя по летописным сообщениям о событиях середины – второй половины XV в., наиболее вероятной представляется интерпретация данного памятника как “осадного городка”, небольшой крепости, служившей местом размещения военного гарнизона (“заставы”) и выполнявшей функции резиденции московской великокняжеской администрации в порубежном тогда Н. Новгороде. О существовании такого “второго” Нижнего Новгорода сообщает целый ряд летописных сводов, в которых “двойник” города на устье Оки называется Нижним Новгородом Новым или Нижним Новгородом Меньшим. В результате кропотливого анализа текстов летописных сообщений с упоминанием этого поселения В.А. Кучкин сделал вывод о его локализации на правом берегу Оки, невдалеке от нижегородского кремля, что вполне согласуется с положением городища Городок (Кучкин, 1976. С. 223–231).

Фиксируемое по керамическому комплексу памятника кризисное состояние местной гончарной традиции, наличие в нем материалов, связанных с

местной мордвой, указывают на малочисленность русского населения, на то бедственное положение, в котором пребывали и город, и его округа в середине – второй половине XV в. За время своего существования рассматриваемое поселение претерпевало разрушения, однако быстро отстраивалось вновь. Вблизи рубежа XV–XVI вв. оно было сожжено, заброшено и после этого больше уже никогда не возобновлялось. Гибель поселения по времени близка к дате осады г. Н. Новгорода казанскими татарами Мухамед-Амина (1505 г.) (Патриаршая..., 1901. С. 259). В первое десятилетие XVI в. в г. Н. Новгород был отстроен каменный кремль, и необходимость восстановления этой небольшой крепости, очевидно, отпала.

При интерпретации памятников нижегородских окрестностей возникает затруднение, связанное с отсутствием ясного понимания того, что же вообще представляет собой заселенная городская округа, как и чем определяются ее границы, каким критерием следует руководствоваться при соотнесении с ней того или иного поселения. Наблюдение зависимости облика материальной культуры некоторых памятников от их удаленности от городского центра, специфичность функций некоторых из них (ближайших к Н. Новгороду) позволяют на этом локальном материале поставить вопрос о существовании зональности сельской округи русского средневекового города. Предполагаемая зональность видится, прежде всего, как отражение различной интенсивности и различного качества взаимодействия сельских поселений с городом. Очевидно, что изучение этого явления связано с исследованием взаимосвязи двух форм средневекового расселения – городской и сельской – в контексте пространственных, т.е. географических, характеристик.

Опыт использования упоминавшейся выше расчетной модели показал, что по соотношению уровня взаимодействия поселений между собой и с городским центром заселенная область, территориально связанная с Н. Новгородом, может быть разделена на три зоны.

В первую, радиусом 4,5–5 км, входят примыкающие к городу одиночные поселения, не связанные с какой-либо сельской поселенческой группировкой, интенсивность взаимодействия которых с городским центром максимальна среди всех прочих населенных пунктов. Эта часть городской округи близка к географическому понятию предместья, определяемого как ближайшая к городу заселенная территория, поселения которой “...воспроизводят жизнь и функции города” (Шабо, 1967. С. 225). Здесь, в пятикилометровой зоне располагаются старейшие нижегородские монастыри – Благовещенский и Печерский, а в середине XV в. появляется укрепленное поселение (Городок), которое, скорее всего, на полстолетия переняло у старого Н. Новгорода часть его городских функций. Таким образом, эта зона, выходящая за городские границы, по своей сути служила резервом исторического развития городской территории.

Вторую зону определяют поселения, входящие в те или иные агломерации – сельские поселенческие скопления, центры которых связаны с городом наиболее интенсивно. Ее внешняя граница может быть определена по максимальной удаленности поселений, тянувших к такому центру. В контексте нижегородской ситуации таким центром является Бешенцевская агломера-

рация, удаленность которой от города, равная 19 км, задает пространственный масштаб этой области. Поселения, расположенные здесь, удалены от города на расстояние, не превышающее один дневной переход, и следовательно, в случае военной опасности местные насельники имели возможность успеть укрыться за городскими стенами. Эта зона, для определенности, может быть охарактеризована как ближайшая городская округа. Есть основания полагать, что именно здесь располагались наиболее крупные княжеские и боярские села, загородные дворы городской знати.

Третья зона образована поселениями, интенсивность взаимодействия которых с городом не превосходит этот показатель для их соседних поселений-спутников. Это периферия городской округи, для населения которой своевременное укрытие в городе существенно более затруднительно, чем для населения второй зоны. Местные поселения группируются здесь исключительно вокруг своих сельских центров, а значительная удаленность последних от города создает предпосылки для постепенного укрупнения некоторых из них.

В контексте данного подхода граница сельской округи в целом определяется соотношением влияний данного города и ближайшего к нему другого городского центра. Для Н. Новгорода размеры тянувшей к нему "хоры" определяются расстоянием около 70 км.

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов С.Л., 1976. Нижегородский кремль: Архитектура, история, реставрация. Горький.
- Анучин С.Б., Черников В.Ф., 1991. Археологические памятники, открытые Б.А. Сафоновым // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород.
- Афанасьев Г.Е., 1993. Донские аланы: Социальные структуры алано-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.
- Гацкий А.С., 1886. Нижегородский летописец. Н. Новгород.
- Грибов Н.Н., 1999. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Н. Новгороде, в переулке Крутом в 1999 г. // Архив ИА. Р-1. № 2203.
- Грибов Н.Н., 2000. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV веков // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород.
- Грибов Н.Н., 2001. Керамический комплекс русского селища XIV в. из округи г. Н. Новгорода // Вестник Костромской археологической экспедиции. Кострома. Вып. 1.
- Грибов Н.Н., 2003. Отчет об археологических раскопках городища Городок в г. Н. Новгороде в 2003 г. // Архив ИА. Р-1.
- Грибов Н.Н., 2005. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород.
- Грибов Н.Н., Сычёва С.А., 2003. Катастрофические изменения почв, форм рельефа и ландшафтов в окрестностях Нижнего Новгорода в XIV–XVIII вв. // Экология древних и современных обществ. Тюмень.
- Грибов Н.Н., Цепкин Е.А., 2004. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород.
- Гусева Т.В., 1989. Отчет об археологических работах в исторической части г. Горького в 1989 г. // Архив ИА. Р-1, № 14060.
- Кучкин В.А., 1976. О Нижних Новгородах – "старом" и "менышом" // История СССР. № 5.

- Лаврентьевская летопись, 1926 // ПСРЛ. Л. Т. 1.
Патриаршая или Никоновская летопись, 1901 // ПСРЛ. СПб. Т. 12.
Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
Рогожский летописец, 1922 // ПСРЛ. Пг. Т. 15.
Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
Хагетт П., 1968. Пространственный анализ в экономической географии. М.
Черников В.Ф., 1959. Отчет третьего разведотряда Горьковской экспедиции за 1959 г. // Архив ИА. Р-1, № 1990.
Черников В.Ф., 1991. Могильник в Н. Новгороде близ больницы имени Н.А. Семашко // Записки краеведов. Н. Новгород.
Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.
Шабо Ш., 1967. Место города в районе // Очерки по географии городов. М.

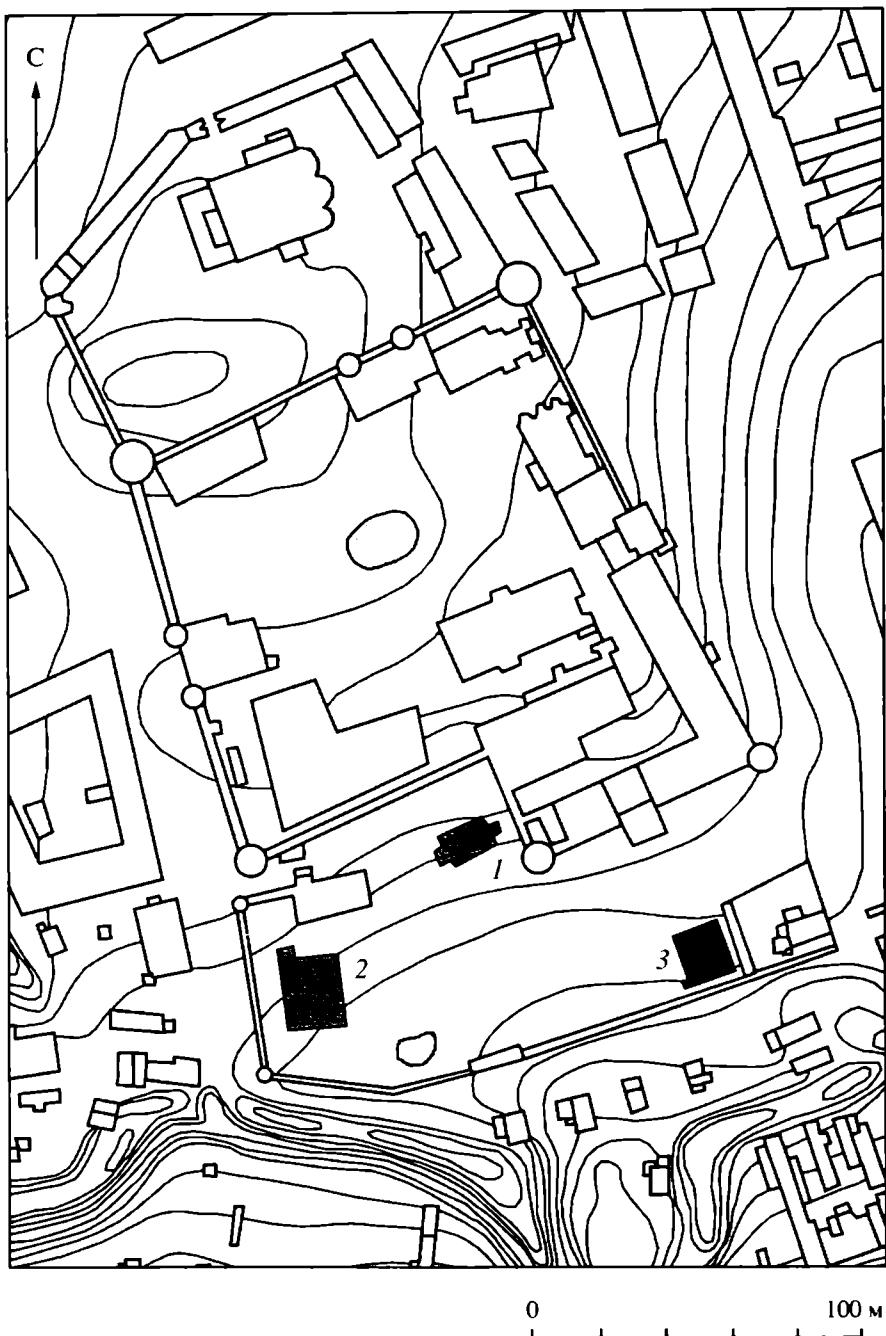
Н.Г. Самойлович

**СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ
РАСКОПА Н.Н. ВОРОНИНА
В МИТРОПОЛИЧЬЕМ САДУ РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ**

В 1955 г. Н.Н. Воронин предпринял первые археологические исследования на территории Ростова Великого. Работы были связаны с проведением реставрационных работ в Ростовском кремле, пострадавшем от разрушительного смерча летом 1953 г. Задачи исследований были сформулированы автором достаточно широко: “Осветить вопрос о первоначальном поселении на месте Ростова, его характере и времени появления здесь первых русских колонистов, проверить топографическое приурочение княжеского дворца XII–XIII вв. и дворцовой церкви князя Константина, а главное исследовать характер древней застройки между Круглой Садовой башней и церковью Григория Богослова” (Воронин, 1955. Л. 3, 4). Последнее обстоятельство определило выбор места раскопок. Кремлевская стена, отделяющая Митрополичий сад от территории Архиерейского дома, делает изгиб между Круглой Садовой башней и церковью Григория Богослова, на взгляд Н.Н. Воронина, “архитектурно неоправданный для целостного и очень логичного кремлевского ансамбля” (Воронин, 1958. С. 21). Можно было предположить, что здесь до 80-х годов XVII в., времени начала строительства комплекса зданий Архиерейского двора, стояли постройки Григорьевского монастыря (Воронин, 1958. С. 21).

Раскоп первоначальной площадью 60 м² был заложен в 8 м к западу от Круглой Садовой башни (рис. 1). Уже в верхних пластиах выявились заполненные кирпичным щебнем широкие траншеи мощного фундамента. Чтобы исследовать постройку полностью, с востока и запада было сделано несколько прирезок, в итоге площадь раскопа достигла 180 м².

Необходимо отметить, что, несмотря на заявленные цели раскопок, именно исследование выявленного архитектурного объекта стало основным

Рис. 1. Расположение раскопов на территории Митрополичьего сада

1 – раскоп Н.Н. Воронина; 2 – Григорьевский раскоп (ВОЭ ИА РАН, 1989–1996 гг.); 3 – Митрополичий II раскоп (ВОЭ ИА РАН, 1984–1985 гг.)

в работах 1955 г. Исследование собственно культурных напластований отошло на второй план, отдельные участки раскопа не были доведены до материка. Помимо технических трудностей, связанных с работой в переувлажненном грунте, это объяснялось тем, что культурный слой мощностью 2,6–2,7 м практически на всей площади раскопа был нарушен мощным фун-

даментом постройки. До глубины около 1 м были прослежены заполненные кирпичным боем траншеи фундамента, ниже в два-три ряда шли валуны, под ними, с глубины 1,3–1,4 м, – свайное основание фундамента. Более шестисот дубовых свай прорезали всю толщу культурного слоя, входя на 0,3–0,4 м в материк (рис. 2), и были вбиты в грунт с уровня дна фундаментной траншеи.

Участки не затронутого строительством культурного слоя сохранились в северо-западной части раскопа. На рис. 3 представлен профиль небольшого участка северной стенки раскопа, сохранившего всю свиту культурных напластований. Над материковой глиной залегает слой почти стерильного темно-серого природно гумусированного суглинка толщиной около 0,4–0,5 м, в верхней части которого встречены отдельные угольки и несколько фрагментов лепной керамики, в том числе лощеной. Выше залегал слой плотно слежавшейся щепы с прослойками навоза мощностью до 0,6 м. Отмечая бедность этого слоя находками, Н.Н. Воронин полагал, что его можно датировать VIII–X вв. и определить как горизонт мерянского поселения (Воронин, 1958. С. 23). Основанием для такого вывода, по мнению автора, служат находки только лепной керамики, в том числе и аналогичной посуде Сарского городища, а также встреченные в слое щепы глиняное дисковидное пряслице и обломок костяного наборного гребня, также имеющие аналогии в материалах Сарского городища. Этот слой перекрывался более рыхлым, насыщенным щепой с примесью навоза культурным слоем, который Н.Н. Воронин определил как древнерусский домонгольский и датировал X – первой половиной XIII в. Мощность этого горизонта составляет около 0,6 м, в нем найдена орнаментированная древнерусская круговая керамика, несколько шиферных пряслиц, фрагмент стеклянного перстня.

Домонгольские отложения перекрывались слоем кладбища, нарушенного при закладке фундамента. Разрозненные человеческие кости залегали в сильно гумусированном слое на всей площади раскопа. Встречены также обломки белокаменных надгробных плит. По мнению Н.Н. Воронина, кладбище принадлежало Григорьевскому монастырю и существовало в XIV – начале XVI в. Строительство каменных палат автор исследования относит к концу XVI в. – времени, когда Ростовская епархия становится митрополией и начинается обустройство этого участка городской территории. По мнению Н.Н. Воронина, палата еще стояла во время строительства Ионы Сысоевича, и по каким-то соображениям была оставлена вне стен Кремля (Воронин, 1958. С. 23).

В настоящее время территория Митрополичьего сада археологически достаточно хорошо исследована. Появилась возможность соотнести стратиграфические данные раскопа 1955 г. с надежно датированными горизонтами культурного слоя, прежде всего с данными Григорьевского раскопа (1989–1996 гг.), который находился в 50 м к юго-западу от раскопа Н.Н. Воронина, у южной стены церкви Григория Богослова и имел значительную для Ростова площадь – более 300 м². Для Григорьевского раскопа получена самая большая в Ростове серия дендрохронологических определений для шести строительных ярусов, последовательно сменявших друг друга на протяжении почти полутораста лет с конца X до второй половины XII в.

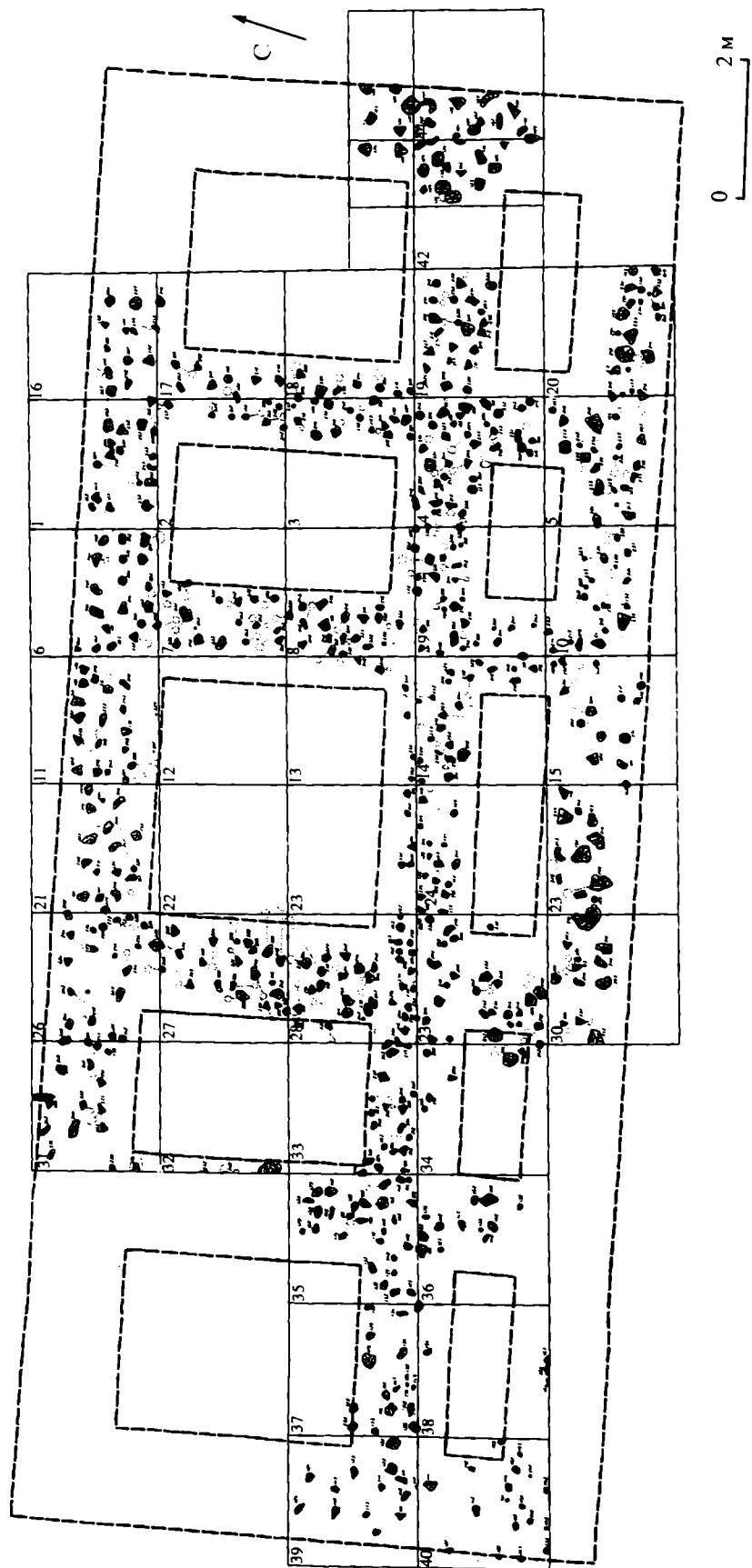

Рис. 2. Свай фундамента павильона

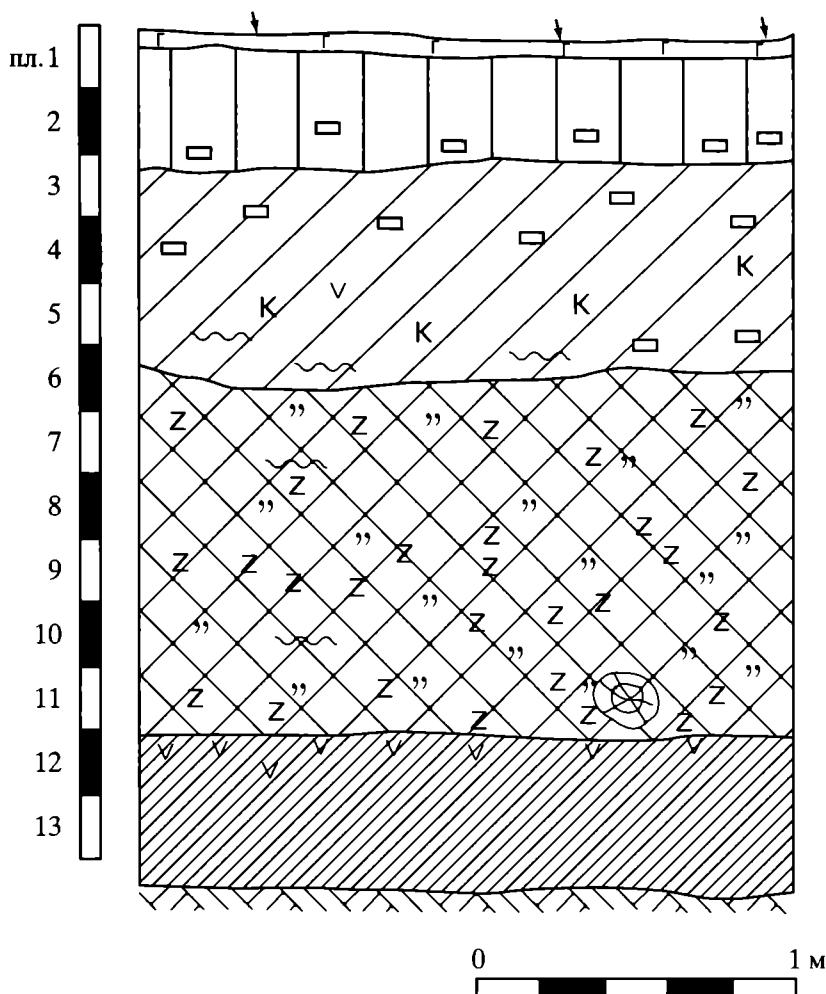

Рис. 3. Профиль северной стенки квадрата 11

а – дерн; б – перекоп; в – кирпичная крошка; г – кости; д – уголь; е – древесный тлен; ж – щепа; з – навоз; и – серый гумусированный слой; к – черный гумусированный слой; л – материк

На основании этих данных можно утверждать, что отложения мерянского поселка связаны со слабогумусированным предматериковым суглинком, имевшим и в раскопе Н.Н. Воронина, и в Григорьевском раскопе мощность около 0,4 м.

На территории Григорьевского раскопа этот слой дал значительную коллекцию лепной посуды, представленной формами, хорошо известными по материалам Сарского городища и мерянских селищ ростовской округи,

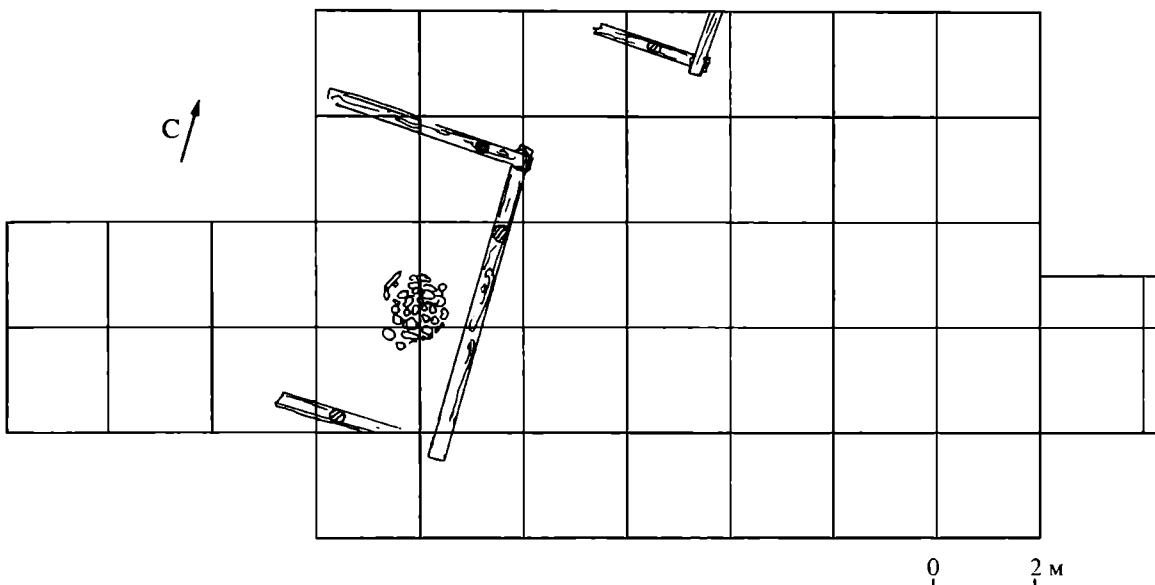
а также немногочисленную, но показательную серию предметов финского круга древностей – ножи с прямой спинкой, втульчатое височное кольцо, характерные костяные гребни с высокой резной спинкой, бронзовые шумящие украшения (Самойлович, 2003. С. 253). Слабая насыщенность мерянского слоя в раскопе 1955 г. скорее всего объясняется трудностями работы в переувлажненном, сильно перебитом сваями грунте. Возможно также, что участок раскопок Н.Н. Воронина захватил окраинную часть мерянского поселения. Датировка мерянских отложений, предложенная Н.Н. Ворониным, не вызывает возражений, но ее верхняя граница может быть уточнена – VIII – третья четверть X в.

С середины X в. начинается новый этап в истории поселения, связанный с появлением на берегу Ростовского озера древнерусского населения. В Григорьевском раскопе первые находки лепной древнерусской посуды отмечены в горизонте, имеющем дендродату 980 г. В конце X и на протяжении XI вв. этот прибрежный участок активно осваивается и застраивается, здесь складывается характерная для древнерусского города усадебная планировка. Однако на протяжении всего XI в. материальная культура жителей этого участка городской территории отличается своеобразием. Здесь значительно больше, чем в других частях города, бытует лепная посуда – в горизонте 70–80-х годов XI в. Григорьевского раскопа лепная посуда составляет около 80%. На протяжении всего XI в. здесь встречаются отдельные фрагменты лощеной мерянской посуды, а также архаичные костяные пряслица, ножи с прямой спинкой, детали бронзовых украшений. Это свидетельствует о том, что в течение долгого времени мерянское население сохраняло некоторую этническую самобытность и территориальную обособленность в границах древнерусского города (Леонтьев, 1998. С. 151).

Сопоставление материалов раскопа Н.Н. Воронина с данными Григорьевского раскопа позволяет достаточно надежно датировать некоторые объекты, открытые в древнерусском горизонте раскопа 1955 г.

На уровне 11-го пласта, т.е. в раннем усадебном слое в центральной части раскопа Воронина были зафиксированы остатки срубной постройки (рис. 4). Хорошо сохранился венец восточной стенки длиной около 6,5 м с вырубками-чашками на концах, южная и северная стены сруба перебиты сваями позднего фундамента. У восточной стенки внутри сруба расчищен развал печи-каменки. По нивелировочным отметкам южный конец бревна находится на 0,13 м ниже северного, т.е. венец постройки фиксирует естественный уклон поверхности к югу, в сторону озера.

В Григорьевском раскопе к тому же стратиграфическому горизонту относятся постройки пятого строительного яруса (рис. 5), имеющие дендродаты 990–995 гг. Они также строились без предварительной нивелировки поверхности, их венцы фиксируют уклон древнего берегового склона к югу. Это особенность того же, самого раннего, строительного горизонта. В более позднее время при закладке сруба поверхность площадки выравнивалась, под южный венец делалась подсыпка из глины, под углы южной стены ставились подпорки-столбики (Самойлович, 2000. С. 229). Таким образом, есть все основания отнести постройку пласта 11 из раскопа Н.Н. Воронина к то-

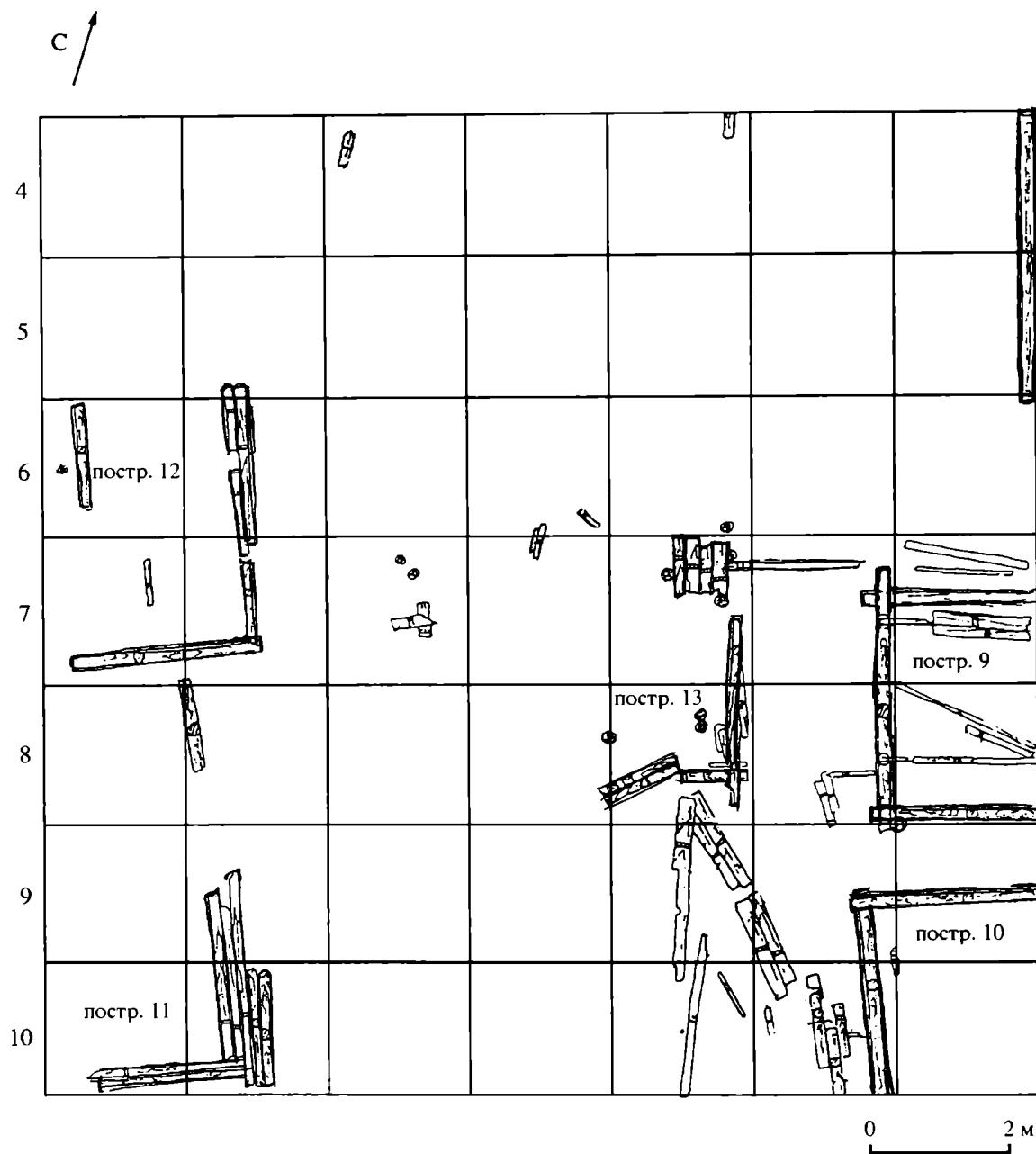

Рис. 4. Жилая постройка в толще 11-го пласта

му же строительному горизонту, т.е. к 90-м годам X в., и в таком случае это самая ранняя жилая постройка, зафиксированная в Ростове, – срубы этого горизонта в Григорьевском раскопе не имели очагов и отличались более скромными размерами.

В толще десятого пласта раскопа 1955 г., в его северо-западном углу, были зафиксированы остатки постройки, основная часть которой осталась за пределами раскопа. К югу от сруба в усадебном слое были найдены два шпангоута большой ладьи (рис. 6). Сопоставление стратиграфического положения шпангоутов с материалами Григорьевского раскопа позволило надежно датировать горизонт их залегания концом X – началом XI в. (Леонтьев, 1999. С. 160). К этому же времени относятся найденные в Григорьевском раскопе ладейные заклепки и использовавшиеся в судостроении деревянные гвозди-шпонки – нагели.

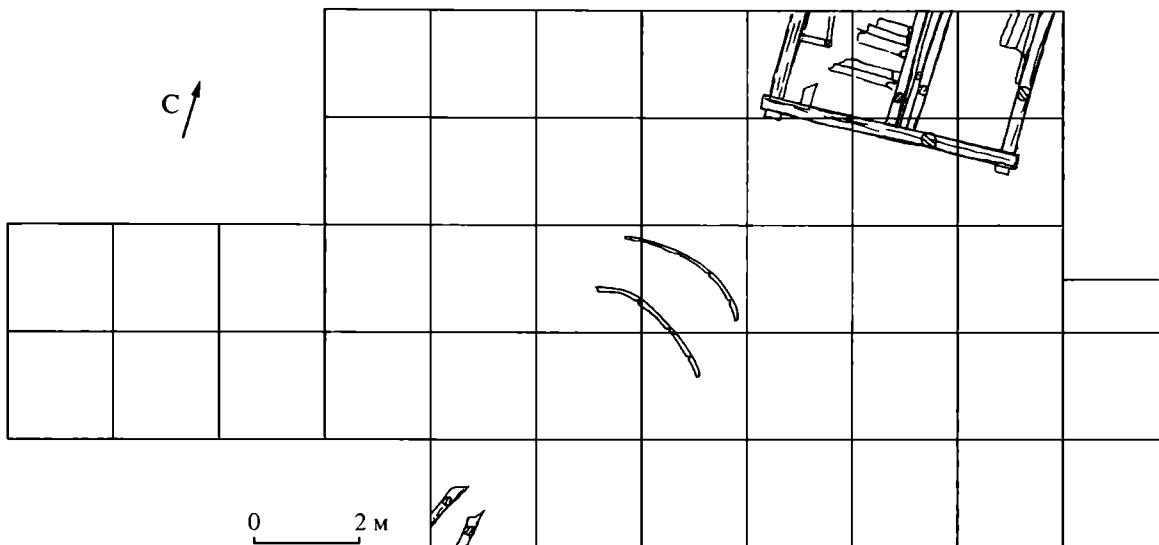
В более позднее время участок, исследованный Н.Н. Ворониным, становится местом интенсивного строительства. Свидетельством этому служит мощный слой щепы, составляющий основное заполнение пластов 8 и 9. У южной стенки раскопа на этом уровне зафиксированы остатки постройки, основной своей площадью оставшейся за пределами раскопа. Венец ее северной стенки, сильно перебитый сваями позднего фундамента, имел длину 7,5 м. (Воронин, 1955. Л. 29, 30). К этому горизонту относится основная масса находок. Здесь найдены свыше трех десятков бус, среди которых хрустальная шарообразная, разнообразные глазчатые, две “лимонки”, трехчастная пронизка белого молочного стекла, несколько бисерин и многогранная мозаичная. Кроме бус в этом горизонте найдены около 150 обломков янтаря, шесть шиферных пряслиц, обломок стеклянного перстня, несколько фрагментов амфор. Насыщенность слоя разнообразными находками, остатки постройки с печью позволяют предполагать, что на участке раскопа 1955 г. находилась

Рис. 5. Постройки пятого строительного горизонта Григорьевского раскопа (южный участок) (дендродаты – 990–995 гг.)

жилая часть усадьбы. Возможно, хозяйственный двор, располагавшийся на территории Григорьевского раскопа на протяжении XI–XII вв., составлял с ней единый комплекс. На возможную связь этих двух участков указывает направление бревенчатого настила первого яруса Григорьевского раскопа с дендродатами 1116–1125 гг. (Самойлович, 2000. С. 228).

Как уже отмечалось, Н.Н. Воронин датирует древнерусский усадебный слой раскопа в Митрополичьем саду X–XIII вв. Эта датировка требует уточ-

Рис. 6. Сруб и ладейные шпангоуты в толще 10-го пласта

нения. В раскопе 1955 г. найдено всего три фрагмента стеклянных браслетов. Для сравнения, коллекция Григорьевского раскопа насчитывает свыше 600 экземпляров разнообразных стеклянных браслетов, которые впервые отмечены в напластованиях конца первой трети XII в. Таким образом, можно утверждать, что на участке, исследованном Н.Н. Ворониным, древнерусский слой датируется концом X – началом XII в. Культурные отложения более позднего времени здесь отсутствуют, а незначительное количество керамики, которую можно датировать XIII–XIV вв., происходит из заполнения могильных ям.

Отсутствие значительной толщи культурных напластований обычно для центральной части Ростова и связано со строительством городских укреплений в 1632–1634 гг., когда для устройства земляного вала брали грунт с прилегающей городской территории. На участке Григорьевского раскопа напластования сняты до уровня XIII в., а в юго-восточной части Митрополичьего сада, на участке Митрополичьего первого раскопа, – до уровня конца XI в.

Отсутствием поздних горизонтов культурного слоя на участке раскопа 1955 г. можно объяснить отмеченную Н.Н. Ворониным небольшую глубину могильных ям исследованного на участке раскопа кладбища. Самые глубокие могилы имели глубину около 1 м, что исследователь объяснил высоким уровнем стояния грунтовых вод. Одно из погребений этого некрополя зафиксировано в 2004 г. при геологической шурфовке к востоку от Круглой Садовой башни. Глубина залегания костей от уровня современной поверхности составляла не менее 1,8 м.

Таким образом, использование грунта с исследованного участка Митрополичьего сада при строительстве земляного вала не вызывает сомнения. Это обстоятельство заставляет пересмотреть дату закладки здесь каменных палат. Как уже отмечалось, Н.Н. Воронин полагал, что они были построены

в конце XVI в. Вывоз грунта для строительства крепости указывает, что этот участок был свободен от капитальных каменных строений, и строительство палат можно датировать временем после 1634 г.

ЛИТЕРАТУРА

Воронин Н.Н., 1955. Отчет Ростовского отряда Среднерусской экспедиции за 1955 г. // Архив ИА. Р-1. № 1109.

Воронин Н.Н., 1958. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Ярославль. Ч. 1: Древний Ростов.

Леонтьев А.Е., 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.

Леонтьев А.Е., 1999. Детали судов и лодок X–XIII вв. в археологической коллекции Ростова Великого // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 111.)

Самойлович Н.Г., 2000. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М.

Самойлович Н.Г., 2003. Мерянский “Ростов” // Археология: история и перспективы. Ярославль.

Е.К. Кадиева

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА НА КРУГОВОЙ ПОСУДЕ ЦЕНТРА РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ: МОРФОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

На территории центра Ростово-Сузdalской земли выявлено значительное количество клейм, которые могут расцениваться как княжеские тамги или “знаки Рюриковичей”. Всего в процессе обработки учтено 116 таких изображений¹, что составляет 15% от всего количества клейм, отмеченных в данном регионе. Из них 85 оттисков сохранились целиком, а 31 – фрагментарно. Наиболее распространенными были двузубцы, так называемые “птички” и трезубцы. Кроме данных знаков, к геральдическим клеймам отнесены также “багровидные” и “Т-образные” знаки и клейма в виде птичьей лапы.

Интереснейшие серии клейм со знаками Рюриковичей были получены в результате раскопок во Владимире, проведенных Ю.Э. Жарновым в 1990-е годы. В 1993–1998 гг. он исследовал усадьбу священнослужителя в квартале 22 (конец XII в. – 1238 г.), а в 1999 г. – усадьбу с мастерскими костореза и ювелира на ул. Чехова (рубеж XII/XIII – середина XIII в.). Довольно значительное количество геральдических клейм выявлено М.В. Седовой в Суздале при раскопках Кремля в конце 1970-х – 1980-х годов, а также в рас-

¹ Имеются в виду те клейма, которые были просмотрены и описаны нами лично во время полевой или камеральной работы.

копе у церкви Скорбящей Божьей Матери в середине 1970-х годов. Ряд княжеских клейм более позднего времени (вторая половина XIII в.) найден в Ярославле, в раскопе у церкви Николы Рубленого, в 1993 г. и в Успенском раскопе 2004 г. Ряд княжеских знаков также обнаружен во время раскопок Ростова Великого, Ярополча Залесского (Пирова городища и селища), Усть-Шексны².

Рассмотрим подробнее основные варианты геральдических оттисков.

1. Двузубец – 52 клейма (44,8% от всего количества геральдических клейм): 33 целых, 19 фрагментов. К двузубцам отнесены “знаки Рюриковичей” прямоугольных или колоколовидных очертаний с двумя зубцами и отрогом в основании фигуры. Среди данных клейм выделяются простые (рисунки двузубцев разных видов) и сложные (включающие изображения двузубца, вписанного в окружность).

1.1. Двузубец прямоугольных очертаний (43 клейма: 25 целых, 18 фрагментов; рис. 1, 1–13). Отмечены следующие модификации данных геральдических знаков.

1.1.1. Двузубец прямоугольных очертаний с прямыми зубцами (1 клеймо; рис. 1, 1). Клеймо обнаружено на Пировом городище и четко не датируется. Примерная датировка – XII – середина XIII в.

1.1.2. Двузубец прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу вершинами зубцов (37 клейм; рис. 1, 2–8). Наиболее распространенная модификация. Такие оттиски найдены на следующих памятниках:

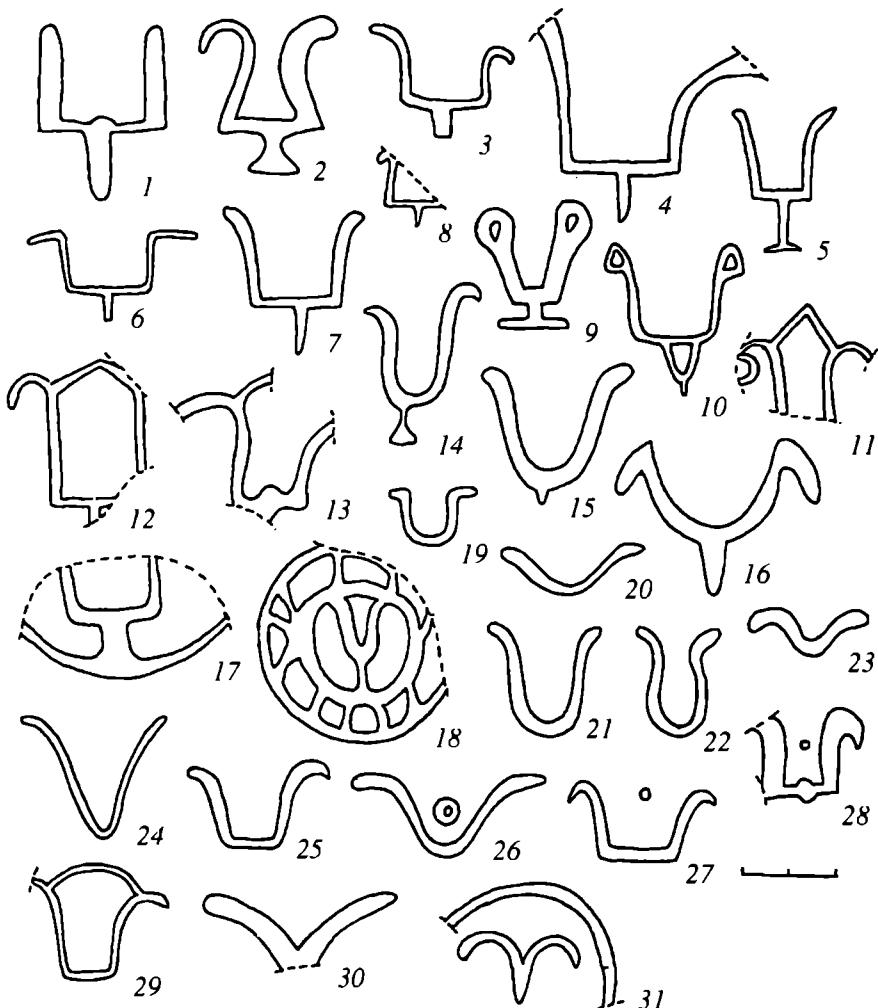
– Владимир (32 клейма): усадьба квартала 22 (1214(27)–1238 гг.) – 15 клейм: 4 – на донцах блюдец, 2 – на донцах горшков с-видного профиля (группа I) и 1 – на донце горшка с растробовидной шейкой (группа III); усадьба на ул. Чехова (начало XIII в.) – 14 клейм, из них 6 – на донцах горшков эс-видного профиля и 1 – на донце горшка с растробовидной шейкой; шурф у Торговых рядов, раскопки 1995 г. (примерно конец XII – первая половина XIII в.), – 1 клеймо на донце горшка с растробовидной шейкой; раскоп на ул. III Интернационала (примерно конец XII – начало XIII в.) – 1 клеймо; раскоп 1974 г. во дворе д. 5 по ул. Столетовых (конец XII – начало XIII в.) – 1 клеймо;

– Пирво городище (2 клейма) и Пирво селище (2 клейма): слои середины XII – первой половины XIII в.;

– Сузdal’ (1 клеймо): территория кузнечного производственного комплекса, раскоп у бывшего Дмитриевского монастыря (середина XII – начало XIII в.). Интересно, что изображение двузубца было пропечатано на массивном днище диаметром 20,3 см (вероятно, от корчаги), при этом смещено к левому краю, а в центре располагался оттиск “птичьей лапы” (ВСМЗ. Сузdal’. B-39975. № 50).

1.1.3. Двузубец прямоугольных очертаний с зубцами, заканчивающимися окружностями (2 клейма; рис. 1, 9, 10). Оба знака найдены во Владимире:

² Выражаю глубокую благодарность Ю.Э. Жарнову и Н.Н. Мошениной за предоставленную возможность работы с керамическими коллекциями Владимира; А.Е. Леонтьеву и Н.Г. Самойлович за возможность работы с коллекциями Ростова Великого; А.Н. и Н.И. Рыкуновым за возможность работы с коллекциями Усть-Шексны.

Рис. 1. Геральдические изображения (двузубцы и “птички”)

1–13 – двузубцы прямоугольных очертаний; 14–16 – двузубцы колоколовидных очертаний; 17, 18 – двузубцы в окружности; 19–29 – “птички” колоколовидные; 30–31 – “птички” галочковидные. 1, 12 – Пирово городище-59; 2–4, 13–16, 19–21, 27, 29, 31 – Владимир 93–98; 5 – Владимир-95; 7 – Сузdalь-71; 8, 28 – Пирово городище-61; 9 – Владимир-58; 17 – Сузdalь-81; 22 – Усть-Шексна-93; 23 – Усть-Шексна-01; 24 – Усть-Шексна-04; 25 – Семынское-78; 26 – Владимир-82; 30 – Владимир-85

одно клеймо в комплексе полуземлянки на ул. Пушкина (начало XIII в.), другое – на территории усадьбы квартала 22 (1214(27)–1238 гг.).

1.1.4. Двузубец прямоугольных очертаний с зубцами, заканчивающимися отрогами (рис. 1, 13). Всего одно подобное изображение, сохранившееся не полностью, выявлено во Владимире, на территории усадьбы квартала 22 (1214(27)–1238 гг.).

1.1.5. Двузубец прямоугольных очертаний с “перекрытием” (2 клейма; рис. 1, 11, 12). Один из таких знаков найден во Владимире, в комплексе усадьбы на ул. Чехова (начало XIII в.), второй – на Пиром городище, в слое середины XII – первой половины XIII в.

1.2. Двузубец колоколовидных очертаний (7 клейм, сохранившихся целиком; рис. 1, 14–16). Все оттиски происходят из Владимира, с территории

усадьбы квартала 22 (1214(27)–1238 гг.). При этом 2 клейма были проставлены на донцах горшков с-видного профиля, одно – на донце горшка с раструбовидной шейкой, и одно – на донце кружки.

1.3. *Двузубец в окружности* (2 клейма: 1 целое, 1 фрагмент; рис. 1, 17, 18).

1.3.1. Двузубец прямоугольных очертаний в одной окружности – 1 клеймо, выявленное в Суздале, при раскопках Кремля в 1981 г. (вторая половина XII в.).

1.3.2. Колоколовидный двузубец в колесе (?). Единственное изображение обнаружено во Владимире, в комплексе усадьбы на ул. Чехова (начало XIII в.).

Итак, клейма с рисунком двузубца имеют довольно узкую датировку: на исследованной территории они встречены в слоях середины XII – первой половины XIII в. Особенно распространены были такие оттиски во Владимире, где они составляют 85% от всех обнаруженных знаков такого вида.

2. “*Птичка*” – 28 клейм (24,1%): 17 целых, 11 фрагментов. В эту группу включены как знаки в виде перевернутого колокола без отрога в основании фигуры, так и галочковидные изображения (простые). Кроме этого выявлены оттиски “птички” в окружности (сложные).

2.1. “*Птичка*” колоколовидная (26 клейм: 17 целых, 9 фрагментов; рис. 1, 19–24). Выделено несколько модификаций клейм такого вида.

2.1.1. “*Птичка*” простая (22 клейма). Оттиски найдены на следующих памятниках:

– Владимир (14 клейм): усадьба квартала 22 (1214(27)–1238 гг.) – 13 клейм, при этом одно – на донце горшка с-видного профиля (группа I); усадьба на ул. Чехова (начало XIII в.) – 1 клеймо;

– городище Семьянское (5 клейм): яма 4, раскоп 1978 г. (рубеж XII/XIII вв.) – 1 клеймо на донце сковороды. Еще 4 клейма обнаружены в слое конца XII – середины XIII в.

– поселение Усть-Шексна (3 клейма): слои середины XII – середины XIII в.

2.1.2. “*Птичка*” с точкой вверху (3 клейма). Два таких знака обнаружено во Владимире – в комплексе усадьбы квартала 22 (1214(27)–1238 гг.) и в раскопе у д. 16 по ул. Кремлевской в 1982 г. (примерная датировка – конец XII – начало XIII в.), а один – на Пиревом городище, в слое середины XII – начала XIII в.

2.1.3. “*Птичка*” с “перекрытием”. Выявлен всего один знак. Он также найден во Владимире, на территории усадьбы квартала 22 (1214(27)–1238 гг.).

2.2. “*Птичка*” галочковидная (рис. 1, 30). Лишь один оттиск обнаружен во Владимире, в раскопе у д. 3 по ул. Столетовых в 1985 г. (примерная датировка – вторая половина XII – начало XIII в.).

2.3. “*Птичка*” в окружности (1 клеймо; рис. 1, 31). Изображение галочковидной “птички” в окружности происходит из Владимира (комплекс усадьбы квартала 22) (1214(27)–1238 гг.).

Таким образом, клейма в виде “птички” бытовали в исследуемом регионе со второй половины XII до середины XIII в., а точнее, до “татарского бедствия”, т.е. до 1238 г. В основном данные знаки, как и двузубцы, были распространены во Владимиро-Сузdalской земле, по преимуществу во Владимире (71% от всего количества обнаруженных оттисков).

3. Трезубец – 25 клейм (21,6%): 17 целых, 8 фрагментов. К трезубцам причислены знаки прямоугольных или колоколовидных очертаний с тремя зубцами. Среди клейм с такими изображениями выделяются простые, куда входят трезубцы разных видов, и сложные – трезубцы в окружности.

3.1. Трезубец прямоугольных очертаний (8 клейм: 6 целых, 2 фрагмента; рис. 2, 1–6). Отмечены следующие виды данных оттисков.

3.1.1. Трезубец прямоугольных очертаний с прямыми зубцами (рис. 2, 1). Единственный знак обнаружен на поселении Усть-Шексна. Примерная датировка – первая половина – середина XIII в.

3.1.2. Трезубец прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу вершинами боковых зубцов (6 клейм; рис. 2, 2–5). Пять таких изображений выявлены во Владимире: в усадьбе квартала 22 (1214(27)–1238 гг.) – 4 клейма, при этом одно простоявшо на донце горшка с-видного профиля, еще одно – на донце горшка с растробовидной шейкой; в усадьбе на ул. Чехова (начало XIII в.) – 1 клеймо на донце миски. Одно клеймо обнаружено в Суздале при раскопках Кремля в 1979 г. (пласт 6, конец XI – начало XII в.).

3.1.3. Трезубец прямоугольных очертаний с “перекрытием” (2 клейма; рис. 2, 6). У данного трезубца от центрального короткого зубца отходят в разные стороны два отрога, соединяющиеся с двумя боковыми зубцами. В результате в верхней части знака получается своеобразное “перекрытие”. Одно такое клеймо обнаружено в Суздале при раскопках Кремля в 1981 г. (пласт 6, конец XI – начало XII в.), другое – во Владимире, в раскопе у д. 13 по ул. Столетовых, в 1974 г. (примерная датировка – вторая половина XII – начало XIII в.).

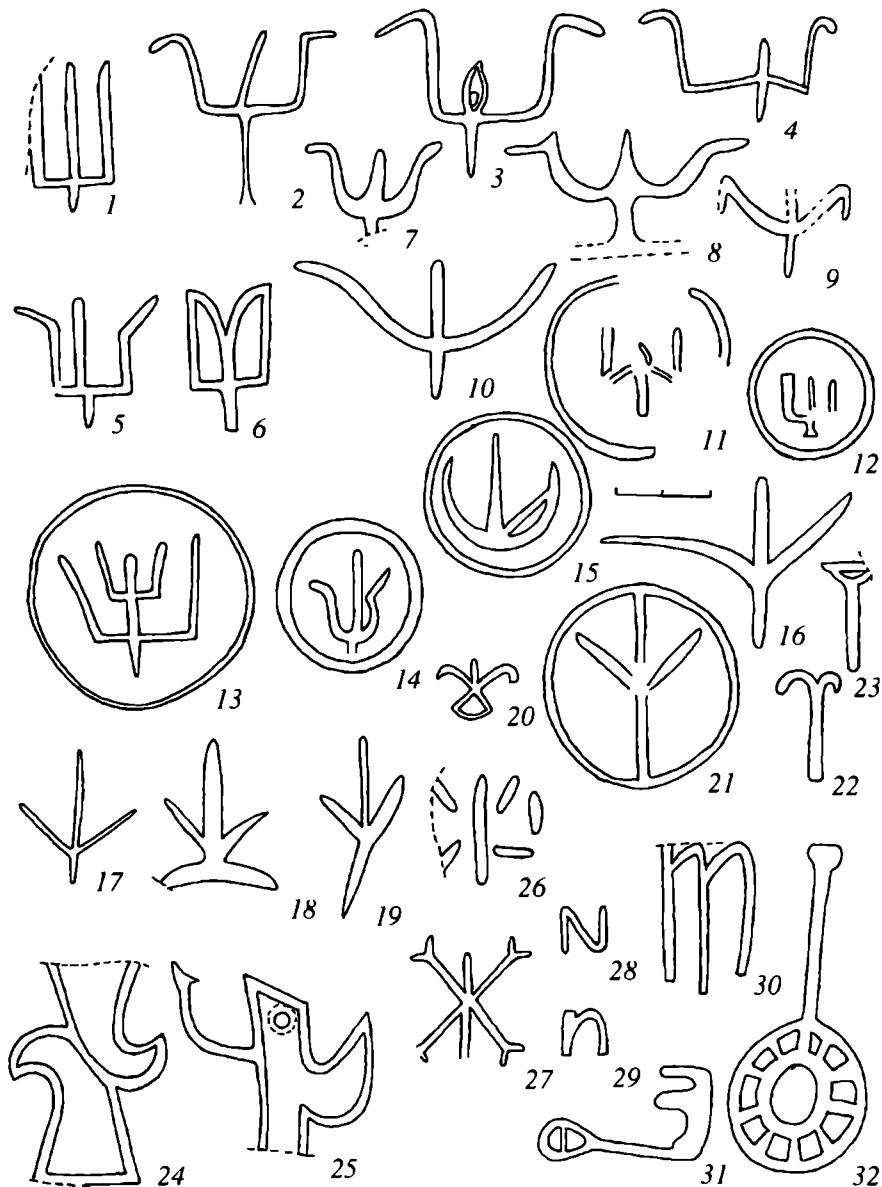
3.2. Трезубец колоколовидных очертаний (8 клейм: 4 целых, 4 фрагмента; рис. 2, 7–10). Знаки таких очертаний выявлены во Владимире – 1 клеймо на донце блюдца на территории усадьбы квартала 22 в слое конца XII – начала XIII в. (до 1214(27) г.) и 4 клейма в слое 1214(27)–1238 гг.; в Ростове – 1 клеймо в раскопе 2003 г. на территории Конюшенного двора (пласт 10, третья четверть XIII в.); в Ярославле – 1 клеймо в раскопе 1993 г. у церкви Николы Рубленого (первая половина XIII в.?); на Усть-Шексне – 1 клеймо в слое первой половины XIII в.

3.2. Трезубец в окружности (7 клейм: 6 целых, 1 фрагмент; рис. 2, 11–15). Выявлены следующие модификации.

3.2.1. Трезубец прямоугольных очертаний в окружности (4 клейма). Один такой оттиск найден в Ростове, при разборке сруба на Григорьевском раскопе (пласт 6, вторая половина XII в.); один во Владимире, в раскопе на ул. Некрасова у Покровского монастыря в 1977 г. (примерная датировка – вторая половина XII – начало XIII в.); один на Пиром селище, в слоях середины XII – начала XIII в.; один на поселении Усть-Шексна (начало – середина XIII в.).

3.2.2. Колоколовидный трезубец в окружности (3 клейма). Один знак обнаружен в Суздале, при раскопках в Кремле в 1979 г. (вторая половина XII в.); один во Владимире, в раскопе у д. 5 по ул. Столетовых (вторая половина XII – начало XIII в.?); один на Пиром городище, в слоях середины XII – начала XIII в.

Итак, клейма-трезубцы имеют более широкую датировку, чем знаки в виде двузубцев и “птичек”. Они бытовали с конца XI до конца XIII в. и встре-

**Рис. 2. Геральдические изображения (трезубцы и знаки специфических очертаний).
Буквенные и предметные изображения**

1–6 – трезубцы прямоугольных очертаний; 7–10 – трезубцы колоколовидных очертаний; 11–15 – трезубцы в окружности; 16–21 – «птичья лапа»; 22, 23 – т-образные знаки; 24, 25 – багровидные энаки. 1 – Усть-Шексна-00; 2, 3, 7, 8 – Владимир 93–98; 4 – Владимир-99; 5, 24–26 – Суздаль-79; 6, 15 – Владимир-74; 9 – Ростов-03; 10 – Усть-Шексна-01; 11 – Ростов-91; 12, 28 – Пирово селище-57; 13 – Владимир-77; 14 – Пирово городище-61; 16 – Суздаль-71; 17 – Ростов-99; 18 – Усть-Шексна-95; 19 – Ярославль-04; 20, 21 – Усть-Шексна-04; 22 – Пирово селище-56; 23 – Пирово городище-61; 27 – Весь-87; 29 – Суздаль-81; 30 – Усть-Шексна-97; 31 – Бутриха-60; 32 – Усть-Шексна-94

чены, помимо Владимиро-Суздальского ополья, в Ростове и Ярославском Поволжье (Ярославль, Усть-Шексна), правда, в малом количестве.

4. Геральдические знаки специфической формы – 11 клейм (9,5%): 10 целых, 1 фрагмент. Кроме встреченных в большом количестве двузубцов, «птичек» и трезубцев в исследуемом регионе выявлено незначительное чис-

ло знаков своеобразной формы, которые также были причислены к княжеским тамгам.

4.1. “Птичья лапа” (6 клейм, сохранившихся целиком; рис. 2, 16–21).

К геральдическим знакам решено отнести изображения, которые принято называть “птичья лапа”. Вообще по поводу принадлежности данных оттисков к той или иной группе клейм среди исследователей существуют различные точки зрения. Так, В.Ю. Коваль предлагает причислить подобные изображения к силуэтным антропоморфным (Коваль, 2002. С. 129), а О.И. Хижняков относит их к “княжеским знакам” – стилизованным трезубцам (Хижняков, 2002. С. 140, 141). Мы склонны разделить вторую версию, поскольку в Суздале в 1972 г. (раскоп у бывшего Дмитриевского монастыря; середина XII – начало XIII в.) было обнаружено днище с двумя клеймами: “птичьей лапой”, расположенной в центре, и двузубцем, смешенным влево и вверх. Вероятно, сосуд, к которому относилось донце, был изготовлен княжеским мастером, а “птичью лапу”, в таком случае, можно считать стилизованным трезубцем. Кроме Суздаля подобные оттиски найдены в Ростове (1 клеймо), при раскопках городского вала в 1999 г. (середина XIII – середина XIV в.?); в Ярославле (1 клеймо), в раскопе на Стрелке 2004 г. (примерно середина XIII в.) и на поселении Усть-Шексна, в слоях второй половины XII – середины XIII в. (3 клейма: одно – в круге, одно – с расширенной нижней частью).

4.2. Багровидный знак (?) (3 клейма: 2 целых, 1 фрагмент; рис. 2, 24, 25). В исследуемом регионе обнаружено три клейма, которые, возможно, следует расценивать как геральдические знаки багровидной формы. Клейма имеют по два отрога, расположенных посередине. У всех клейм левый отрог отогнут книзу, правый отрог у двух клейм идет вверх, а у третьего изображения загнут вниз. Все оттиски обнаружены в Суздале, при раскопках в Кремле в 1979 г. Одно клеймо происходит из постройки 8 (конец XI в.), два других – из слоя первой половины XII в.

4.3. Т-образный знак (2 клейма, сохранившиеся целиком; рис. 2, 22, 23). Клейма данного вида несколько похожи на изображения галочкоподобных “птичек”, однако имеют длинный отрог в основании фигуры. Оттиски встречены только в Ярополче Залесском (одно клеймо – на Пиром городище, и одно – на Пиром селище, в слоях середины XII – первой половины XIII в.) (ВСМЗ. Суздаль. В-7718. № 350, 2820).

Итак, княжеские знаки, представленные на памятниках центра Северо-Восточной Руси, достаточно широко бытовали на данной территории с конца XI до конца XIII в. Исследовав данные оттиски, можно сделать следующие выводы.

Тамги Рюриковичей найдены лишь в культурном слое поселений,являвшихся в древности крупными городскими центрами: в Суздале, Владимире, Ярополче Залесском (на Пиром городище и селище), Ростове, Ярославле. Именно здесь работали княжеские гончарные мастерские, помечавшие свою продукцию княжескими клеймами. Достаточно интересен памятник Усть-Шексна, где обнаружено девять прекрасно сохранившихся клейм, которые могут считаться геральдическими (3 “птички”, 3 трезубца и 3 “птичьи ла-

твы"). Подобные находки вместе с большим количеством стеклянных браслетов и импортных изделий, выявленных в культурном слое поселения, а также значительная по площади территория (15 га), позволяют определить статус Усть-Шексны как достаточно высокий (поселение торгово-рыболовецкого типа?) (*Рыкунова, Рыкунов, Иванов, 2004. С. 212, 213*).

Наиболее ранние знаки Рюриковичей (конец XI – середина XII в.), правда, в незначительном количестве (5 клейм), выявлены в Суздале. С середины XII в. княжеские оттиски, также немногочисленные, появляются в Ростове и Ярополче и, вероятно лишь на рубеже XII–XIII вв., – в Ярославле и на Усть-Шексне. Исключение в данном случае составляет Владимир, из культурного слоя которого происходит более 70% всех найденных геральдических изображений. При этом особенно распространены были двузубцы (85%), “птички” (71%) и трезубцы (59%), т.е. классические знаки Рюриковичей. Пик распространения данных оттисков приходится на начало XIII в. Это, в первую очередь, следует связать с тем, что Владимир в конце XII в. становится столицей Владимира-Суздальского княжества. Кроме того, нужно учесть и специфический характер владимирских комплексов, а именно усадеб, расположенных в квартале 22 и на ул. Чехова (оттуда извлечено подавляющее количество княжеских знаков): огромное количество ювелирных украшений, культовых предметов (усадьба квартала 22), а также уникальная коллекция предметов из кости и многочисленные обломки тиглей с каплями золота, серебра и бронзы на внутренней поверхности (усадьба на ул. Чехова), свидетельствовали о высоком социальном статусе их владельцев (см. подробнее: *Жарнов, 1997. С. 86–92; 2003. С. 54–57*), что, в свою очередь, предполагало тесную связь усадеб с княжеским двором. Видимо, посуда для жителей усадеб изготавливалась в княжеской мастерской, отсюда и такое значительное количество знаков Рюриковичей на донцах сосудов.

Княжеские клейма точно не атрибутируются. Довольно интересны оттиски багровидных очертаний, обнаруженные в Суздале, в слоях конца XI – первой половины XII в. Их можно было бы отнести к знакам потомков Всеволода Большое Гнездо, которые пользовались багровидными тамгами (*Молчанов, 1985. С. 82. Табл. II*), если бы не расхождения во времени. Знаки колоколовидной формы (двузубцы, трезубцы и “птички”) исследователи связывают с суздальскими Юрьевичами (потомками Юрия Долгорукого), а изображения прямоугольных очертаний (двузубцы и трезубцы) – или со смоленскими Мстиславичами (*Молчанов, 1985. С. 70*), или с черниговскими Святославичами (*Ершевский, 1994. С. 109*). Однако оттисков прямоугольной формы на исследованной территории выявлено почти в два раза больше, чем колоколовидных (78 и 42 соответственно), при этом и те и другие клейма в основном происходят из слоев начала XIII в. Очевидно, гончары в это время уже просто копировали княжеские знаки с различных документов (булл, печатей и т.п.), не учитывая их родовую принадлежность.

ЛИТЕРАТУРА

- Ершевский Б.Д., 1994. Об атрибуции знаков багровидной формы по материалам Михаило-Архангельского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Жарнов Ю.Э., 1997. Усадьба первой трети XIII в. "Ветчаного города" Владимира-на-Клязьме // Славянский средневековый город: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М.
- Жарнов Ю.Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и "проблема 1238 года" // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
- Коваль В.Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике: (опыт исследования на примере Ростиславия Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.
- Молчанов А.А., 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. Т. XVI.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М., 2004. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск.
- Хижняков О.И., 2002. Новгородские гончарные клейма // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.

Н.И. Асташова

ОБОЙМИЦА НОЖА ИЗ РАСКОПОК СМОЛЕНСКА

При исследовании слоя на Студенческой улице г. Смоленска в 1954 г. (раскоп площадью 120 м²) был найден нож с цельной костяной рукояткой, украшенной бронзовой обоймицей и петелькой для подвешивания. Раскоп имел сложную стратиграфию, поскольку верхняя часть слоя была несколько раз переотложена: на рубеже XVI–XVII вв., при строительстве крепостной стены Федора Коня, а затем в XVIII в., при появлении здесь лютеранского кладбища. Однако нижние пласти 12–31 оказались нетронутыми.

Наша находка происходит из 14-го пласта, датирующегося, по самым осторожным предположениям, второй половиной XII в. Ярких датирующих находок в этом пласте нет, но выше, в 13-м пласте располагался сруб, который по керамике, в частности по обломкам корчаг (Каменецкая, 1976. С. 21), датируется XII в. Ниже, в 16-м пласте найдены печать Мономаха (Янин, 1970. С. 88) и две дрогичинские пломбы, что позволяет датировать этот пласт временем не позже середины XII в. Таким образом, период существования 14-го пласта можно ограничить 60–80-ми годами XII в.

Нож обломан, размеры сохранившейся части клинка: длина – 6,4 см, толщина обушка – 0,15 см. Костяная рукоятка в разрезе имеет ромбическую форму, ее длина – 22 см. Сама форма рукояти, ее размеры, фигурная петелька для подвешивания свидетельствуют о неординарности этой вещи. Дополняет это впечатление и обоймица, закрепляющая основание рукояти у членка ножа (рис. 1).

Обоймица представляет собой бронзовую пластину, ровно обрезанную по верху и имеющую килевидное завершение нижнего края. Ее размеры

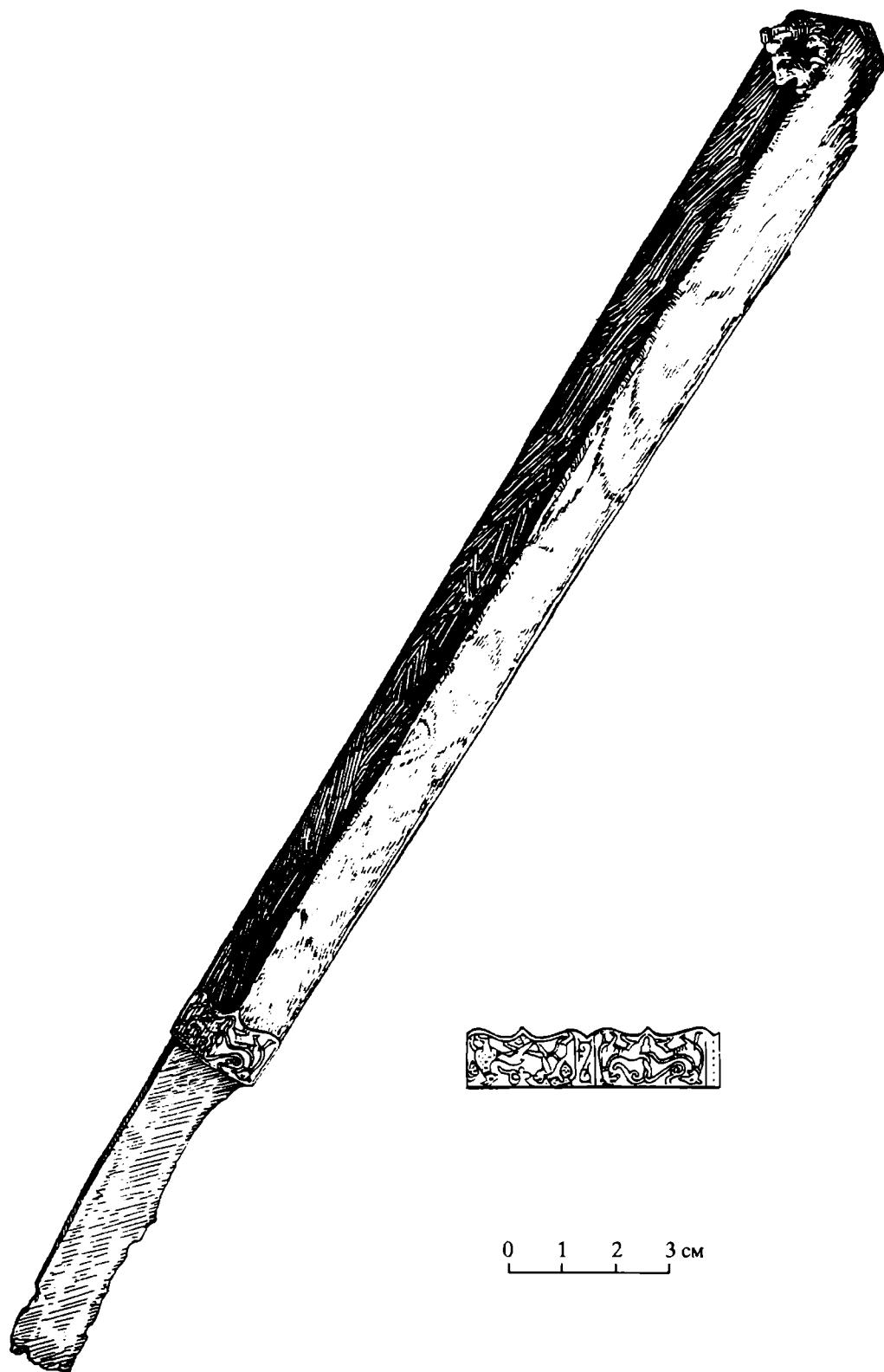

Рис. 1. Нож с рукояткой (железо, кость, цветной металл). Разворотка обоймицы

4,8 × 1,1 см. Поверхность пластины поделена на две части, разделенные двумя вертикальными полосами. Одна из них декорирована S-видным завитком, вторая – вертикальным рядом точек. Поля заняты разными по сюжету изображениями: на одном – две фигуры животных, стоящих спинами друг к другу, с повернутыми в разные стороны головами и перекрученными между собой хвостами, заканчивающимися полупальметами, на втором – сцены охоты человека за зайцем.

Истоки подобных сюжетов корнями уходят в эпоху древнего мира и в разных вариантах встречаются как в Средиземноморье, так и на Востоке. Оба сюжета распространены и в средневековом декоративном искусстве. Они известны на ювелирных вещах, металлических сосудах, в каменной резьбе Ближнего Востока, Византии и Восточной Европы.

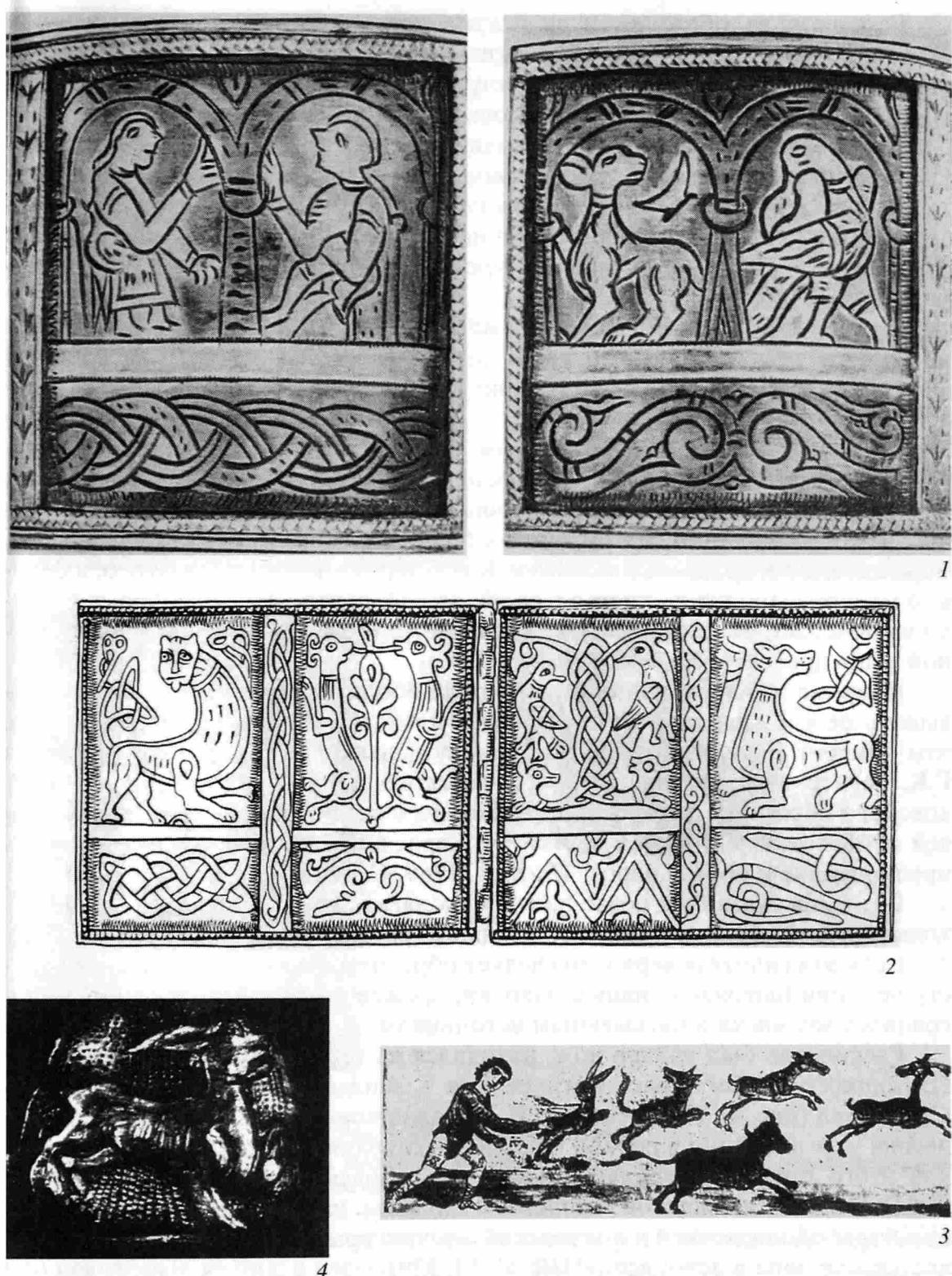
Сюжеты с животными, популярные в искусстве XII в., представляли для средневекового человека многообразие символов и аллегорий. В его восприятии не существовало разницы в изображении между реальными и фантастическими животными, поскольку они, в зависимости от контекста, выражали разные, иногда противоположные, отвлеченные идеи. По мнению В.П. Даркевича, “...в искусстве Византии и Балкан звери олицетворяли преимущественно положительные по отношению к человеку свойства” (Даркевич, 1975. С. 19). Их изображения несли охранительную функцию.

Сцены охоты, как людей, так и хищных и фантастических животных, известны на самых разных памятниках. Изображения охоты воспринимались как победа над смертью и злом. Это – акт доблести, поэтому такие сцены, в частности в византийском искусстве, связаны с триумфальным императорским циклом (Залесская, 1986. С. 135; Кондаков, Б.г. С. 15). Смыслоное значение этих сцен, встречающихся и на амулетах, в частности амулете императора Константина (Залесская, 1997. С. 15), позволяет предполагать, что они имели охранительное значение.

Таким образом, сюжеты нашей обоймицы можно рассматривать в качестве амулета для владельца этого ножа.

Попытки найти прямые аналогии изображениям обоймицы оказались бесплодными. Известные в литературе сцены, как правило, отличаются в деталях, что, видимо, связано и с редкостью таких предметов, и со значительной разницей в стилистике мастеров.

Наиболее близкой сцене охоты оказалась миниатюра из Кинегетики Оппиана XI в. “Персей ловит зайца. Охота Полидевка”, на которой фигура Персея дана в 3/4 с наклоном вперед. Правой рукой он дотрагивается до зайца, убегающего и оглядывающегося на преследователя (рис. 2, 3). Композиционно рассматриваемые сцены полностью совпадают, а дальше начинаются различия. Во-первых, миниатюра выполнена в наивно-реалистической манере, изображения на смоленской находке – весьма условны, начиная с изображения растительности, обозначенной под треугольной формой листьев, и кончая фигурами охотника и зайца. Такие детали, как пятнистость животного и ошейник, встречаются на серебряных чашах (Даркевич, 1975. С. 201, 202). Не исключено, что подобная условность изображения связана с величиной поля, на которую они нанесены, – меньше 2 см в длину.

Рис. 2. Браслеты двусторонние (серебро, черни) (1 – местонахождение неизвестно, 2 – Тверской клад 1906 г.). Миниатюра “Персей ловит зайца. Охота Полидевка” (3). Фрагмент чаши с изображением зайца (серебро) (4)

Вторая часть обоймицы, как указывалось выше, занята изображением двух животных по сторонам древа жизни, вырастающего из их перекрученных хвостов, – сюжет весьма распространенный. Звери стоят спинами друг к другу, с повернутыми навстречу головами. Абрис туловищ подчеркнут двойной линией, морды имеют слегка вытянутые верхние челюсти, уши маленькие, на ногах обозначены когти, хвосты длинные, не менее трети длины туловища. Трактовать эти изображения можно как барсов, поскольку подобные пропорции имеют изображения барсов на металлических сосудах (Даркевич, 1975. С. 200) и в скульптуре Владимира и Чернигова, на обоймице ножа из Новгорода (рис. 3).

Следует заметить, что условная манера изображений на смоленской находке ближе всего к изображениям на широких створчатых браслетах, это касается в первую очередь абриса фигур. Достаточно сравнить фигуры людей на обоймице и браслетах (рис. 1; 2, 1, 2), чтобы убедиться в этом: непропорциональные округлые конечности, скошенные лбы и неправильные носы практически одинаковы на этих вещах. Сближает их и декор продольных разделительных полос обоймицы в виде точек и S-видного завитка. Подобный декор разделителей известен на браслете из Тверского клада 1906 г., Тереховского и др. (Макарова, 1986. Кат. 208, 213, 214). Кроме этого, в близкой манере выполнены листья в сцене охоты: под треугольная форма и точки на поверхности листа. Все это позволяет предполагать изготовление данной вещи древнерусским мастером.

Наличие изображений барсов на поле обоймицы дает возможность связывать ее с Владимиро-Сузdalской землей, поскольку хорошо известно, что именно барс являлся символом сузальских князей. Как указывал Г.К. Вагнер, исследования А.И. Соболевского, А.И. Некрасова и А.В. Арциховского бесспорно установили эмблематическое значение барсов для князей этой ветви. Он отмечал, что “у Андрея Боголюбского определилось предпочтение к образу барса” (Вагнер, 1969. С. 154).

Все вышесказанное позволяет предполагать принадлежность нашей находки сузальскому дружиннику младшего ранга.

Если эта гипотеза верна, то следует обратиться к историческому контексту времени бытования нашей находки, прежде всего к исторической топографии Смоленска и письменным источникам.

Раскоп, где был найден нож, находился на территории так называемого Пятницкого острога, располагавшегося в западной части средневекового Смоленска (рис. 4). По мнению Н.В. Сапожникова, эта территория была обнесена укреплениями в первой половине – середине XII в. и до конца 80-х годов этого столетия являлась княжеской резиденцией (Сапожников, 1991. С. 61). Перенос княжеской резиденции западнее, на Смядынь, автор связывает с борьбой княжеской и кончанской администраций, о чем существует глухое упоминание в летописи (НПЛ. С. 38, 229).

Обратившись к политической истории смоленского дома, мы видим, что в период расцвета самостоятельного Смоленского княжества, начиная с Ростислава Мстиславича и кончая Рюриком, смоленские князья имели постоянные тесные контакты с сузальскими князьями. В процессе этих контак-

1

2

3

Рис. 3. Изображения барсов

– г. Владимир, храм Покрова на Нерли; 2 – г. Чернигов, Спасский собор; 3 – обоймица ножа из Новгорода (1–2 – камень, 3 – бронза)

эв, несомненно, бывали и личные посещения города последними, тем более что некоторые из них, в частности, Всеялод, находились в родственных отношениях со смоленскими князьями. По летописным данным можно предполагать следующие даты присутствия владимирской дружины на территории моленска: 1173 г. – поход Андрея Боголюбского на Ростилавичей (командовал дружиной сын Андрея, Юрий).

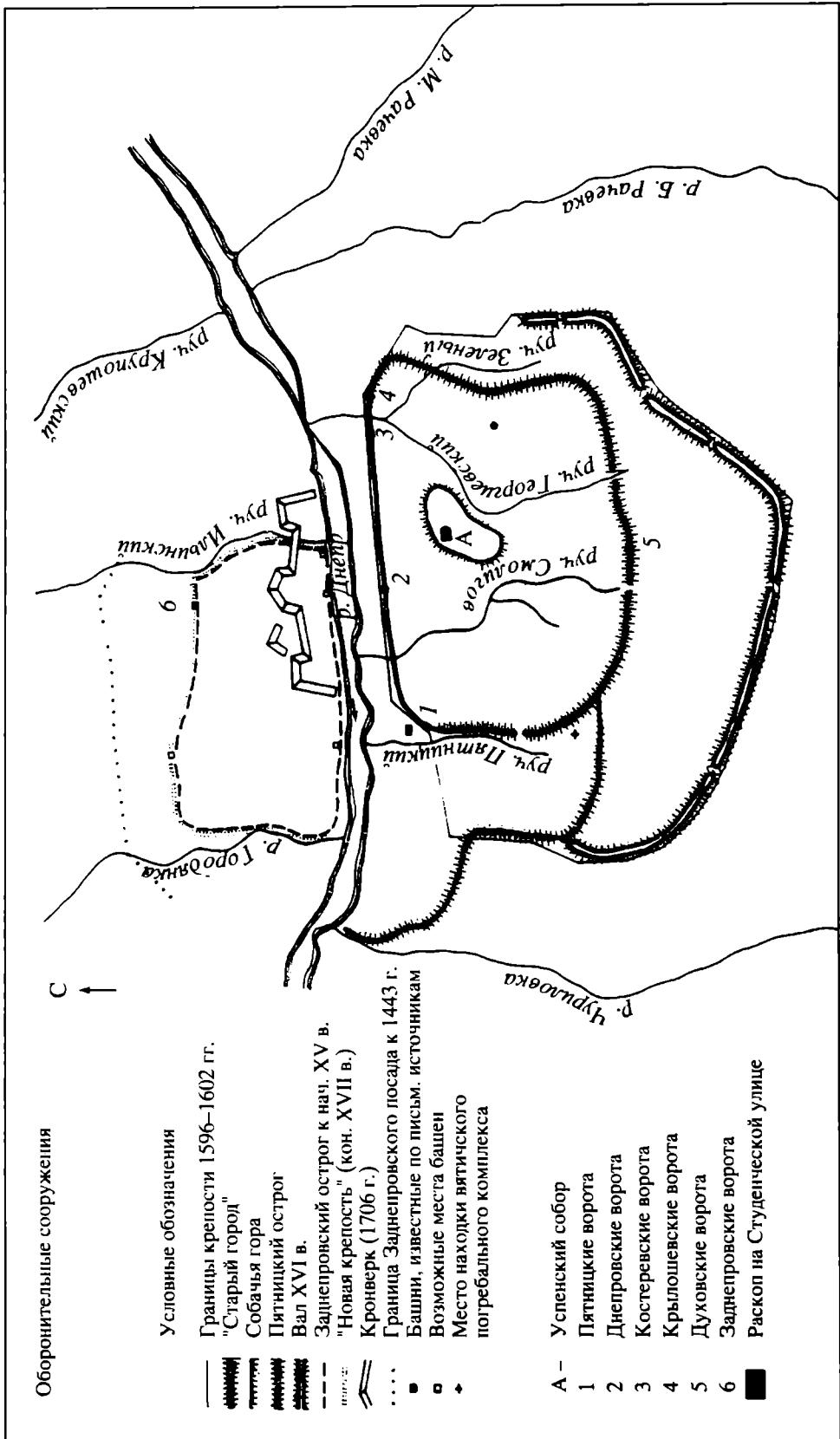

Рис. 4. План оборонительных сооружений Смоленска до 1706 г. (по Н.В. Сапожникову)

Во второй половине 70-х годов XII в. появляются туманные сведения о суздальских Ростиславичах, один из которых посыпает в Смоленск свататься к дочери витебского князя (Алексеев, 1980. С. 219). Третье появление владимирцев также связано со свадьбой: 30 июня 1188 г. Всеволод выдает свою восьмилетнюю дочь Верхуславу за Рюрика Ростиславича Смоленского.

Таким образом, место, время и атрибуция нашей находки позволяют предполагать ее появление в городе вместе с представителем дружины владимира-суздальского князя.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.
Вагнер Г.К., 1969. Скульптура Древней Руси. М.
Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. М.
Залесская В.П., 1986. Сцены охоты на ранневизантийских филактериях: Символика образов // Античная торевтика. Л.
Залесская В.П., 1997. Прикладное искусство Византии IV–XII вв. СПб.
Каменецкая Е.В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. М. Т. V.
Кондаков Н.П., Б. г. София Киевская: Фрески на лестнице.
Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.
Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.
Сапожников Н.В., 1991. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово: (к истории древнерусского города). М.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси (Х–XV вв.). М. Т. 1.

М.Е. Родина

АТРИБУЦИЯ РЕДКИХ НАХОДОК ИЗ РАСКОПОК 2004 г. НА КНЯЖЬЕМ ДВОРЕ ВО ВЛАДИМИРЕ

В 2004 г. экспедиция Владимира-Сузdalского музея-заповедника проводила археологические исследования в центральной части древнего Владимира (в “Мономаховом городе”). Раскопки стали продолжением исследований, проводившихся здесь Владимира-Сузdalским музеем-заповедником еще в 1993 г. Раскоп площадью 124 м² заложен на территории, прилегающей к зданию Государственной телерадиокомпании “Владимир” (ГТРК), в саду губернаторского дома XIX в., на участке между Дмитриевским собором и Рождественским монастырем, предположительно на месте княжьего двора.

В ходе раскопок культурного слоя мощностью 170–220 см собрана коллекция предметов XII–XIX вв.: около 49 200 фрагментов гончарной керамики, более 43 700 костей животных, птиц, рыб и более 630 индивидуальных находок.

Находки из верхнего горизонта представлены печными поливными полихромными изразцами XVIII–XIX вв., фигурным красноглиняным лемехом

с зеленой поливой, четырьмя медными монетами XVIII в., медными крестами XVI–XVIII вв., белоглинным чубуком голландской курительной трубы, бронзовой пуговкой с эмалью, бронзовыми пряжками, красноглиняной игрушкой-свищулькой птичкой, серебряной монетой-чешуйкой времени Ивана Грозного и др.

Довольно мощный (около 60 см) древнерусский слой еще более насыщен находками. В нем найдено более 200 обломков амфор, около 30 фрагментированных и целых плинф (многие с клеймами), около 40 донцов керамических сосудов с клеймами, 35 обломков стеклянных браслетов, железные и костяные наконечники стрел, фрагменты восточной поливной керамики с люстровой росписью, бронзовый витой браслет и др.

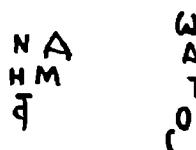
Особо значимыми и очень редкими для Владимира являются сферагистические находки из этого слоя: свинцовая пластина с тремя парами оттисков печати Святослава Всеволодовича и другой вариант актовой печати того же князя.

Уникальна (не только для Владимира) свернутая свинцовая пластина с оттисками актовой печати князя Святослава – сына Всеволода Большое Гнездо (рис. 1, 1). Длина развернутой пластины 7,2 см, ширина 2,5–3 см, толщина 0,2 см. Вес пластины 41,4 г. Пластина имеет не совсем правильную дугообразную форму, неровно обрезанные края, один конец округлый, другой обломан. Сквозных отверстий для шнурка в пластине нет.

На внутренней стороне пластины помещены три оттиска с изображением архистратига Гавриила (рис. 1, 2), а на внешней – соответственно три изображения св. Дмитрия Солунского (рис. 1, 3). Изображения и надписи зеркальные.

Архангел показан (рис. 1, 4) в полный рост, в лоратных одеждах с жемчужной обнисью, с нимбом, с жезлом в левой руке и со сферой – в правой. Слева расположена плохо видимая колончатая зеркальная надпись, в которой понятны только две нижние буквы: **Ѡ**. Справа – буквы: **Ѥ**. Вокруг ободок (диаметр оттиска 2,5 см). Центральное изображение архангела дополнительно оконтурено грубо процарапанной окружностью.

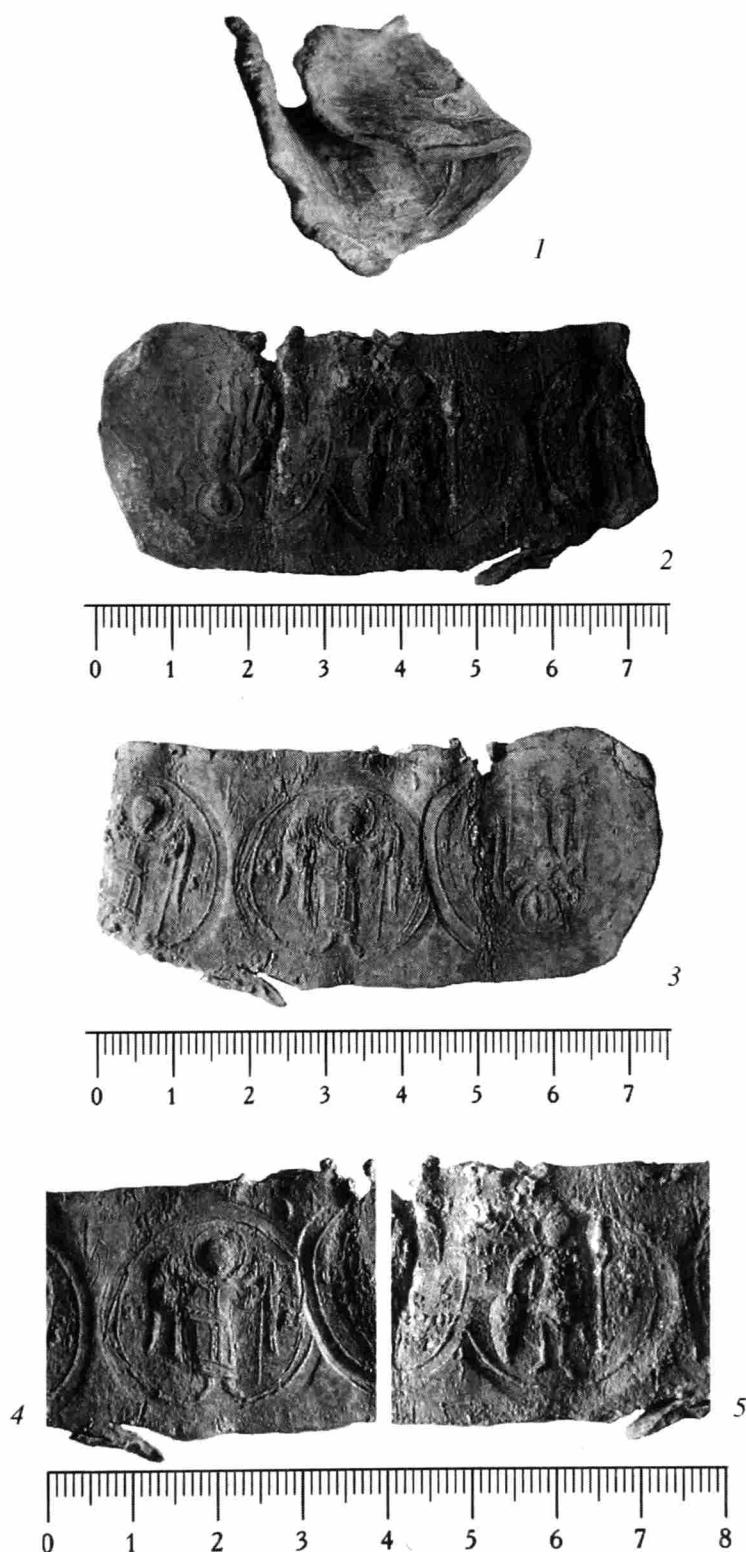
Св. Дмитрий Солунский изображен (рис. 1, 5) в полный рост, с нимбом, в проработанных выпуклыми точками воинских доспехах, в длинном плаще. В левой руке он держит копье, а правой рукой опирается на большой миндалевидный щит с восьмиконечным (?) крестом. По сторонам колончатые зеркальные надписи:

Вокруг ободок. Диаметр оттиска около 2,5 см.

Оттиски сделаны небрежно: находят друг на друга, повернуты в разные стороны.

Печати (№ 198, по В.Л. Янину) с изображениями, тождественными нашим оттискам, неоднократно находили в Новгороде, на Рюриковом городище.

Рис. 1. Свинцовая пластина с оттисками актовой печати князя Святослава Всеволодовича
1 – в свернутом виде; 2 – внутренняя сторона в развернутом виде; 3 – внешняя сторона в развернутом виде;
4 – изображение архангела Гавриила; 5 – изображение св. Дмитрия

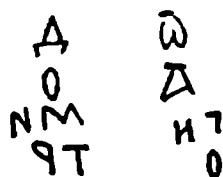
На сегодняшний день учтено 18 таких печатей (Янин, Гайдуков, 1998. С. 139, 140). Находки же подобных пластин неизвестны.

Также редкой для Владимира находкой является свинцовая актовая печать с изображениями архистратига Гавриила и св. Дмитрия Солунского. Один экземпляр печати найден в 2004 г., другой – в 2005 г. Диаметр печати 2–2,2 см. В центре имеется сквозной продольный канал для шнурка.

На лицевой стороне (рис. 2, 1) показан архангел в полный рост, в лоратных одеждах, с жезлом в правой руке и сферой – в левой. По сторонам зеркальные колончатые надписи:

На оборотной стороне (рис. 2, 2) в полный рост изображен св. Дмитрий Солунский с нимбом, в длинном пластинчатом доспехе. В правой руке он держит копье, а левой рукой опирается на повернутый боком щит, украшенный накладками. По сторонам расположены зеркальные колончатые надписи:

Изображения выполнены очень тщательно. У архангела проработаны перья на крыльях и складки на одеждах. У св. Дмитрия хорошо видны фигурные пластины доспеха, накладки щита, пальцы на руках. В подробностях показаны черты его лица: волосы расчесаны на пробор, густые брови, круглые глаза, крупный нос, усы. Слева сверху – часть контурного ободка.

Подобные печати (№ 196, по В.Л. Янину) хорошо известны по находкам в Новгороде (Янин, Гайдуков, 1998. С. 139). Наша находка является восьмым экземпляром такой печати. Она отличается хорошей сохранностью и несомненными художественными достоинствами. Данную печать можно отнести к лучшим образцам древнерусской сграффитики.

Печати, несущие на обеих сторонах изображения святых, принято связывать с княжеской принадлежностью. Патрональные святые соответствуют христианским именам владельца печати и его отца, т.е. христианскому имени и отчеству. На наших находках изображены архангел Гавриил и св. Дмитрий. Сочетание на печати тезоименитых святых позволяет предположить, что она принадлежала князю, чье христианское имя Гавриил Дмитриевич или Дмитрий Гаврилович. В истории Владимира-Сузdalской Руси есть князь с таким именем. Это – Святослав (Гавриил) Всеволодович (Дмитриевич) – сын Всеволода Большое Гнездо. Лаврентьевская летопись сообща-

Рис. 2. Свинцовая актова печать князя Святослава Всеволодовича

1 – изображение архангела Гавриила; 2 – изображение св. Дмитрия

ет о его рождении под 1196 г.: “Родися у благоверного и христолюбиваго великаго князя Всеволода Юрьевича сын и наречен бысть в святом крещении Гаврило” (ПСРЛ, 1927. Т. I. Стб. 412).

Уже отмечалось, что все аналогии нашим печатям происходят из Новгорода Великого. Известно, что в Новгороде по большей части находили печати князей, сидевших на столе в этом городе. Святослав Всеволодович тоже был дважды новгородским князем. Впервые отец отправил его княжить в Новгород совсем ребенком в январе 1200 г. – Святославу было около четырех лет (НПЛ, 1950. С. 44, 238, 239).

Любопытен рассказ В.Н. Татищева об этом событии. В 1200 г. новгородцы, возненавидев князя Ярослава, выслали его вон и отправили к великому князю Всеволоду архиепископа Мартирия и посадника Мирошку просить, чтобы послал к ним сына своего. Всеволод согласился, но потребовал, чтобы впредь только его дети сидели в Новгороде. “И новгородцы, утвердя оную обсчею ротою, прислали за подписанием и печатию (курсив мой. – M.P.). Тогда Всеволод отпустил к ним сына своего Святослава... котораго новгородцы приняли с честию и радостию великою” (Татищев, 1964. С. 166).

Он оставался новгородским князем до марта 1205 г., пока не «присла великии князь Всеволод в Новъгород, а рка тако: “в земли вашеи рать ходить, а князь ваш, сын мои Святослав, мал; и даю вам сына своего стареишаго Константина”» (НПЛ. С. 49, 50, 246). Второй раз Святослав занимал новгородский стол с февраля 1208 до 1210 г. (НПЛ. С. 51, 248, 249). В общей сложности его новгородское княжение продолжалось семь лет.

Очевидно тогда, в начале XIII в., и были сделаны для юного Святослава матрицы двух вариантов его княжеской печати. Оба варианта буллы, как свидетельствуют новгородские находки, он активно использовал, будучи князем в Новгороде. Можно предположить, что матрицы княжеской печати были заблаговременно изготовлены во Владимире, до отъезда в Новгород. Вероятно, владимирский мастер не имел нужного опыта данной работы и ошибся: на одной матрице изображения и надписи получились зеркальными. На найденной нами свинцовой пластине древний мастер пробовал матрицу:

смотрел, какие она дает отпечатки. Работа получилась с ошибками. Пластины с пробными оттисками неправильной матрицы свернули и выбросили. Саму же матрицу оставили и потом многократно использовали в Новгороде, что подтверждается 18 находками. Вторая матрица получилась удачнее: изображения правильные, а надписи остались оборотными. Эта матрица, как свидетельствуют находки, применялась для скрепления княжеских документов не только в Новгороде, но и во Владимире.

Древнерусские вислые печати были регалией высоких государственных институтов и употреблялись только при официальных актах. Примечательно, что наши сфрагистические находки происходят с территории предполагаемого княжеского двора. Возможно, что там располагалась резиденция сына великого владимирского князя Всеволода Большое Гнездо – князя Святослава.

Рано вступив на арену политической деятельности, Святослав прожил, по нашим меркам, не очень долгую (56 лет), но весьма бурную и насыщенную жизнь. Летописи довольно часто упоминают его как участника значительных политических и военных событий русской истории первой половины XIII в.

Обстоятельное жизнеописание этого князя содержится в фундаментальном исследовании А.В. Экземплярского (1889. С. 20–24). Из него узнаем, что второе новгородское княжение Святослава едва не закончилось кровопролитием. В 1210 г. новгородцы посадили у себя торопецкого князя Мстислава Мстиславича Храброго, а юного Святослава заперли на владычном (архиепископском) дворе. Узнав о случившемся, Всеволод Большое Гнездо заточил в своей волости новгородских купцов и послал к Торжку своих старших сыновей Константина и Ярослава. Князьям удалось договориться. Новгородцы отпустили Святослава, и он вернулся с братьями к отцу во Владимир.

В 1212 г., после смерти Всеволода Большое Гнездо, между его сыновьями разгорелась борьба за великокняжеский престол. В этой междоусобице Святослав сначала выступал на стороне Юрия, потом на стороне Константина, затем снова переметнулся к Юрию, от которого получил в удел город Юрьев-Польской.

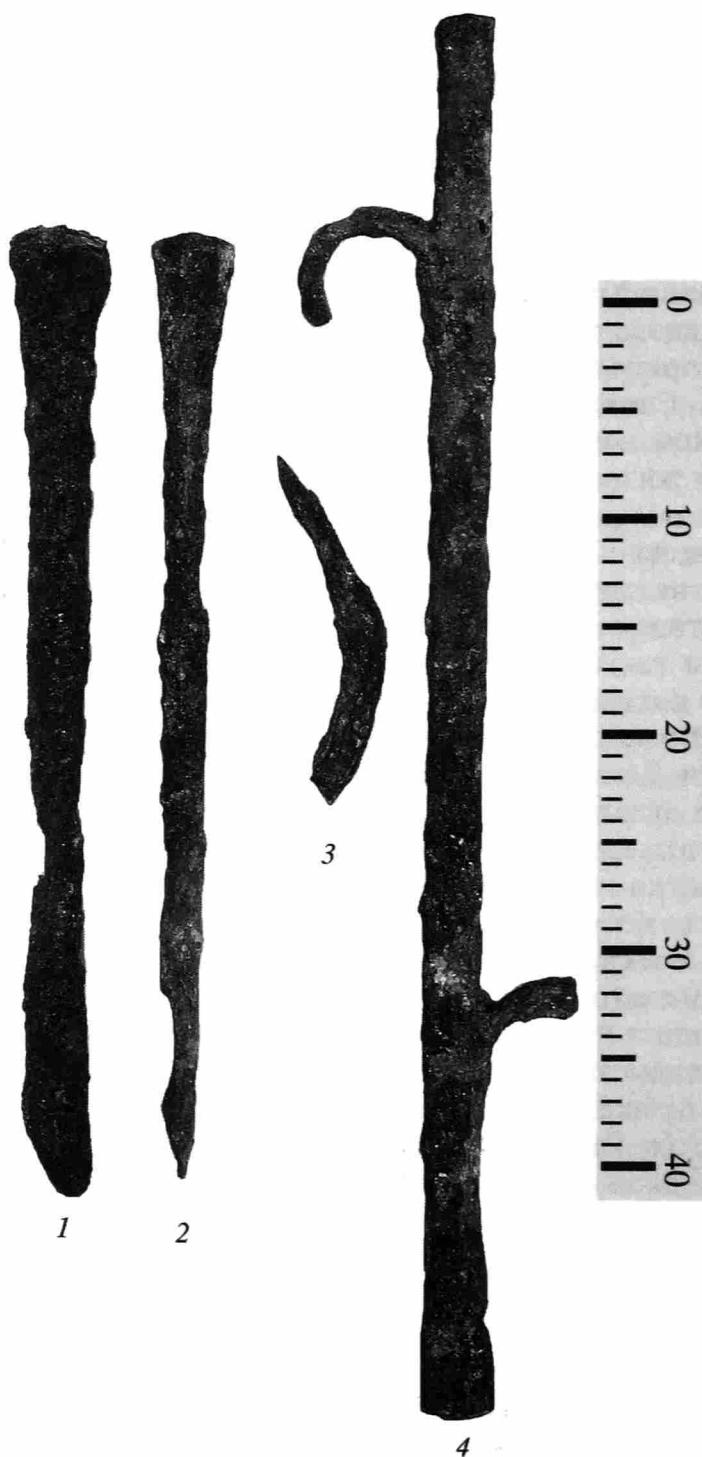
В 1220 г. Святослав во главе большого войска был послан великим князем Юрием на волжских болгар. Поход был удачным: сожжен болгарский город Ошель, взяты большая добыча и множество пленников. Сам великий князь встречал славных победителей с почестями возле Боголюбова, щедро одарил их и устроил в честь победы пир, длившийся три дня. Уже через два года (в 1222 г.) по приказу Юрия Святослав направляется с войском на помочь новгородцам в борьбе с ливонскими рыцарями. В 1226 г. Святослав вместе с братом Иваном был послан Юрием в поход на морду. Вскоре после этого удачного похода (в 1228 г.) Святослав отправляется княжить в Переяславль Русский (южный). А уже в 1230–1234 гг. Святослав перестраивает построенный еще его дедом Юрием Долгоруким обветшавший Георгиевский собор в Юрьеве-Польском и словно кружевом украшает его чудесной белокаменной резьбой.

Под 1238 г. летописи упоминают Святослава Всеволодовича в числе князей, которых Господь спас от меча Батыева. Ставший после гибели Юрия в битве на р. Сити великим князем Ярослав дал Святославу в удел Сузdalь. В 1246 г. великий князь Ярослав, его братья Святослав и Иван, а также их племянники, ездили в Орду к хану. На обратном пути отправленный в Орде Ярослав скончался, и по старшинству Святослав занял великокняжеский стол, с которого через два года его сигнал племянник – московский князь Михаил Ярославич Хоробрый. В 1250 г. обиженный Святослав вместе с сыном Дмитрием вновь отправляется в Орду к хану просить ярлык на великое княжение. Хан принял князя с честью, но ярлыка не дал. А через два года, в феврале 1252 г., Святослав Всеволодович умер и был похоронен в любимом Юрьеве-Польском, в перестроенном им великолепном Георгиевском соборе. Так закончился жизненный путь князя, чьи актовые печати были найдены во Владимире.

Сфрагистические находки в столице Владимира-Сузdalского княжества очень редки: на данный момент найдены всего 6 булл (две из них наши) и свинцовая пластина с оттисками печати.

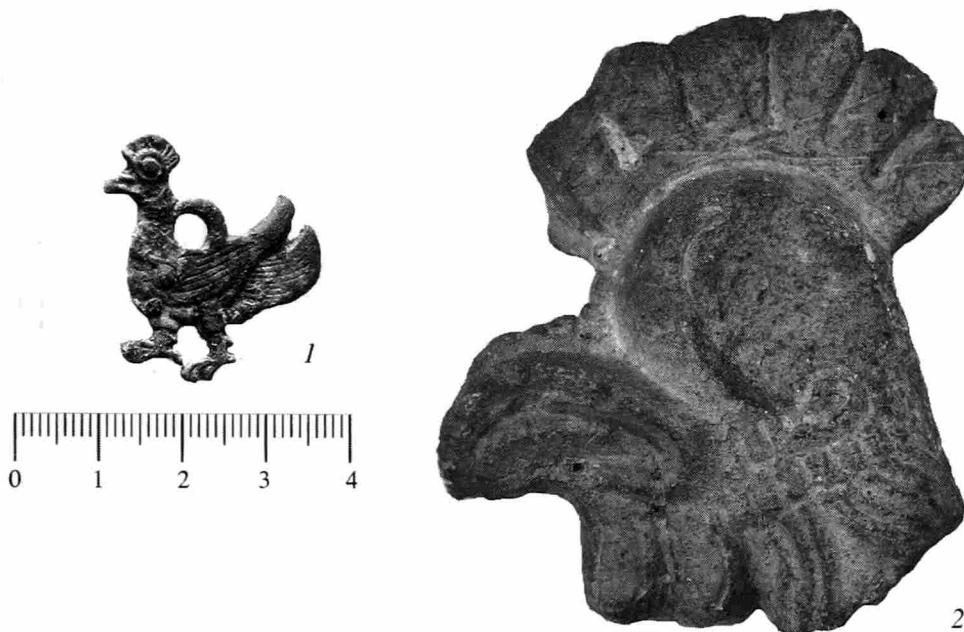
Любопытны также железные находки, обнаруженные в мощном слое белого чистого речного песка. Предположительно, эти кованые железные предметы могут иметь отношение к белокаменному зодчеству или обработке белого камня. Длинный толстый ($67 \times 2,5 \times 2$ см) железный прут с двумя закругленными ответвлениями (рис. 3, 4) мог служить для зарешечивания узкого длинного окна каменной постройки (такой же предмет был найден и в 2005 г.). Решетки из подобных прутьев можно видеть в окнах подклета Благовещенского собора Московского Кремля. Есть версия, что этот предмет может являться крепежной строительной деталью. Дугобразный фрагмент предмета (рис. 3, 3) напоминает обломанное ответвление от прута, подобного описанному выше. Массивный инструмент (длина 43 см, диаметр 2–2,5 см, диаметр ударной площадки 3,5 см) похож на долото (рис. 3, 2). Несколько глубже, неподалеку от него найден еще один подобный инструмент (рис. 3, 1). Размеры почти совпадают: длина его 43 см, толщина 2,5 см, диаметр ударной площадки 4,5 см. Эти инструменты могли использоваться для раскалывания и тески камня. Мелкие кусочки известняка и белокаменная крошка – отходы от тески камня – часто встречались в культурном слое древнерусского времени. Кроме того, на северном краю ямы 2 выявлена часть выступающего из восточной стенки раскопа сооружения (неизвестного назначения). Оно состоит из тесаного белого камня, кусков туфа и плинфы. Белокаменные блоки, имеющие сложную пятигранную профилировку, дугобразно обтесаны и выложены дугой. Может быть, данные камни были обтесаны с помощью описанных выше долотовидных инструментов?

Несколько интересных и довольно редких находок происходит из ямы 2: развал поливной кружки, фрагменты стеклянного сосуда, бронзовые зооморфные подвески – “уточка” и “петух”. Последняя заслуживает особого внимания. Литая из золотистой бронзы подвеска “петух” (рис. 4, 1), очевидно, является штучным изделием – точные или близкие ей аналогии среди ук-

Рис. 3. Железные предметы

1, 2 – инструменты для тески камня; 3 – фрагмент решетки; 4 – деталь оконной решетки

Рис. 4. Изображения петуха

1 – бронзовая подвеска; 2 – белокаменная резная головка

рашений нам неизвестны. Миниатюрная ($2,8 \times 2,2$ см) декоративная подвеска довольно точно, в подробностях, изображает петуха: показаны волнистый гребень, слегка загнутый клюв, круглый выпуклый глаз, шпоры и отдельные пальцы на лапках, короткое оперение на шее, длинные перья в крыле и на хвосте. Она очень выразительна и стилистически напоминает резных птиц на стенах белокаменных соборов. Кроме того, наша подвеска очень похожа на вырезанную из белого камня головку петуха (рис. 4, 2) из фондов Владимиро-Сузdalского музея-заповедника (В-32285/125), о происхождении которой, к сожалению, ничего не известно. У белокаменного петуха мы видим такой же волнистый гребень, хищно изогнутый клюв, детально проработанные перышки на шее.

Археологические раскопки 2004 г. на участке между Дмитриевским собором и Рождественским монастырем, а также сделанные там сфрагистические и другие находки подтверждают предположения владимирских краеведов XIX в. о том, что в этом месте в древности находился княжий двор. По наблюдениям Н.А. Артлебена, здесь традиционно располагались казенные учреждения: в XIX в. – губернаторский дом, в XVIII в. – провинциальная канцелярия, ранее – воеводский двор. После перенесения столицы в Москву это место могли занимать княжеские наместники (Артлебен, 1877. С. 1). Исследования показали, что освоение этого участка городской территории можно связать с возведением в южной части “Мономахова города” Всеволодом Большое Гнездо в 1194–1196 гг. белокаменного владимирского детинца, точные границы которого до сих пор не определены.

ЛИТЕРАТУРА

- Артлебен Н.А., 1877. Владимир кремль-город по описной книге 1626 г. // Владимирские губерн. вед. № 7.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
Полное собрание русских летописей. Л., 1927. Т. I.
Татищев В.Н., 1964. История Российской. М. Т. Ш.
Экземплярский А.В., 1889. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главным пособиям. СПб. Т. I.
Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. Ш.

Н.А. Тропин

ЛАВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС XI–XIV вв.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПАМЯТНИКА¹

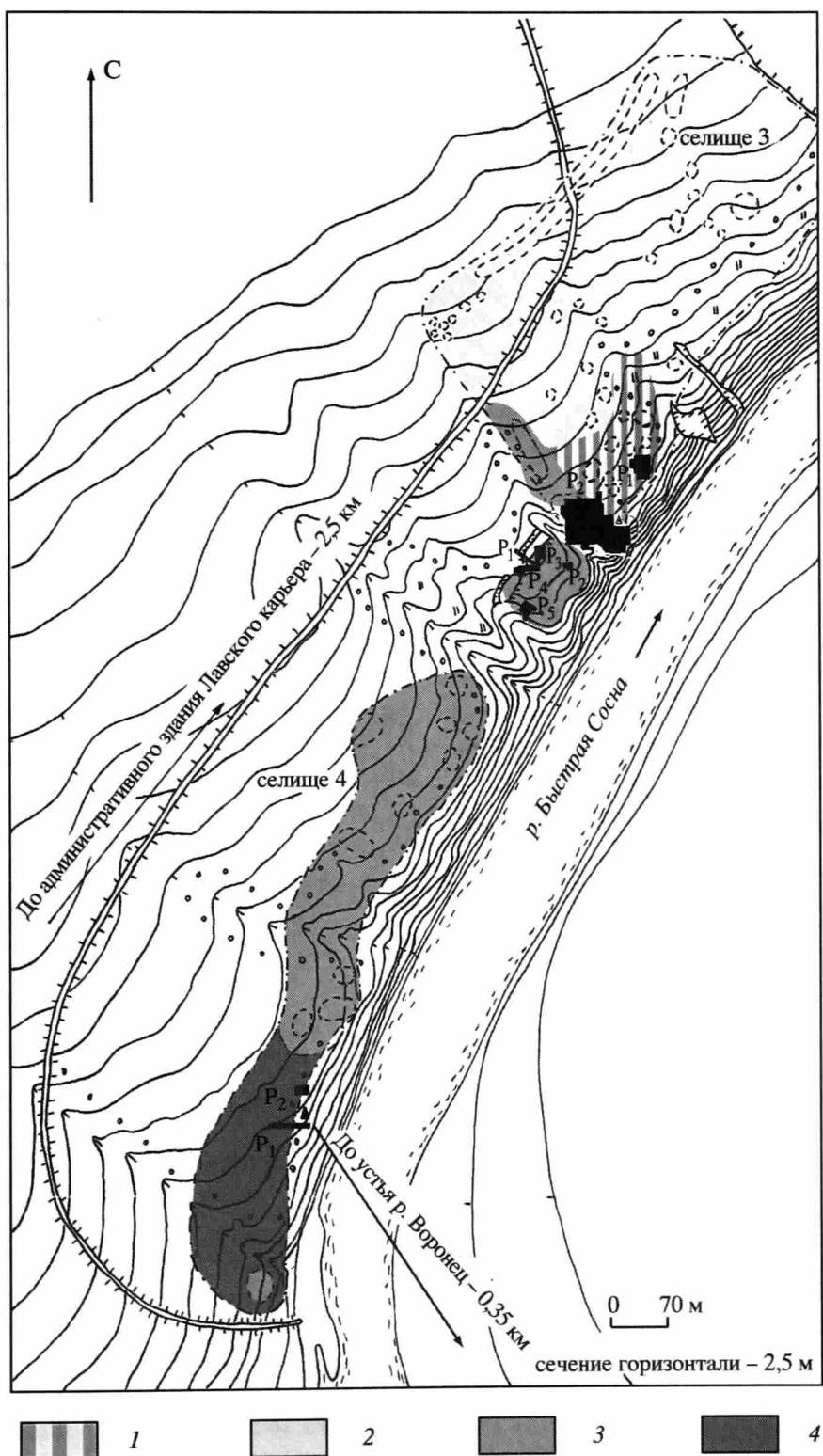
В числе наиболее заметных памятников в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны находится Лавский археологический комплекс, состоящий из городища и примыкающих к нему двух селищ – Лавы 3 и 4. Он расположен в 1,5 км к юго-западу от с. Лавы в черте г. Ельца и в 7 км к юго-западу от исторического центра современного города (Соборная площадь). Это многослойный памятник, содержащий находки эпохи бронзы, городецкой культуры раннего железного века, первых веков н.э., раннего средневековья, XI–XIV вв. и XVIII – начала XIX в. Общая его площадь составляет 47 га. Однако зона распространения находок древнерусского времени значительно меньше и достигает 29,4 га, не считая площади городища.

Лавский археологический комплекс занимает трехкилометровый участок левого берега р. Быстрая Сосна, высота которого над уровнем воды 25–40 м (рис. 1). Центральное место в комплексе занимает городище. Его площадка имеет подпрямоугольную форму размерами 88 × 105 м. (рис. 2). Она наклонена в юго-восточную сторону, т.е. к реке. Перепад высот составляет 7–8 м. Она задернована. По периметру с трех сторон площадки, за исключением напольной стороны, отмечено, что ее край шириной до 5 м спланирован под горизонтальную плоскость. Вследствие этого на склонах городища создается впечатление эскарпа.

С напольной стороны городище укреплено рвом и валом. Высота вала от уровня современной поверхности составляет 0,8–1,1 м, ширина – 8–12 м. Наиболее мощные его параметры отмечаются на северном участке укрепленной линии. Вал представляет собой расплывшуюся уплощенную площадку. Ширина рва составляет 6–7 м при глубине 0,5 м. В центральной части

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 05-а-73100а/ц.

Рис. 1. План Лавского археологического комплекса с зонами заселения в различные периоды
1 – вторая половина XI – первая половина XII в.; 2 – вторая половина XII – первая половина XIII в.;
3 – вторая половина XIII – XIV в.; 4 – XVII – начало XIX в.

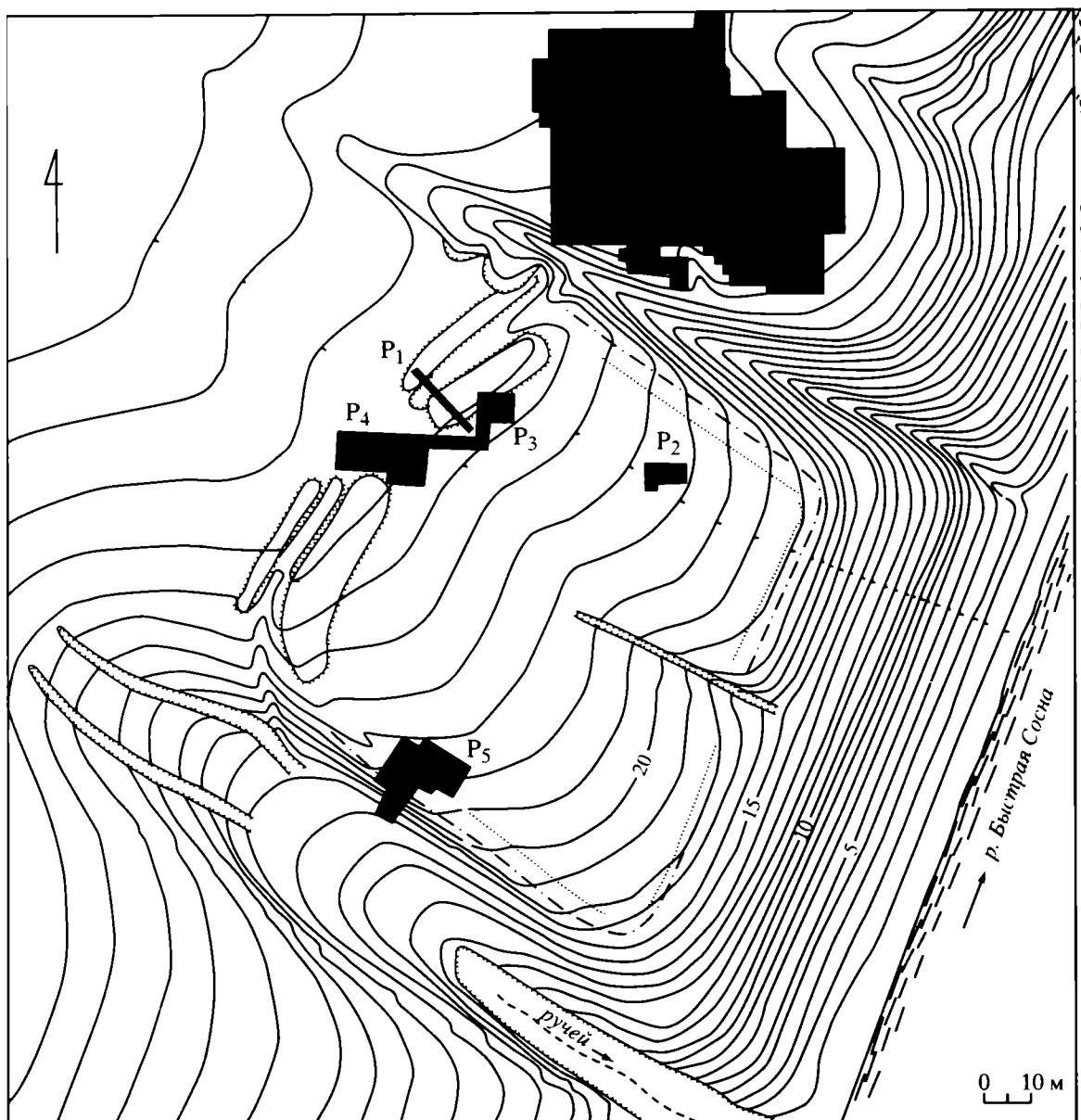

Рис. 2. План Лавского городища

укреплений фиксируется перешеек шириной до 15 м. С внешней стороны рва на всем его протяжении фиксируется обваловка шириной до 5 м и высотой 0,1 м.

Городище с противоположных сторон окружают два селища (3 и 4). Селище 3 отделено от городища балкой и находится ниже по течению реки. Размеры его составляют не менее 400×500 м и достигают площади около 25 га. Поверхность селища до недавнего времени распахивалась. В ходе работ на его поверхности выявлено 37 скоплений материала, большинство из которых, как показали в дальнейшем раскопки, можно интерпретировать как усадьбы (дворы). Это скопления площадью 100–1000 м².

С учетом зафиксированных скоплений находок на распахиваемой поверхности селище 3 условно можно разделить на три топографических участка. Для каждого из них характерна различная плотность застройки. Первый участок, с наиболее интенсивными культурными остатками, расположен в непосредственной близости от кромки склона и вытянут вдоль реки. Его размеры составляют $80-120 \times 500$ м (4,8 га). С южной стороны этот участок памятника ограничен балкой, глубина которой от уровня края площадки селища достигает 10–15 м. С северной стороны участок приближен к кромке действующего карьера. На распахиваемых участках его территории нами зафиксированы не менее 16 скоплений, основная часть которых значительна по размерам – 300–600 м². Три скопления находок имеют большую площадь 800–1000 м².

Второй участок расположен по обоим берегам пересохшего ручья и возвышается над дневной поверхностью дна запаханного ручья на 1–3 м. Его размеры составляют 200×500 м (10 га). На его полностью распахиваемой территории насчитывается не менее 13 скоплений площадью 100–350 м². Лишь одно скопление выделяется своими размерами (800 м²).

Третий участок удален как от Быстрой Сосны (не менее чем на 400 м), так и от пересохшего ручья (не менее чем на 200 м), и занимает территорию плато в пределах юго-западного участка селища 3. Размеры данного участка составляют 100×500 м (5 га). На его распахиваемой поверхности зафиксировано 7 скоплений находок площадью 100–300 м².

Зафиксированные скопления находок на этих участках отражают сложную планировочную застройку селища-посада. Однако важно учитывать, что далеко не все скопления находок являются синхронными.

Селище 4 расположено выше по течению от городища. Его топографические условия расположения аналогичны всему памятнику. На распахиваемой поверхности селища обнаружены 10 скоплений находок площадью 225–800 м². Они образуют четыре локальные группы, удаленные друг от друга на 80–130 м. Количество скоплений в группах варьирует в пределах от 1 до 4. По всей видимости, на данном селище прибрежно-рядовая застройка сочетается с кучевой, но в целом преобладает первый вид. Протяженность селища вдоль реки составляет 1,4 км. Подъемный материал удален от края берега на 100–200 м. Общая площадь селища 4 составляет 21 га. Однако древнерусские материалы распространены на площади 4,4 га.

Памятник был обнаружен в 1962 г. разведкой Воронежского гос. университета под руководством А.Д. Пряхина (*Пряхин, 1963*). В 1990 г. он был обследован отрядом экспедиции Елецкого пединститута под руководством Н.А. Тропина (*Тропин, 1991*). Тогда же была установлена его культурно-историческая принадлежность. С 1991 г. и по настоящее время на нем развернуты стационарные совместные исследования экспедиций Елецкого и Воронежского гос. университетов. На городище заложены пять раскопов общей площадью 516 м². Изучены характер, время, этапы функционирования укреплений, предварительно выяснена степень застройки памятника. В результате раскопок на городище установлено, что оно первоначально возникло в раннем железном веке и связано с населением городецкой культуры.

Древнерусские укрепления на нем были возведены в середине XIV в. Городище функционировало очень короткий промежуток времени, его укрепления были разобраны не позднее третьей четверти XIV в. Следы пожара отмечены лишь в двух хозяйственных постройках, относящихся к заключительному периоду жизни Лавского комплекса. Более подробно о Лавском городище будет изложено в планируемой нами публикации.

Основные исследования сконцентрировались на селище 3. На его юго-восточном участке были заложены два раскопа (раскоп 1 – 629 м², раскоп 2 – 2732 м²). На территории раскопа 1 изучен хозяйственный двор площадью 300–350 м², состоящий из разнофункциональных построек: погребов, амбаров, овина и др. Все выявленные сооружения одновременны и относятся к заключительному периоду жизни памятника (XIII–XIV вв.) (рис. 3, 1).

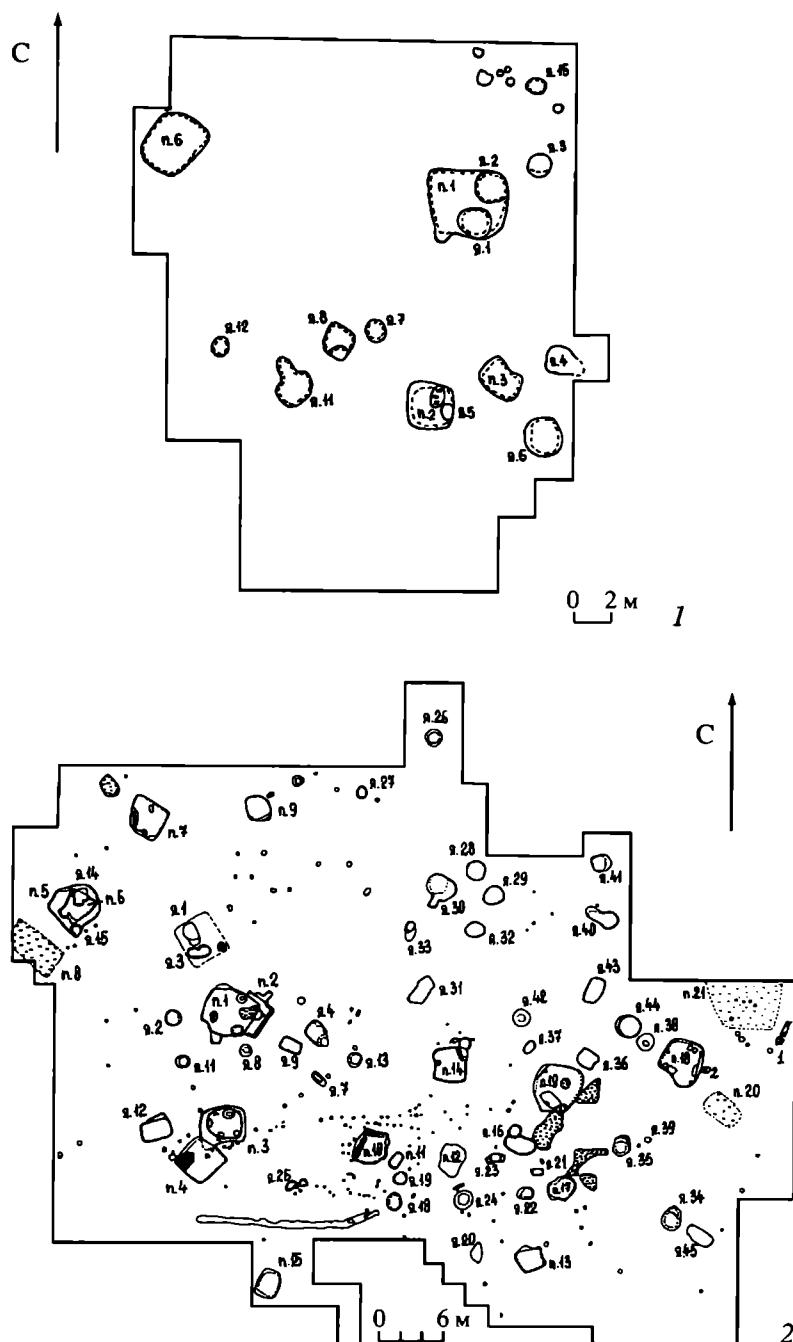
В площади раскопа 2 изучены четыре разновременные усадьбы, три из которых – полностью (рис. 3, 2). Раскопками установлено, что это усадьбы не сельского облика, а городского характера, на что указывают не только их размеры (600–800 м²), но и свидетельства торговли и зажиточности их владельцев. В целом же усадьбы характеризуют домостроительство, планировку, застройку селища. В самом предварительном плане результаты раскопок первых лет получили освещение в литературе (Тропин, 1999; 2003).

Получены более 1000 индивидуальных находок, отражающих сельское хозяйство, ремесло, торговлю, быт, культуру населения. Найдки позволили датировать памятник концом XI – концом XIV в. Работа с керамикой позволила создать классификацию посуды и определить ее специфику для этого региона. Проведены анализы изделий из металла (В.И. Завьялов), почв (Э.П. Зазовская), определены бусы (Ю.Л. Щапова), керамический импорт (И.В. Волков, В.Ю. Коваль), остеологический материал (А.В. Глазунова).

Рассмотренные характеристики Лавского археологического комплекса не находят аналогов среди многих других средневековых памятников южной территории Чернигово-Рязанского порубежья, что ставит его в ряд уникальных поселений региона Верхнего Подонья.

Основанием к выделению этапов жизни памятника является не только его значительное по продолжительности время бытования, известное по датирующим находкам в рамках конца XI–XIV вв., но и следующие факты. Все известные по раскопкам сооружения сгорели в пожаре. В них содержится разнохарактерный керамический материал, отличающийся обжигом, примесями, формой края венчика. Раскопками установлены многочисленные случаи взаимоперекрывания сооружений. В истории Лавского археологического комплекса мы выделяем четыре этапа.

Памятник возникает на территории, которая в IX–XI вв. была заселена славянами, традиционно соотносимыми с населением боршевской культуры. Ими оказалась освоенной территория в нижнем течении рек Воргол и Пажень. Со славянами связываются два городища – Паженьское и Воргольское – и около 10 селищ. Наиболее известным является многослойное Воргольское городище, площадью не менее 0,6 га, на котором вскрыто около 1400 м² и где помимо находок раннего средневековья встречены предметы эпохи средней бронзы, городецкой культуры раннего железного века, позд-

Рис. 3. Планы раскопов 1, 2 селища 3 Лавского археологического комплекса

него средневековья. Воргольское городище стало известным преимущественно благодаря находкам на нем остатков славянского святилища и жилища ремесленника-ювелира (*Пряхин, 1963; Москаленко, 1966*). Исследователями этот памятник трактуется как культовый центр и убежище (*Москаленко, 1981; Винников, 1955. С. 154*).

Другое городище, Паженьское, на площадке которого раскопано всего лишь 264 м², менее известно в науке. Однако в отличие от Воргольского оно

выделяется большими размерами (3 га) и сохранившимися на его площадке культовыми камнями. В литературе памятнику дана лишь самая предварительная оценка (*Пряхин*, 1995, С. 188).

По поводу верхней даты бытования боршевской культуры имеются различные мнения. Одно из них, принадлежавшее А.Н. Москаленко, сводится к тому, что жизнь на основной массе памятников прекращается в конце X в. (*Москаленко*, 1981. С. 106, 107). Исследования А.З. Винникова позволили уточнить, что лишь на поселениях по р. Воронеж славяне проживали дольше и покинули эту территорию в первой половине XI в. (*Винников*, 1995. С. 123). Несколько обособленным представляется мнение А.Д. Пряхина о том, что славяне населяли эту территорию до конца XI в. (*Пряхин*, 1995. С. 188). В большей степени оно основывалось на интуиции, чем на фактах.

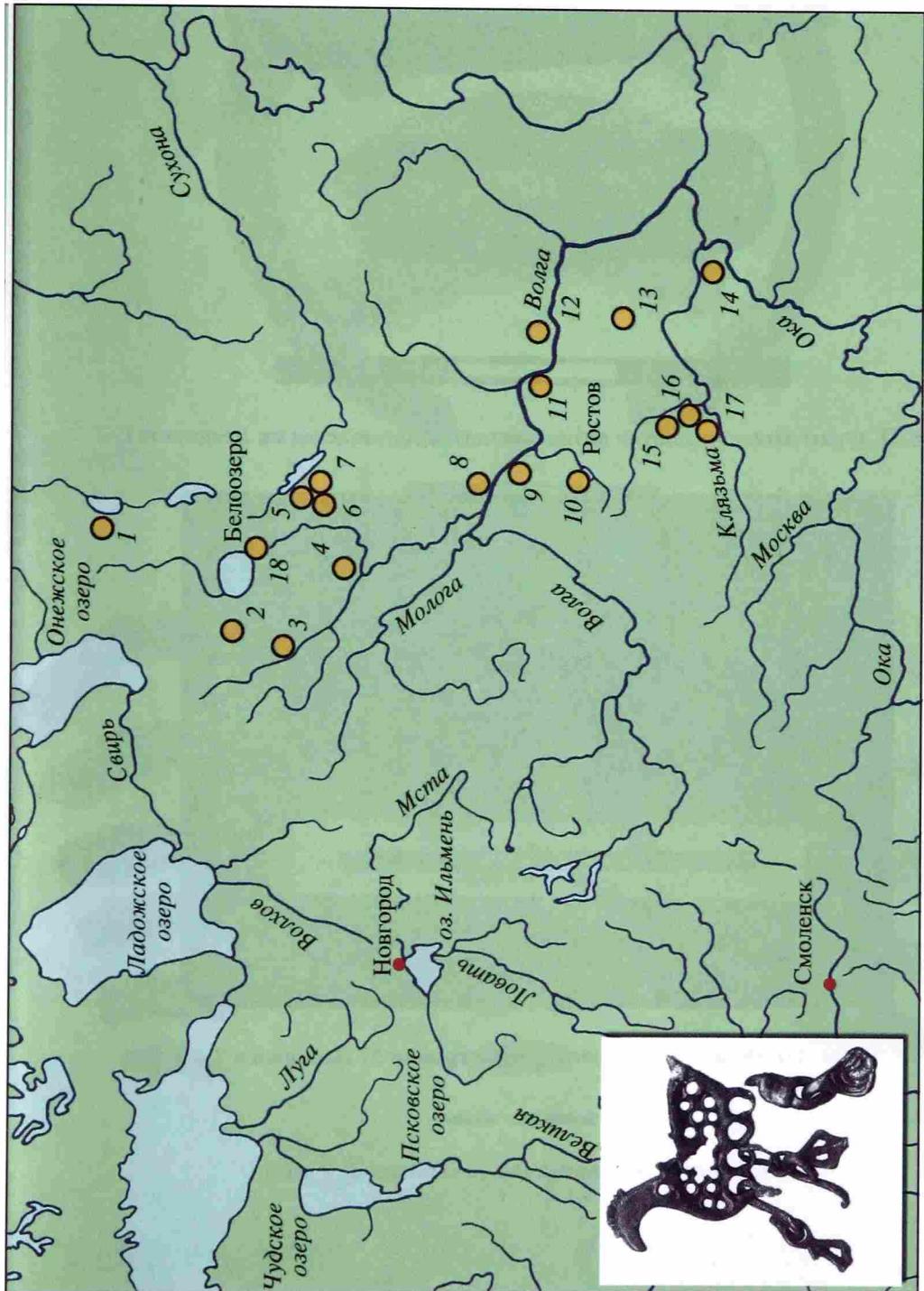
Заселение же территории новой волной древнерусского населения исследователи традиционно относили к периоду не ранее второй половины XII в., полагая, что в основном оно произошло в конце столетия (*Гоняный, Зайцев*, 1990. С. 149; *Цыбин*, 1987. С. 12). Более обширные данные, которые отражали бы преемственность развития материальной культуры славян в древнерусскую эпоху, до раскопок Лавского археологического комплекса отсутствовали.

Результаты исследований показывают, что возникновение Лавского археологического комплекса следует относить к концу XI в. По времени первый этап соответствует второй половине XI – первой половине XII в. С ним связано появление усадьбы “А”, изученной в раскопе 2 на селище 3, немногочисленных хозяйственных сооружений на северном и западном участках того же раскопа, двух погребений (рис. 4, 1).

Усадьба “А”, располагаясь в южной части раскопа, имеет вид прямоугольника размерами 10 × 27 м. Она ограждена системой столбовых ям и канавкой с характерным зольным заполнением. Вероятнее считать, что ограждение было плетневое. Столбовые ямы отчетливо фиксируют ее северную границу. Канавка ограничивает усадьбу с южной стороны. Усадьба состоит из полуzemляночного жилища и пяти хозяйственных построек.

С особенностями этого этапа следует связать факты сохранения традиционной культуры славян: жилище полуzemляночного типа с печью-каменкой, использование лепной посуды, а также переход от лепной посуды к гончарной. Сама же лепная посуда составляет 3,8% от всей гончарной посуды на памятнике. Найдены трех зонных и одной призматической бусин указывают преимущественно на XI–XII вв.

В это время встречается незначительная серия керамики с манжетовидным венчиком разных модификаций, которые весьма близки южнорусским аналогиям второй половины XI в. (*Каменецкая*, 1976. С. 44; *Куза, Коваленко, Моця*, 1996. Рис. 5, 18–26; *Моргунов*, 1996. Рис. 7, 5). Их численность суммарно в пределах раскопа 2 составляет лишь 0,6% от всего керамического материала. Таким образом, факт присутствия незначительных серий лепной и манжетовидной керамики указывает, скорее всего, на финал XI в. как время появления археологического комплекса и усадьбы “А”.

Рис. I. Распространение подвесок-петушков типа IV, по Е.А. Рябинину

1 – Тихманьга; 2 – Бойлахта; 3 – Никольское XVIII; 4 – Луковец; 5 – Миннино I; 6 – Миннино II; 7 – Мининно VI; 8 – Введенское; 9 – Федоровская; 10 – Ростов Великий; 11 – Левашина Сухарева; 12 – Низовская; 13 – Семухино; 14 – Пирово городище; 15 – Беев; 16 – Сузdal'; 17 – Владимиr; 18 – Белозеро

Рис. II. Фрагменты браслетов византийского производства на Лесковом 1

Рис. III. Фрагмент браслета из постройки 57 Лескового 2

Рис. IV.Браслеты из постройки 26 Лескового 1

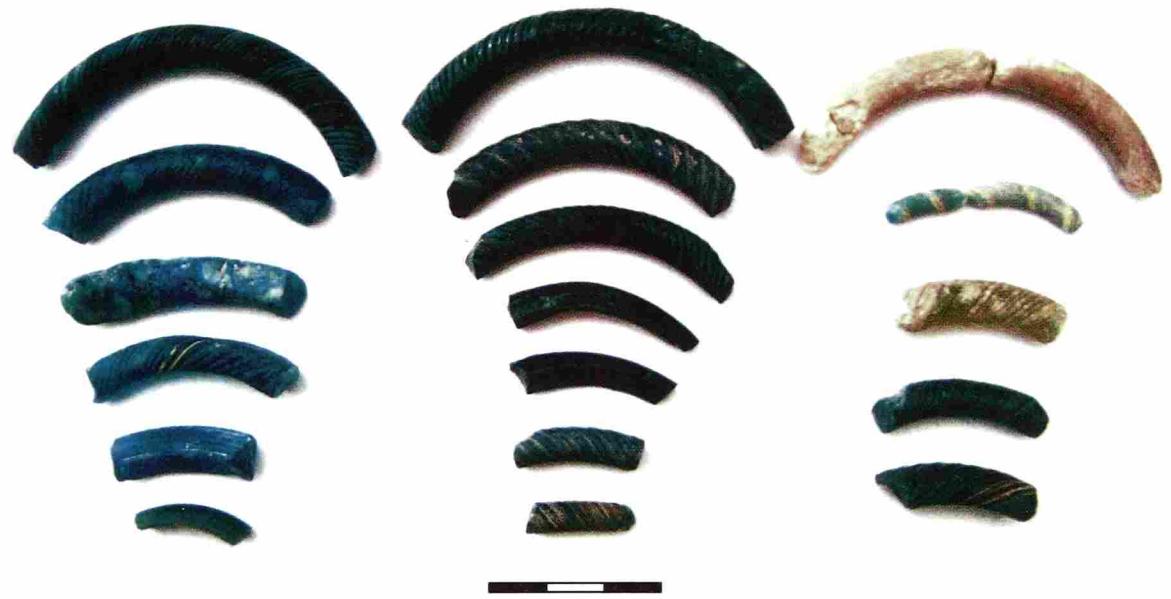
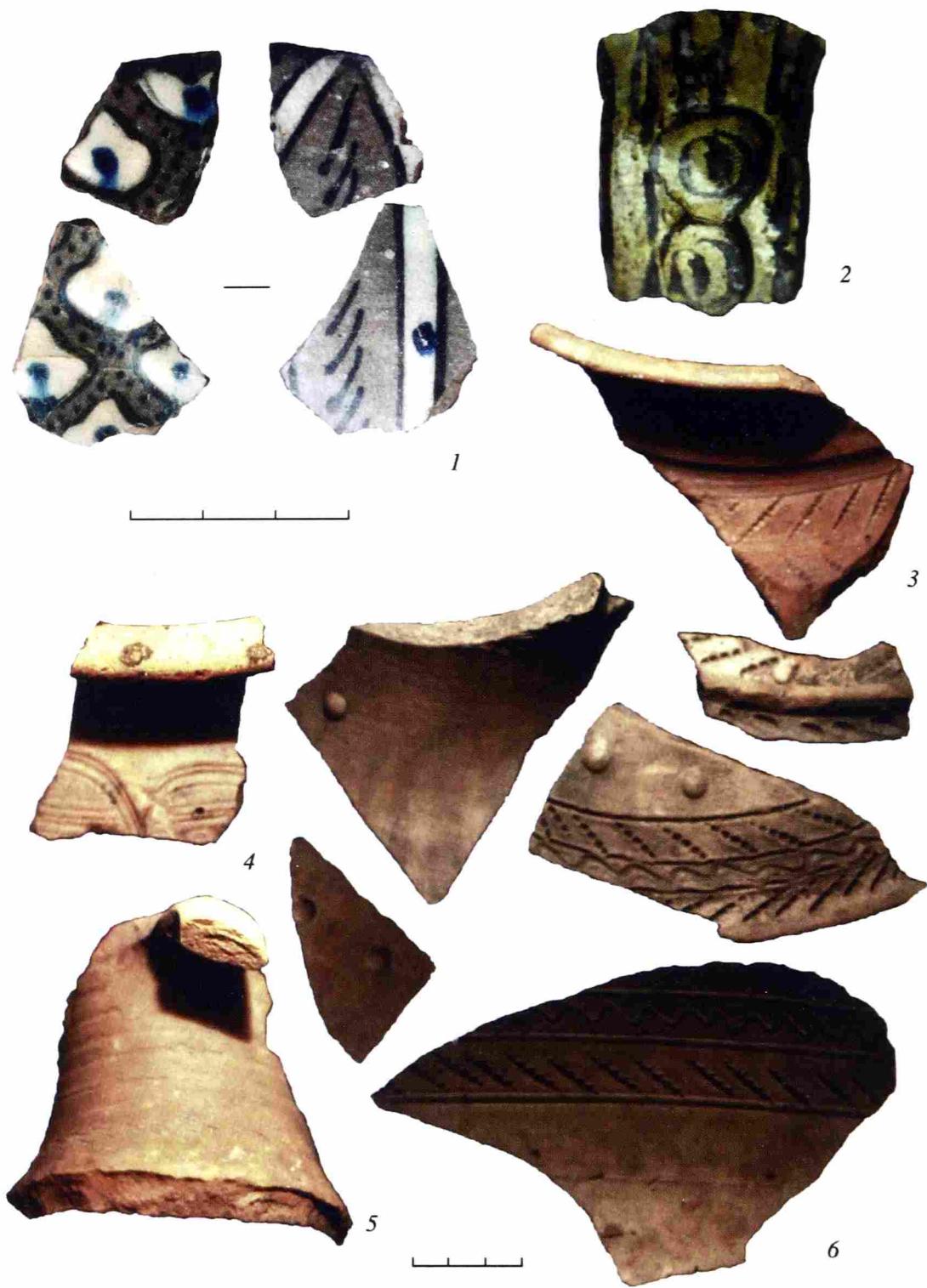
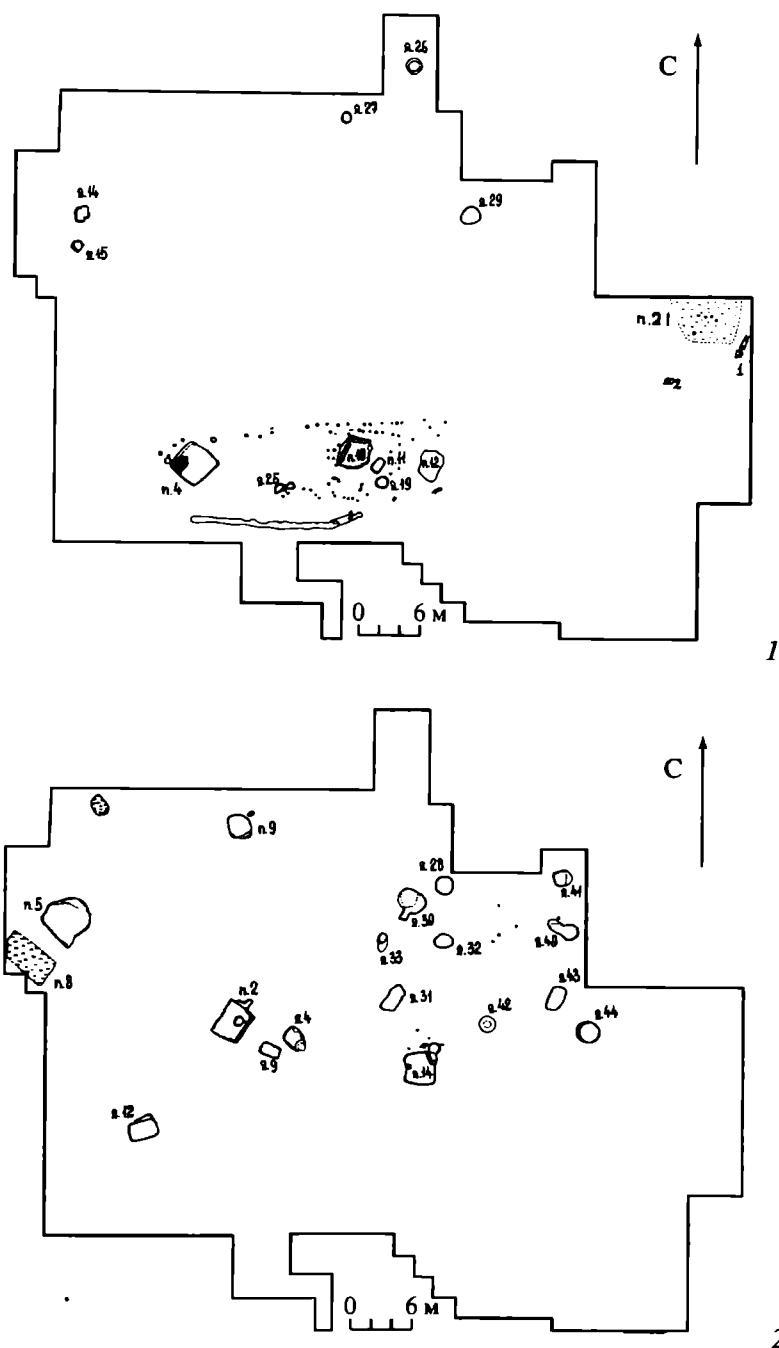

Рис. V. Браслеты из постройки 54 Лескового 2

Рис. VI. Восточная керамика с селища Ближнее Константиново 1

1 – обломок края полуфаянсовой чаши с полихромной подглазурной росписью и росписью кашином;
2 – обломок ручки красноглиняного кувшина с орнаментом “сграффито” под желтой глазурью; 3–6 – керамика Волжской Булгарии: 3, 4 – обломки краснолощеных корчаг; 5 – обломок красноглиняного кувшина; 6 – обломки краснолощеного кувшина

Рис. 4. Сооружения первого (1) и второго этапов (2) в раскопе 2 селища З Лавского археологического комплекса

Наиболее характерной для этого этапа является посуда, венчик которой имеет “секириовидную” форму. Это наиболее типичная для южнорусских памятников посуда XI – первой половины XII в. Она составляет 8,3% от всей гончарной керамики в площади раскопа 2.

Датировка данного этапа подтверждается радиоуглеродным датированием двух грунтовых погребений, которые были изучены в восточной части

раскопа. Погребение 1 имеет три калиброванные даты (1071–1079, 1129–1136, 1158–1259), указывающие на его датировку предпочтительно второй четвертью XII в. У погребения 2 – четыре калиброванные даты (1073–1076, 1133–1135, 1159–1300, 1373–1377 гг.), первые две из которых соответствуют раннему этапу в жизни Лавского археологического комплекса.

Распределение лепной и гончарной керамики этого времени на распахиваемой поверхности селища показывает, что размеры селища в основном определялись южным топографическим участком и составляли 500 × 80–120 м (4,8 га).

Несмотря на то что памятник в этот период представлял собой открытое поселение, его социально-историческую оценку не следует умалять. Сам факт появления на нем в XI в. славян с их традиционной культурой по времени совпадает с прекращением жизни на ближайших Воргольском и Паженьском городищах. По всей видимости, речь следует вести об утрате этими городищами своих функций и переселении их населения на новое место.

Вместе с тем появление населения из южнорусских земель указывает на вектор направленности новой власти, основавшей опорный пункт в нижнем течении Быстрой Сосны. По времени он совпал с периодом стабилизации отношений на русско-половецком пограничье и с активной политикой южнорусских князей по феодализации северо-восточных районов Черниговщины: волостей “Вятичи” и “Лесной земли” (Зайцев, 1975). Отметим, что в конце XI – первой половине XII в. в бассейне Верхней Оки и Курском Посеймье возникают многочисленные городки (Никольская, 1981. С. 172; Енуков, 1999). Очевидно, что появление на Быстрой Сосне Лавского поселения у городища раннего железного века следует рассматривать в связи с этим процессом. Памятник следует рассматривать как открытое поселение – административный центр, округа которого еще не сформировалась.

Второй этап в истории Лавского археологического комплекса связан со второй половиной XII – первой половиной XIII в. Он вычленяется благодаря таким датирующими находкам, как зонная бусина, фрагменты височных колец, стеклянные браслеты, кашинная керамика типа “минаи”. В это время расширяется площадь памятника. Судя по распространению характерной посуды, она составляет не менее 25 га на селище 3. Выделяемые три топографических участка отражают различную плотность застройки памятника.

По данным исследованной площади селища в раскопе 2 можно говорить об интенсивной разносторонней хозяйственной деятельности. В северо-восточной части раскопа можно наблюдать скопление хозяйственных построек на площади 20 × 40 м, являвшихся либо отдельным хозяйственным двором, либо частью усадьбы (рис. 4, 2). Найденные находки отражают тесные контакты с отдельными древнерусскими землями, с Византией, Ираном.

Думается, что социально-историческое содержание памятника в этот период существенно не изменилось. Он оставался открытым поселением – административным центром территории, замыкавшейся областью нижнего междуречья Воргола и Пальны. Его сельская округа была незначительной и составляла 13 селищ. Полагаем, что в этот период население Лавского комплекса и его округи активно участвовало в системе донской торговли. Разви-

тие Лавского поселения было обусловлено начальным процессом феодальной раздробленности, когда возникла необходимость зафиксировать на малоосвоенной территории пограничную ситуацию между Черниговскими и Рязанскими землями.

Третий этап в функционировании Лавского археологического комплекса относится ко второй половине XIII – третьей четверти XIV в. С этим периодом связаны такие датирующие находки, как щитковые перстни с изображением свастики, две свинцовые гирьки, медная ордынская монета, чеканенная в 1340-х годах, колесиковая шпора, нож с заклепками, кресало овальной формы, импортная керамика и др. В это время происходит рост территории неукрепленного посада и активное участие жителей в донской торговле с Крымом, Северным Кавказом, территориями византийского круга.

Стратиграфические наблюдения над заполнениями сооружений предшествующего времени в раскопе 2 селища 3 показывают, что перерыв в середине XIII в., вызванный монголо-татарским нашествием, был непродолжительным. Котлованы сооружений домонгольского времени накопили лишь незначительный слой заплызов и были заброшены глинистым грунтом при возведении сооружений во второй половине XIII в.

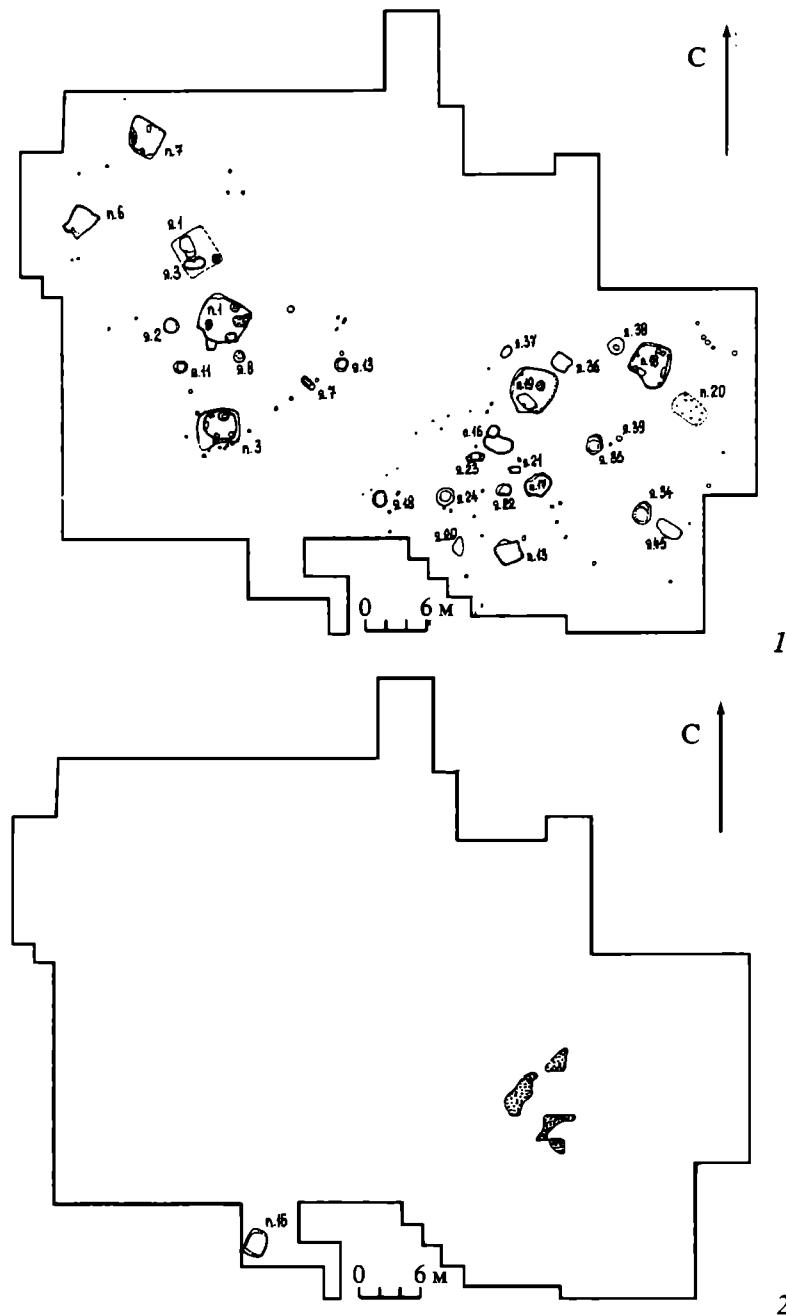
Возрастает площадь памятника на 4,4 га за счет селища 4.

В раскопе 2 селища 3 полностью раскопаны две усадьбы – “В” и “Г”, а в раскопе 1 – хозяйственный двор этого времени. Усадьбы имеют вид прямоугольника площадью 600–800 м² (рис. 5, 1). Их ограждение сооружалось в технике горизонтально заложенных наглухо досок, закрепленных в пазах опорных столбов. Наземные жилища с подпольной ямой (постройки 1, 19) в каждом располагались не по центру усадьбы, а со смещением. В плоскости усадеб встречены локальные участки с различными по назначению хозяйственными постройками. Причем для усадеб характерны крупные погреба.

Располагаясь у оврага под углом около 90° относительно друг друга, эти усадьбы как бы образуют тупик, давая начало улице, идущей между ними вдоль речного склона. В целом же наблюдения за скоплениями находок на пашне показывают вероятность линейно-поперечной планировки на южном участке селища 3 Лавского археологического комплекса.

Следует отметить, что этот этап связан с расцветом памятника, под которым мы понимаем сложившуюся усадебную застройку и активную хозяйственную, в том числе и внешнеторговую, деятельность населения.

Лавский археологический комплекс второй половины XIII – XIV в. можно рассматривать, прежде всего, как административный центр волости Новосильского княжества. Ряд косвенных данных указывает на тесные исторические связи населения нижнего течения Быстрой Сосны с населением Верхнего Поочья. Речь идет о выявленных аналогиях гидронимов (Тропин, 1999. С. 97). Следует также учесть факт, что появившаяся в Ельце во второй половине XIV в. новая династия князей Елецких генеалогически восходит к верховским князьям (Родословная книга, 1787. С. 185, 186). Об исторических связях с территорией бассейна Оки свидетельствует упоминание в источниках второй половины XVI в. Новосильской дороги (Анпилогов, 1963. С. 454, 456). Как известно, город Новосиль находился в бассейне Верхней Оки, и это

Рис. 5. Сооружения третьего (1) и четвертого (2) этапов в раскопе 2 селища 3 Лавского археологического комплекса

был ближайший к Ельцу в XIV–XV вв. центр одноименного княжества. Комплекс данных позволяет считать Верхнее Поочье наиболее вероятным регионом, откуда могло происходить дальнейшее заселение нижнего течения Быстрой Сосны в XIV в.

На заключительной стадии третьего этапа, в период внутренней политической нестабильности в Орде (1359–1380 гг.), жителями была расчищена площадка укреплений раннего железного века и сооружены новые укрепле-

ния. Площадь Лавского городища составила около 0,9 га, что, по мнению А.В. Кузы, сопоставимо с поселениями, являвшимися сторожевыми крепостями и административными центрами (Куза, 1989. С. 58). Это не противоречит высказываниям М.П. Кучеры, считающего, что подобные памятники являлись военно-феодальными замковыми поселениями (Кучера, 1984. С. 74). Однако следует учесть, что культурный слой Лавского городища слабо насыщен находками. По всей видимости, оно не имело плотной застройки, что внешне сближает его со сторожевыми крепостями домонгольского времени южнорусского порубежья и района Куликова поля (Куза, 1989. С. 63; Гоняный, Шишков, 1991. С. 31–33).

Однако функционирование городища было непродолжительным, и укрепления были срыты. Они не были сожжены, однако усадьбы “В” и “Г”, видимо существовавшие какое-то время после срытия укреплений, погибли от пожара. Не исключено, что после гибели памятника сокращается численность населения. По крайней мере, в площади раскопа 2 мы фиксируем лишь остатки каменной вымостки в восточной части раскопа и погреб (постройка 15), расположенный на краю оврага (рис. 5, 2). Каменная вымостка стратиграфически перекрывает постройку 19 – жилище усадьбы “Г”, а постройка 15 содержит исключительно белоглинянную керамику, которую никак нельзя соотнести со временем ранее середины XIV в. Эти объекты, хронологически соответствующие последней четверти XIV в. и констатирующие факт угасания жизни на памятнике, мы связываем с четвертым этапом в жизни Лавского комплекса. Лавский комплекс теряет свои прежние функции и превращается в сельское поселение в составе образовавшегося Елецкого княжества.

Причины гибели Лавского археологического комплекса следует искать как во внешнеполитических событиях, связанных с нестабильностью в Орде в 1359–1380 гг. и частыми разорениями окраинных русских земель, так и во внутренних политических событиях, происходящих в это время в Верховских княжествах. Известно, что в 1375 г. татарами был сожжен Новосиль, а столица княжества была перенесена севернее, в Одоев (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 113). Возможно, что Лавский археологический комплекс тогда же подвергся разгрому татар и потерял свои связи с метрополией. Появление в это время нового города Ельца предопределило судьбу Лавского археологического комплекса. Елец – столица удельного княжества – был построен на новом месте, в устье одноименной реки. К нему перешли административные функции, а Лавский археологический комплекс превратился в сельское поселение.

ЛИТЕРАТУРА

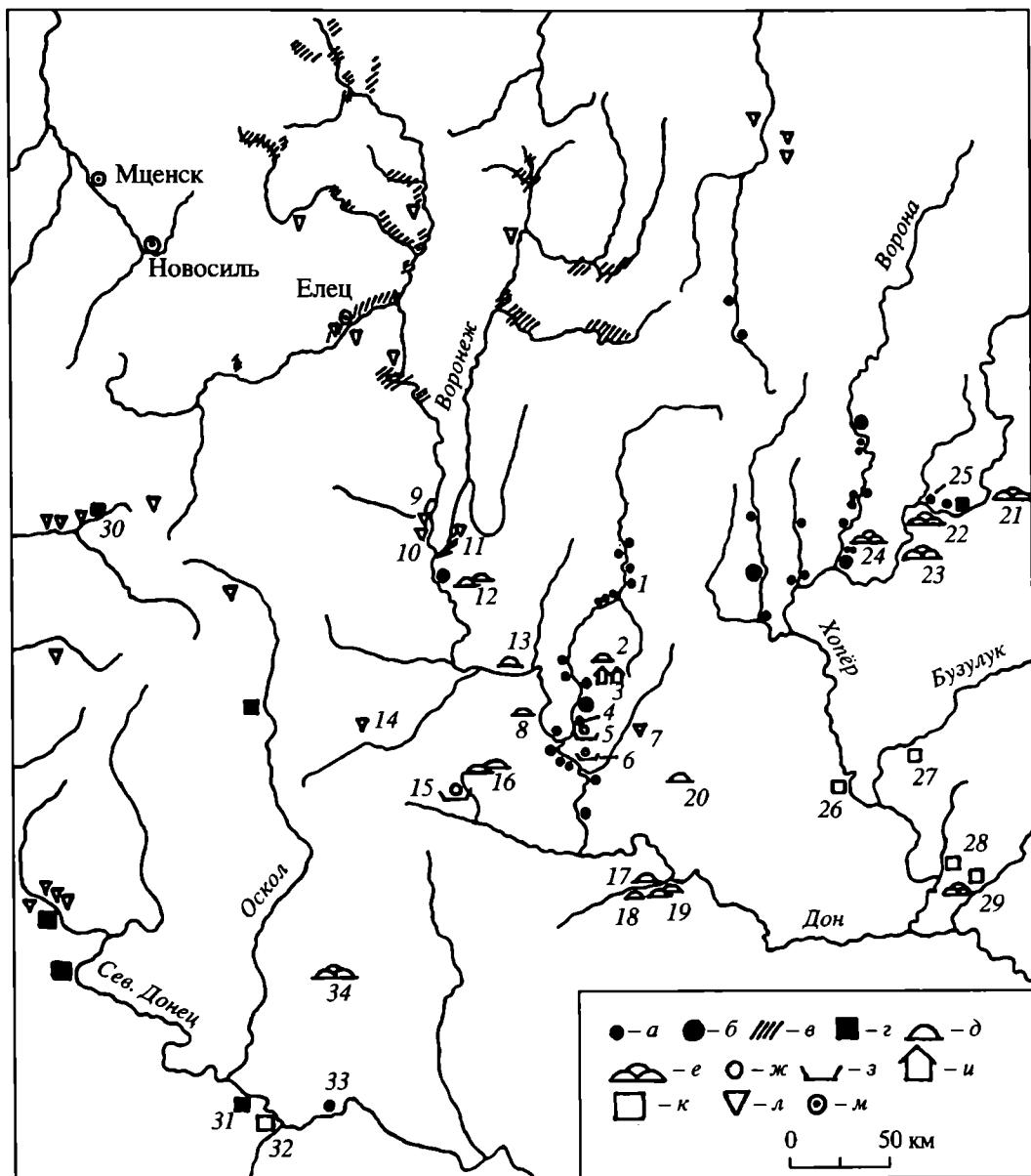
- Антилогоф Г.Н., 1963. Новый документ об отводе земельного жалованья Елецким служилым людям (1593–1594 гг.) // Археографический ежегодник за 1962 год. М.
- Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. VIII – начало XI века. Воронеж.
- Гоняный М.И., Зайцев А.К., 1990. Предварительные итоги и задачи изучения древнерусских памятников района Куликова поля // VI Междунар. конгресс славянской археологии: Тез. докл. М.

- Гоняный М.И., Шишков А.В., 1991. К вопросу о древнерусских городищах XII–XIII вв. бассейна Верхнего Дона // Археология и история юго-востока Руси. Курск.
- Енуков В.В., 1999. Процессы урбанизации на территории Посеймья в X–XIII вв. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк.
- Зайцев А.К., 1975. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
- Каменецкая Е.В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. М. Вып. 5.
- Кузя А.В., 1989. Малые города Древней Руси. М.
- Кузя А.В., Коваленко В.П., Моця А.П., 1996. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.
- Кучера М.П., 1984. Размеры древнерусского города по данным городищ на территории Украинской ССР // Древнерусский город. Киев.
- Моргунов Ю.Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.
- Москаленко А.Н., 1966. Святилище на р. Воргол // СА. № 2.
- Москаленко А.Н., 1981. Славяне на Дону. Воронеж.
- Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.
- Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XV, вып. 1.
- Пряхин А.Д., 1963. Отчет к Открытыму листу № 56 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей в 1962 г. // Архив музея археологии ВГУ.
- Пряхин А.Д., 1963. Археологические памятники боршевской культуры на р. Воргол // Вопросы истории славян. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1995. Археология и археологическое наследие. Воронеж.
- Родословная книга, М., 1787. Ч. 1.
- Тропин Н.А., 1991. Отчет об исследованиях на территории Липецкой области в 1990 г. // Архив ИА. Р-1. № 15898.
- Тропин Н.А., 1999. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец.
- Тропин Н.А., 2003. Раскопки Лавского селища близ Ельца // КСИА. Вып. 214.
- Цыбин М.В., 1987. Юго-восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

М.В. Цыбин

ПЕРИФЕРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ПОДОНЬЕ

Двадцать лет назад вышли в свет работы В.Л. Егорова, в которых рассмотрена проблема границ Золотой Орды, в том числе и в Подонье (Егоров, 1985а; 1985б). По мнению автора, владения Орды включали Верхнее Подонье. Основанием для такого вывода явились немногочисленные данные письменных источников. Историки обращались к этому вопросу, высказывая противоположные суждения в интерпретации письменных источников (см., например: Хорошкевич, 1980; Амелькин, 2000; Памятники..., 1998. С. 17. Примеч. 9, 14 В.А. Кучкина). Не прояснили его и широкомасштабные археологические исследования на Куликовом поле (Гоняный, 2003) и в других районах Верхнего Подонья. Государственная принадлежность этой территории не нашла отражения в археологических материалах. Верхнее Подонье во второй половине XIII – XIV в. представляло собой этническую территорию древнерусского населения (рис. 1). Здесь выявлены и исследованы

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников на периферии Золотой Орды в Подонье

а – селище с древнерусской керамикой (в ряде случаев – и с золотоордынской); б – группа селищ с древнерусской керамикой; в – участки концентрации древнерусских селищ в Верхнем Подонье (по работам М.И. Гоняного, Н.А. Тропина, результатам исследований экспедиции Воронежского госуниверситета); г – поселение с древнерусской (керамикой “древнерусского облика”) и с золотоордынской керамикой на городицах предшествующего времени; д – подкурганное кочевническое погребение; е – курганный кочевнический могильник; ж – поселение золотоордынского круга; з – грунтовой могильник золотоордынского круга; и – золотоордынский мавзолей; к – золотоордынское поселение с постройками из кирпича; л – клад золотоордынских монет; м – летописные города XIV в.

1 – Дрониха; 2 – Новый Буравль (Сафоновка); 3 – Красный; 4 – Антиповка; 5 – Таганский; 6 – Затон I; 7 – Воронцовка; 8 – Марки; 9 – с. Семилуки; 10 – г. Воронеж, Отрожки; 11 – Олень-Колоизъ; 12 – Лиски; 13 – Нижнепокровское; 14 – Новохарьковка; 15 – Каражашник; 16 – Верековка (Ш Богучарский могильник); 18 – Лофицкое; 19 – Дьяченково (Высокая Гора); 20 – Новомеловатка; 21 – Ключи; 22 – Лесное (Свинуха); 23 – Третьяки; 24 – Власовский; 25 – Инясово; 26 – Тишанско; 27 – Дурновское; 28 – Кумылженское; 29 – Глазуновская; 30 – Бесединское (Ратское); 31 – Царино; 32 – Казачья Пристань (Райгородок); 33 – Зливки; 34 – Нижняя Дуванка

многочисленные древнерусские памятники (поселения и грунтовые могильники) (см., например: Гоняный, 2003; Тропин, 2000). Погребений кочевников и собственно золотоордынских памятников на этой территории пока не обнаружено. Последние известны в Среднем Подонье (к югу от устья р. Воронеж). Их ареал и очерчивает собственно периферию Орды в этом регионе (рис. 1).

Наиболее ярким достижением последнего времени являются открытия погребений кочевой аристократии. Два погребения (мужское и женское) исследованы К.Ю. Ефимовым у с. Олень-Колодезь Каширского р-на Воронежской обл. Они выделяются богатством погребального инвентаря; в погребении воина найдены предметы вооружения, в том числе шлем и золоченая кольчуга, колчан с золочеными стрелами, инкрустированный золотом топорик; серебряный поясной ковш с ручкой в виде протомы дракона, пояс с серебряными с позолотой бляхами, на которых изображены барсы; в женском погребении – предметы конской упряжи, украшения, серебряная чаша, медный казан (Ефимов, 1999; 2000). Еще два богатых погребения (мужчины и женщины) были исследованы в 1990 г. А.А. Бойковым у с. Дьяченково Богучарского р-на Воронежской обл. По составу погребального инвентаря эти погребения сходны с погребениями у с. Олень-Колодезь (Кравец, Березуцкий, Бойков, 2000). Предполагаемая дата этих двух памятников – конец XIII – первая половина XIV в. Видимо, они отражают процесс формирования кочевой элиты Орды. С этим кругом памятников связано и одно из погребений во Власовском могильнике (Грибановский р-н Воронежской обл.) (Березуцкий, 1988; Крамаровский, 2002. С. 49, 50).

В изучении памятников кочевников выделяются раскопки курганного могильника у с. Третьяки Борисоглебского р-на Воронежской обл., проведенные в середине 1980-х годов под руководством К.Ю. Ефимова. Было изучено десять средневековых курганов, в девяти из которых погребения могут быть отнесены к золотоордынскому времени (Винников, Ефимов, Цыбин, 1993). Важным представляется и введение в научный оборот материалов раскопок Н.К. Арзютова (1931 г.) могильника у с. Лесное Балашовского р-на Саратовской обл. Ряд погребений этого могильника относится к золотоордынскому времени (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 195–203; о других памятниках этого района см.: Хреков, 2003). С точки зрения выяснения северных пределов кочевий интересно случайно обнаруженное недавно погребение XIV в. в г. Лиски.

Золотоордынские памятники с остатками кирпичных построек в Среднем Подонье находятся в нижнем течении Хопра и Медведицы в Волгоградской обл. Сохранились сведения о следующих из них: поселение Тишанское на правом берегу р. Тишанка (правый приток Хопра), в районе ее устья, на месте х. Красный (сейчас Красновский) (Коршиков, 1985. С. 123; Егоров, 1985а. С. 91); поселение Дурновское на левом берегу р. Бузулук (левый приток Хопра), у населенного пункта Дурновский (Егоров, 1985а. С. 91); поселение Кумылженское на левом берегу р. Кумылга (левый приток Хопра), у ст. Кумылженская (Егоров, 1985а. С. 92); поселение Глазуновское на правом берегу р. Медведица, у ст. Глазуновская (Коршиков, 1985. С. 125; Мамонтов,

Ситников, 1995; Егоров, 1985а. С. 91). Ни один из этих памятников не раскапывался, кроме того, они сильно разрушены. Поэтому особое значение для изучения собственно золотоордынских памятников имеет комплекс из двух кирпичных построек у п. Красный Бобровского р-на Воронежской обл. Он расположен на правом берегу р. Мечеть (левый приток Битюга). Одно из зданий было частично исследовано в 1948 г. В.П. Левашевой. Под полом здания она обнаружила несколько мусульманских захоронений. На берегу р. Мечеть ею был исследован горн для обжига кирпича (Левашева, 1960). В 2002 г. археологической экспедицией Воронежского госуниверситета под руководством автора были полностью вскрыты остатки второго мавзолея. По частично сохранившемуся фундаменту удалось установить, что мавзолей имел общие размеры примерно $21,5 \times 10,5$ м и был ориентирован по линии ЮЮЗ–ССВ. При строительстве здания были в основном использованы квадратные кирпичи размерами $23,5–24 \times 23,5 – 24 \times 5–6$ см. Фундаментные кирпичи укладывались на материковый суглинок на глиняном растворе. Толщина фундамента достигала 1,8 м. Основу плановой структуры мавзолея составляло прямоугольное помещение размерами около $14,5 \times 10,5$ м, разделенное стеной на две камеры: видимо, усыпальницу (“тур-хана”) и место оплакивания (“зиярат-хана”). В “тур-хане” находилась полностью ограбленная гробница, имевшая размеры $4,5 \times 4,6$ м и углубленная в материк до 1,5 м. На полу гробницы местами сохранились кирпичи. Рядом с центральной гробницей выявлены два более поздних по времени погребения. Одно из них, перерезавшее стену гробницы, было также разрушено. Второе совершено в узкой могильной яме в деревянном гробу, обитом кожей и скрепленном железными скобами. Погребение было перекрыто кирличами. Ориентировка погребенного – запад–северо-запад.

С северо-северо-восточной стороны к “тур-хане” было пристроено прямоугольное помещение, размерами около 5×4 м, в котором, судя по находкам костей человека и двух бронзовых бубенчиков, также совершались захоронения. Длинные стены мавзолея с юго-юго-западной стороны оканчивались пилонами. Вход, видимо, перекрывался аркой, которая вместе с пилонами образовывала портал, украшенный мозаикой на кашине. Непрозрачная полива плиток имела чаще всего бирюзовый, ультрамариновый, белый цвета. Встречались плитки, покрытые тонкой золотой фольгой по белой поливе. Орнаментация мозаик представлена растительными узорами, геометрическими фигурами и, возможно, буквами. За пределами мавзолея выявлены три погребения в узких могильных ямах с западной ориентировкой. В одном из них найдены пять дирхемов, четыре из которых относятся к 80–90-м годам XIV в. (Токтамыш; определение В.Ю. Гончарова). Упадок этого центра кочевого улуса, относится, видимо, к началу XV в. В округе мавзолеев удалось выявить синхронное им поселение XIV в. с русской и золотоордынской керамикой.

В последнее время в Среднем Подонье выделен новый тип памятников золотоордынского периода – грунтовые могильники (Новохарьковский и Таганский). Новохарьковский могильник, открытый Т.Ю. Березуцкой, расположена у с. Новохарьковка Ольховатского р-на Воронежской обл., на дюн-

ном всхолмлении в пойме правого берега р. Ольховатка. Раскопки проводились Т.Ю. Березуцкой (1994 г.) и А.З. Винниковым (1995–1997 гг.). На изученной площади (более 800 м²) исследовано 147 погребений. Комплексный анализ материалов могильника проведен группой археологов (А.З. Винников, М.В. Цыбин, И.В. Волков) и антропологов (Т.И. Алексеева, А.П. Бужилова, М.В. Козловская, М.В. Медникова, Г.В. Лебединская) (Новохарьковский могильник, 2002). Погребения на площади могильника располагаются неправильными рядами. Они находятся в почвенном слое, на уровне материка, в материке. Ямы имели подпрямоугольную и овальную форму. Примерно в 30% погребений фиксируются внутримогильные деревянные конструкции (“рамы” из досок, плахи). Лишь два погребения парные. Погребения с западной ориентировкой с отклонением к югу или северу составляют около 82%. Для погребенных характерно положение на спине; лишь в единичных случаях можно говорить о легком развороте на правый бок. Положение рук погребенных не отличается стабильностью: кисти рук лежали на животе, на костях таза, на груди, на плечах, обе руки могли быть вытянуты вдоль тела. Погребальный инвентарь был лишь в половине погребений. В его составе нет орудий труда (за исключением наперстка), предметов вооружения, конской упряжи. Найдены лишь украшения и детали одежды: витые и пластинчатые браслеты, щитковосрединные перстни, подвески (округлые, округлые с петелькой на одном из концов, в виде знака вопроса), нашивные бляшки, подвеска в форме трилистника, фрагмент подвески-медальона, обломки зеркал, амулетница (?), пуговицы, стеклянные бусины и бусины из горного хрусталя и сердолика, раковины каури. Металлические изделия изготовлены из бронзы и серебра, в ряде случаев покрыты позолотой.

Хронологические рамки функционирования могильника определяются временем существования Золотой Орды. Погребальный инвентарь могильника находит широкие аналогии на памятниках Золотой Орды, Волжской Болгарии, в кочевнических памятниках золотоордынского времени. Примечательно, что на могильнике встречены фрагменты золотоордынской посуды. Для уточнения хронологических рамок могильника интересны материалы расположенного рядом с ним на берегу р. Ольховатки синхронного поселения. В разведочном раскопе получена серия золотоордынской керамики. По определению И.В. Волкова, в ней есть фрагменты сосудов (кувшинов, сосудов с ушками), изготовленных в золотоордынских поволжских центрах, Восточном Крыму, Маджаре, а также фрагменты амфор трапезундской группы. Датировка этой серии определяется XIV в. (видимо, не ранее 30-х годов). Не противоречит такой датировке и инвентарь могильника. Наряду с золотоордынской керамикой на поселении встречена небольшая серия типичных древнерусских гончарных горшков, а также несколько фрагментов от лепных (или лишь правленных на круге) горшков, напоминающих средневековую кочевническую керамику.

Анализ антропологического материала Новохарьковского могильника показал, что мужское население являлось профессиональными всадниками, а скотоводство – ведущей отраслью хозяйства. Кроме того, речь идет о развитой хозяйственной инфраструктуре, неоднородности населения в хозяйствен-

венной жизни и профессиональных занятиях. В археологических материалах могильника нет находок, связанных со всадничеством (отсутствуют предметы конской упряжи, вооружения). Найдки двух наперстков (одного на могильнике, второго – на поселении) согласуются с выводами антропологического анализа о занятиях населения шитьем с использованием грубых нитей. Дальнейшие раскопки синхронного могильнику поселения могли бы дать материал для изучения хозяйственной деятельности населения. Пока лишь можно констатировать, что в материалах разведочного раскопа представлены находки, связанные с металургическим производством (фрагменты сопел, шлаки).

Антропологические материалы Новохарьковского могильника имеют наибольшее сходство с материалами Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры (р. Короча, Шебекинский р-н Белгородской обл.) (заключение Т.И. Алексеевой, М.В. Козловской). В качестве близкого примера можно привести могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье: население, оставившее его, по данным крацинологического анализа, близко населению салтово-маяцкой культуры, аланская сериям Северного Кавказа (Ельников, 2001. С. 163). Необходим сравнительный анализ (и прежде всего антропологический) материалов Новохарьковского могильника и грунтовых могильников на Северском Донце (у сел Сидорово и Маяки Донецкой обл. Украины) и на Нижнем Дону (могильник Мартышкина Балка).

В бассейне Среднего Дона наиболее близок Новохарьковскому могильнику Таганский могильник на р. Битюг, у с. Лосево Павловского р-на Воронежской обл. Памятник открыт и изучался в 1995 г. Ю.П. Матвеевым, в 1998–2001 гг. – Ю.П. Матвеевым и автором (Матвеев, Цыбин, 2004). Помимо погребений эпохи бронзы и раннего средневековья на площади трех раскопов, закладывавшихся на возвышенностях дюнообразного древнего берегового вала, получены материалы XIV в. На раскопе 2 выявлены четыре хозяйственные ямы и остатки наземной постройки с очагом. В ямах найдены кости животных, золотоордынская и древнерусская керамика, нижняя часть каменного жернова (постав), фрагмент его верхней части, абразивы, заготовки для пряслиц и пряслица из стенок золотоордынских сосудов.

На раскопах 1 и 3 зафиксированы погребения жителей поселка (два достоверных погребения на раскопе 1 и 13 – на раскопе 3). Судя по хорошо сохранившимся костякам, погребенные лежали на спине, головой на запад, руки – вдоль туловища или на груди. Погребальный инвентарь представлен перстнем и двумя подвесками (одна – в виде знака вопроса).

Судя по преобладанию золотоордынской керамики, этот комплекс, как и Новохарьковский, можно отнести к кругу золотоордынских. Но характер поселения и этническая принадлежность его жителей требуют уточнений.

Сходство Новохарьковского и Таганского могильников проявляется в их топографическом расположении (на всхолмлениях в пойме), в погребальном обряде, в наличии рядом с могильниками синхронных поселений, в керамическом комплексе которых представлена золотоордынская и древнерусская керамика. Оба могильника относятся к XIV в.

Сказанное может относиться и к интерпретации материалов многослойного поселения Затон I, расположенного на левом берегу р. Бабочка при впадении ее в Дон у с. Бабка Павловского р-на Воронежской обл., несколько южнее Таганского комплекса (раскопки С.Н. Гапочки в 2001–2003 гг.). На поселении выявлена золотоордынская и русская керамика, а также погребение с тремя монетами Токтамыша, одна из которых датирована 786 г. х. (1384/85 г.) (определение В.Ю. Гончарова).

Изучение периферии Золотой Орды в Среднем Подонье ведется сейчас на микрорегиональном уровне. Наиболее перспективным районом в этом плане является Побитюжье (рис. 2). Здесь известны упоминавшиеся выше собственно золотоордынские памятники, кочевническое подкурганное погребение, памятники золотоордынского круга (Таганский могильник и поселение). Выявлены и собственно русские поселения. Так, примерно в двух км к северо-западу от Таганского комплекса, на боровой террасе левого берега р. Битюг, напротив с. Антиповка, находится русское поселение XIV в. Как показали разведочные раскопки, проведенные автором в 1999 г., керамический комплекс поселения включает фрагменты русских горшков, а также немногочисленные фрагменты золотоордынских сосудов (Цыбин, 2001). Не исключено, что это поселение синхронно Таганскому комплексу. Если это так, то мы имеем дело с наиболее близким территориальным соприкосновением русских памятников и памятников золотоордынского круга в Среднем Подонье.

Русские поселения есть и выше по течению Битюга (рис. 2). Характер русских поселков в Побитюжье можно представить по материалам раскопок поселения Дрониха близ с. Тишанка Таловского р-на Воронежской обл. (Винников, Синюк, Цыбин, 1995). Это малодворные поселки, без мощного культурного слоя. В 2004 г. удалось зафиксировать поселение с русской керамикой в устье р. Мечеть, в 9,4 км от комплекса золотоордынских мавзолеев у п. Красный.

Важно подчеркнуть, что все упомянутые выше памятники образуют систему, существовавшую в XIV в. Об этом свидетельствует золотоордынский нумизматический материал, найденный на поселениях с русской керамикой – Шиловском в устье р. Воронеж (три дирхема конца XIV – начала XV в.), Инясево в Прихоперье (дирхем и пул Узбека); в кочевнических погребениях – Новомеловатка (дирхем Узбека), Вервековка (Ш Богучарский могильник, курган 2, погребение 2, дирхем Джанибека, Сарай-ал Джедид, 743 г. х. – 1342/43 г.), Марки (дирхем Науруза, Гюлистан, 763 г. х. – 1361/62 г.); на собственно золотоордынских памятниках (мавзолей у п. Красный, дирхемы Токтамыша 80–90-х годов XIV в.); на памятниках золотоордынского круга (погребение на поселении Затон I с монетами Токтамыша). Определенно можно говорить о существовании групп населения, оставивших все перечисленные выше категории памятников. Распад этой системы относится к концу XIV – началу XV в. Видимо, с этим процессом связаны клады золотоордынских монет второй половины XIV – начала XV в. (села Воронцовка, Семилуки, Отрожки, Девицы).

Район распространения памятников золотоордынского времени в Побитюжье, видимо, имеет ряд общих черт с районом среднего течения р. Север-

ский Донец. На территории последнего выявлено поселение Казачья Пристань у п. Райгородок Славянского р-на Донецкой обл. Украины. В начале XX в. В.Ф. Спесивцев обнаружил здесь остатки построек из кирпича (в том числе, по его мнению, остатки мечети; монеты второй половины XIV в. – 1356–1384 гг.) (Труды..., 1902. С. 356, 372–379, 437, 438). В 1998 г. Э.Е. Кравченко обнаружил на поселении наряду с золотоордынскими материалами небольшое количество керамики “древнерусского облика” (Кравченко, 2000. С. 75, 76). Выразительная серия такой керамики представлена на Царином городище (у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. Украины). Она датируется находками золотоордынских монет, керамики, фрагментов чугунных котлов (Кравченко, 2000. С. 77–97). Известен в этом районе и грунтовой могильник (возможно, христианский) у поселения Зливки, с которого происходят и находки золотоордынского периода (исследования М.Л. Швецова). Как и в Побитюжье, в районе среднего течения Северского Донца Э.Е. Кравченко выделяет памятники оседлого населения (памятники с керамикой “древнерусского облика” и памятники с собственно золотоордынским материалом). В степной полосе среднего Подонцового известны и подкурганные кочевнические погребения (Красильников, 2001). Дальнейший сопоставительный анализ этих районов представляется весьма перспективным.

Еще один район для перспективного сопоставительного анализа – окресты Курска. Для выяснения этнокультурной ситуации на периферии Золотой Орды важны материалы исследования Ратского комплекса (раскопки В.В. Енукова 1990–1992 гг.) (Енуков, 1994). Здесь наряду с русской встречена и золотоордынская керамика. Причем, по мнению В.Ю. Коваля, этот памятник выделяется необычайно большим количеством последней. В золотоордынской керамической серии представлена неполивная и поливная

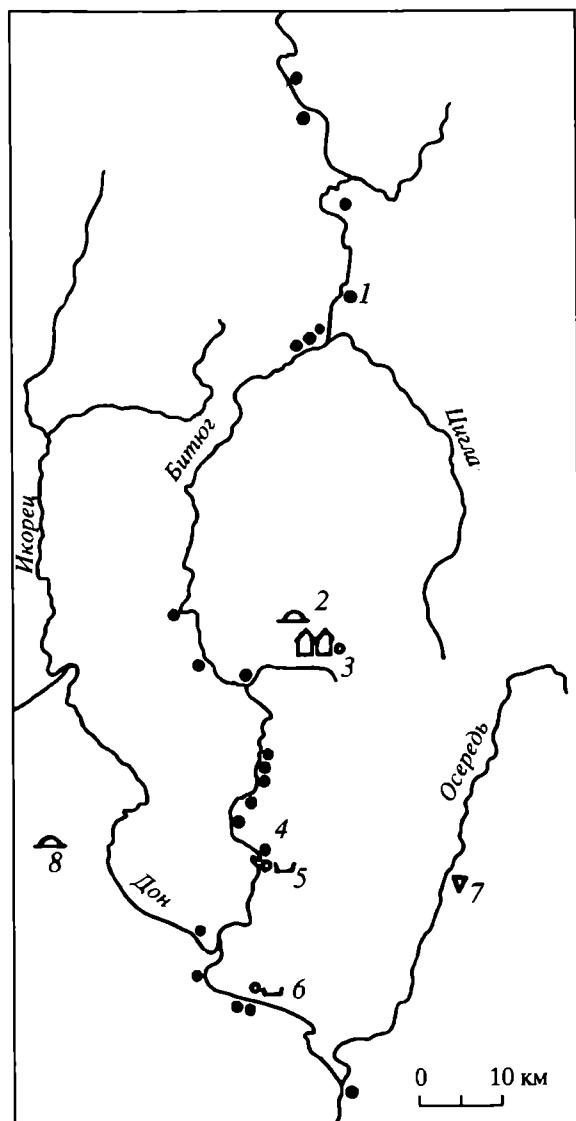

Рис. 2. Карта расположения археологических памятников золотоордынского периода в Побитюже

Условные обозначения и номера памятников те же, что на рис. 1

(с бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью, бесцветной поливой и полихромной подглазурной росписью) керамика (Щавелев, 1999, С. 122–124). На памятнике встречены золотоордынские монеты 40–50-х годов XIV в.

Таковы основные итоги археологического изучения периферии Золотой Орды в Подонье.

ЛИТЕРАТУРА

- Амелькин А.О., 2000. Куликовская битва: (опыт реконструкции событий) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.
- Березуцкий В.Д., 1988. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
- Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993. Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки // Археология Дона-Волжского бассейна. Воронеж.
- Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В., 1995. Средневековые материалы с поселения “Дрониха” // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.
- Гоняный М.И., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля: Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Егоров В.Л., 1985а. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.
- Егоров В.Л., 1985б. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV вв. // ВИ. № 1.
- Ельников Е., 2001. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татарская археология. № 1–2 (8–9).
- Енуков В.В., 1994. Летописные сведения 1283–1284 гг. и география округи Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск.
- Ефимов К.Ю., 1999. Золотоордынские погребения из могильника “Олень-Колодезь” // Донская археология. № 3–4.
- Ефимов К.Ю., 2000. Золотоордынские погребения из могильника “Олень-Колодезь” // РА. № 1.
- Коршиков Н.С., 1985. Археологические исследования на Дону декабриста В.Д. Сухорукова // СА. № 1.
- Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе “Высокая гора” на юге Воронежской области // Донская археология. № 3–4.
- Кравченко Э.Е., 2000. Памятники оседлого населения XI–XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк. Т. I.
- Крамаровский М.Г., 2002. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII в. (источниковоедческие аспекты) // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань.
- Красильников К.И., 2001. К вопросу о монгольском периоде на Среднем Подонцовье // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж.
- Левашева В.П., 1960. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Тр. ГИМ. Вып. 37.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1995. Памятники средневековья у станицы Глазуновской // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 5.
- Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовой могильник. Воронеж.
- Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды, Воронеж, 2002.
- Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
- Тропин Н.А., 2000. Сельские поселения XII – начала XV в. в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны // РА. № 2.

Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда, 1902. Харьков. Т. I.

Хорошевич А.Л., 1980. О месте Куликовской битвы // История СССР. № 4.

Хреков А.А., 2003. Археологические памятники средневековых кочевников на территории лесостепного Прихоперья (Червленого Яра) // Золотоординскому городу Укеку семь с половиной столетий. Саратов.

Цыбин М.В., 2001. Археологическое изучение Червленого Яра // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула.

Шавелев С.П., 1999. Куряне на путях татаро-монгольского нашествия // Курский край. Курск: История города от Средневековья к Новому времени. X–XVII века. Курск.

А.В. Кудряшов

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ МИНИНО 5 НА РЕКЕ БОЛЬШОЙ ЮГ

Изучение средневековой истории бассейна Шексны затруднено плохой сохранностью археологических памятников этой эпохи. В результате образования Рыбинского водохранилища многие памятники в нижнем и среднем течении Шексны исчезли с лица земли или оказались серьезно поврежденными. Большинство памятников из тех, которые уцелели, также подверглось антропогенному воздействию: они распахивались, на них строились дороги и другие хозяйствственные объекты. Существенно сузилась база источников. Повреждение культурного слоя поселений затрудняет интерпретацию археологических материалов. Неповрежденные памятники археологии в регионе насчитываются единицами. Поэтому особую ценность имеют шекснинские памятники, культурный слой которых оказался потревоженным незначительно. К таким памятникам относится поселение Минино 5.

Поселение Минино 5 является частью группы памятников, открытых экспедицией Череповецкого музеяного объединения под руководством автора в 1989–1996 гг. Эти памятники располагаются на р. Большой Юг, левом шекснинском притоке, находясь от р. Шексны на расстоянии приблизительно 20 км. Памятники занимают оба берега р. Большой Юг. Комплекс памятников вблизи д. Минино Череповецкого р-на Вологодской обл. включает в себя шесть средневековых поселений и два могильника. Поселение Минино 5 занимает высокую боровую террасу на левом берегу р. Большой Юг (рис. 1). Высота береговой площадки над водой от 8 до 14 м. Поверхность имеет уклон к северу и востоку. Площадь поселения составляет приблизительно 0,5 га. В 1991 и 2001 гг. на поселении были заложены три раскопа, в общей сложности исследовано около 660 м². Коллекция включает около 400 вещественных находок, также собрано свыше 6000 фрагментов керамики.

Культурный слой Минино 5 представляет собой гумусированную супесь, имеющую в верхней части серо-коричневую, а в нижней – темно-серую окраску. Слой содержал очажные камни, песчаные, углистые и глинистые прослойки. Его мощность в среднем 0,25–0,3 м, в ямах он достигал 0,5–0,7 м.

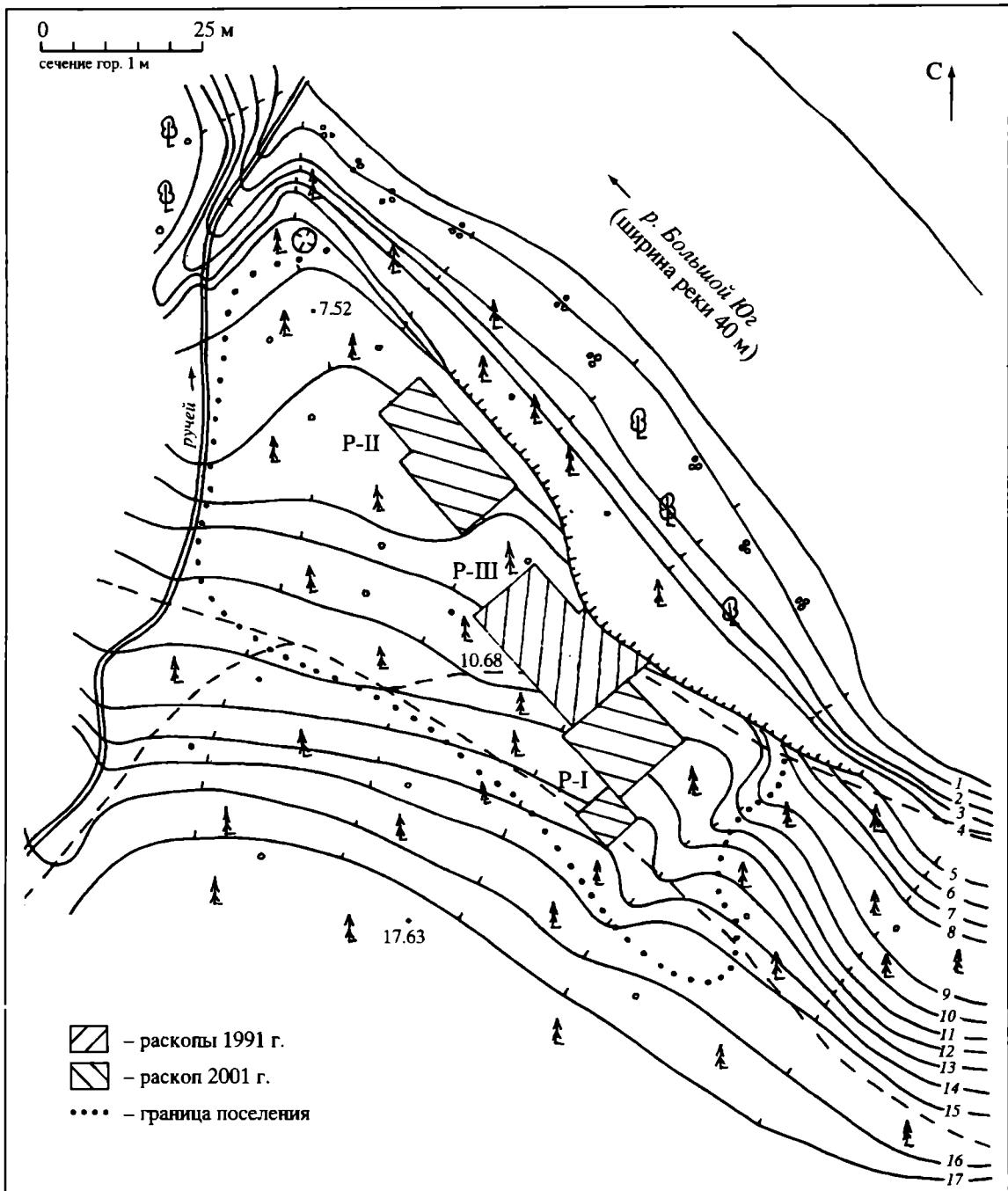

Рис. 1. Поселение Минино 5. Топографический план

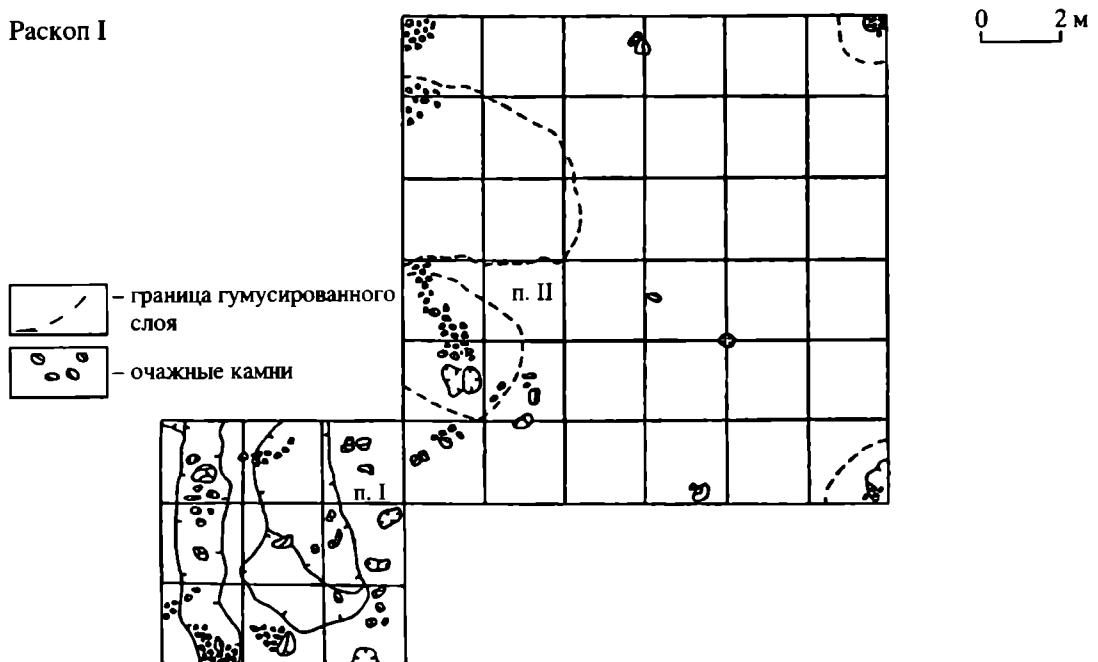
Органические остатки в слое селища не сохраняются. Дерево представлено в виде углей и обгорелых плашек. Культурный слой, кроме материалов средневековья, содержал орудия из кремня: два наконечника стрел с двусторонней обработкой, один из них относится к наконечникам “сейминского типа”, кремневые отщепы. Кроме того, на поселении обнаружены черепки тонкой слабообожженной керамики красного цвета. Поселение, предшест-

вующее средневековому селищу, можно отнести предварительно ко II тыс. до н.э. В ходе исследования средневекового поселения нами вскрыты различные объекты – остатки построек, очаги, столбовые и хозяйствственные ямы. Вещевой комплекс поселения разнообразен. Здесь обнаружены вещи различных категорий: ремесленные инструменты и приспособления, заготовки изделий и отходы производства, орудия промыслов, оружие и предметы снаряжения воина, детали костюма и украшения, бытовые вещи, предметы культа и другие находки.

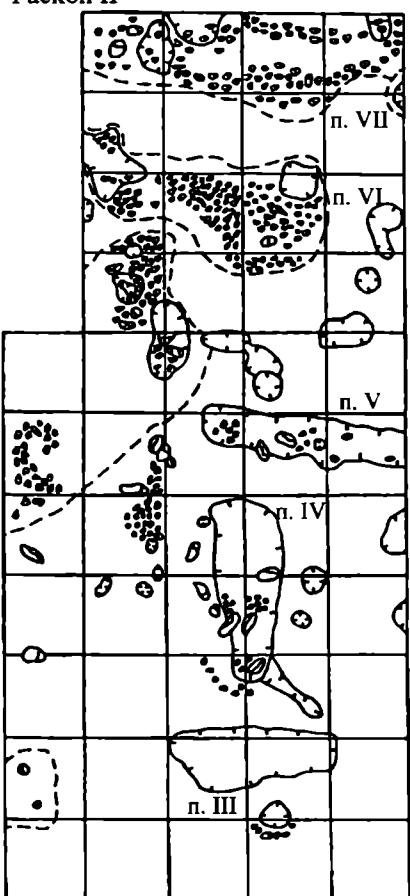
Постройки на Минино 5 определялись по ряду признаков – по напластованию культурного слоя в виде жилищного пятна, по жилищным, подпольным и хозяйственным ямам, по расположению остатков отопительных сооружений, по концентрации вещевого и керамического материалов. Всего нам удалось локализовать около 15 построек разных видов (рис. 2). К первой группе построек можно отнести сооружения, которые представляли собой остатки наземного дома, сохранившиеся в виде жилищного пятна, перекрывавшего подпольную яму больших размеров. Всего исследованы три таких постройки. Постройка I (раскоп 1 1991 г.; рис. 2) представлена пятном темного гумусированного слоя подпрямоугольной формы, перекрывавшим яму, размерами приблизительно $3,5 \times 5$ м. Оно включало в себя колотые очажные камни, углистые пятна, головни, пятна песка, кальцинированные кости животных. В слое обнаружены фрагменты лепной керамики и вещевые находки: бронзовый пинцет, шумящая подвеска со щитком треугольной формы (рис. 3, 1, 14), фрагменты других бронзовых украшений, нож, три оселка. Под пятном находилась продолговатая яма овальной формы. Длина исследованного участка ямы достигала 5 м, ширина варьировала от 1 до 2,8 м. Глубина ямы – около 0,35 м. Стенки и дно ее были закруглены. На дне сооружения, в северной его части, лежали несколько камней-валунов и углистые плашки. Яма была заполнена желтым гумусированным песком с мелкими угольками. Вещевых находок и керамики в яме не обнаружено. С восточной стороны сооружения находились две столбовые ямки. Уголь, взятый с данного объекта, дал следующую калиброванную дату (ГИН 8364): 1130 ± 100 л.н.

Подобные постройки исследованы и в раскопе 3 (рис. 2). Постройка XI находилась в восточной прибрежной части селища. Она представляла собой яму-котлован, перекрытую пятном темного гумуса. Яма имела размеры $5,2 \times 2-3,2$ м, глубину до 0,4 м, стенки ее были покатыми, дно закругленным. Максимальное расширение (до 3,2 м) – в западной части ямы; здесь слой имел темную окраску, содержал колотые очажные камни, прослойки песка и комья глины. Возможно, здесь помещался очаг. В центральной и восточной части ямы слой не был интенсивно окрашен, хотя здесь также обнаружены углистые пятна и плашки, отдельные камни. В центре ямы находилось небольшое скопление камней. На дне данного сооружения и в его заполнении прослежены желтые песчаные подсыпки, а также тонкие углистые прослойки от сгоревших деревянных конструкций. С запада у котлована находилась столбовая ямка диаметром 0,25 м. С юга, рядом с большой ямой, располагались две подпрямоугольные ямки, в которых были обнаружены фрагменты железных предметов. Эти ямы, вероятнее всего, входили в комплекс

Раскоп I

Раскоп II

Раскоп III

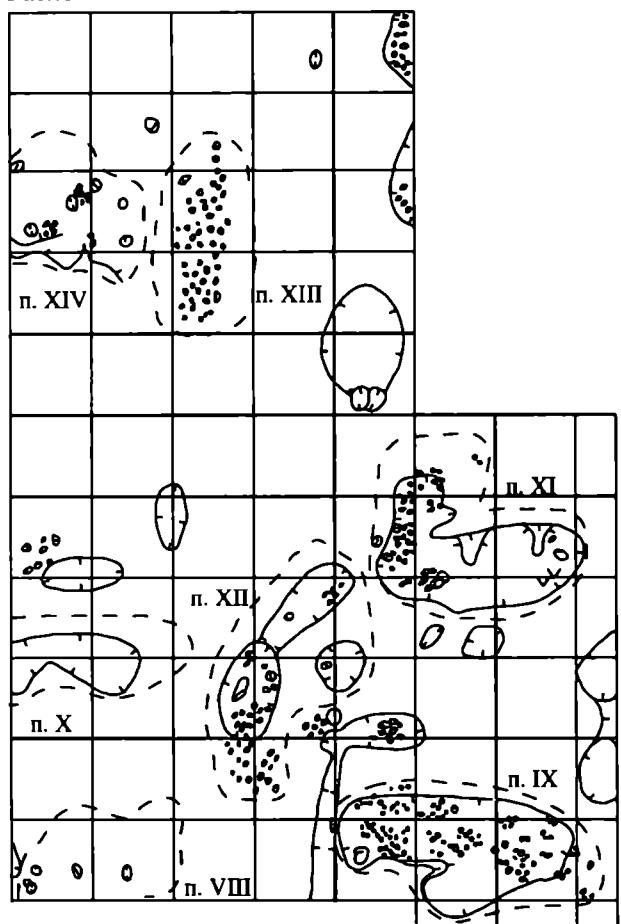
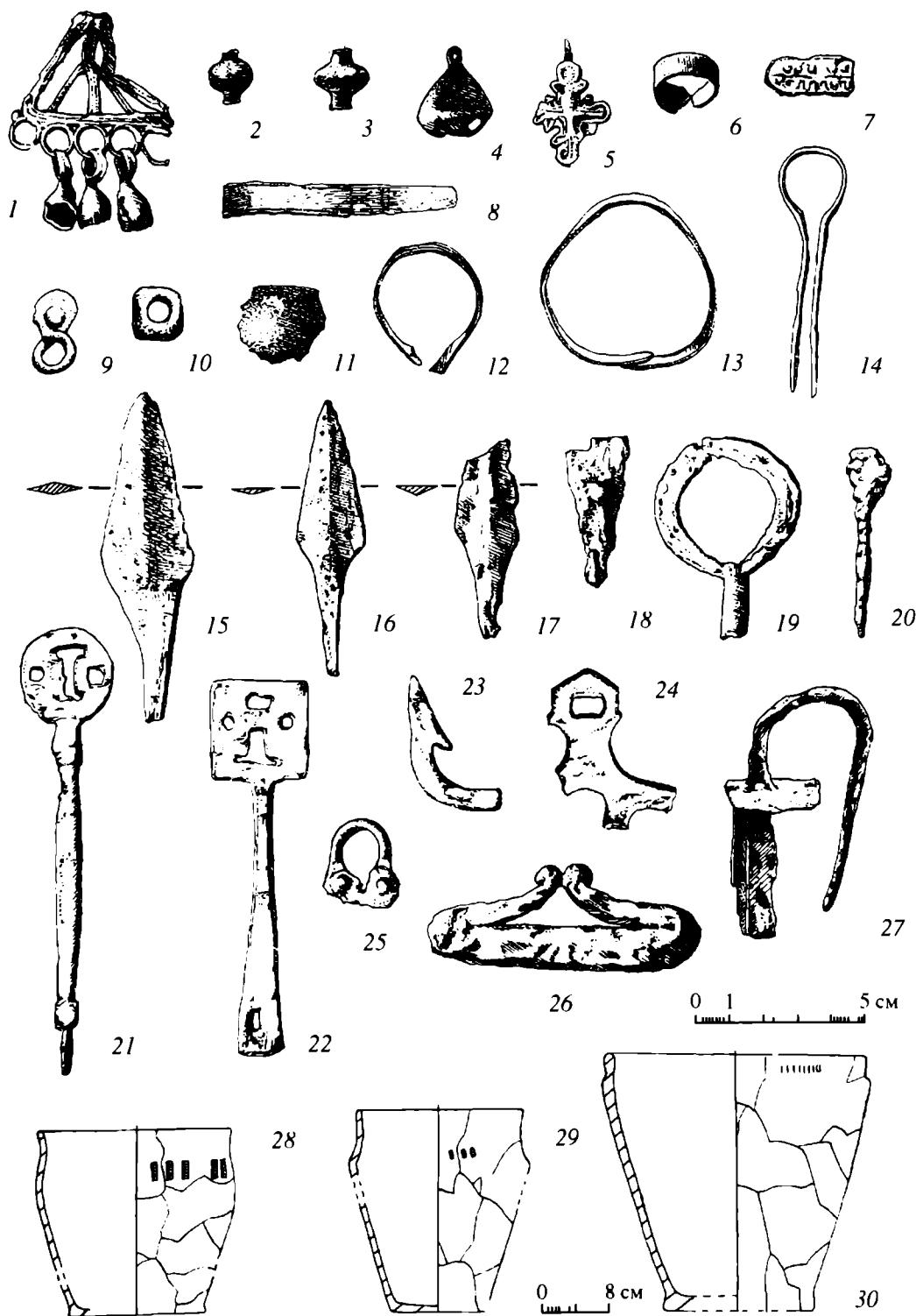

Рис. 2. Поселение Минино 5. Планы сооружений. Раскопы 1–3

Рис. 3. Поселение Минино 5. Вещевой инвентарь

1 – подвеска; 2, 3 – бусы; 4 – бубенчик; 5 – крест-тельник; 6 – перстень; 7, 9 – детали пояса; 8, 12, 13 – браслеты; 10, 19 – изделия; 11 – фрагмент чашечки для весов; 14 – пинцет; 15–17 – наконечники стрел; 18 – крюк; 20 – писало (?); 21, 22 – ключи; 23 – фрагмент рыболовного крюка; 24 – фрагмент стремени; 25 – ушко котла; 26 – кресало; 27 – замок; 28–30 – сосуды (1–14, 25 – сплавы цветных металлов; 15–24, 26, 27 – железо; 28–30 – глина)

постройки. Внутри ямы-котлована и в пятне темного гумуса, располагавшегося над ней, обнаружены 4 бусины, ножи, шило, каменная чашечка, пробой и железные предметы.

Еще одна подобная постройка (Х) исследована частично в раскопе 3. Она уходит за пределы раскопа. Пятно гумуса, перекрывавшего яму-котлован, имело размеры $4,4 \times 2,5$ м. Под пятном находилась часть ямы желобообразной формы. Ее видимые размеры $3,2 \times 0,7-1,5$ м, глубина до 0,45 м. Внутри ямы находился серый гумусированный слой с углистыми плашками и редкими взвешенными очажными камнями. По стенкам гумус окаймлялся желто-коричневым песком. В яме и рядом с ней обнаружены бронзовая пряжка (рис. 4, 38), бусина, фрагмент ножа, лощило.

Интересным сооружением оказалась постройка IX в юго-восточном углу раскопа 3 (рис. 2). От нее сохранилась яма-котлован размерами $5,8 \times 2,2-3,2$ м, глубиной 0,4 м. Сверху котлован перекрыт пятном темно-серого гумусированного слоя, его размеры были чуть больше ямы. Внутри котлована находился темно-серый гумусированный слой, содержащий очажные камни, углистые и песчаные прослойки. Более плотное скопление очажных камней было в западной, узкой, части ямы. Здесь обнаружены пятна и комья глины, большое количество керамики. Внутри заполнения котлована, кроме керамики и вещевых находок, встречены железные шлаки, фрагмент воздуходувной трубы. В яме и рядом с ней найдены семь бусин, целые экземпляры и фрагменты нескольких ножей, фрагменты глиняных прядильщиков, шилья, оселки, обработанные камни. В данном случае мы имеем дело, очевидно, с постройкой с углубленной в землю нижней частью конструкции.

Другие постройки, обнаруженные на поселении, также можно отнести к числу наземных. В их конструкцию входили ямы. Некоторые из них были очажными. Ямы имели корытообразную форму и в ряде случаев значительные размеры.

В постройке III (рис. 2) очажная яма имела размеры $4,4 \times 1,5$ м, глубину 0,2–0,25 м. Стенки и дно ямы были прокалены. Внутри очажной ямы лежал черный углистый слой, содержащий очажные камни, золу. В яме и рядом с ней обнаружены вещевые находки. Судя по расположению очага, постройка была ориентирована длинной осью перпендикулярно береговой линии. Рядом с вышеописанной постройкой находилось похожее сооружение (IV), которое также содержало значительную по размерам яму. Яма перекрывалась пятном гумусированного слоя, размерами $5 \times 3,5$ м. Яма имела размеры $4,5 \times 1,7$ м, глубину 0,3 м и была заполнена черным углистым слоем, стенки ее были также прокалены. По краям ямы имелись столбовые ямки. В жилищном пятне и внутри ямы обнаружены фрагменты керамики и вещевые находки. Постройка, судя по расположению пятна и очага, была ориентирована вдоль береговой линии.

Рядом с постройкой IV находилась постройка V. Она локализуется по длинной очажной яме, которая имела корытообразную форму и была расположена перпендикулярно обрыву берега. Видимые размеры ямы были $5 \times 1,2$ м, глубина – 0,3 м. Стенки ямы были почти отвесными. Внутри нее на-

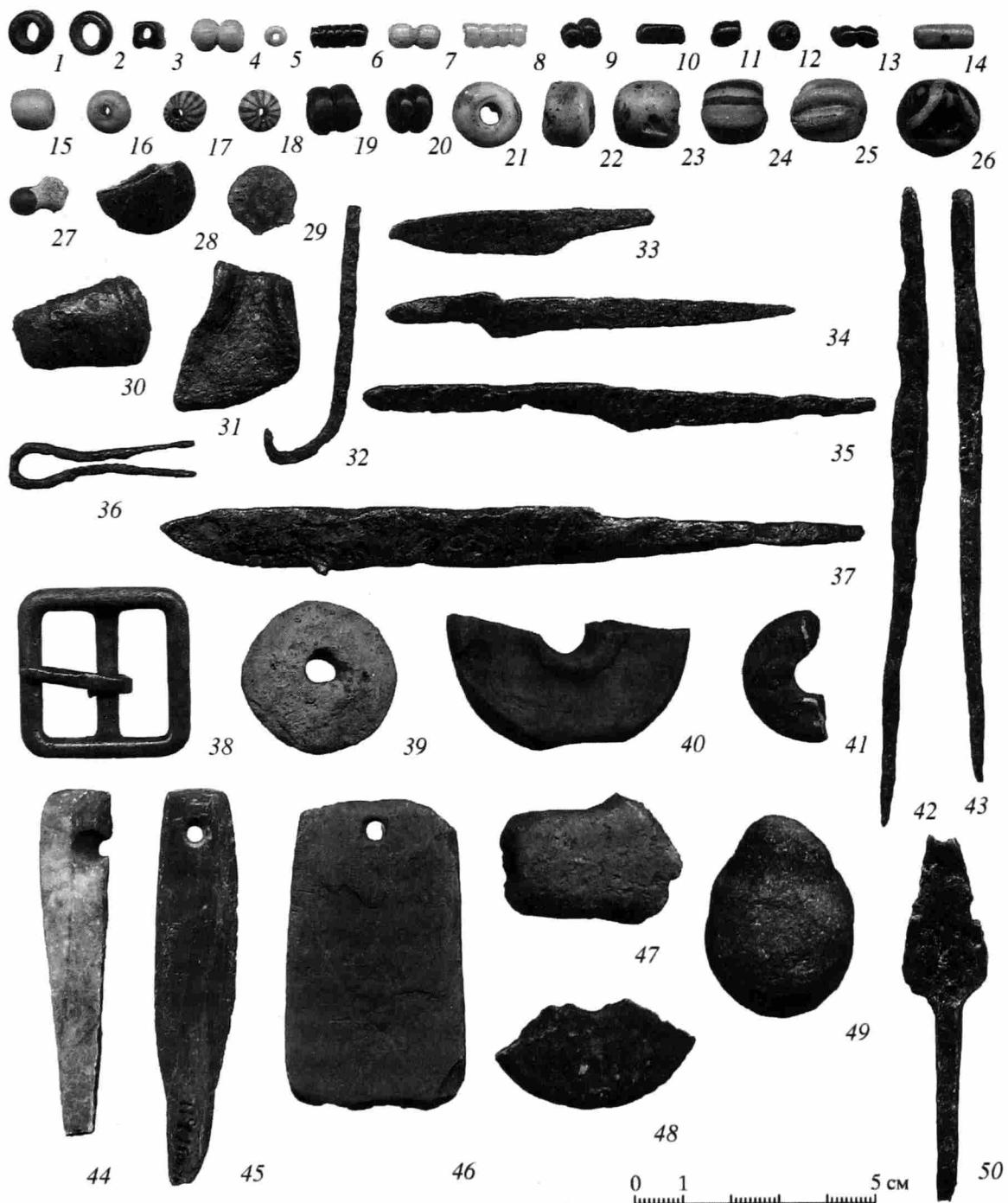

Рис. 4. Поселение Минино 5. Вещевой инвентарь

1–26 – бусы; 27–29, 31 – изделия; 30 – фрагмент браслета; 32 – рыболовный крюк; 33–35, 37 – ножи; 36 – пробой; 38 – пряжка; 39–41, 48 – пряслица; 42, 43 – шилья; 44–46 – оселки; 47 – фрагмент льячки; 49 – кистень; 50 – наконечник стрелы (1–28 – стекло; 29, 30, 38 – сплавы цветных металлов; 31–37, 42, 43, 50 – железо; 39–41, 47, 48 – глина; 44–46, 49 – камень)

ходился черный углистый слой с очажными камнями. Слой содержал комья и линзы обожженной глины. Стенки ямы прокалены. В яме и рядом с ней обнаружены вещевые находки: коробчатый замок, три ножа, оселки, шило, шиферное пряслице, железные предметы, крест-тельник. Постройка похожей конструкции обнаружена также в раскопе 3 (XII). От постройки сохранилось пятно темного гумуса, вытянутое вдоль береговой линии, шириной 2–3 м, длиной 5,5 м. Под пятном обнаружены ямы. Одна из ям имела размеры 2,5 × 1,4 м, глубину до 0,35 м и была заполнена черным углистым слоем, содержащим очажные камни; внутри нее находился большой валун. С севера к яме примыкала еще одна яма, размерами 2,5 × 1 м, глубиной 0,25 м, заполненная также темным гумусированным слоем, очажными камнями, комьями обожженной глины. Третья яма, овальной формы, размерами 1,2 × 1,4 м, глубиной 0,3 м, примыкала к вышеописанным с востока. С юга у края самой глубокой ямы находилась россыпь очажных камней. В ямах и рядом с ними обнаружены стрела, восемь стеклянных бусин, обломок стеклянного изделия, шило, скоба, глиняное пряслице, железные предметы.

Кроме наземных построек с очажными ямами больших размеров на поселении обнаружены остатки сооружений, которые выявлялись по жилищному пятну, развалам наземных очагов, хозяйственным ямам, скоплению керамики и вещей. Такие постройки есть по всей исследованной площади памятника: в раскопе 1 – постройка II; в раскопе 2 – постройки VI, VII; в раскопе 3 – постройки VIII, XIII, XIV. Некоторые постройки исследованы частично, и об их размерах и ориентировке мы можем только догадываться. К комплексам построек VI, VII относятся несколько хозяйственных ям овальной формы и развалы очагов. И ямы, и очаги включали в себя фрагменты глиняных воздуходувных трубок, многочисленные железные шлаки, в том числе имевшие лепешкообразную форму. Вероятно, эти постройки использовались и для жилья, и в производственных целях.

В раскопе 2 обнаружены остатки очага-каменки с подпечной ямой. От очага сохранились остатки пода, представлявшего собой площадку обожженной глины с лежавшими на ней очажными камнями. Под глиняной площадкой находилась береста, уложенная в несколько слоев. Рядом с площадкой располагалась подпечная яма овальной формы, размерами 2,2 × 1,1 м, глубиной до 0,35 м. Яма содержала темный гумусированный слой, в котором находились взвешенные очажные камни. Среди очажных камней, относящихся к каменке, обнаружена лепная и круговая керамика. Остатки печей-каменок, сооруженных на обожженной глиняной площадке, которая, в свою очередь, подстипалась несколькими слоями бересты, обнаружены в постройках Белоозера и Луковца (Голубева, 1973. С. 112).

Основная часть исследованных построек, по всей видимости, относилась к наземным сооружениям. Средневековое поселение было застроено плотно и без какой-либо системы. Наивысшая плотность застройки наблюдается в северной части поселения, у ручья.

Исследования на поселении Минино 5 показали сложную структуру хозяйства, существовавшего у местного населения. На поселении представлен железоделательный и кузничный производственные комплексы. Здесь най-

дено большое количество железных лепешкообразных шлаков. Присутствие на поселении большого количества таких шлаков, а также фрагментов глиняных воздуховальных трубок, свидетельствует о существовании здесь развитого кустарного металлургического производства. Кузнечная обработка железа также осуществлялась на поселении. В культурном слое обнаружены кузнецкие заготовки, прутки и обрубки железа, фрагменты железных изделий. В результате металлографического анализа выяснилось, что местные кузнецы применяли сложные технологические приемы обработки железа. На поселении обнаружены ножи, изготовленные по схеме трехслойного пакета, а также изделия с вваренным в железную основу стальным лезвием (Кудряшов, Розанова, Терехова, 2003. С. 94–96). Литье бронзы и холодная обработка цветных металлов также фиксируются на поселении Минино 5. Об этом свидетельствуют находки бронзовых заготовок, глиняной лягушки, бронзового и железного пинцетов, миниатюрных зубил, заостренных железных инструментов, бронзового лома, расплавленных кусков бронзы, обрезков пластинчатой бронзы и бронзовой проволоки.

Об участии жителей поселения в торговле свидетельствуют находки де-нария второй половины XI в. (Евер, граф Герман 1059–1086 гг.; определение А.В. Белякова), фрагмента чашечки для весов с отверстием. Наиболее ярким свидетельством участия местных жителей в международной торговле являются находки почти 100 стеклянных бусин. Основная часть бус обнаружена в раскопе 3. Столь значительная концентрация бус на северорусских селищах ярко иллюстрирует участие их жителей в международной пушной торговле. Среди бус преобладают бусы-лимонки, в том числе полосатые; встречены также бусы из тянутых трубочек, рубленый бисер, преимущественно желтый; бусы навитые кольцевидные и многочастные, преимущественно синего цвета; глазчатые бусы. Имеются также ребристые бусы, зоны синие и другие (рис. 4, 1–26). Значительная часть бус была найдена в постройках, но в раскопе 3 наблюдалось скопление находок бус в пространстве, свободном от построек. Не исключено, что здесь находилось место торга. О занятиях местных жителей охотой и рыболовством свидетельствуют находки наконечников стрел (5 экз.), рыболовных крюков (рис. 3, 15–17, 23; 4, 32, 50). О занятиях скотоводством говорит находка фрагмента косы-горбушки. Коса может быть отнесена к изделиям южнорусского типа – она имела широкое лезвие. О существовании прядения (и, соответственно, ткачества) свидетельствуют находки большого количества глиняных и шиферных пряслиц. Разнообразен бытовой инвентарь. Имеется около 20 ножей, почти все определимые изделия относятся к IV группе, по классификации Р.С. Минасяна (1980, С. 69–73). Есть один небольшой нож с прямой спинкой (рис. 4, 33), имеются фрагменты металлической посуды, целое и фрагментированные кресала (рис. 3, 26), железные иглы, оселки с отверстиями, железное навершие с кольцом (рис. 3, 19). На поселении обнаружены три коробчатых замка и два ключа к ним. Среди украшений и деталей костюма есть два целых и два фрагментированных браслета, бронзовый пластинчатый перстень, бронзовая прямоугольная пряжка, орнаментированный наконечник ремня, поясная накладка с петлей. Имеются также бронзовый крестопрорезной бу-

бенчик (рис. 3, 4), две флаконовидные бронзовые бусины (рис. 3, 2, 3), уже упомянутая выше шумящая подвеска с треугольным щитком, фрагменты других шумящих подвесок.

С поселения Минино 5 происходят также большой нож, который может быть отнесен к боевым, фрагмент ажурного стремени, имеющий аналогию на Щучинском городище на Днепре (*Довженок*, 1967. С. 271, рис. 13), плоский крюк, по всей вероятности, портупейный, каменный кистень (рис. 3, 18, 24; 4, 49). К числу интересных находок может быть отнесен крест-тельник с рельефным изображение распятия (рис. 3, 5), аналогии которому имеются в Новгороде, а также в могильнике, исследованном Н.А. Макаровым в Белозерье (*Седова*, 1981. С. 50, рис. 16, 6; *Макаров*, 1990. С. 72. Табл. XVIII, 4). Среди находок имеются также фрагменты стеклянных изделий и, возможно, писало с обломанным острием (?) (рис. 3, 20; 4, 27, 28). Основную массу керамики, происходящей с поселения Минино 5, составляет лепная. Из 6868 фрагментов, обнаруженных во время раскопок, круговая составляет 3,3%. По характеру обработки лепной керамики выделяются две группы: тщательно заглаженная, отличающаяся в большинстве случаев хорошо промешанным тестом и лучшим качеством обжига, и керамика, получившая в литературе название “грубая лепная”. Значительная доля сосудов на поселении Минино 5 относится к типам I (50%), III, IV, выделенным Н.А. Макаровым для лепной керамики Белозерья (*Макаров*, 1991. С. 129–165). Орнаментированная керамика составляла 5,5% всего комплекса лепной посуды. 78,5% выделенных сосудов имели орнамент. Самым распространенным (57,4%) оказался орнамент, нанесенный гребенчатым штампом (рис. 3, 28–30). Также широко были распространены орнаменты в виде треугольных и круглых вдавлений (*Мокрушин*, 1999).

Определяя время существования поселения, необходимо учесть все данные, полученные при исследовании памятника. Нижняя граница его существования может быть отнесена к началу X в. Этому не противоречат радиоуглеродная дата постройки I, основной состав бус, многие категории которых в Старой Ладоге получили распространение в IX–X вв. (*Львова*, 1968. С. 82–88), а также некоторые вещи, существовавшие в это время, – нож с прямой спинкой, шумящая подвеска, коробчатые замки и ключи к ним. Верхняя дата существования поселения может быть определена по крестику с рельефным изображением распятия, который М.В. Седова датировала XII в., и по калачевидному кресалу без язычка, которое распространяется, по Б.А. Колчину, с конца XI в. (*Колchin*, 1982. С. 163).

Таким образом, время существования поселения Минино 5 можно определить X – началом XII в. С момента своего возникновения поселение было финно-угорским. Доказательством этому, в первую очередь, служит местная керамика, значительная часть которой близка керамике белозерской ветви, а также керамике конца I – начала II тыс. н.э. Волго-Окского района, Ярославского Поволжья (*Макаров*, 1991. С. 136). Среди финно-угорских древностей можно найти аналогии обнаруженным на Минино пяти вещам – подвеске со щитком треугольной формы и бубенчиками-привесками, фрагментам других шумящих подвесок, бронзовым флаконовидным бусам, ножу с пря-

мой спинкой и другим изделиям. Подвеска, идентичная подвеске с треугольным щитком, обнаружена в погребении располагающегося рядом грунтового могильника Минино I, который принадлежал поселению Минино 5. Сооружения, исследованные на поселении Минино 5, – постройки, очаги – близки сооружениям, обнаруженным на финно-угорских селищах бассейна Шексны и Верхней Волги. Так, некоторые постройки и очаги имеют аналогии на поселении Телешово, располагающемся на р. Согоже в Пошехонье (Кудряшов, 2003. С. 151). Корытообразные очажные ямы обнаружены А.Н. Башенькиным при раскопках поселения Никольское 6 на р. Суде, а также автором при исследовании шекснинских селищ (Башенькин, 1985; Кудряшов, 1999). Близкий по конструкции очаг обнаружен на поселении вблизи Сарского городища (Леонтьев, 1996. Рис. 30, 2). Известны такие очаги на Сухоне, на поселении Царева 1, исследованном М.В. Иванищевой (1996. С. 30).

Расцвет селища приходится на X–XI вв. Именно в это время оно превращается в развитый торгово-ремесленный центр. Этому способствовали еще сохранившиеся ресурсы пушного зверя и проходивший в непосредственной близости от Минино 5 шекснинский международный торговый путь. К X–XI вв. могут быть отнесены наземные постройки с большими подпольными ямами, а также наземные постройки с очагами в корытообразных ямах. В конце XI – начале XII в. на поселение проникают древнерусские круговая посуда, изделия – шиферные пряслица, бронзовый крест-тельник. Появляются новации и в строительстве построек, очагов – сооружаются наземные постройки с печами-каменками, печами с подпечными ямами. Эти изменения, безусловно, связаны с появлением на рубеже XI–XII вв. вблизи Минино 5, на противоположном берегу р. Большой Юг, двух крупных древнерусских селищ Минино 4 и Минино 2, размерами соответственно 1 и 3 га. Поселение Минино 5 прекращает свое существование в начале XII в. Связано ли это с уходом местного финно-угорского населения или с быстрой ассимиляцией его древнерусским населением, неизвестно. Находки древнерусской керамики происходят из верхних пластов культурного слоя, большая часть круговой керамики происходит с раскопа 2.

Подводя итог вышезложенному, следует отметить, что материалы, полученные в результате раскопок Минино 5, достаточно хорошо иллюстрируют исторические процессы, происходившие на р. Шексне и во всем Белозерье в X – начале XII в. В X в. четко прослеживается близость культуры местного финно-угорского населения с культурой населения Волго-Окского междуречья. Материалы Минино 5 и других селищ X в., исследованных на Шексне, свидетельствуют о перемещении в это время части населения Поволжья, Волго-Клязьминского междуречья на Север, в частности на Шексну и Белое озеро. Близкие культуры вновь пришедшего населения и местных финно-угров сливаются. Они образуют сплав новой культуры, которую исследователи относили к культуре белозерской веси.

В X и даже в XI в. финно-угорское селище Минино 5 продолжало жить своей традиционной жизнью, своим укладом. Его население занималось ремеслом, добычей пушнины, торговлей, представляя собой островок относи-

тельной стабильности местного финно-угорского мира. Лишь к концу XI в. древнерусская культура с ее носителем – многочисленным древнерусским населением проникает в округу, растворяя в себе культуру этого небольшого этнического сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- Башенькин А.Н.,* 1985. Исследования в Юго-Западном Белозерье // АО 1983 г.
- Голубева Л.А.,* 1973. Весь и славяне на Белом озере. М.
- Довженок В.Н.,* 1967. Древнерусские городища на Среднем Днепре // СА. № 4.
- Иваницева М.В.,* 1996. Поселение Царева 1 в Южном Заволочье // Известия ВОИСК. Вологда. Вып. V.
- Колчин Б.А.,* 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Кудряшов А.В.,* 1999. Средневековая история Череповецкой округи по археологическим данным // Череповец: Историко-краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.
- Кудряшов А.В.,* 2003. Поселение и могильник у д. Телешово на реке Согоже // Археология: история и перспективы: Первая межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль.
- Кудряшов А.В., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.,* 2003. Технологические традиции в кузнецком ремесле населения Средней Шексны // РА. № 4.
- Леонтьев А.Е.,* 1996. Археология мери. М.
- Львова З.А.,* 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. № 10.
- Макаров Н.А.,* 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.
- Макаров Н.А.,* 1991. Лепная керамика поселения Крутик // Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Минасян Р.С.,* 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 21.
- Мокрушин М.Л.,* 1999 Средневековая керамика памятников Средней Шексны Минино V и Шексна I // Молодые исследователи Вологодской области: I Межвуз. студенч. науч. конф. (15 апреля 1999). Вологда.
- Седова М.В.* 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Л.В. Кольцов

К ВОПРОСУ О МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЯХ¹

Под термином “инновация” в данном контексте понимается нововведение, возникающее в том или ином человеческом сообществе. Инновации, как кажется, следует делить на абсолютные и относительные. Абсолютными надо считать изобретения, впервые появляющиеся вообще. К относительным нужно причислить такие явления, которые появляются в данной культуре на данной территории, хотя уже были известны ранее где-то в другом месте и в культуре, может быть, даже другого времени. Существует серия безусловно абсолютных инноваций в мезолите. Относительных же нововведений, естественно, больше, они есть почти в каждой культуре.

Инновации следует различать еще по некоторым категориям: 1) нововведения в технологии и технике обработки орудий; 2) появление новых категорий изделий; 3) освоение новых видов экономики; 4) новинки в социальной сфере; 5) новые типы поселений и жилищ.

Все основные приемы технологии обработки камня (раскалывание, ретуширование, сверление, шлифовка) были уже известны в палеолите. Поэтому их нельзя считать абсолютными инновациями. Однако часть их можно признать относительными новшествами. В качестве примера приведу появление шлифовки в культурах бутовской (Кольцов, Жилин, 1999), кундской (*Indreko*, 1948), комса (Шумкин, 1993), аскола-суомусярви (*Matiskainen*, 1989). В непосредственно им предшествовавших культурах позднего палеолита такой технологии не было.

Единственной, пожалуй, абсолютной инновацией в этой области можно считать изобретение пиления камня. Оно применялось в тех культурах, где начали обрабатывать плохо колющиеся породы (например, сланец). Этот прием документируется находками песчаниковых пил в мезолите Прионежья (Филатова, 1996).

Что касается технологии обработки кости и рога, сейчас невозможно что-либо сказать с полной уверенностью, так как, насколько мне известно, технология обработки этих материалов в финальном палеолите серьезно не изучалась.

Нет абсолютных инноваций и в технике вторичной обработки. Применившиеся в мезолите виды ретуши, приемы резцового скола, микрорезца, двусторонней оббивки были знакомы населению палеолита.

---

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”, проект 1.4.

Долгое время было принято считать одним из основных признаков мезолита микролитические кремневые изделия. Некоторые специалисты даже до сих пор находят возможным говорить о мезолите только в связи с появлением геометрических форм микролитов. Однако при этом забывают, что уже в очень ранних позднепалеолитических культурах (улудкой, поздних этапах селетской, перигордьенской) микролиты, в том числе и геометрические, уже встречались (*Kozłowski J.K., Kozłowski S.K., 1975*). Поэтому, с моей точки зрения, ни в коем случае нельзя связывать появление микролитов в той или иной культуре с ее мезолитическим возрастом.

Если мы обратимся к типологическому списку микролитов мезолита, разработанному С.К. Козловским (*Kozłowski S.K., 1980*), которого придерживаются сейчас многие специалисты, то увидим, что подавляющее количество их форм уже встречалось в позднепалеолитических памятниках. Это прежде всего геометрические микролиты: трапеции, треугольники, сегменты, ромбы. Известны в ряде палеолитических культур и острия разных типов, широко распространенные в мезолите: ланцетовидные, ромбовидные, с заступленным краем и ретушированные по другому краю основанием, типов Ставинога, Коморница, Маглемозе. То же можно сказать и о многих других формах микролитов.

Однако ни в одной из позднепалеолитических культур микролиты не имели такого значения, как в мезолитических. В первых, они всегда занимают подчиненное положение по сравнению с другими категориями орудий, во вторых – преобладающее. Это вполне объяснимо. Большинство микролитов служило так или иначе для оснащения основного метательного вооружения эпохи мезолита – стрел. Одни из них были непосредственно наконечниками этого оружия, другие – его составными частями. Отсюда их неоценимо большое значение в инвентарях мезолитического времени. Можно сделать вывод, что именно в мезолите индустрия микролитов достигла максимального расцвета в каменных комплексах.

При этом есть некоторые формы микролитов, которые можно расценивать как абсолютные инновации. Это микролиты нижнерейнской культуры – “листья омелы”, наконечники и треугольники с двусторонней ретушью. Таких форм ни в одной из предшествующих мезолитических и палеолитических культур не было. От солюtre с его двусторонней плоской ретушью нижнерейнскую культуру (конец VII–VI тыс. до н.э.) отделяет значительный хронологический разрыв. Поэтому появление такой техники обработки и форм микролитов здесь, думается, можно оценить как абсолютную инновацию.

Такой же инновацией, видимо, можно считать употребление в мезолите костяных наконечников стрел. Формы же их в подавляющем большинстве нельзя оценивать как абсолютную инновацию, так как некоторые из них или уже были известны в плейстоцене, или являлись производными от форм финального палеолита. Пожалуй, только два типа – одно- или двушипные острия – не употреблялись в финальном палеолите. Абсолютной инновацией были и тупые стрелы, применявшиеся, как принято считать, для охоты на пушных животных (*Жилин, 2001*).

Чтобы не отвлекаться, надо сказать, что остальные категории костяных орудий мезолита тоже были известны в палеолите (шилья, иглы, ножи, кинжалы и т.д.). Абсолютной инновацией в этой сфере были только роговые и костяные муфты для вставок лезвий топоров, а также рукоятки для них же и других орудий.

Рубящие орудия – тоже не мезолитическое изобретение. В конце финального палеолита в ряде памятников Восточной и Центральной Европы появляются как одиночные, так и серийные находки рубящих орудий (см., например: *Римантене*, 1971). К категории рубящих и долотовидных форм можно отнести и палеолитические *pieces escaillées*. Все эти факты свидетельствуют о достаточно прочной идее получения орудий с рубящими и долотовидными функциями до мезолита.

Однако только в мезолите эти категории орудий получили практически повсеместное распространение. Их почти нет в двух культурах, относящихся к совтеррско-тарденузскому культурному кругу (боберг и нижнерейнской). Во всех остальных рубящие орудия составляют важную часть инвентаря. Разнообразится качественный набор этой категории: это и топоры, и тесла, и долота, и кайла, и мотыги. Используются и разные заготовки, и различные технические приемы обработки, и разные формы.

Единственной абсолютной инновацией можно признать здесь, пожалуй, валиковые топоры, появившиеся в VII тыс. в маглемозе.

Таким образом, и микролиты, и рубящие орудия, играющие часто роль культурных определителей мезолита, в основной массе следует считать лишь относительными инновациями этой эпохи: они являются инновациями только в том случае, когда их не было в культурах, на основе которых сложилась данная мезолитическая культура. Разумеется, в каждом конкретном случае требуется особая оценка: являются ли они нововведениями. Тем не менее, их разнообразие и стабильность следует признать завоеванием мезолитических общин.

Среди каменных орудий все же надо отметить еще три, с моей точки зрения, абсолютных инноваций. Первая из них – изготовление каменных наверший булав из галек с помощью сверления, впервые почти одновременно появившихся в культурах маглемозе и британского маглемозе (VII тыс. до н.э.). Размеры их различны, встречены они на нескольких стоянках в Дании, Швеции и Англии (*Kozłowski J.K., Kozłowski S.K.*, 1975; *Althin*, 1954; *Rankine W.F. and Dimbleby W.M.*, 1960). Второй я бы назвал каменные шлифованные кинжалы, найденные в памятниках позднего этапа культуры аскола-суомусярви (VI тыс. до н.э.). Они тоже достаточно распространены, имеют длину до 17 см (*Matiskainen*, 1989). Третьей были секировидные мотыги, найденные в культуре веретье (VII тыс. до н.э.). Они известны по раскопкам С.В. Ошибкиной на стоянке Веретье. Имеют длину до 22 см (*Ошибкина*, 1983).

Серьезная инновация произошла в экономике. Именно в мезолите рыболовство приобрело статус вида хозяйства. Думается, что в палеолите, хотя рыба и употреблялась в пищу, оно не было целенаправленным, а представляло собой случайное явление, случайное дополнение охоты. В палеоли-

те рыба, особенно лосось, могла ловиться при ее ходе на нерест. Однако серьезным видом хозяйства рыболовство в то время, по-видимому, называть не стоит.

В мезолите мы сталкиваемся с другим порядком вещей. Рыболовство становится в большинстве культур одним из основных видов экономики, существенно дополнявшим охоту. Такое положение этого вида производства пищевых ресурсов вызвало к жизни изобретение именно в мезолите ряда специальных средств производства – рыболовных орудий. Их появление значительно облегчало добывчу рыбы.

Одним из первых таких орудий был рыболовный крючок. Самые ранние крючки известны уже в VIII тыс. до н.э. (например, стоянка кундской культуры Пулли: *Jaanits L., Jaanits K.*, 1978). Крючки найдены в памятниках многих культур мезолита: кундской, бутовской, рессетинской, веретье, маглемозе. Они встречены цельные и составные, имели разные размеры, т.е. различные крючки могли применяться для ловли рыб разного размера и, возможно, разных видов.

В нескольких культурах (бутовской, дуфензе, сухонской) обнаружены блесны из кости. Это тоже мезолитическая инновация.

В памятниках нескольких культур (маглемозе, конгемозе, бутовской; *Clark*, 1975; *Кольцов, Жилин*, 1999) встречены остатки верш. Датировка их различна: в основном, это бореал и атлантик. В торфянике Вис I обнаружен деревянный обруч, который служил наружным кольцом верши (*Burow*, 1973). В остальных случаях, как правило, они предстают в археологических материалах в виде развала лучин, иногда со следами подработки или поперечного стягивания.

Еще одним мезолитическим изобретением в области рыболовства были сети. Их остатки найдены в нескольких местах мезолитической ойкумены. Одной из них была находка в Антреа на Карельском перешейке (ныне Ленинградская обл.). Она – из двойных веревок из ивой коры, оснащена 18 продолговатыми поплавками из сосновой коры. К сети такими же веревками было прикреплено 31 грузило, по расположению которых удалось установить, что сеть имела размеры 27–30 × 1,3–1,5 м. Установка такой сети была возможна только с лодки. Относится к культуре аскола-сумусярви (*Кларк*, 1953). Вторая находка происходит из местонахождения Сийвертси (г. Нарва). Здесь были обнаружены остатки сети из лыковой веревки, грузило, обвязанное такой же веревкой, и поплавок из сосновой коры. Относится к кундской культуре, к началу атлантика (*Indreko*, 1948).

На нескольких стоянках были найдены поплавки от сетей. В Веретье 1 они из сосновой коры, имеют разную форму, но обязательно просверленное или пробитое в центре отверстие (*Ошибкина*, 1983). Аналогичные находки сделаны на ряде стоянок бутовской культуры. Похожие поплавки есть в стоянке Хоен Фихельн (культура дуфензе; *Schuldt*, 1961).

Нет нужды говорить о каких-то типах сетей, поскольку таких находок еще очень мало. Обращают на себя внимание только некоторые закономерности конструкции сетей: обнаруженные их остатки всегда изготовлены из растительных материалов, которые менее подвержены растягиванию,

чем сухожилия, снабжены поплавками из сосновой коры, которые меньше намокали и поэтому могли долго служить, и грузилами из обычных камней. Создается впечатление, что данные материалы отбирались сознательно для изготовления сетей. Конечно, это не значит, что не было сетей из сухожилий или ремней. Но они пока до нас не дошли. Те же, что обнаружены, дают определенные устойчивые признаки. Возможно, прошло какое-то время для выработки стандартов.

Важными инновациями мезолита было внедрение средств передвижения. Оно стало возможным после широкого распространения деревообрабатывающих орудий.

Одним из таких средств были лодки. Найдок лодок эпохи мезолита пока немного. Одна обнаружена в Голландии, в Пессо. Судя по радиоуглеродному определению (6520 ± 295 г. до н.э.), она относится к культуре дуфензе. Лодка – типа долбленики. Она сделана из ствола сосны. При обработке употреблялось выжигание и выдалбливание. Ее размеры: длина 3 м, ширина 45 см, высота 30 см. Такая лодка обладала, разумеется, небольшой грузоподъемностью и могла использоваться при рыбной ловле, хотя не исключено ее употребление и для транспортных нужд (Rozoy, 1978).

Вторая лодка обнаружена в Шотландии, около Перта. Она тоже была долбленикой, сделана из сосны и датирована не раньше бореала. Сохранившаяся часть имеет длину около 1,8 м (Clark, 1953).

О наличии лодок в целом ряде других культур косвенно могут свидетельствовать находки весел, хотя нельзя исключить, что они могли употребляться при движении на плоту. Одно из них относится к раннему британскому маглемозе, обнаружено на стоянке Стар Карр. Весло сохранилось не целиком, оно имеет расширенную по сравнению с рукоятью лопасть, на одном из сохранившихся краев выступающее ребро. Лопасть была, вероятно, овальной, рукоятка округлая. Размеры сохранившейся части: длина 45 см, ширина лопасти около 4 см, толщина ее 2,5 см, ширина рукоятки 2,5 см, ее толщина 2,7 см. Весло сделано из сосны. Датируется преобразом (Clark, 1954).

Второе весло найдено на стоянке Дуфензе 1. Оно имеет широкую лопасть, сделанную в виде углубленной лопаты, и узкую рукоятку. Сохранилось не очень хорошо: лопасть сильно выщерблена, рукоятка сломана на конце. Дата – начало бореала. Длина 67,5 см, длина лопасти 32,5 см, ширина ее 25 см, толщина рукоятки 5 см. Весло из Хольмегаарда IV (культура маглемозе; конец бореала) представлено тоже обломком с выделенной лопастью, которая расположена асимметрично к рукоятке. Длина 30 см, длина лопасти 20 см, ширина ее 3,5 см, ширина рукоятки около 1,5 см. Таким веслом легче грести, сидя на корме лодки.

Два одинаковых весла найдены на конгемозской стоянке Руде 2. Это так называемые весла-гребки с широкими лопастями и короткими рукоятками. Такими веслами можно было грести, только сидя на дне лодки.

Найдена лопасть весла и на бутовской стоянке Окаемово 5. Ее длина 58 см, ширина 11 см, сохранился кусок рукоятки длиной 5 см (Кольцов, Жилин, 1999).

Следовательно, уже в мезолите обнаруживается несколько типов весел: длинное симметричное, длинное асимметричное и весло-гребок. Они, вероятно, предназначались для разных видов гребли, а возможно, и для разных типов лодок. Ведь не исключено, что кроме долбленок существовали лодки из коры или кожи, которые до нас не дошли. В свою очередь, лодки разных типов могли предназначаться для разных целей: или для транспорта, или для охоты, или для рыбной ловли.

По-видимому, в мезолите были созданы и лыжи. Во всяком случае, в торфянике Вис I найдены передние части двух широких лыж (максимальная ширина 11 и 12 см), которые вполне могли использоваться не для скольжения, а как лыжи-снегоступы (*Burow*, 1973).

Были изобретены в мезолите и сани. Они документируются по находкам санных полозов. Первым был обнаружен полоз в Хейнола (Финляндия). Он имеет длину около 3,8 м, изготовлен, как теперь выясняется, из кедровой сосны, произраставшей тогда на этой территории. Датируется бореалом. Второй полоз такого же типа был найден в Саариярви (Финляндия). Он датируется началом атлантического периода. По-видимому, оба относятся к культуре аскола-сумусярви. Серия полозьев известна из торфяника Вис I. Однако полной уверенности в их мезолитическом возрасте нет. Как считает Г. Кларк, указанные финские полозья принадлежат двуполозным саням типа нарт с приподнятой платформой. Существовала ли собачья упряжка, не ясно, так как нет предметов, достоверно связанных с упряжью. Однако полностью отбрасывать эту возможность оснований тоже нет.

В области домостроительства и обустройства поселений основное количество принципов конструкций было уже известно в финальном палеолите. Это и использование деревянного каркаса, и выкладки из камней, и земляночные и полуземляночные постройки. Однако все же есть и абсолютные мезолитические инновации. Это сооружение помостов на заболоченных участках. Такие помосты известны в культурах британского маглемозе (Стар Кэрр; *Clark*, 1954), дуфензе (Дуфензе 1; *Bokelmann*, 1971), маглемозе (Улькеструп 1; *Brinch-Petersen*, 1973), бутовской (Берендеево 3; *Кольцов*, 1989). Их сооружение тоже стало возможным в связи с широким освоением деревообработки.

В организации поселений прослеживается еще одна абсолютная инновация: кольцевая планировка расположения жилищ (Юнгдорф) в постмаглемозской хойнице-пеньковской культуре. Никаких нововведений в социальной организации в мезолите по сравнению с финальным палеолитом мы пока проследить не можем.

Таким образом, мезолитическая эпоха дала значительную серию абсолютных инноваций во многих сторонах жизни первобытного человека, тем самым сделав свой вклад в общечеловеческий прогресс: это нововведения и в технологии обработки камня, и новые формы орудий, и новая отрасль экономики – рыболовство, и новинки в постройках и обустройстве поселений.

Однако еще больше была группа относительных инноваций, которая возобновляла “забытое старое”. Они имели огромное значение для населения

данной конкретной общности, хотя уже не были первичным вкладом в развитие материальной культуры. Не буду приводить примеры, так как их очень много во всех отраслях человеческой деятельности и почти во всех культурах.

Разумеется, каждая из изложенных мною в предлагаемой статье в конспективной манере инноваций требует в дальнейшем особой детальной разработки. Думается, новые исследования смогут их осветить более подробно, а новые открытия смогут пополнить их число.

ЛИТЕРАТУРА

- Жилин М.Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.
- Кларк Г., 1953. Доисторическая Европа. М.
- Кольцов Л.В., 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М. (Археология СССР).
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья: Памятники бутовской культуры. М.
- Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
- Римантене Р.К., 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.
- Филатова В.Ф., 1996. Мезолит // Археология Карелии. Петрозаводск.
- Шумкин В.Я., 1993. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб.
- Althin C.-A., 1954. The Chronology of the Stone Age Settlement of Scania, Sweden // Acta Archaeologica Lundensia. Lund. Ser. № 4.
- Bokelmann K., 1971. Duvensee, ein Wohnplatz des Mesolithikums in Schleswig-Holstein, und die Duvenseegruppe // Offa. Bd. 28.
- Brinch-Petersen E., 1973. A Survey of the Late Palaeolithic and Mesolithic of Denmark // The Mesolithic in Europe. Warsaw.
- Burrow G.M., 1973. Die mesolithischen Kulturen im ausserten europäischen Nordosten // The Mesolithic in Europe. Warsaw.
- Clark J.G.D., 1954. Excavations at Star Carr. Cambridge.
- Clark J.G.D., 1975. The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. Cambridge.
- Indreko R., 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm.
- Jaanits L., Jaanits K., 1978. Ausgrabungen der frühmesolithischen Siedlung von Pulli // Изв. АН ЭстССР. Обществ. науки. Таллин. Вып. 27.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K., 1975. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa.
- Kozłowski S.K., 1980. Atlas of the Mesolithic in Europe. Warsaw.
- Matiskainen H., 1989. The Chronology of the Finnish Mesolithic // The Mesolithic in Europe. Edinburgh.
- Rankine W.F. and W.M., Dimbleby G.W. 1960. Further Excavations at a Mesolithic Site at Oakhanger, Selborne, Hants // Proceedings of the Prehistoric Society. London. Vol. XXVI.
- Rozoy J.-G., 1978. Les Derniers Chasseurs. Charleville. Vol. 2.
- Schuldt E., 1961. Hohen Viecheln, ein mittelsteinzeitlicher Wohnplatz in Mecklenburg. Berlin.

Г.Г. Король

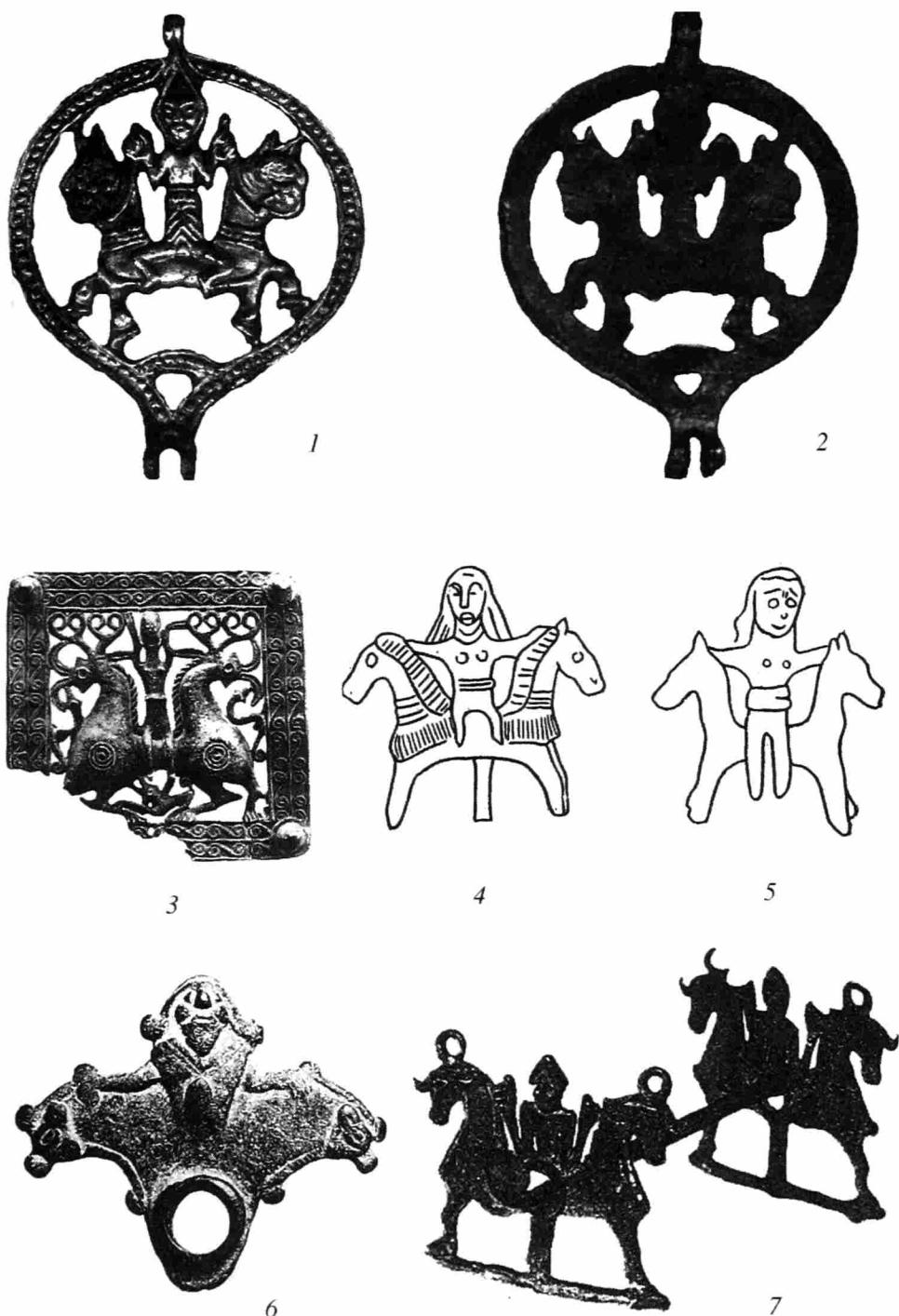
СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ВСАДНИК НА ПАРНЫХ КОНЯХ: ИСТОКИ ИКОНОГРАФИИ И СЕМАНТИКА¹

Среди северокавказских древностей известен могильник X–XI вв. Колосовка, расположенный в гористой местности в районе поселка с одноименным названием на р. Фарс, левом притоке р. Лабы в Закубанье (Адыгея). Результаты обследования могильника и раскопок средневековых погребений частично опубликованы автором раскопок П.А. Дитлером (1961; 1985). Некоторые материалы были использованы в работах Н.Г. Ловпаче (1978; 1980), посвященных изучению художественной обработки металла X–XIII вв. Найдены хранятся в Адыгейском республиканском краеведческом музее в Майкопе. Среди них есть бронзовые позолоченные ажурные подвески – украшения конской сбруи. Две такие подвески представляют изображения всадника на парных конях (одна чуть лучше сохранилась). Исследованию истоков иконографии и семантики этого сюжета и посвящена работа.

В окружную рамку (рис. 1, 1) внешним диаметром 4,2 см, увенчанную псевдозернью, заключена симметричная фигура, представляющая композицию из двух соединенных вместе протом коней с передними ногами и головами, повернутыми в разные стороны. Головы коней даны в три четверти оборота, ноги обозначают движение. На крупне сидит наездник с поводьями, зажатыми в руках, которые согнуты в локтях и подняты к плечам и чуть выше. Фигура изображена анфас, колени разведены в стороны, пятки приподняты. На лице отчетливо изображены глаза и надбровные дуги, переходящие в линию носа, небольшой рот. Нижняя часть лица изображена неотчетливо, детали не проработаны, но по складке под носом, клинообразному подбородку, т.е. по общей конфигурации, можно предположить, что это лицо с бородой и усами². Выделены конический островерхий головной убор всадника, широкий пояс в виде двух горизонтальных полос и вертикальных с легким наклоном вправо полос между ними, какие-то детали одежды (?) от пояса до бедер, фаллические признаки. Так же четко выделены элементы конской упряжи. На верхней части морды коня (на обеих подвесках это четче слева, справа изображение “стерто”), на месте глаз отчетливо видна восьмилепестковая розетка диаметром 0,5 см. По мнению Л.В. Коньковой, эти розетки изначально – результат ремонта или украшения изображения миниа-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям”.

² На второй подвеске на нижней части лица – почти сплошной “наплыv” металла. По мнению д.и.н. Л.В. Коньковой (выражаю благодарность за информацию), это могло быть либо результатом повреждения металла, либо подвеска отлита по оттиску, уже имевшему подобный дефект, появившийся, возможно, в результате неудачной доработки по воску при отливке по оттиску с образца, на котором нижняя часть лица была смоделирована иначе.

Рис. 1. Сюжет “Всадник на парных протомах коней”

1, 2 – сбруйная подвеска из могильника Колосовка (бронза, позолота); 3 – бляха из Грузии (бронза) (по: МАК. Табл. СXXXIV, 4); 4 – фигурка из Закавказья (бронза) (по: Погребова, 1984. Табл. XVI, 1); 5 – фигурка из Луристана (бронза) (по: Погребова, 1984. Табл. XVI, 2); 6 – псалий из Луристана (бронза) (по: SPA. PL. 27A); 7 – удила из Луристана (бронза) (по: Древности... 1992. № 234)

тюрной художественной отдельной заклепкой или бляшкой, возможно, при отливке изделия по оттиску образца с доработкой в процессе изготовления. Рассматриваемые экземпляры могут быть также отливкой по оттиску уже отремонтированного или украшенного изделия³. В итоге получено “изображение” розетки. Подобные художественные заклепки такого же диаметра с орнаментированными головками в виде многолепестковой розетки известны в качестве креплений-украшений фигурных начальника и сбруйной бляхи из могильника X–ХII вв. Андреевская Щель под Анапой (*Армарчук, Новичихин, 2004. Рис. 1, 3; 2, 1; Конькова, 2004. Рис. 3, 7*). Аналогичные отдельные украшения такого же размера есть и среди находок в Колосовке (*Дитлер, 1985. Табл. IV, 28, 29*).

Опубликовавший прорисовку подвески Н.Г. Ловпаче (1978. Рис. 4, а) справедливо отметил композиционное сходство с известной бронзовой ажурной бляхой из Грузии (рис. 1, 3), на которой – парные протомы коней-оленей с восседающим посредине женским божеством со спущенными вниз ногами и поднятыми вверх руками, касающимися рогов животного (выделены половые признаки фигуры и рельефный ободок пояса). По аналогиям из раскопок закавказские ажурные бляхи датируются II в. до н.э. – II в. н.э., подобный сюжет известен, по-видимому, в единственном экземпляре (*Техов, 1969. С. 59, 60; Пчелина, 1968. С. 146, 147*). М.Ш. Хидашели, исследовавший художественную бронзу античной Грузии, обратил внимание на поразительное сходство этой ажурной бляхи с отдельными бронзовыми изделиями более раннего времени из Луристана (Иран), предположив общую древнюю мифологическую основу, относящуюся к воззрениям о женском божестве – покровительнице животных и плодородия (*Хидашели, 1970. С. 113, 114; Khidasheli, 1974. S. 360, 361*).

Ф. Ганчар, обосновывая мнение о близости одновременных культур Кавказа и Луристана, привлек две одинаковые бронзовые статуэтки из Закавказья, изображающие женскую фигуру анфас, восседающую (ноги спущены вниз) на парных протомах коней (*Hançar, 1934. Abb. 31*). Для нас в этих статуэтках интересны, помимо самой композиции, такие детали, как рельефный пояс фигурки и тщательная передача убранства коней (рис. 1, 4). Подобная статуэтка, но без тщательной проработки деталей, известна из Луристана (рис. 1, 5). Все три фигурки подробно описаны М.Н. Погребовой (1984. С. 136). В такой композиции изображались и мужские фигуры в коллекции луристанских бронз. Например, фигуры на псалиях удил. Один вариант (рис. 1, 6) – восседающая на парных протомах быков фигура анфас

---

³ Следует обратить внимание на обратную сторону (рис. 1, 2). Сохранившиеся следы, видимо, круглых в сечении крепежных штырьков на мордах коней – в точках пересечения горизонтальной линии от “переносицы” и вертикальной линии на морде справа (наклонной на морде слева) от ближайшего к всаднику уха коня, не связанных с лепестковой розеткой на лицевой стороне (ниже нее), – свидетельствуют о том, что первоначальное изделие, которое использовалось для создания ажурных подвесок, выглядело как самостоятельная фигурка, крепившаяся на какую-то основу с помощью штырьков, впоследствии снятых до основания. Но их следы остались, и они отчетливо различимы на новых изделиях – ажурных сбруйных подвесках.

(ноги не изображены или плохо различимы) с рельефным фаллосом. Другой (рис. 1, 7) – по-видимому, мужская фигурка, изображена по пояс, руками человек держит коней за гривы или узду (?), на голове персонажа конический островерхий головной убор.

По мнению М.Н. Погребовой, мотив “двуглавого животного” особенное развитие, с разнообразием и художественной законченностью вариантов, получил в культуре луристанских бронз VIII–VI вв. до н.э. Ею же подробнейшим образом рассмотрены как вопросы общей датировки луристанских бронз, так и мотив “двуглавого животного”, т.е. парных протом животных, в том числе с изображением божества между ними – схема, характерная (!) для луристанского искусства, – как в искусстве Закавказья, так и Ирана (Погребова, 1977. С. 20, 21; 1984. С. 131–145, 164–167). Ею привлечена и прекрасная иллюстративная подборка Б.А. Литвинского, включающая всадников и всадниц на “двуглавых конях” (Луристан, Закавказье), “спаренных протом коней” и других животных (Луристан, Средняя Азия, этруски), сарматские знаки и их аналогии, в том числе в русском орнаменте, солнечные колесницы, в том числе с протомами коней, с восседающим на них божеством в росписи, резьбе по камню в индийском искусстве рубежа эр – начала I тыс. н.э.

К этой подборке ярких примеров можно добавить известную бляху из Александропольского кургана скифской эпохи (Украина) с изображением анфас крылатой богини, восседающей (со спущенными вниз ногами) на парных протомах животных с передними ногами и головами, повернутыми в разные стороны (Артамонов, 1961. Рис. 17). Мотив солнечной колесницы (о культе небесных и солнечных богов и образе конной колесницы подробнее см.: Кузьмина, 1977. С. 40, 41) с восседающим божеством в средневековом искусстве Византии представлен сюжетом, в котором на колеснице восседает божественный император-триумфатор (Банк, 1978. Рис. 7), или же широко распространенным сюжетом “Вознесение Александра Македонского” с грифонами, обращенными в разные стороны (головы их чаще повернуты к центральному персонажу) (Даркевич, 1975. С. 154–159, рис. 227 и др.).

Б.А. Литвинский, исследуя истоки культа божественных близнецовых у народов Средней Азии, обратил внимание и на широкое распространение мотива обращенных в разные стороны протом коней в тагарском и таштыкском искусстве Южной Сибири (середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) (Литвинский, 1978. С. 116–118. Табл. 26–33)⁴. Кроме того, этот мотив, в том числе изображение животных с передними ногами, впоследствии исчезнувший, хорошо известен и в раннесредневековой южносибирской культуре чатас VI – середины IX в. (Кызласов, Король, 1990. Табл. XVII, 11–20).

Отмечу широкое распространение в средневековые, начиная с середины I тыс. н.э., обращенных в разные стороны протом коней, в том числе с передними ногами (IV–V вв.), в Прикамье, на Южном Урале, на севере Европейской части России и в Среднем Поволжье. В X–XI вв. появляются подвески

⁴ К литературе по тагарскому и таштыкскому искусству можно добавить, например: Вадецкая, 1999. Табл. 47, 4; 67; 68 и др.; Семашкевич, 2000. С. 126–133. Замечу, что в таштыкское время появляются протомы коней (лосей) с передними ногами.

с изображением человеческой личины на петле между протомами коней (Голубева, 1966. Рис. 5, 7, 9; 1979. Рис. 22. Табл. 17–20 и др.; Оборин, 1970. С. 15–20; 1976. Рис. 36б, 37 и др.; Казаков, 1992. С. 178, рис. 22, 6, 7 и др.; Иванова, Куликов, 2000. Рис. 57–60 и др.; Крыласова, 2001. С. 61, 63 и др.). Мотив всадника на протомах коней или на конях, соединенных корпусами, хорошо сохранился в русской народной вышивке (Маслова, 1978. Рис. 56а, в; 64).

Коньковые привески (парные протомы) известны в раннесредневековой культуре Хазарского каганата как импорт из регионов с финно-угорским населением и как элемент особой группы салтовских древностей, возможно имеющей тюркский компонент в своем составе. По мнению В.Е. Флёровой, этот тип амулетов на Северном Кавказе не фиксируется, и “связывать его с алансским компонентом, вероятно, не следует” (Флёрова, 2001. С. 43–47). Отмечу все же известные мне коньковые привески из Северо-Восточного Причерноморья VIII–IX вв. (Крым..., 2003. Табл. 64, 7; 88, 42–44) и находку позднеаланского времени из Змейской (Археологические раскопки..., 1961. Табл. XI, 4) – сбруйную застежку с птичьими протомами⁵. Собственно салтовские “двуглавые коньки”, по мнению В.Е. Флёровой, являются парными протомами верблюдов или птиц. Происхождение их, как и амулетов с соколиными головками, она связывает с двуглавыми антропозооморфными фибулами VI–VII вв., известными в Поднепровье и Крыму⁶. Некоторые из них с изображением Великой богини с протомами животных или птиц, обращенных головками к центру, наводят на мысль о древнем прототипе этого сюжета, известном по луристанским бронзовым навершиям из двух и более ярусов вытянутой вверх композиции (SPA. Pl. 45A–C; Древности..., 1992. № 281, 282). Таким образом, мотив парных протом как таковой (в разных вариациях) привел опять к луристанской бронзе.

Вернемся к сюжету из Колосовки и отметим стилистические черты, в которых косвенно проявлены элементы, восходящие к переднеазиатскому искусству. Это: 1) ажурность; 2) включение смысловой композиции в замкнутое пространство, в том числе круг; 3) сама композиция – парные протомы коней с повернутыми в разные стороны головами и антропоморфная фигура между ними; 4) композиция отдельными симметричными точками соприкасается с окаймляющей пространство рамкой (кругом); 5) детали изображения: на человеческой фигуре – пояс и выделенные половые признаки, на конях – украшение упряжи.

---

⁵ Головки обращены клювами вверх, хохолками вниз – по типу протом на фибулах из Мартыновки (Поднепровье) и более схематичных – из Крыма, см.: Флёрова, 2001. Рис. 7, 17–19.

⁶ Айбабин, 2003. С. 40, 41; отмечу украшение полихромного стиля из Керчи конца IV – первой половины V в. – парную протому единорога с передними ногами и головами, повернутыми в разные стороны (Крым..., 2003. Табл. 14, 42); подборку поясных пряжек и накладок с птичьими протомами с соколиными головками из Восточной Европы и Северной Сирии VI–VIII вв. вместе с комплексом VI–VII вв. из Северного Ирана, где представлены протомы то ли птиц с хохолками, то ли копытных животных с подогнутыми передними ногами (Bálint, 1992. Taf. 2, 2–5; 3, 4, 5; 31). Интересно сравнить иранские находки с другими по форме накладками, декоративное оформление которых напоминает схематизированный вариант иранских (Гавриухин, Обломский, 1996. Рис. 38, 22 – Северная Италия; 42, 17, 18 – Поднепровье).

Что касается первой, второй, четвертой позиций и элементов антропоморфной фигуры пятой, то следует вспомнить хорошо известные средневековые северокавказские амулеты. В раннем средневековье были распространены амулеты в виде обнаженных мужских фигурок, иногда заключенных в круг или овал (Ковалевская, 1983. Рис. 1, 10–16, 18), в том числе с прямым длинным мечом у пояса (МАК. Табл. IV, 13). В X–XIII вв. такие изделия с “пляшущими” фигурками (ноги согнуты в коленях и повернуты в одну сторону) в рамках грушевидной формы (рис. 2, 1) известны из Колосовки и Змейской. Отмечены особенности стиля этих фигурок: “Прежде всего, это оголенность фигур, согнутые в локтевых суставах руки, широко растопыренные пальцы, поясная повязка, фаллические признаки... амулет на шее” (Дитлер, 1961. С. 150–153; МАК. Табл. СХХХ, 8)⁷. В стилистических деталях изображений можно увидеть отдаленные реплики, напоминающие луристанские ажурные изделия первой половины I тыс. до н.э.

Среди разных антропозооморфных луристанских композиций, центром которых являются антропоморфные фигуры с согнутыми в локтях, поднятыми или разведенными и поднятыми руками, касающимися рамки (SPA. Pl. 41A, C, D), есть два интересных для нас предмета. Один – навершие “штандарт”, в круг которого вписаны четыре пляшущие, одетые и опоясаные фигурки, взявшись за руки (прорисовка одной из них: рис. 2, 3). Другой – сбруйное кольцо с вписанной в него стоящей на прямых ногах богиней с рогами (SPA. Pl. 58E). Особо выделенный на ней пояс практически аналогичен поясу всадника из Колосовки, а грудь выделена кружочками, как на амулетах с Северного Кавказа, руки разведены почти так же, как у “пляшущих” фигурок из Колосовки и Змейской.

Таким образом, и эта группа средневековых предметов сохраняет отдельные черты, хотя и с измененными деталями, древнего переднеазиатского стиля. Напомним, что В.А. Кузнецов на материалах роскошно декорированного металла из Змейского могильника выделил в фигурных изображениях декора три стилевые линии – кавказскую; пережитки скифского звериного стиля; переднеазиатскую (Археологические раскопки..., 1961. С. 132). К этому добавим наблюдения, сделанные при исследовании антропоморфных бронзовых фигур сарматского времени. В качестве сарматских (иранских) элементов их оформления среди прочих выделены: сопровождение обнаженного персонажа одним предметом костюма (это может быть головной убор или пояс), специфическое положение ног в “позе всадника” (Яценко, 2001). В колосовских подвесках (со всадником и танцором) присутствуют эти элементы, хотя их сочетание и стилистика изображений отличаются от сарматских памятников.

Предложенные наблюдения подчеркивают глубину истоков средневековых сюжетов, уходящих корнями в переднеазиатское искусство I тыс. до н.э.

⁷ Отмечу замечание Л.В. Коньковой по поводу оборотной стороны подвески из Колосовки. На ней (рис. 2, 2) отчетливо видны следы остатков трех крепежных окружных в диаметре штырьков. Они также свидетельствуют, как уже отмечалось, о том, что первоначальный образец фигурки, с которой отливалась подвеска, имел иную крепежную систему и, возможно, другое назначение и не был подвеской.

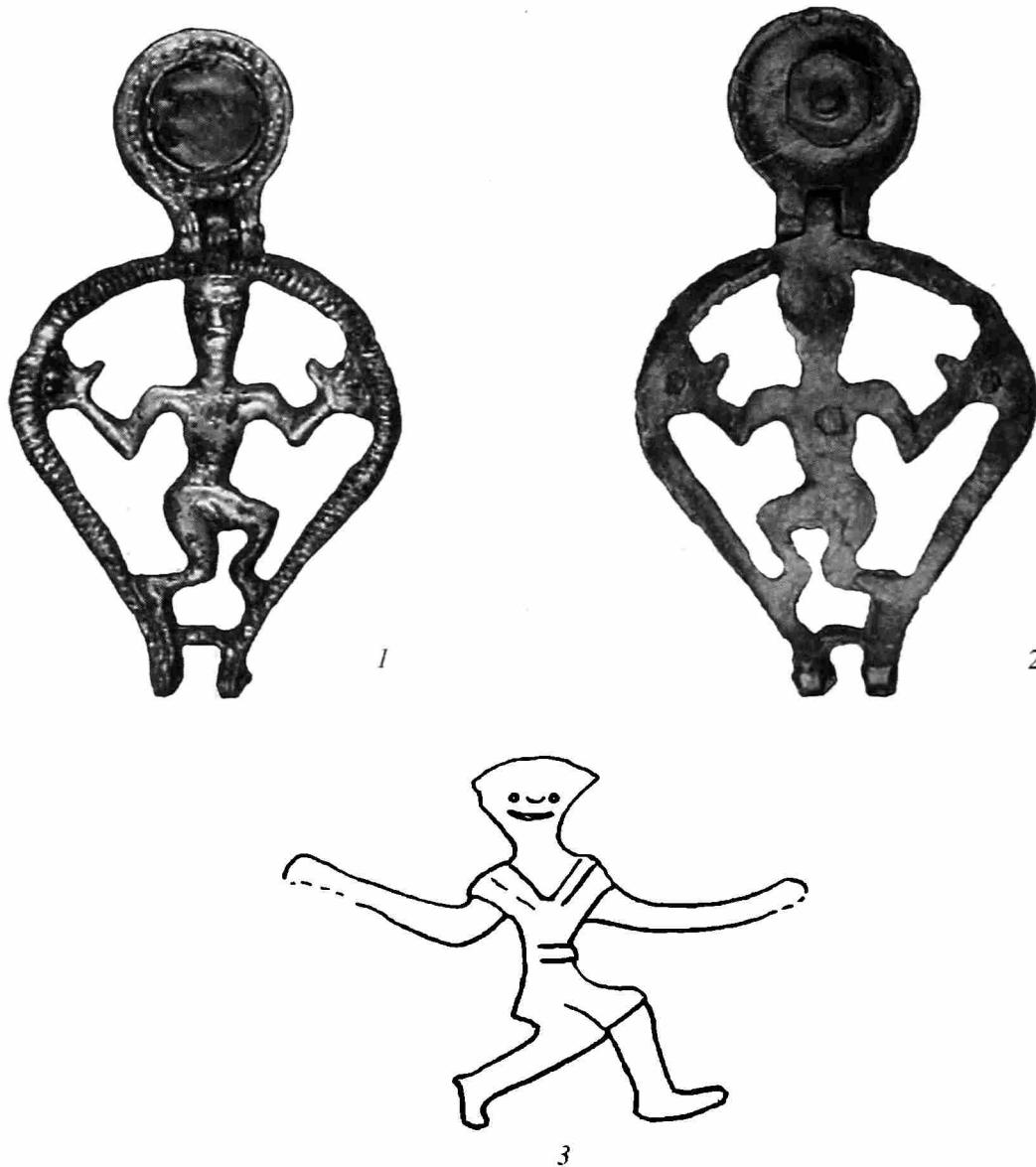

Рис. 2. Сюжет “Пляшущий человек”

1, 2 – сбруйная подвеска из могильника Колосовка (бронза, позолота); 3 – деталь композиции навершия из Луристана (бронза) (прорисовка автора по: SPA. Pl. 42)

и сохраняющих отдельные стилистические особенности его иконографии. Промежуточными ступенями было искусство Кавказа I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. (Пчелина, 1969; Техов, 1969; и др.) и, вероятно, первоначальные неизвестные нам образцы, послужившие основой для создания рассмотренных ажурных сбруйных подвесок. Такие глубинные корни, по-видимому, подпитывались и общими или очень близкими воззрениями, имеющими часто общечеловеческое распространение.

Вернемся к мотиву парных протом коней, в том числе в сочетании с антропоморфной фигурой в центре, и обратимся к его возможной семантике.

Многие исследователи приводят наблюдения по этому вопросу на материалах культур разных народов от древности до современности. Они единодушны в том, что мотив отражает древний и повсеместно распространенный близнический культ и связанный с ним культ диоскуровой триады (небесные братья-близнецы и дочь Солнца). В индоевропейской культурной традиции символом близнецовых явления являются кони. Последние (или олени у многих народов) – символ солнца. Сочетание этих фигур с кругом, считающимся у большинства народов солярным или лунарным (астральным) символом, усиливает семантическую значимость всей композиции. Изображение антропоморфной фигуры между протомами коней, да к тому же с подчеркнутыми первичными половыми признаками, рассматривается как образ бога или богини, покровителей животных и плодородия (парные протомы как символ близнецовых, двойного плода, сами символизируют плодородие и изобилие)⁸. На подвеске из Колосовки, сохранившей на морде коней восьмилепестковую розетку (о происхождении которой сказано выше), символика связи с солнцем и плодородием дополнительно подчеркнута этой деталью, что является оригинальным дополнением. Оголенность фигур носит языческий характер. Предполагается, что, возможно, фигуры нагих мужчин с изображением отдельных деталей одежды были “шаманскими онгонами” и несли большую смысловую нагрузку или изображали языческих жрецов и связаны с архаическим фаллическим культом плодородия (Кузнецов, 1984. С. 181, 186).

В культурах разных народов “двуглавые” животные, птицы воспринимаются охранителями. Предметы с такими изображениями считались культовыми и магическими, служили амулетами-оберегами, которые должны были обеспечить владельцу защиту, благополучие, возможность исцеления от болезни. Коньковые подвески у финно-угорских народов были принадлежностью исключительно женского костюма. У этих народов, у русских Севера они связывались и с магией плодородия. У народов Северного Кавказа в вышивке, ювелирных изделиях, т.е. предметах широкого использования, также хорошо известен мотив “парных животных, обращенных в разные стороны”. Такие изображения являлись оберегами от враждебных сил (см., например: Голубева, 1966. С. 80; 1979. С. 6, 44, 53, 62; Галкин, 1978. С. 226–229; Марковин, 1988. С. 120; Иванов, Топоров, 1994а. С. 154; Денисова, 2001. С. 84, 85; Рыжакова, 2002. С. 76–81).

Таким образом, на примере сюжета с всадником на парных конях и привлеченного изображения “пляшущей” человеческой фигурки на сбруйных подвесках из могильника Колосовка X–XI вв. (Адыгея) удалось проследить древность самих сюжетов, уходящих корнями в переднеазиатское искусство

⁸ Подробнее о символике мотивов, в том числе в культуре народов рассматриваемых регионов Восточной Европы, Кавказа и Передней Азии, см.: Dussand, 1949. Р. 196–229; Goldman, 1961. Р. 171–186; Грибова, 1975. С. 78–80 (мотив солнечного коня); Иванов, 1978. С. 84–89 и др. соч.; Ремпель, 1987. С. 24–28 (Зверино-астральные символы. Конь); 52–54 (Диморфные существа. Человек-бык (корова); 89–92, 96 (Богиня с конями); Рыбаков, 1987. С. 198–204; Яценко, 1992. С. 65, 66 (сюжет 2); Голан, 1994. С. 22–32 (Солнце); 48–50 (Солнечный конь...); 132–135 (Близнецы...); 159–164 (Священная триада); 193 (о фаллическом культе); Иванов, Топоров, 1994б. С. 528, 529; и др. упоминавшиеся выше авторы.

и его мифологию. Древность смысловой значимости (семантики) сюжетов вряд ли осознавалась в средневековье. На Кавказе были свои мифоэпические предания и сказания, отражающие как воззрения местного населения, так и инородные влияния в разные исторические эпохи. Восприятие таких сюжетов, известное по этнографическим материалам, скорее всего, было наиболее распространенным и в средневековый период. Кроме того, выявлено сохранение отдельных иконографических деталей, очень близких древним образцам, при, разумеется, совершенно другом общем художественном стиле изделий, соответствующем своей эпохе. Такие сохраняющиеся через века детали декора, несмотря на периодическую смену преобладающих художественных стилей, подтверждают способность декоративного искусства накапливать во времени самые "консервативные" элементы, которые, по-видимому, имели первоначально особое ритуально-магическое или идентификационное (опознавательное) значение. Они и служат "следами", по которым можно выяснить истоки изобразительных особенностей более позднего искусства.

ЛИТЕРАТУРА

- Айабин А.И., 2003. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М. (Археология).
- Армарчук Е.А., Новичихин А.М., 2004. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника "Андреевская щель" // КСИА. Вып. 216.
- Артамонов М.И., 1961. Антропоморфные божества в религии скотов // АСГЭ. Вып. 2. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе. 1961.
- Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.
- Вадецкая Э.Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Галкин Л.Л., 1978. Символика джучидских монет // Проблемы советской археологии. М.
- Голан А., 1994. Миф и символ. М.
- Голубева Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3.
- Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59.
- Грибова Л.С., 1975. Пермский звериный стиль. М.
- Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.
- Денисова И.М., 2001. Прялки зоо-орнитоморфного типа в контексте этнической истории Русского Севера // ЭО. № 2.
- Дитлер П.А., 1961. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. Т. II.
- Дитлер П.А., 1985. Могильник Колосовка № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. Древности страны Луров: Каталог выставки. СПб., 1992.
- Иванов В.В., 1978. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1994а. Балтийская мифология // МНМ. М. Т. 1.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1994б. Индоевропейская мифология // МНМ. М. Т. 1.
- Иванова М.Г., Куликов К.И., 2000. Древнее искусство Удмуртии. Ижевск.
- Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.
- Ковалевская В.Б., 1983. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 176.
- Конькова Л.В., 2004. Состав металла и технология изготовления украшений конской сбруи из могильника "Андреевская щель" // КСИА. Вып. 216.

- Крыласова Н.Б.*, 2001. История прикамского костюма. Пермь.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М., 2003. (Археология.)
- Кузнецов В.А.*, 1984. Очерки истории алан. Орджоникидзе.
- Кузьмина Е.Е.*, 1977. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Кызылсов Л.Р., Король Г.Г.*, 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.
- Литвинский Б.А.*, 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.
- Ловпаче Н.Г.*, 1978. Художественная обработка металла у адыгов (Х–XIII вв.) // Культура и быт адыгов. Майкоп. Вып. II.
- Ловпаче Н.Г.*, 1980. Изображение зверей в торевтике адыгов // Культура и быт адыгов. Майкоп. Вып. III.
- Марковин В.И.*, 1988. К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Маслова Г.С.*, 1978. Орнамент русской народной вышивки. М.
- Материалы по археологии Кавказа. СПб., 1900. Вып. VIII.
- Оборин В.А.*, 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск. Вып. 9.
- Оборин В.А.*, 1976. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь.
- Погребова М.Н.*, 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
- Погребова М.Н.*, 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Пчелина Е.Г.*, 1969. Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии // Изв. Юго-Осетинского НИИ. Цхинвали. Вып. XV.
- Ремпель Л.И.*, 1987. Цепь времен: Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент.
- Рыбаков Б.А.*, 1987. Язычество Древней Руси. М.
- Рыжакова С.И.*, 2002. Язык орнамента в латышской культуре. М.
- Семашкевич В.Э.*, 2000. К проблеме семантики загадочных предметов тагарской культуры // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.
- Техов Б.В.*, 1969. Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии // СА. № 4.
- Флёррова В.Е.*, 2001. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.
- Хидашели М.Ш.*, 1970. Некоторые религиозно-культовые параллели между Кавказом и Луристаном: Резюме // Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси. Вып. III.
- Яценко С.А.*, 1992. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ. Вып. 2.
- Яценко С.А.*, 2001. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности // Этнокультурные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья. Ижевск.
- Bálint C.*, 1992. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe: Das Grab von Üc Tepe (Sowj. Azerbajdžan) und der beschlagverzierte Gürtel im 6. und 7. Jahrhundert // Awarenforschungen. Wien. Bd. 1.
- Dussand R.*, 1949. Anciens bronzes du Louristan et cultes Iraniens // Syria. Paris. Vol. XXVI, fasc. 3–4.
- Goldman B.*, 1961. Some aspects of the animal deity: Luristan, Tibet, and Italy // Ars Orientalis. IV.
- Hančar F.*, 1934. Kaukasus-Luristan // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki. Vol. IX.
- Khidasheli M. Sh.*, 1974. Mythological motifs on the bronze articles of the Caucasus and Luristan // Acta antiqua. Budapest. Vol. XXII, fasc. 1–4.
- A Survey of Persian Art. Tokyo, 1964–1965. Vol. 7.

Е.М. Веремейчик, А.В. Шекун

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕСКОВОЕ

Недостаточная степень исследованности сельских поселений и разных категорий находок на определенном уровне развития вызвала существование неточных представлений в археологической науке. Так, у археологов в середине XX в. утвердилось мнение о том, что среди женских украшений сельского населения Древней Руси преобладали бусы (Фехнер, 1959. С. 150) и не использовались стеклянные браслеты (Арциховский, 1948. С. 241; Щапова, 1972. С. 104). Эти выводы были сделаны на основании материалов исследования сельских курганных некрополей Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в которых стеклянные браслеты фактически отсутствовали. Однако среди женских украшений, найденных на сельских поселениях как центральных регионов Черниговской земли, так и в целом Южной Руси, находки браслетов из стекла численно значительно преобладают над другими категориями украшений из стекла и металла. Исследователи зачастую лишь упоминают об этих находках, без детального анализа и изучения химического состава стекла (Коваленко, Моця, 1992. С. 10; Веремейчик, 1996. С. 69; Моця и др., 1997. С. 48; Петрашенко, 1997. С. 142; 2005. С. 103–106; Шекун, Веремейчик, 1997. С. 82; Коваленко, 2003. С. 154). В последних публикациях на находки стеклянных браслетов на сельских поселениях обращают внимание и исследователи других регионов Руси, в том числе и Сузdalского Ополья (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2004. С. 29). И только стеклянные изделия поселения Настасьино под Москвой подвергались специальному исследованию с точки зрения морфологии и химического состава (Кузина, 2004. С. 66–68; Столярова, 2004. С. 69–73).

Среди сельских поселений Южной Руси стеклянные украшения Лескового изучены наиболее полно (Шекун, Веремейчик, 1999. С. 58–60). Поселение Лесковое (вторая половина IX – первая половина XIII в.) расположено на обоих берегах в верховьях р. Белоус (летописной Беловес), в 2 км северо-западнее с. М. Листвен. По реке Белоус в древности проходил водный путь Чернигов – Любеч. Комплекс археологических памятников у с. М. Листвен – два городища и примыкающие к ним поселения – исследователи локализуют как летописный Листвен, упомянутый в летописи под 1024 г. (Коваленко, Шекун, 1984. С. 70).

Поселение Лесковое является наиболее изученным в регионе междууречья нижнего течения Десны и Днепра (около 14 000 м² исследованной площади). Культурный слой, расположенный на правом берегу р. Белоус (условное название Лесковое 1), датируется второй половиной IX – серединой XIII в., культурный слой противоположного, левого берега (Лесковое 2) – XI – серединой XIII в. (Шекун, Веремейчик, 1999. С. 9).

Среди категорий вещей, обнаруженных в результате многолетних исследований поселения, отдельную и достаточно многочисленную группу составляют украшения из стекла – фрагменты браслетов, перстни и бусы. Численно преобладают стеклянные браслеты – их найдено 373 фрагмента, в то

время как браслетов и их частей из различных металлов на Лесковом найдено только 9 (целых и фрагментированных). Из поселения также происходят обломки стеклянных перстней (6 экз.) и бусы (19 экз.).

По морфологическим признакам (форма поперечного сечения обруча браслета, размеры, декор и цвет) рассматривались 356 фрагментов стеклянных браслетов. Остальные 17 фрагментов по различным причинам утратили форму, цвет либо вообще рассыпались и поэтому не могут быть предметом исследования. Подавляющая часть браслетов встречена во фрагментарном состоянии, только два сохранились практически полностью и еще свыше 30 – наполовину. У большинства браслетов поперечное сечение составляет 4–7 мм, но иногда встречаются и более массивные, имеющие размер сечения более 10 мм. Результаты морфологического изучения фрагментов стеклянных браслетов приведены в таблице 1.

Таким образом, на Лесковом найден 241 фрагмент (68%) крученых стеклянных браслетов, 77 (21%) гладких круглых, 9 (3%) рубчатых, и 3 (1%) витых браслетов. Браслетов сложных форм встречено немного – 26 фрагментов (7%), в том числе 7 фрагментов треугольной формы и 19 – полукруглой. У 50 круглых в сечении браслетов зафиксировано перевитие одной–трех линиями, выполненные желтым, красным и черным цветами. На одном фрагменте браслета зафиксирован декор в виде широкой желтой полосы. Два полукруглых браслета орнаментированы листиками. Фрагмент браслета светло-синего цвета, с размером поперечного сечения 6 × 4 мм, по внешней поверхности декорированный желтыми листиками, происходит из постройки 19 Лескового 1, которая на основании керамического материала датируется серединой XI в. (ан. 2010) (*Шекун, Веремейчик, 1999. С. 13*). Еще один фрагмент браслета темно-синего цвета происходит из культурного слоя Лескового 1. Размеры его поперечного сечения 10 × 5 мм, по внешней поверхности браслет украшен желтыми и светло-зелеными листиками (рис. II). Фрагмент витого браслета желтого цвета из постройки 57 середины XII – первой половины XIII в. Лескового 2 имеет в середине спираль красного цвета диаметром 1 мм (рис. III). Подобные браслеты встречаются очень редко и в небольших количествах. Они известны в Новгороде, Смоленске, Белоозере (*Полубояринова, 1963. С. 174*). Таким образом, на Лесковом декорировано 15% браслетов. Следует отметить, что несколько фрагментов браслетов имеют заглаженные линии кручения и шаг спирали почти в два раза больше, нежели обычный. По устному сообщению Е.К. Столяровой, это может свидетельствовать о ремонте браслета, когда из обломка путем растягивания изготавливали новый браслет (*Столярова, 2005*).

По цветовой гамме рассматривались 176 фрагментов браслетов Лескового 1 и 180 фрагментов Лескового 2. Практически половину всех браслетов составляют темные. Среди них выделены 103 (29%) браслета оливкового цвета, остальные 60 (17%) – черного, среди которых есть два фрагмента темно-коричневого цвета. Синие браслеты тоже разбиты по цвету на две группы. Первая – темно-синие браслеты, окрашенные окисью кобальта, их 22 (6%), вторая – светло-синие, иногда практически голубые, окрашенные окисью меди и марганца, их 20 (6%). В целом, синих браслетов 12%, фиолетовых

Таблица 1. Стеклянные браслеты поселения Лесковое

Форма, вид	Цвет						Всего	%
	черные	оливковые	темно-синие	светло-синие	зеленые	фиолетовые		
Лесковое 1								
Крученые	20	44	13	13	7	10	1	121
Гладкие круглые	6	8	2	3	2	3	30	69
Рубчатые	2	2	—	—	—	—	7	17
Полукруглые	1	2	4	—	2	1	12	4
Треугольные	1	2	1	—	—	—	4	7
Витые	1	1	—	—	—	—	2	7
Всего	31/18%	59/34%	20/11%	16/9%	11/6%	19/11%	14/8%	100
С декором	—	—	1	1	—	—	—	1
Перевитые цветной нитью	7	11	—	—	2	—	1	13
Лесковое 2								
Крученые	18	29	1	3	20	30	12	120
Гладкие круглые	8	10	1	1	11	8	5	47
Рубчатые	1	1	—	—	—	—	—	26
Полукруглые	1	2	—	—	1	2	—	1
Треугольные	1	2	—	—	—	—	—	4
Витые	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего	29/16%	44/25%	2/1%	4/2%	32/18%	40/22%	18/10%	100
Перевитые цветной нитью	5	8	—	—	2	7	5	15
Итого	60/17%	103/29%	22/6%	20/6%	43/12%	59/16%	32/9%	100
Лесковое-1 и Лесковое-2							17/5%	356

59 (16%), зеленых 43 (12%), а бирюзовые и желтые составляют, соответственно, 9 и 5%.

Цветовая гамма браслетов отдельных частей поселения (Лесковое 1 и Лесковое 2) несколько различается. На Лесковом 2 темных браслетов почти на 12%, а синих почти в 6 раз меньше, чем на Лесковом 1. Это можно объяснить незначительным количеством на Лесковом 2 браслетов, попавших из Византии и Причерноморья, которые практически не встречаются в комплексах первой половины XIII в. Однако почти в два раза больше встречено фиолетовых и зеленых браслетов, а бирюзовых и желтых приблизительно поровну. Возможно, такое цветовое соотношение связано с особенностями датировки построек обеих частей поселения. Большинство объектов Лескового 1 с находками браслетов датируется второй половиной XII в., а Лескового 2 – концом XII – первой половиной XIII в. Как известно, цветовая гамма стеклянных браслетов отличается по памятникам и по времени их бытования (*Щапова, 1974. С. 77*). Но иногда она еще существенно отличается и в одновременных объектах одного памятника. Так, на Лесковом 2, в жилой постройке 25 середины XII – первой половины XIII в., обнаружено 18 фрагментов фиолетовых браслетов, что составляет практически половину от всех учтенных в этой постройке, хотя в других одновременных постройках их количество не превышает 10%. В целом, цветовая гамма стеклянных браслетов Лескового очень близка коллекции браслетов из Любеча (*Щапова, 1972. С. 166*).

Для изучения химического состава стеклянных браслетов с поселения Лесковое было проведено 23 спектральных анализа. Исследования проводились в спектральной лаборатории Черниговского отделения УкрНИГРИ (спектроскопист Л.Г. Сербина, спектрограмма от 3 февраля 1999 г.). Этих анализов недостаточно для оценки всей коллекции стеклянных браслетов с поселения, однако они дают возможность выявить основные рецептурные варианты стекла. Методика анализа позволяет установить процентное соотношение в стекле всех микродобавок от 0,0001%, основных элементов в пределах до 5%, а также провести приблизительную оценку количественного состава элементов в пробе в пределах от 5 до 20%.

Для анализов отобраны 22 браслета (6% от общего количества всех выявленных на памятнике), а также заполнение тигля, преимущественно из комплексов, существовавших в середине XII – первой половине XIII в. Лескового 1 и 2 (табл. 2).

На Лесковом 1 анализировались браслеты из хозяйственной постройки 19, жилой постройки 26, ремесленной постройки 51 и из культурного слоя.

Хозяйственная постройка 19, прямоугольной формы, площадью около 10 м² содержала керамический и вещевой материал середины XI в. Из ее заполнения происходит фрагмент браслета светло-синего цвета с желтыми листиками на внешней поверхности (ан. 2010) (рис. 1).

Постройка 26 находилась практически в центре исследованного участка поселения Лесковое 1 и представляла собой жилище на нежилом подклете (7 × 4,2 × 0,7 м) с остатками отопительного сооружения, обнаруженного слева от входа. Найдены концентрировались в верхних слоях заполнения и в

Таблица 2. Результаты полуколичественного спектрального анализа стеклянных браслетов с поселения Лесковое*

Шифр лаборатории Предмет	2042	2043	2044	2045	2046	2065	2048	2066
№	142/1981	120/1983	103/1983	125/1983	129/1983	130/1983	105/1983	153/1983
Цвет	Светло-ко- ричневый п. 26 Леск.-1	черный	зеленый	сиреневый	зеленый	черный	светло-жел- то-зеленый	черный
Место находки		K/c возле п. 51 Леск.-1
Al	0,1	0,1	0,15	0,05	0,03	0,05	0,03	≈ 3
V		0,002	0,003	0,001	0,00015	0,0002	0,0002	0,005
Ga		5	3	1	3	≈ 3	0,7	≈ 3
Fe	1,5	0,05	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02	0,02
Ca		0,001						
Co	5	20	20	7	5	3-5	7	10-15
Si	0,05	0,07	0,1	0,05	0,05	0,05	0,05	0,005
Mg	0,005	0,01	0,05	0,3	0,02	0,005	0,005	0,03
Mn	0,05	0,003	≈ 1	0,002	0,7	0,001	0,003	0,003
Cu								
Mo	0,00015	0,005	0,003	0,0003	0,0003	0,001	0,0003	0,0005
Na	0,02	0,3	0,1	0,03	0,02	0,015	0,02	0,7
Ni	0,0003	0,0002	0,0004	0,0001	0,00015	0,0003	0,0003	0,002
Sn	0,01	0,0004	0,1	0,1	0,1	0,0003	0,01	0,0007
Pb	15-20	≈ 10	7	5	≈ 2	≈ 15	≈ 2	много
Ti	0,01	0,05	0,07	0,015	0,015	0,01	0,007	0,1
P								
Cr						0,0001	0,005	0,01
Zn						0,03		
Zr						0,7		≈ 5
K	1,5	5	3					

Шифр лаборатории	2051	2054	2055	2056	2057	2058	2059	2060
Предмет	браслет 138/1983	браслет 28/1985	брраслет 30/1985	брраслет 25/1985	брраслет 64/1985	брраслет 61/1985	брраслет	брраслет
№							52/1985	69/1990
Цвет	светло-зеленый	темно-зеленый	темно-зеленый	голубой	светло-зеленый	фиолетовый	черный	темно-зеленый
Место находки	п. 51 Леск.-1	п. 4 Леск.-2	п. 4 Леск.-2	п. 4 Леск.-2	п. 6	п. 6	п. 6	п. 25 Леск.-2
Al	1	0,07	0,07	0,02	0,03	0,05	0,1	0,15
V	0,05	0,0003	0,0003	0,002	0,01	0,015	0,02	0,05
Ga	0,0015							
Fe	≈ 10	2	3	0,7	1,5	1,5	≈ 5	4
Ca	1	0,03	0,02	0,015	0,07	0,07	0,05	0,015
Co	0,001						0,001	
Si	25	5	5	1,5	1,5	10	15	25
Mg	0,5	0,05	0,03	0,03	0,15	0,05	0,07	0,07
Mn	0,1	0,01	0,015	0,1	0,015	0,15	0,02	0,03
Cu	0,05	0,1	0,002	≈ 0,7	≈ 3	0,05	0,03	0,005
Mo	0,005	0,0003	0,0003	0,005	0,007	0,01	0,002	0,005
Na	1	0,03	0,05	0,03	1	1	0,2	0,15
Ni	0,003		0,0001	0,0001	0,0007	0,0002	0,0003	0,00015
Sn	0,3	0,0005	0,003	0,07	0,05	0,01	0,01	0,0005
Pb	15–20	≈ 3	≈ 10	≈ 15	> 20	> 20	≈ 15	≈ 20
Ti	0,2	0,03	0,02	0,007	0,07	0,02	0,01	0,02
P	0,5							
Cr	0,007						0,0002	0,0015
Zn	0,01						0,005	
Zr	0,007						много	2
K	0,5	0,5	1,5	1,5	0,05	0,07	0,005	2

Таблица 2 (окончание)

Шифр лаборатории	2061	2062	2063	2064	2007	2009	2010
Предмет	браслет 71/1990	браслет 65/1990	браслет 74/1992	браслет 55/1992	браслет 30/1987	браслет 34/1989	браслет 59/1980
№							
Цвет	фиолетовый п. 25	бирюзовый п. 25	оливковый п. 54	бирюзовый п. 54	синий к/с.	фиолетовый яма 30	светло-синий п. 19
Место находки	Леск.-2	Леск.-2	Леск.-2	Леск.-2	Леск.-1	Леск.-2	Леск.-1
Al	0,07 0,05	0,3 0,03	0,15 0,05	0,07	0,2 0,001	0,1 0,0005	следы 0,0003
V							
Ga	1,5 0,01	1,5 0,1	4 0,02	0,7 0,05	≈ 3 0,3	≈ 1,5 0,003	≈ 0,7 следы
Fe							
Ca					0,1	≈ 20	следы
Co							≈ 5
Si	20	15	15	3	≈ 20		
Mg	0,05	0,07	0,07	0,03	0,15	0,1	0,07
Mn	0,2	0,1	0,03	0,005	0,05	0,2	0,02
Cu	0,003	≈ 1	0,03	≈ 1	0,001	0,003	≈ 1
Mo	0,005	0,001	0,0015	0,00015	0,0002	0,0003	0,001
Na	0,2	0,02	0,2	0,015	> 5	0,05	≈ 1
Ni	0,0001		0,00015		0,0002	0,00015	0,00015
Sn	0,0005	0,03	0,15	0,005	0,001	0,0004	≈ 10
Pb	≈ 20	3	5	≈ 1	≈ 0,5	> 5	> 5
Ti	0,015	0,1	0,1	0,01	0,02	0,05	0,005
P							
Cr				0,0001	0,0003	0,003	
Zn	0,003	0,01	0,005	5	0,003	0,003	0,05
Zr	15	0,5			мало		
K							

* В таблицах приведены следующие сокращения: к/с – культурный слой; Леск. – Лесковое; п. – постройка.

культурном слое, прилегавшем к жилищу. Среди многочисленного вещевого материала в постройке обнаружены пять фрагментов браслетов (рис. IV), один из них взят для анализа (ан. 2042).

Постройка 51 находилась на южной периферии поселения, на расстоянии около 140 м от берега р. Белоус, на значительном удалении от жилой застройки. Она обнаружена в виде пятна черной супеси, насыщенной углами и обожженной глиняной обмазкой со следами прутьев. В восточной части постройки, на площади около 1 м² зафиксирован массив глины, обожженной до красного цвета, в котором обнаружены куски стенок и пода отопительного сооружения и шлаки с поверхностью светло-голубого цвета. Стены сооружения, по-видимому, были из легких деревянных конструкций, обмазанных глиной. Незначительная углубленность сооружения в материк обусловила плохую сохранность. В заполнении обнаружен керамический тигель с осте-кленной внешней поверхностью (высота 9 см, диаметр 3 см), наполовину за-полненный стеклообразной массой темно-серого цвета (рис. 1; 2). В культурном слое около мастерской обнаружено свыше 50 фрагментов стеклянных браслетов. Заполнение тигля и семи браслетов взяты для анализа (ан. 2043–2046, 2065, 2048, 2066, 2051).

На Лесковом 2 анализу подверглись браслеты из четырех жилых комплексов (постройки 4, 6, 25, 54) и ямы 30. Постройка 4 представляла собой полуземляночное жилище прямоугольной формы ($4 \times 4,5 \times 0,7$ м) с входом, расположенным с северной стороны ($1,5 \times 2,2$ м), и печью справа от него. В заполнении обнаружены фрагменты шести браслетов, у трех из них взяты анализы (ан. 2054–2056).

Постройка 6 представляла собой хорошо сохранившуюся трехкамерную постройку на жилом подклете с котлованом, размерами $11,5 \times 2-3,5$ м. Постройка погибла в пожаре, поэтому остатки деревянных стен, межэтажного перекрытия и некоторые детали внутреннего интерьера хорошо сохранились. Углубленная часть жилища состояла из теплого помещения, размеры деревянной конструкции которого составляли $4,6 \times 3,5 \times 1,6$ м, с печью слева от входа. С юго-западной стороны примыкала прямоугольная холодная клеть ($2,4 \times 3-3,4$ м), а к ней – сени. В заполнении среди керамического и вещевого материала обнаружено семь фрагментов стеклянных браслетов, три из них исследованы специально (ан. 2057–2059).

Наземная, по-видимому, жилая, срубная постройка 25 зафиксирована в виде пятна черной супеси размерами $3 \times 4,5$ м, насыщенного угольками, глиняной обмазкой, кусками пода печи и многочисленными бытовыми находками и украшениями, в том числе и 30 фрагментами стеклянных браслетов. У трех взяты анализы (ан. 2060–2062).

Подклет наземной, по-видимому, тоже жилой, постройки 54 ($3,4 \times 2,8 \times 0,44$ м) имел вход с западной стороны. Среди вещевого материала заполнения постройки обнаружено 20 фрагментов стеклянных браслетов (рис. V), два из которых взяты для анализа (ан. 2063, 2064).

По цветовой гамме отобранные для анализа образцы были черного, оливкового, темно-зеленого, светло-зеленого, светло-коричневого, фиолетового, сиреневого, бирюзового, синего, голубого и светло-желто-зеленого

Рис. 1. Тигель из постройки 51
Лескового 1

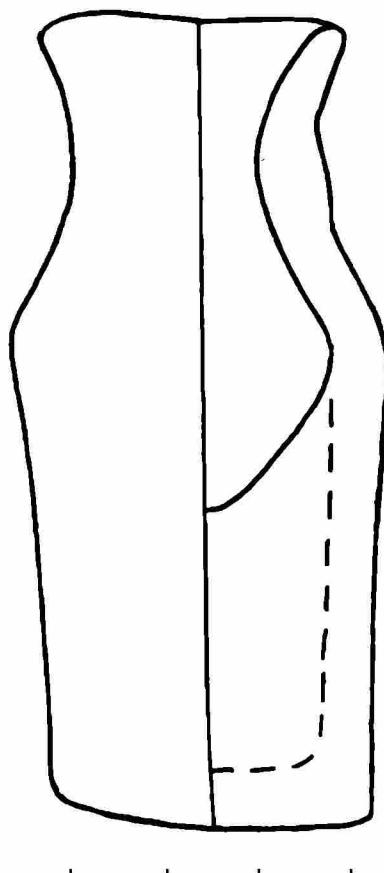

Рис. 2. Тигель из постройки 51
Лескового 1

цветов. Большинство браслетов изготовлено из свинцово-кремнеземного стекла (Pb-Si). Пять браслетов (22%) изготовлены из калиево-свинцово-кремнеземного стекла (Ka-Pb-Si) (ан. 2043, 2057, 2058, 2061, 2063), три браслета (13%) сварены на натрийсодержащем щелочном сырье (ан. 2007, 2010, 2066).

Три браслета из натрийсодержащего сырья черного и синего цветов можно отнести к византийскому стекольному производству. Браслеты из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, по мнению исследователей (Щапова, 1972. С. 112; Столярова, 2002. С. 184, 185), изготовлены в мастерских Киева.

К провинциальной древнерусской школе стеклоделия отнесены стеклянные браслеты из стекла химического класса Pb-Si (Галибин, 2001. С. 82). Около половины браслетов этого класса, найденных на поселении Лесковое, содержат в своем составе некоторое количество калия – 0,5–3%. Наличие щелочи в бесщелочном стекле Е.К. Столярова объясняет добавлением в шихту стекольного боя другого состава, в котором присутствовал калий (Столярова, 2004. С. 69). Свинцово-кремнеземное стекло вследствие своей рецептуры может иметь узкую цветовую гамму – черную, коричневую, зеле-

ную, желтую. Именно таких браслетов больше всего на Лесковом – около 50%. Браслеты из бесщелочного стекла практически отсутствуют в городах Киевской земли (*Щапова*, 1972. С. 168).

В литературе высказывалось мнение, что изготовление браслетов из свинцово-кремнеземного стекла начали мастера, знакомые с изготовлением поливы и обработкой поливной посуды и плиток пола (*Щапова*, 1972. С. 147; *Калюк*, 1988. С. 90). По-видимому, мастера, умевшие приготовить поливу, могли изготовить из нее по простейшей технологической схеме и цельностеклянную поделку. Поэтому вполне возможно, что на значительном расстоянии от крупных городских центров могли возникнуть местные браслетные мастерские на основе производства поливы для посуды и плиток пола. Ближайшими от Лескового центрами по производству поливы были Любеч, расположенный в 20 км к западу от селища, и поселение XI–XIII вв. в урочище Курганье возле с. Грабов – в 13 км на север. Часть браслетов из стеклоделательной мастерской Любеча могла попасть на Лесковое. Однако доля браслетов из мастерской, даже на Любечском городище, была очень небольшой. Ю.Л. Щапова объясняет это коротким временем существования мастерской по производству браслетов – не более 5–10 лет в середине XII в. (*Щапова*, 1972. С. 146).

На поселении Лесковое браслеты из свинцово-кремнеземного стекла обнаружены в разных комплексах, существовавших на протяжении 50–70 лет. Поэтому можно предположить, что аналогичное производство браслетов существовало и в других населенных пунктах неподалеку от Лескового. Особо следует отметить находку керамического тигля (высота 8,5 см, диаметр венчика 3,4 см, диаметр дна 3,5 см) на Лесковом I в наземной ремесленной постройке 51, в развале высокотемпературной печи. Его внутренний объем составлял около 100 мл, внутри обнаружена стекловидная масса (рис. 1; 2). Остекленная поверхность тигля образовалась в результате разогревания его до температуры около 1000 °С. Основными компонентами шихты были кремнезем и свинец, причем содержание последнего было выше 20%. В пределах от 0,5 до 1% составляли окиси Al, Ca, Mg, Na, Sn, Ti, P, K. Похожий тигель был обнаружен при исследовании стеклоделательной мастерской на территории Киево-Печерской лавры (*Каргер*, 1958. С. 405). Выше уже отмечалось, что постройка 51 находится на значительном удалении от жилой застройки середины XII – первой половины XIII в., что, по-видимому, вызвано соображениями противопожарной безопасности. И на этом удаленном от жилищ участке поселения вокруг постройки обнаружено выше 50 фрагментов браслетов, в то время как остальные находки массово присутствовали только в жилых комплексах. У семи из этих браслетов взят анализ, показавший, что пять браслетов изготовлено на основе свинцово-кремнеземного стекла (ан. 2044–2046, 2065, 2048). Таким образом, на поселении, вполне возможно, производился целый ряд технических операций из стекла класса Pb-Si, так как для изготовления такого стекла не нужны печи специальных конструкций. Свинцово-кремнеземное стекло варится при температуре до 1000 °С, которую можно достичь и в обычных печах (*Щапова*, 1972. С. 183). По крайней мере, мы можем предположить возможность ремонта изделий

из стекла и размягчение стекла для производства стеклянных браслетов. Подобные операции совершились в крепостях Городске, Колодяжне и Райках (*Шапова*, 1972. С. 151–154). Аналогичное предположение высказала и В.А. Петрашенко на основе изучения стеклянных браслетов поселения у с. Григоровка (*Петрашенко*, 2005. С. 106).

При такой небольшой выборке анализов стеклянных браслетов (22 анализа, что составляет 6% от всех выявленных на поселении Лесковое) невозможно ответить на вопрос о происхождении всех стеклянных браслетов. Для этих выводов необходимо исследование хотя бы половины коллекции стеклянных браслетов. Но уже на основе этих анализов видно, что на сельские поселения поступали браслеты не только из близлежащих стеклоделательных мастерских, но и из Киева, и с более удаленных территорий – Византии и Причерноморья.

Поселение Лесковое по находкам стеклянных браслетов не является исключением. В регионе междуречья нижнего течения Десны и Днепра учтены 193 поселения, и на 27 из них обнаружено около 600 фрагментов браслетов, причем на некоторых памятниках среди находок они количественно занимают не последнее место. Кроме Лескового, где найдено 373 фрагмента браслета, браслеты есть на поселении Шумлай (26 фрагментов), Козарках (26), Очеретянской Горе (35), Льговке (20), Киселевке Пойме (20). Следует отметить, что находки браслетов встречаются не только при археологических исследованиях, но и при сборах подъемного материала на большинстве поселений. О широком распространении стеклянных браслетов у разных социальных категорий сельского населения может свидетельствовать тот факт, что на поселениях региона исследовано 37 жилых комплексов, датирующихся XII – первой половиной XIII в., среди которых учтены полуzemляночные жилища, жилища на жилых и нежилых подклетах, многокамерные постройки и наземные жилища. В 23 из них были найдены стеклянные браслеты, что составляет 62% от всех исследованных жилищ этого периода. Следует обратить внимание на то, что некоторые жилища XII–XIII вв. были заброшены их обитателями и не содержали практически никаких находок, кроме мелких обломков керамики. Фрагменты браслетов часто встречаются также в культурном слое поселений и в хозяйственных постройках и ямах.

Браслетов из стекла очень немного в культурных слоях XI в., а в комплексах и слоях середины XII – первой половины XIII в. количество стеклянных браслетов возрастает в несколько раз. Подобное хронологическое распределение стеклянных изделий наблюдается и в древнерусских слоях городов. Сложившееся мнение об отсутствии среди украшений сельского населения стеклянных браслетов, по-видимому, объясняется тем, что длительное время о сельском населении древнерусского периода судили преимущественно по находкам из курганных могильников. В большинстве случаев курганные могильники прекращают сооружаться в XI в., по крайней мере на юге Руси, в связи с завершением процесса христианизации, а значительное распространение стеклянных браслетов начинается только в середине XII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А.В., 1948. Одежда // История культуры Древней Руси: Материальная культура. М.; Л. Т. 1.*
- Веремейчик О.М., 1996. Матеріальна культура сільського населення IX – першої половини ХІІІ ст. межиріччя нижньої течії Десни та Дніпра // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). Київ.*
- Галибин В.А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.*
- Калюк А.П., 1988. Об экспорте стеклоделательного ремесла из Киевской земли во второй половине XII в. // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев.*
- Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. 1.*
- Коваленко В.П., 2003. Торгівля // Село Київської Русі. Київ.*
- Коваленко В.П., Моця О.П., 1992. Давньоруське поселення біля с. Автуничі на Чернігівщині // Проблеми вивчення середньовічного села на Поліссі. Чернігів.*
- Коваленко В.П., Шекун А.В., 1984. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. № 4.*
- Кузина И.Н., 2004. Изделия из стекла // Средневековое поселение Настасыно. М. (Tr. Подмосковной экспедиции; Т. 2.)*
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Сузальском Ополье // РА. № 1.*
- Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П. та ін., 1997. Поселення Х–ХІІІ ст. біля с. Автуничі // Південноруське село IX–ХІІІ ст.: (нові пам'ятки матеріальної культури). Київ.*
- Петрашенко В.О., 1997. Поселення Канівського Придніпров'я // Південноруське село IX–ХІІІ ст.: (нові пам'ятки матеріальної культури). Київ.*
- Петрашенко В.А., 2005. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев.*
- Полубояринова М.Д., 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. № 117, т. III.*
- Столярова Е.К., 2002. Стеклянные предметы из раскопок в Дмитровском кремле // Археологическое изучение Подмосковья: Дмитров. Мытищи. Тарасовка. М. (Tr. Подмосковной экспедиции; Т. 1.)*
- Столярова Е.К., 2004. Химический состав стеклянных изделий // Средневековое поселение Настасыно. М. (Tr. Подмосковной экспедиции; Т. 2.)*
- Столярова Е.К., 2005. Стеклянные предметы поселения Усть-Шексна (г. Рыбинск) // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция. Ярославль.*
- Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–ХІІІ вв. М. (Tr. ГИМ; Вып. 33.)*
- Шекун О.В., Веремейчик О.М., 1997. Поселення Ліскове у верхів'ях р. Білоус // Південноруське село IX–ХІІІ ст.: (нові пам'ятки матеріальної культури). Київ.*
- Шекун О.В., Веремейчик О.М., 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів.*
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.*
- Щапова Ю.Л., 1974. Стеклянные изделия из Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М.*

Н.Н. Грибов, В.Ю. Коваль

ВОСТОЧНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ НИЖНЕГО НОВГОРОДА*

С самого начала археологического изучения г. Нижнего Новгорода и его ближайшей округи стали появляться сведения о находках керамики восточного происхождения (Гусева, 1996. Рис. 8, 11, 12), однако эта керамика еще никогда не становилась предметом специального исследования. В Нижнем Новгороде, являвшемся одним из крупнейших политических и торговых центров Руси XIII–XV вв., поступление восточных импортов (и в том числе восточной керамики) было закономерным следствием как торговых связей, проходивших по Великому Волжскому пути, активно функционировавшему в тот период, так и порубежного расположения города, в непосредственной близости от золотоордынских центров Поволжья. Другое дело – находки восточной керамики на окружающих город сельских памятниках. На сегодняшний день в окрестностях Нижнего Новгорода восточная (золотоордынская кашинная) керамика известна на трех подобных памятниках – селищах Бешенцево 2, Ближнее Константиново 1 и Ближнее Константиново 4. Подобная ситуация уникальна для Руси золотоордынской эпохи, где до последнего времени находки восточной керамики на сельских памятниках известны не были. Лишь в самые последние годы в результате широкомасштабных раскопок удалось выявить отдельные находки золотоордынских полуфаянсов на селищах Мякинино 2 и Настасьино в Подмосковье, однако эти единичные образцы не могут идти в сравнение с сельскими поселениями нижегородской округи, где известно уже более 40 находок такой керамики (в результате раскопок и разведок Н.Н. Грибова в 1994–2002 гг.) (Грибов, Иванова, Антонов, 2002. С. 136). Подобный феномен требует объяснения.

Для изучения вопроса об импорте восточной керамики на селища в окрестностях Нижнего Новгорода требуется прежде всего полная публикация этих находок. Поскольку наиболее представительная коллекция импортов происходит из раскопок селища Ближнее Константиново 1 (раскопано 1577 м²), целесообразно рассмотреть в первую очередь именно этот комплекс. Следует отметить, что по характеру встреченного инвентаря и разнообразию типов жилых построек, руководитель раскопок интерпретирует данное поселение как крупное владельческое село конца XIII – начала XV в.

Для описания образцов восточной керамики нами применялись классификационная схема и терминология, разработанные одним из авторов (Коваль, 1997а).

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 01-01-00018а) и в рамках Программы Отделения историко-филологических наук РАН “Русская культура в мировой истории”.

ФАЯНСЫ**ГРУППА 1. ЛЮСТРОВЫЕ ФАЯНСЫ**

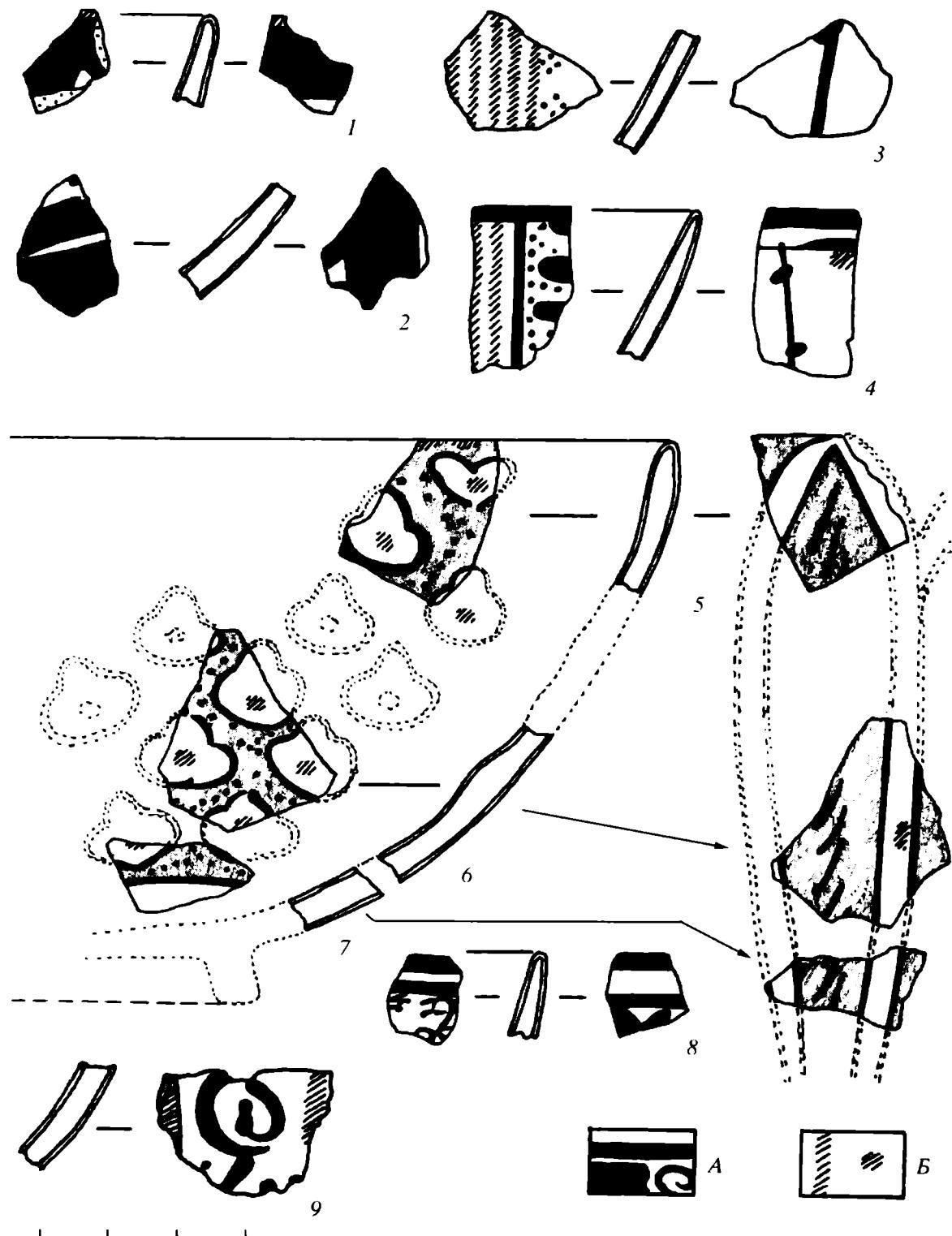
К группе люстровых фаянсов принадлежали 6 обломков от одной (?) чаши, встреченные в раскопах 1995–1997, 2000–2002 гг. Все эти обломки могли принадлежать, конечно, и различным однотипным сосудам, однако измельченность материала, найденного в переотложенном культурном слое памятника, свидетельствует скорее о том, что все обломки составляли части одной чаши, разбросанные по значительной территории. Чаша была изготовлена из белого рыхлого кашина и покрыта белой полупрозрачной поливой, с подглазурной синей росписью (полоса синей кобальтовой краски была нанесена на край чаши) (рис. 1, 1). Внешняя и внутренняя поверхности чаши были покрыты надглазурной росписью люстром зеленоватого оттенка (рис. 1, 1, 2), рисунок которой не может быть реконструирован из-за мелких размеров обломков. Люстровые фаянсы подобного облика изготавливались в Иране во второй половине XIII–XIV в. (Watson, 1985. Р. 110, 111; Oriental Islamic Art, 1963. № 26; Pope, Ackerman, 1965. Pl. 772–775; Atil, 1973. № 73, 74). Именно для иранских (так называемых “ильханских”) люстроров этого времени характерно применение рыхлого кашина, полупрозрачной поливы с подглазурной синей росписью (с обязательной синей полосой по краю чаши) и зеленоватый цвет люстра. Они известны в золотоордынских городах Поволжья (Булатов, 1968. С. 106; Коваль, 1995. Рис. 1, б) и в ряде городов Руси (в том числе и в Нижнем Новгороде).

**ГРУППА 2. БИРЮЗОВЫЕ ФАЯНСЫ
БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДЕКОРА**

К этой группе относился единственный фрагмент сосуда, изготовленного из белого кашина, покрытого с обеих сторон непрозрачной бирюзовой поливой. Бирюзовые фаянсы, менее распространенные, чем другие виды поливной посуды на кашинной основе, известны по раскопкам городов Золотой Орды (Булатов, 1968. С. 107). Изредка встречаются они и в русских городах.

ПОЛУФАЯНСЫ**ТИП 1. ПОЛУФАЯНСЫ С ПОДГЛАЗУРНОЙ ПОЛИХРОМНОЙ
(ЧЕРНОЙ, СИНЕЙ И БИРЮЗОВОЙ)
РОСПИСЬЮ И РОСПИСЬЮ КАШИНОМ**

К этому типу относились 17 обломков от одной чаши полусферической профилировки, у которой до росписи кашином фон был закрашен серой краской (рис. 1, 5–7; IV, 1). Чаша была изготовлена из белого рыхлого кашина и покрыта бесцветной прозрачной глазурью. Орнаментация внутренней поверхности состояла из рядов трилистников, между которыми нанесены ряды мелких черных точек (в центре дна, очевидно, находился круглый ме-

Рис. 1. Люстровые фаянсы (1, 2) и полуфаянсы с подглазурной росписью
А – люстр (1, 2), черная краска (3–7, 9), зеленая краска (8); Б – синяя краска (1, 3–7, 9)

даллон с каким-то растительным или геометрическим мотивом). Подобная орнаментация часто встречается на золотоордынской поволжской керамике (Булатов, 1968. Рис. 4, 1; Скоробогатова, 1983. Рис. 2, 4; Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 3, 2). Внешняя поверхность была покрыта стилизованными изображениями лепестков лотоса. По манере изображения (со стрельчатым завершением лепестков) этот мотив отличается от массовой продукции мастерских Нижнего Поволжья второй половины XIV в. (с так называемой “арочной” трактовкой лепестков) (Скоробогатова, 1983. С. 93. Рис. 1, 1) и более характерен для начальных этапов освоения производства такой керамики в Золотой Орде (в середине XIV в.).

Большинство обломков этой чаши найдено в переотложенном культурном слое, остальные три – в ямах, заполнение которых датировалось в пределах конца XIII – начала XV в. (яма 20 – 1998 г., яма 29 – 2000 г., яма 11 – 2001 г.).

**ТИП 2. ПОЛУФАЯНСЫ С БИХРОМНОЙ
(ЧЕРНОЙ ИЛИ ЗЕЛЕНОЙ И СИНЕЙ) РОСПИСЬЮ
БЕЗ РОСПИСИ КАШИНОМ (ПОД БЕСЦВЕТНОЙ ГЛАЗУРЬЮ)**

К этому типу относились 23 обломка от нескольких различных сосудов из белого рыхлого кашина.

1. Чаши полусферического профиля из мягкого белого кашина с черной и синей росписью (6 обломков). Внутренняя поверхность разделена на сектора параллельными вертикальными синими линиями (не менее чем по 5 в ряд), пространство между которыми украшено стилизованными надписями и черными точками, сгруппированными по 4 в ромбы (рис. 1, 3, 4). Внешняя поверхность украшена сильно стилизованными лепестками лотоса в виде параллельных чередующихся линий синего и черного цвета, отходивших вниз от края (на черные линии нанизаны крупные пятна черной краски). Подобная орнаментика характерна для иранской керамики “султанабадского” стиля (Искусство Ислама, 1990. № 61; Lane, 1957. Pl. 6A; 1958, Pl. 96A; Islamic Pottery..., 1969. № 166; Islamische Keramik, 1973. № 201) и сирийской керамики XIV в. (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 729–735; Sarre, 1925. Taf. 21, 49, 53).

Спектральный анализ глазури этого образца¹ показал его тождество глазурям иранской, золотоордынской и некоторым разновидностям сирийской керамики (Коваль, 1997б. Прил. 2). Учитывая, что среди золотоордынской керамики подобная орнаментация встречается крайне редко, в нашем случае более вероятным следует считать импортное (иранское?) происхождение этих образцов. Их обломки были найдены как в культурном слое, так и в заполнениях ям конца XIII – начала XV в. (яма 1 – 1995 г., яма 2 – 2000 г., яма 11 – 2001 г.), причем все они вполне могли принадлежать одной чаше.

2. Сосуд закрытого типа с росписью зеленой и синей краской только на внешней стороне. Один крупный (рис. 1, 9) и 6 мелких обломков этого сосу-

¹ Na₂O – 15,4–16%, K₂O – 2,0–2,2%, PbO – 0,1–0,2%, CaO – 5,7–6,4%, Al₂O₃ – 1,2–1,8%, FeO – 0,7–0,8%, MgO – 3,4–3,8% (оксиды марганца, олова, сурьмы – не более 0,02%).

да (кувшина или вазы) найдены в перемешанном культурном слое, а также в заполнениях ям, одна из которых датировалась концом XIII – началом XV в. (яма 8 – 2001 г.), а другая – концом XIII – серединой XIV в. (яма 30 – 1998 г.). По-видимому, наиболее вероятной датой для этого сосуда следует считать середину XIV в., а местом производства – золотоордынские города Поволжья.

3. Десять мелких обломков от различных чащ, украшенных черной, зеленой и синей росписью. Среди них выделялся обломок чаши с рельефной моделировкой внешней поверхности (волнистая фактура).

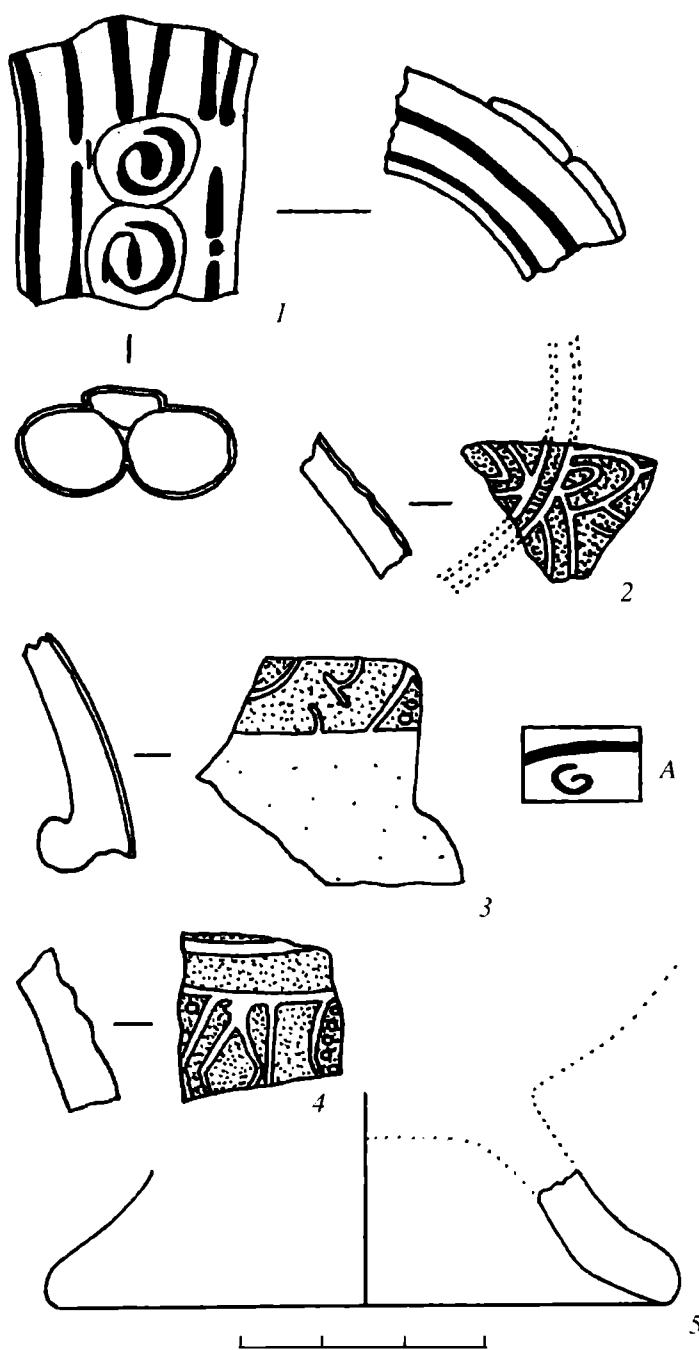
ТИП 3. ПОЛУФАЯНСЫ С ЧЕРНОЙ РОСПИСЬЮ ПОД БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Три обломка чащ этого типа найдены в переотложенном культурном слое памятника. К сожалению, размеры обломков столь малы, что реконструировать рисунок их росписи невозможно (рис. 1, 8).

ПОЛУМАЙОЛИКА

К классу полумайолики относились семь обломков от не менее чем четырех различных сосудов, изготовленных из плотной красной глины без видимых примесей. Большинство из обломков слишком мелкие для атрибутирования. Один фрагмент представляет собой часть ручки кувшина (рис. 2, 1; IV, 2), изготовленной из двух параллельных круглых жгутов, причем внешнюю сторону стыка закрывает ряд круглых глиняных дисковидных налепов. Вся ручка покрыта белым ангобом, по которому нанесен гравированный рисунок, и облицована желтой глазурью с легким зеленоватым оттенком. Кувшины с подобной конструкцией ручек, украшенные орнаментом “сграффито” (гравировкой по ангобу до красноглиняной основы, дающей под цветной кроющей глазурью темный рисунок) и рисунками “в резерве” (“шампле-ве”), известны в Причерноморье – в Болгарии, Константинополе, Херсонесе, Каффе, Белгороде-Днестровском, Азаке и на Северном Кавказе (*Штерн*, 1906. Табл. 7, 72, 73; *Якобсон*, 1950. Табл. XXIII, 89a; *Charleston*, 1979. Fig. 317; *Кузев*, 1980. Рис. 1; *Кравченко*, 1986. Рис. 41, 9; *Кравченко, Столлярик*, 1983. Рис. 1, 15; *Кравченко*, 1991. Рис. 2, 3; *Белинский, Масловский*, 1998. С. 230; *Крамаровский*, 2001. С. 201, 202. Рис. 104, 1–4, 7). Такие кувшины часто украшались снаружи гравированным “шахматным” узором, состоявшим из клеток с выбранным ангобом и, как правило, покрывались желтой прозрачной свинцовой глазурью². Существует мнение, что такая керамика изготавливалась в одном из городов на Балканах (*Белинский, Масловский*, 1998. С. 230), хотя реальных оснований для выдвижения гипотез о месте ее производства все еще недостаточно. В Поволжье такая керамика могла попасть только через Северное Причерноморье, а на остальной территории Руси она

² М.Г. Крамаровский по недоразумению называет эту глазурь “оловянной”, что неверно, поскольку свинцовые глазури не содержали оксида олова либо включали его в минимальном количестве, не влиявшем на свойства глазури.

**Рис. 2. Обломок ручки полумайоликового кувшина с орнаментом сграффито под желтой глазурью (1) и обломки стенок (2–4) и поддона (5) сероглинняного “штампованных” кувшина
А – линии гравировки по ангобу**

известна еще только в одном месте – в Переяславле-Рязанском (современный г. Рязань) (*Монгайт, 1961. Рис. 146, 11*). Описываемая находка происходит из комплекса XIV в. (яма 1 – 1995 г.), в котором был найден также обломок иранского (?) полуфаянса с черно-синей росписью. Интересно, что при раскопках в Азове полумайолика этого типа была встречена в комплексе,

который оказался в максимальной степени насыщен (по сравнению с 26 другими комплексами) кашинной керамикой золотоордынского поволжского производства, т.е. мог датироваться не ранее второй половины XIV в. (*Белинский, Масловский, 1998. Табл. 2, яма 18*)³. Пока нет данных для того, чтобы сделать окончательный вывод о том, ограничивается ли бытование полумайолики рассматриваемого типа этой датой, или же период ее распространения относился к более раннему времени (первой половине и середине XIV в.), а в комплексы с кашинной керамикой ее обломки попадали в перенесенном состоянии. Отметим лишь, что в Херсонесе (Крым) керамика этого типа встречена в комплексе с керамикой, датированной в пределах XIV в. (*Романчук, 1995. С. 112, 113*).

“ШТАМПОВАННАЯ” КЕРАМИКА

Такое, не совсем точное, название закрепилось за посудой, изготавливавшейся путем тиснения в формах-“кальпах” с углубленным рисунком, что позволяло получать сосуды с рельефным орнаментом на поверхности. На нашем памятнике встречено 10 обломков, принадлежавших, по-видимому, одному кувшину (рис. 2, 2–5), изготовленному из глины светло-серого (с зеленоватым оттенком) цвета, насыщенной очень мелким песком. Подобный оттенок достигался путем обжига сосуда, сформованного из слабоожелезненной (красной или розовой) глины в восстановительном режиме (без доступа кислорода). Кувшин из Ближнего Константина имел расширяющийся поддон, а его верхняя часть была облицована зеленой прозрачной глазурью по неангобированной (серой) поверхности стенок (до поддона она не доходила). Один обломок не имел глазурного покрытия (рис. 2, 4) – он относился к нижней, неглазурованной части кувшина (либо принадлежал другому, неглазурованному, сосуду). Кувшин был составлен из двух соединенных полусферических половинок, о чем свидетельствует обломок с частью стыковочного шва (рис. 2, 3). Рельефный (тисненный) орнамент кувшина состоял, вероятно, из крупных розеток в круглых медальонах (рис. 2, 2).

“Сероглиняная штампованный” керамика известна в золотоордынских городах Поволжья (*Федоров-Давыдов, 1994. С. 142–147. Рис. 27, 28*), куда она ввозилась из Хорезма (*Панина, Волков, 2000. С. 89*), однако ее вариант с зеленой глазурью здесь встречается редко. В то же время, зеленоватый цвет глины расценивается в качестве одного из признаков “штампованный” керамики поволжского производства, наложенного по образцам хорезмских изделий (*Панина, Волков, 2000. С. 89*). На хорезмско-поволжскую традицию указывает и форма поддона описываемого кувшина. Песчанистое тесто этого сосуда резко отличает его от крымской штампованный керамики и сближает с изделиями средневекового Азака (совр. Азов), точно копировавшими

³ Несколько менее насыщенный кашинной керамикой (и, вероятно, несколько более поздний) комплекс ямы 25 может быть датирован по монете хана Тохтамыша временем не ранее 1390-х годов (*Белинский, Масловский, 1998, табл. 1, 2*).

хорезмские образцы, но в основной своей массе являвшимися красноглиняными (*Панина, Волков, 2000. С. 89; Белинский, Масловский, 1998. С. 205. Рис. 10, 15*). На основании всех указанных аналогий считаем наиболее вероятным поволжское или азакское происхождение кувшина, попавшего в рассматриваемую коллекцию.

Обломки этого кувшина найдены в переотложенном культурном слое, однако один из них происходил из заполнения комплекса, датированного концом XIII – серединой XIV в. (яма 30 – 1998 г.), причем вместе с образцом полуфаянса с зелено-синей росписью, поступившим из золотоордынского Поволжья и датировавшимся не ранее середины XIV в. (см. выше). Все это позволяет определить время разрушения “штампованного” кувшина и попадания его в культурный слой серединой или второй половиной XIV в.

ЛОЩЕННАЯ КЕРАМИКА

Красноглиняная лощеная керамика составляла на селище 1,28% всей собранной керамики (2156 обломков, среди которых не менее 30 отличались крупными размерами). Наибольший интерес среди них представляли части одного очень крупного кувшина, графическая реконструкция которого позволила приблизительно представить его высоту (более 40 см) и диаметр (около 38 см) (рис. 3; VI, 6). Кувшин имел толстые (до 1 см) стенки и богатый декор, состоявший из рельефных налепных деталей (горизонтальных валиков шириной 1 см, при высоте около 0,5 см, и плоских круглых “пуговок” диаметром 0,5 см, разбросанных по верхней части туловы), гравированного (линейного и волнистого) орнаментов, а также наклонных отпечатков многозубого штампа и глубоких наклонных же нарезов. Декор размещался несколькими поясами на горловине кувшина, на плечиках и даже на нижней части туловы. Рельефная и нарезная орнаментация дополнялась декоративным лощением, выполненным в виде вертикальных полос различной ширины (узких на горле и широких на тулове), покрывавших всю поверхность кувшина. Близкие по размерам и пышному декору (из валиков, отпечатков штампа, волнистого орнамента) крупные кувшины известны в нижневолжских столицах Золотой Орды (*Федоров-Давыдов, 2001. Табл. 26*). Все элементы декора этого кувшина известны также среди керамики Волжской Булгарии, но столь роскошно оформленные сосуды встречаются нечасто даже там. Одним из самых характерных признаков булгарской керамики позднезолотоордынского периода являются налепы-“пуговки” на кувшинах (*Кокорина, 2002. С. 124. Рис. 73, 5*). По мнению Н.А. Кокориной, налепы-“пуговки” на сливах булгарских кувшинов являются реминисценцией, проистекающей из традиций керамического производства Дагестанской Хазарии, Крыма и Согда (*Кокорина, 2002. С. 133, 195*). На нашем кувшине налепы беспорядочно разбросаны по всему тулову, что может свидетельствовать о переосмыслении старой традиции. Обломки кувшина встречены в нескольких комплексах, датированных временем от конца XIII до начала XV в. (яма 29 – 2000 г., яма 4 – 1998 г.), а также в переотложенном распашкой культурном слое.

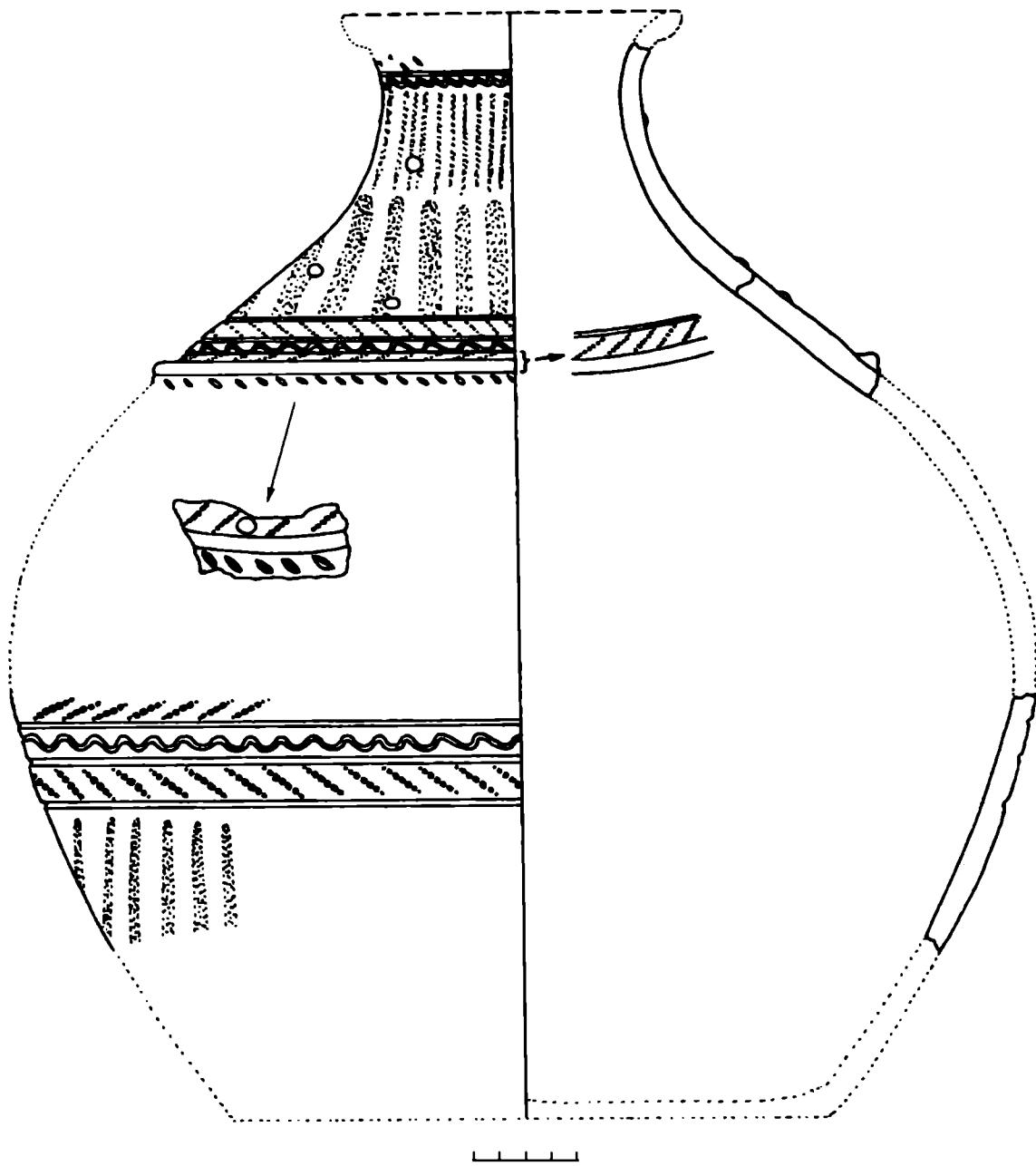

Рис. 3. Красноглиняный лощеный кувшин (вариант реконструкции)

Крупный фрагмент другого небольшого по размерам кувшина был обнаружен в 2003 г. Он имел подшаровидное тулово (диаметром около 17 см) и невысокую горловину (5,5 см), с диаметром 9 см по венчику. Наружная поверхность кувшина покрыта тонким слоем ангоба того же кирпично-красного цвета, что и основа, которая отличалась лишь примесью мелкозернистого песка. По способу крепления ручки (к краю слегка расширяющейся горловины, отделенной от тулова узким пояском из частых параллельных врезанных линий) и редким узким полоскам лощения сосуд напоминает

один из поздних типов (тип 22) кувшинов Волжской Булгарии периода Золотой Орды (*Кокорина, 2002. С. 129–130. Рис. 76, 5*). К этому же периоду относилась и вся остальная краснолощеная посуда, представленная мелкими обломками. Наиболее вероятным представляется ее булгарское происхождение.

АМФОРЫ

Обломки амфор византийского культурного круга встречены в количестве 15 фрагментов (минимум от трех различных сосудов). Все они принадлежали амфорам “трапезундской” группы (по И.В. Волкову), соответствующим типу I по группировке средневековых амфор, ввозившихся на территорию Руси (*Коваль, 2003. С. 347. Рис. 2, 2*). Амфоры этого типа отличались сфероконическим туловом и дугообразными ручками, крепившимися к венчику и поднимавшимися выше его уровня. Изготавливались они из красной или розовой глины без визуально фиксируемых примесей (но с естественными включениями значительного количества мелкой слюды), внешняя поверхность покрывалась плавным волнообразным рифлением и слоем белого ангоба. Производство таких амфор, возможно, существовало в окрестностях Трапезунда с X по XV в. На территорию Руси “трапезундские” амфоры перестали поступать приблизительно с середины XIII в., однако в XIV в. они ввозились в степи Северного Причерноморья и поволжские города Золотой Орды, включая Булгар, откуда вполне могли попадать в пограничные с Ордой районы Руси.

Коллекция находок восточной керамики из Ближнего Константина не велика, но представляет большой интерес. Судя по тем образцам, которые удалось датировать, вся эта керамика (или подавляющая ее часть) была произведена около середины XIV в. и отложилась в комплексах памятника на протяжении середины – второй половины XIV в. Здесь не встречено образцов массового производства кашинной керамики, развернутого в поволжских центрах Золотой Орды во второй половине XIV в., продукция которых проникла буквально во все города Руси того периода (*Коваль, 1997б. С. 16*). Следовательно, начиная со второй половины XIV в. ввоз восточной керамики на данное поселение прекратился.

Труднее определить нижнюю границу датировки восточных импортов. Так, ильханская люстровая керамика изготавливается уже во второй половине XIII в. Однако найденные на памятнике обломки чаши с люстровой росписью отличаются низким ее качеством – тусклый зеленоватый оттенок и избыточное применение люстровой окраски, занимающей большие участки поверхности сосуда, – что отличает эту роспись от изящных образцов второй половины XIII – начала XIV в. Все эти признаки деградации искусства люстровой росписи свидетельствуют о том, что чаша из Ближнего Константина принадлежала к позднему этапу иранских изделий этого типа, следовательно, может датироваться первой половиной или серединой XIV в. Отсутствие каких-либо иных образцов керамики второй половины XIII – первой половины XIV в., в частности византийской и причерномор-

ской полумайолики этого времени, заставляет думать, что весь набор восточных поливных сосудов был привезен сюда если не единовременно, то в достаточно непродолжительный промежуток времени, тяготеющий к середине XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов. Вып. 15.
- Булатов Н.М., 1968. Классификация поливной кашинской керамики золотоордынских городов // СА. № 4.
- Грибов Н.Н., 1996. Материалы к археологической карте Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Ежегодник. Н. Новгород.
- Грибов Н.Н., Иванова Н.В., Антонов Д.А., 2002. Работы экспедиции нижегородского историко-археологического центра “Регион” // АО 2001 г. М.
- Гусева Т.В., 1996. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Ежегодник. Н. Новгород.
- Искусство Ислама, 1990. Л.
- Коваль В.Ю., 1995. Люстровая керамика Ближнего и Среднего Востока из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 9.
- Коваль В.Ю., 1997а. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации): Фаянсы и полуфаянсы // РА. № 2.
- Коваль В.Ю., 1997б. Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX–XVII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Коваль В.Ю., 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (Х–ХIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.
- Кокорина Н.А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в.: (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань.
- Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев.
- Кравченко А.А., 1991. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Кафы // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев.
- Кравченко А.А., Столлярк Е.С., 1983. Керамика византийского круга из Белгорода XIII–XIV вв. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Крамаровский М.Г., 2001. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
- Кузев А., 1980. Сграфитто керамикато във Варненския музей // Музеи и памятници на културата. София. № 2.
- Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Панина Э.Л., Волков И.В., 2000. Штампованные керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура. М.
- Романчук А.И., 1995. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса // Византия и средневековый Крым. Симферополь.
- Скоробогатова Т.В., 1983. Одна из групп золотоордынской поливной керамики // СА. № 4.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.
- Штерн Э.Р., 1906. Феодосия и ея керамика. Одесса.
- Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес // МИА. № 17.
- Atıl E., 1973. Ceramics from the World of Islam // Freer Gallery of Art. Washington. [Vol.] III.
- Charleston R.J., 1979. World Ceramics. London.
- Islamic Pottery. 800–1400 // Victoria and Albert Museum. London, 1969.
- Islamische Keramik. Düsseldorf, 1973.

- Lane A.*, 1957. *Later Islamic Pottery*. London.
- Lane A.*, 1958. *Early Islamic Pottery*. London.
- Oriental Islamic Art: Collection of the Calouste Gulbenkian Foundation. Lisboa, 1963.
- Pope A.U., Ackerman P.*, 1964. *The Ceramic Art in Islamic Times: The History // A Survey of Persian Art*. Tokyo. Vol. 4.
- Riis P.J., Vagn Poulsen*, 1957. *Les verreries et poteries medievales // Hama: Fouilles et recherches*. Copenhague. Vol. IV, 2.
- Sarre F.*, 1925. *Keramik und Andere Kleinfunde der islamischen Zeit von Baalbek*. Berlin; Leipzig.
- Watson O.*, 1985. *Persian lustre ware*. London.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ЧЕРНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ

8 апреля 2006 г. скоропостижно скончалась Н.Б. Черных, которая являлась одним из ведущих отечественных специалистов в области дендрохронологии. Наталья Борисовна – вместе с Борисом Александровичем Колчиным – стояла у истоков становления этого научного направления в Институте археологии РАН. Около полувека она верно и преданно служила тому делу, которое избрала в начале своего научного пути. Н.Б. Черных принадлежала к той когорте ученых, которые весьма скромно оценивают свой вклад в науку. Но в действительности вклад Натальи Борисовны в средневековую археологию Восточной Европы является очень значительным.

В данном очерке мы кратко остановимся на основных вехах научной биографии Н.Б. Черных, сознавая при этом, что настоящая оценка ее вклада в науку должна стать предметом специального историографического исследования.

Наталья Борисовна родилась в г. Москве 4 декабря 1933 г. в семье врачей. Ее отец – Борис Петрович Шведский, профессор, доктор медицинских наук – долгие годы был сотрудником Института гематологии и переливания крови, а мать – Вера Александровна, получив медицинское образование, всю свою жизнь посвятила семье. По материнской линии корни семьи – старомосковские. Бывший Брюсовский переулок – малая родина Н.Б. Черных. Здесь ее деду – Александру Александровичу Шухгальтеру, одному из ближайших сподвижников известного книгоиздателя Сытина, – принадлежала квартира, в которой долгие годы гнездилось несколько поколений семьи.

В 1952 г. Наталья Борисовна с золотой медалью закончила среднюю школу № 131 и поступила на исторический факультет Московского университета. Темой диплома, защищенного в 1957 г. по специальности “славяно-русская археология”, стали ткани средневекового Новгорода, происходящие из слоев X–XVI вв. Неревского раскопа. Результаты дипломной работы послужили материалом для первой публикации (Черных, 1958).

В 1957–1961 гг. Н.Б. Черных работала штатным лаборантом на кафедре археологии исторического факультета МГУ и одновременно – по трудовым договорам в ИИМК (с 1959 г. Институт археологии) – в Новгородской и Байкальской экспедициях, а с 1960 г. – в только что сформированном кабинете (группе) дендрохронологии, входившем (до 1967 г.) в состав лаборатории камеральной обработки. В 1961 г. Н.Б. становится штатным сотрудником Института.

В первые годы (как, впрочем, и в последующие) деятельность кабинета дендрохронологии под руководством Б.А. Колчина была направлена на изучение материалов из раскопок Новгорода. Но, начиная с 1962 г., активно участвуя в разработке новгородской дендрошкалы, Н.Б. Черных начинает самостоятельные работы с коллекцией древесины средневекового Белоозера. Причем первые образцы древесины отбирались в поле при ее непосредственном участии. В результате уже через два года появляется вторая абсолютно датированная дендрохронологическая шкала средневековых городов Восточной Европы (Черных, 1965).

К 1964 г. количество поступающих для обработки коллекций древесины из различных археологических памятников существенно возрастает. По всей видимости, именно в связи с появлением материалов из Мстиславля, Торопца, Пинска, Смоленска (обработку которых взяла на себя Н.Б.) была сформулирована общая для всего кабинета исследовательская тема – “Дендрохронология средневековья Восточной Европы”, которая на долгие годы определила направление дальнейших поисков Н.Б. Черных.

Параллельно с разработкой дендрохронологических шкал упомянутых памятников Н.Б. начинает работы по датированию досок древнерусских икон из коллекций Государственного Исторического музея. Во второй половине 1960-х годов по заказу Института истории АН Латвийской ССР обрабатываются коллекции древесины из средневековых памятников северо-восточной Латвии: озерных поселений Арайши и Ушури, а также городища Кокнессе (Кукенойса). К рубежу 1960–1970-х годов ею закончены работы по созданию абсолютной дендрошкалы крепости Орешек и начата подготовка обобщающей публикации по результатам десятилетних дендрохронологических исследований материалов из средневековых археологических памятников Восточной Европы, которая выйдет спустя два года (Черных, 1972).

В 1970-х годах Н.Б. Черных продолжает обработку вновь поступающих коллекций древесины и исследования по созданию на их базе новых дендрохронологических шкал. Значительно расширяется в те годы ареал сборов. Продолжено изучение материалов крепости Орешек (раскопки 1970–1971 гг.), исследуются образцы из других археологических памятников: Кирилло-Белозерского монастыря, Бреста, Слуцка, Давид-городка, Капорья, Приозерска (Корелы), Рюрикова городища, Полоцка, Ивангорода. Одновременно с обработкой и изучением этих обширных материалов Н.Б. Черных – совместно с Б.А. Колчиным – ведет кропотливую работу по подготовке монографии “Дендрохронология Восточной Европы”, в которой подведены итоги 25-летних исследований группы дендрохронологии Института археологии (Колчин,

Черных, 1977). Эта книга и поныне остается базовой для хронологии средневековых древностей северной половины Восточной Европы.

С каждым годом количество археологических памятников, материалы которых поступали в кабинет дендрохронологии, существенно увеличивалось. Однако основное внимание в 1980-е годы было сосредоточено на Пскове, Старой Ладоге и Шпицбергене. Каждому из этих памятников посвящены серии публикаций (см. список работ Н.Б. Черных). При этом нужно отметить, что после кончины Б.А. Колчина в начале 1984 г. Н.Б. Черных принимает на себя руководство кабинетом дендрохронологии. В эти же годы начинается тесное сотрудничество с творческим коллективом ВСРПО “Союзреставрация” (прежде всего с Н.Ф. Сергеевой) и обработка весьма значительных в количественном отношении коллекций образцов древесины памятников деревянного зодчества Русского Севера. Кроме того, в это же время начинают поступать первые, хотя еще и немногочисленные серии образцов из Торжка и Твери.

“Эпоха перемен” начала 1990-х годов существенно отразилась на состоянии отечественной науки, в том числе и Института археологии РАН. Для кабинета дендрохронологии она сказалась, в первую очередь, в том, что значительно сократились поступления новых коллекций образцов древесины из археологических памятников. Тем не менее в это время продолжают поступать – пусть и малочисленные – коллекции древесины из Коломны, Ростова Великого, поселений Луковец, Усть-Шексна и др.

Сокращение объема аналитической работы Н.Б. использовала для завершения рукописи монографии “Дендрохронология и археология” (1992 г.), работа над которой велась с 1986 г. Однако книга – в силу финансовых проблем – была опубликована только через пять лет (Черных, 1996). Этот труд по сей день является наиболее полным сводом дендрохронологических шкал археологических памятников Восточной Европы эпохи средневековья. Для всех этих памятников удалось получить более 10 тысяч абсолютных дат, что по сути позволило создать реальную систему дендрохронологии всего средневековья Восточной Европы.

Отдельной и достаточно сложной темой на протяжении 1990-х годов становится дендрохронологическое изучение памятников деревянной архитектуры Русского Севера. Базой исследования послужили значительные коллекции образцов, собранных на протяжении 1980-х годов группой ВСРПО “Союзреставрация”. Результаты этой работы опубликованы достаточно скрупультно (Черных, Сергеева, 1997; Черных, 2001). Основные итоги исследования изложены в рукописях Н.Б. Черных и Н.Ф. Сергеевой, хранящихся в архивах “Союзреставрации” и лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН и, безусловно, заслуживающих скорейшей публикации. Кроме того, во второй половине 1990-х годов, благодаря активным археологическим раскопкам в Твери, значительно увеличилось количество образцов древесины из средневековых слоев этого города. В итоге на базе тверских материалов удаётся создать вторую (после новгородской) хронологическую столь же протяженнную абсолютную дендрохронологическую шкалу средневековых городов Европейской части России (Черных, Карпухин, 2004).

Последней научной темой, которую вела Наталья Борисовна с 2000 г., является дендрохронология археологических и архитектурных памятников бассейнов рек Шексны и Сухоны. В рамках темы предполагалась разработка локальных абсолютно датированных дендрошкал: Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Горицкого монастырей, поселения Луковец и ряда памятников деревянной архитектуры Вологодской области. Совместно с А.А. Карпухиным была закончена обработка материалов Кирилло-Белозерского монастыря и церкви Ильи Пророка в Цыпинском погосте, опубликованных в серии статей последних лет (см. список работ Н.Б. Черных). Однако завершить начатое исследование Наталье Борисовне не довелось...

В профессиональной среде – и археология здесь не исключение – есть свое негласное понимание того, чего стоят труды того или иного ученого. Вне всякого сомнения, работы Н.Б. Черных принадлежат к числу фундаментальных в нашей науке. Без ее успешного и столь необходимого многим археологам и историкам труда по датировке средневековых древностей в принципе невозможно представить современные исследования в области средневековой археологии Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы: (Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г.). М.

Черных Н.Б., 1958. Новгородские ткани из Неревского раскопа // ВМУ. Ист.-филол. серия. № 4.

Черных Н.Б., 1965. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера // Археология и естественные науки. М.

Черных Н.Б., 1972. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.

Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.

Черных Н.Б., 2001. Дендрохронология архитектурных памятников Карелии // КСИА. Вып. 211.

Черных Н.Б., Карпухин А.А., 2004. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI – начала XX в. // РА. № 3.

Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф., 1997. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) // РА. № 1.

СПИСОК РАБОТ Н.Б. ЧЕРНЫХ

1. Новгородские ткани из Неревского раскопа // ВМУ. Ист.-филол. серия. 1958. № 4. С. 101–112.

2. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белозерска // Методы естественных и технических наук в археологии: Тезисы докл. М., 1963. С. 18–20.

3. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 86–90.

4. Абсолютные даты деревянных сооружений древнего Смоленска // МИСО. 1967. Вып. 6. С. 276–289.

5. Дендрохронология построек древнего Смоленска // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 129–135.

6. Исследования лаборатории дендрохронологии ИА АН СССР за период 1962–1967 гг. // Материалы Всесоюзного совещания – научной конференции по вопросам дендрохронологии и дендроклиматологии. Вильнюс, 1968. С. 58–62.
7. К методике построения дендрохронологических микрошкал средневековых памятников Восточной Европы // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 362–363.
8. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 93–112.
9. Дендрохронология древнего Орешка // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 100–103.
10. Абсолютные дендрохронологические шкалы северных регионов Восточной Европы протяжением в 12 столетий // Тезисы докладов XII МБК. Л., 1975. Ч. 1. С. 188 (совм. с Б.А. Колчиным).
11. Абсолютные дендрохронологические шкалы северных регионов Восточной Европы протяжением в 12 столетий // Биоэкологические основы дендрохронологии: (Материалы к симпозиуму XII МБК). Вильнюс; Ленинград, 1975. С. 27–31 (совм. с Б.А. Колчиным).
12. Дендрохронология древнерусских городов // Тезисы докладов советской делегации на III МКСА. М., 1975. С. 59–62 (совм. с Б.А. Колчиным).
13. Дендрохронология Восточной Европы: (Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г.). М., 1977 (совм. с Б.А. Колчиным).
14. Ильинский раскоп: (Стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 57–116 (совм. с Б.А. Колчиным).
15. Дендрохронологическая шкала 2-й половины I тыс. н.э.: (По археологическим материалам Приладожского и Приильменского регионов) // Дендрохронологические шкалы Советского Союза. Каунас, 1981. Ч. 2. С. 50–64 (совм. с Б.А. Колчиным).
16. Результаты дендрохронологического изучения дерева из построек Кирилло-Белозерского монастыря // РИПК. 1982. Вып. 2. С. 209–212.
17. Некоторые итоги дендрохронологического изучения построек древнего Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов. Псков, 1982. С. 43–44 (совм. с А.Ф. Урьевой).
18. К вопросу о датировке некоторых памятников деревянного зодчества Новгородчины // НРСИЦПКИ. 1983. Вып. 6. С. 21–24 (совм. с Н.Ф. Сергеевой).
19. Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопок Пскова // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 210–232 (совм. с А.Ф. Урьевой).
20. Образцы древесины древнего Новгорода для радиоуглеродных исследований // Дендрохронологические шкалы Советского Союза. Каунас, 1984. Ч. III. С. 23–42 (совм. с Б.А. Колчиным, Т.Т. Битвинским, И.А. Карпавичусом).
21. Дендрохронологическое изучение дерева архитектурных памятников Московского региона // НРСИЦПКИ. 1984. Вып. 12. С. 1–6 (совм. с Н.Ф. Сергеевой).

22. Some results of the dendrochronological study of ancient Russia icon and monuments of wooden architecture // VII Международная конференция комитета консервации ИКОМ в Копенгагене 9–15 сентября 1984 г. М., 1984 (совм. с Н.Ф. Сергеевой, И.Н. Шургиным).
23. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги: (По материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 76–80.
24. Дендрохронология Ладоги: (Раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 117–122.
25. Результаты дендрохронологического анализа дерева построек Берестье: (по материалам раскопок 1969–1971 и 1974–1977 гг.) // П.Ф. Лысенко. Берестье. Минск, 1985. С. 395–396.
26. Некоторые итоги дендрохронологического изучения дерева из построек с архипелага Шпицберген // XIV Polar Symposium. Lublin, 1987. С. 252–259.
27. Дендрохронологическое исследование дерева церкви Воскрешения Лазаря, б. Муромского монастыря // РИПК. 1987. Вып. 7. С. 10–15 (совм. с Н.Ф. Сергеевой, А.Ф. Урьевой).
28. Дендрохронологические исследования в Лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докл. М., 1987. С. 275–276.
29. Дендрохронологические шкалы Восточной Европы 2 пол. I–II тыс. н.э. // Временные и пространственные изменения климата и годичные кольца деревьев. Каунас, 1987. Ч. III. С. 90–98.
30. Dendrochronological analysis of Lazaris Resurrection church of former monastery in Murom // Sixth International Restorer Seminar. Budapest, 1987. P. 457–462 (совм. с Н.Ф. Сергеевой, И.Н. Шургиным, А.Ф. Урьевой).
31. Стратиграфия застройки и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100 (совм. с Е.А. Рябининым).
32. The problem of dendrochronology of Russian buildings on Spitsbergen (some notes regarding the discussion) // FA. 1988. Т. V. Р. 117–118.
33. Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989. С. 201–213.
34. Опыт корреляции дендрохронологических и палеоклиматических данных XII–XV вв. // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989. С. 193–200.
35. Дендрохронологическое изучение дерева из памятников культовой архитектуры // Дендрохронологическое изучение дерева: Консервация и реставрация недвижимых памятников истории и культуры: Экспресс-информация ГПБ им. В.И. Ленина. М., 1990. Вып. 6. С. 1–21 (совм. с Н.Ф. Сергеевой, И.Н. Шургиным, А.Ф. Урьевой).
36. Результаты дендрохронологического изучения дерева из раскопок на архипелаге Шпицберген // Очерки истории освоения Шпицбергена. М., 1990. С. 107–123.

37. Историческая интерпретация данных дендроанализа (по материалам памятников Восточной Европы) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1992. С. 77–81.
38. Дендрохронологические шкалы Новгорода: Опыт компьютерной обработки // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1995. С. 106–114 (совм. с А.Ф. Урьевой).
39. Дендрохронология и археология. М., 1996.
40. Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопов у Педдинститута и I, III, IV на ул. Ленина // Раскопки в древней части средневекового города (1967–1991 гг.): Материалы и исследования. Псков, 1996. Т. 1. С. 182–195.
41. Компьютерная программа обработки дендрохронологических данных // Компьютеры в археологии. М. 1996. С. 90–95 (совм. с А.Ф. Урьевой).
42. Локальные дендрохронологические шкалы Тверского региона (X–XV и XVII–XIX вв.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1996. Вып. 1. С. 119–149 (совм. с Н.Ф. Сергеевой).
43. Частный аспект хронологии Ростова (по результатам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) // История и культура Ростовской земли: 1995. Ярославль, 1996. С. 3–8 (совм. с А.Е. Леонтьевым, Н.Г. Самойлович).
44. Культурный слой Твери по результатам дендроанализа. Часть I // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2. С. 156–166 (совм. с Н.В. Жилиной).
45. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) // РА. 1997. № 1. С. 109–125 (совм. с Н.Ф. Сергеевой).
46. Экстремальные климатические явления и аномалии годичного прироста древесины в северной части Русской равнины в XVI–XIX вв. // Методы оценки состояния и устойчивости лесных экосистем: Тезисы докл. Красноярск, 1999. С. 50 (совм. с М.М. Чернавской, А.В. Пушкиным).
47. Аномалии прироста древесины и климатические экстремумы (на материалах памятников XVI–XIX вв. севера Русской равнины) // РА. 2000. № 4. С. 86–100 (совм. с М.М. Чернавской, А.В. Пушкиным).
48. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII–XV вв. (по материалам раскопок в Тверском кремле) // РА. 2001. № 3. С. 46–54 (совм. с А.А. Карпухиным).
49. Дендрохронология архитектурных памятников Карелии // КСИА. 2001. Вып. 211. С. 113–121.
50. Результаты дендрохронологического исследования дерева построек из раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб., 2001. С. 21–35 (совм. с А.А. Карпухиным).
51. Некоторые результаты дендрохронологического анализа образцов древесины из раскопок в Торжке (по материалам Воздвиженских раскопов) // КСИА. 2001. Вып. 212. С. 43–50 (совм. с А.А. Карпухиным).

52. Extreme climatic phenomena and tree-ring growth anomalies in the 16th–19th centuries in the north of the Russian plain // Published by the Swiss Federal Research Institute. Bermensdorf, 2001. Р. 79 (совм. с М.М. Чернавской, А.В. Пушкиным).

53. Association between extreme climatic phenomena and growth changes of the tree-ring sequence in the North Russian plain during the Little Ice ages // High Latitude Paleoenvironments. M., 2002 (совместно с М.М. Чернавской, А.А. Пушкиным).

54. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // КСИА. 2004. Вып. 216. С. 97–103 (совм. А.А. Карпухиным).

55. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI – начала XX в. // РА. 2004. № 3. С. 68–78 (совм. с А.А. Карпухиным).

56. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы: Конференция памяти Бориса Александровича Колчина (1914–1984). М., 2005. С. 33 (совм. с Е.Н. Черных).

57. Строительство каменных оборонительных сооружений “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа // Археология и естественнонаучные методы: Конференция памяти Бориса Александровича Колчина (1914–1984). М., 2005. С. 36 (совм. с А.А. Карпухиным).

58. Результаты дендрохронологического анализа Ильинской церкви на Цыпиной горе (Кирилловский р-н Вологодской области) // Археология и естественнонаучные методы: Конференция памяти Бориса Александровича Колчина (1914–1984). М., 2005. С. 38 (совм. с А.А. Карпухиным).

59. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы: Конференция памяти Бориса Александровича Колчина (1914–1984). М., 2005. С. 9–42 (совм. с Е.Н. Черных).

60. Строительство каменных оборонительных сооружений “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа // Археология и естественнонаучные методы: Конференция памяти Бориса Александровича Колчина (1914–1984). С. 72–81 (совм. с А.А. Карпухиным).

61. Застройка “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Ивановский монастырь) // РА. 2006. № 1. С. 157–163 (совм. с А.А. Карпухиным).

62. Застройка “Старого города” Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Успенский монастырь) // РА. 2006. № 2. С. 148–156 (совм. с А.А. Карпухиным).

63. Некоторые результаты дендрохронологического изучения древесины церкви Ильи Пророка в Цыпинском погосте (Вологодская обл., Кирилловский р-н) // КСИА. 2006. Вып. 220. С. 127–134 (совм. с А.А. Карпухиным).

64. Сравнительный анализ локальной дендрошкалы Твери и последовательностей годичных колец архитектурных памятников Тверского региона // Тверской археологический сборник. 2007. Вып. 6, т. II (в печати) (совм. с А.А. Карпухиным).

65. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в археологии // Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006. С. 463–502 (совм. с Е.Н. Черных).

66. Основные итоги дендрохронологического изучения древесины из культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря // Сборник по материалам конференции 2005 г. в Кириллове. М., 2007 (в печати).

РУКОПИСИ

67. Дендрохронологическое изучение дерева архитектурных памятников XVII–XIX вв. с территории Тверской области // Архив МК РФ. М., 1993. С. 1–60 (совм. с Н.Ф. Сергеевой).

68. Разработка абсолютной дендрохронологической шкалы северной части Восточной Европы для датирования архитектурных памятников XVII–XIX вв. в Архангельской области. Часть I: Памятники Онежского и Холмогорского районов // Архив МК РФ. М., 1996. С. 1–60 (совм. с Н.Ф. Сергеевой).

69. Разработка абсолютной дендрохронологической шкалы северной части Восточной Европы для датирования архитектурных памятников XVII–XIX вв. в Архангельской области. Часть II: Памятники Каргопольского и Приморского районов // Архив МК РФ. М., 1996. С. 1–53 (совм. с Н.Ф. Сергеевой).

70. Разработка абсолютной дендрохронологической шкалы северной части Восточной Европы для датирования архитектурных памятников XVII–XIX вв. в Архангельской области. Часть III: Памятники Красноборского района и Соловецких островов // Архив МК РФ. М., 1996. С. 1–32 (совм. с Н.Ф. Сергеевой).

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКОВ 211–220

Вып. 211

Статьи

Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев, А.Б. Селезнёв. Проблема “палеолитической деревни” костёнковской культуры в свете исследований Зарайской стоянки.

Л.В. Кольцов. О некоторых проблемах мезолита.

Л.И. Авилова, Л.Б. Орловская. Историко-металлургические и радиоуглеродные базы данных по Циркумпонтийской металлургической провинции.

Д.Б. Анакидзе. К вопросу о датировке искусственных жилых холмов Колхидской культуры.

Н.Л. Членова. Плавания по Телецкому озеру на Алтае в раннескифскую эпоху.

В.В. Седов. Предыстория белорусов.

А.А. Юшко. Этапы и закономерности освоения славянским населением Московской земли.

Н.В. Жилина. Русское и византийское искусство филигра尼.

Ю.Ю. Моргунов. О сырцовых стеновых кладках эпохи Владимира Святославича.

Публикации

В.И. Кулаков, О.В. Иов. Наконечники ножен меча из кургана могильника Кауп и с городища Франополь.

С.Д. Захаров. К вопросу о методике раскопок средневековых поселений.

И.Е. Зайцева. Погребения в детинце Серенска.

А.Г. Векслер, А.А. Медынцева. Новая находка каменного образка при раскопках на Великом Посаде Москвы.

Н.Б. Черных. Дендрохронология архитектурных памятников Карелии.

Хроника

К.А. Смирнов. Работа Ученого совета Института археологии РАН в 1996–2000 гг.

Л.И. Авилова. Работа лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН в 1996–2000 гг.

Вып. 212

Статьи

В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. Археометаллография как исторический источник: (Итоги изучения кузнецкого ремесла в России за 1995–2000 годы).

А.А. Масленников. К истории Узунларского вала в Восточном Крыму.

В.И. Кулаков, А.А. Валуев. Европейские универсальные обереги VII–IX веков.

М.В. Седова. Украшения “городского типа” X–XI веков из Суздаля и его округи.

В.А. Буров. О серой керамике XII – начала XIV века городища Варварина Гора.

В.В. Сидоров. Смоление неолитических сосудов.

Публикации

Н.Б. Черных, А.А. Карпухин. Некоторые результаты дендрохронологического анализа образцов древесины из раскопок в Торжке (по материалам Воздвиженских раскопов).

О.М. Олейников. К вопросу о месте производства круговой керамики Тверского Поволжья.

В.Ю. Коваль. Поселение в устье Осетра близ Коломны.

И.В. Исланова. Археологический комплекс Никулкино на реке Мажице в Тверской области.

А.П. Бужилова, Н.Н. Гончарова. Антропологические материалы из могильника Никулкино.

А.С. Сыроватко. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея.

Хроника

М.В. Александрова. Отдел археологии каменного века в 1995–2000 годах.

Н.В. Жилина. Отдел славяно-русской археологии в 1990-е годы.

Т.Д. Николаенко. Отдел археологических сводов и карт в 1999–2001 годах.

Памяти Кирилла Алексеевича Смирнова.

Вып. 213

Статьи

Е.Н. Черных, Е.Е. Антипина, С.В. Кузьминых, Е.Ю. Лебедева, В.Ю. Луньков. Каргалы и древнейшее горнometallургическое производство на севере Евразии.

В.В. Седов. Русы в VIII – первой половине X века.

В.И. Кулаков, Е.Л. Калашников. О головья коней Доллькайма.

Н.В. Жилина. Эволюция височной подвески славяно-русского металлического убора.

А.С. Алешинская, Е.А. Спиридонова. Изменения природной среды и влияние на нее человека в окрестностях г. Коломны в железном веке и средневековье (по данным палинологического анализа).

Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. К проблеме кавказских и местных традиций в технологии изготовления железных изделий из Старшего Ахмыловского могильника

Ю.В. Степанова. К вопросу о хронологии Избrijского погребального комплекса X–XIII вв.

Публикации

А.С. Смирнов. Результаты и перспективы археологических охранных работ на строительстве магистрального газопровода “Ямал – Европа”

В.И. Завьялов. Железный инвентарь поломской культуры (по материалам Варнинского археологического комплекса).

Г.Е. Дубровин. Найдки с Федоровского раскопа в Новгороде, связанные с водным транспортом

Хроника

Е.Г. Дэвлет. О работе Института археологии РАН в 2001 году.

А.А. Бобринский. О работе группы “История керамики”.

В.Ф. Старков, П.Ю. Черносвитов, В.Л. Державин. Работы группы арктической археологии в 1997–2001 гг.

Памяти Бориса Александровича Рыбакова.

Вып. 214

А.В. Чернецов. К столетию со дня рождения А.В. Арциховского

Статьи

Л.И. Авилова, Л.Б. Орловская. Радиоуглеродный метод и проблемы датирования бронзового века.

А.А. Малышев, И.Г. Равич, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. Традиции и инновации в культуре населения предгорий Северо-Западного Кавказа (VI в. до н.э. – III в. н.э.)

Н.Л. Членова. Происходил ли скифский звериный стиль из ангарской тайги?

Н.В. Лопатин. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов.

Т.Е. Никитина. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам).

Публикации

А.В. Яковлев, В.Г. Самойленко. Новые погребения с майкопской керамикой на северо-востоке Ставрополья.

С.Н. Кореневский, К.А. Днепровский. Погребения эпохи раннего бронзового века кургана 1 могильника Ушихту 1 в Адыгее.

М.Г. Абрамзон, И.М. Безрученко, Д.С. Бжания, В.В. Бжания, Ю.В. Горлов, А.В. Поротов, М.Д. Кайтамба. Работы Черноморской экспедиции Института археологии РАН в 2001 году.

В.А. Буров, Л.С. Розанова. К технологической характеристике кузнецких изделий с селища культуры длинных курганов Городок 1 на р. Шлине (Валдай).

Н.А. Тропин. Раскопки Лавского селища близ Ельца.

В.И. Завьялов. Археометаллографическое исследование кузнецких изделий из Лавского археологического комплекса.

Хроника

З.А. Албегова. Отдел охранных раскопок в 1997–2001 годах.

Вып. 215

Статьи

И.Л. Кызласов. Средневековая Евразия в свете новых открытий.

В.Е. Родинкова. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц).

Д.В. Середа. Классификация керамики колочинской культуры (по материалам памятников Днепровского Левобережья).

Публикации и полевые исследования

М.Г. Жилин. Работы Верхневолжской экспедиции на торфяниках в 1992–2002 годах.

Л.И. Авилова. Золото и медь Трои.

В.Н. Чхаидзе. Средневековая амфора с граффити из Таманского музея виноградарства и виноделия.

В.И. Кулаков, А.С. Сыроватко. Подковообразная фибула из Коломны.

В.Ю. Коваль. Глазурованная керамика из окрестностей Увека.

Рецензии

С.В. Кузьминых, Б.С. Соловьев. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. (Труды Марийской археологической экспедиции, Т. VI). 264 с.

В.В. Седов, В.Л. Янин. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Хроника

М.Б. Медникова. Группа физической антропологии: итоги десятилетней работы.

В.Ю. Коваль. Конференция “Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Сева-ра и Юга” (Москва – Ростов, 2002).

С.В. Кузьминых. Международный полевой симпозиум “Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комп-лекс” (Каргала – Оренбург).

Вып. 216**Статьи**

Л.И. Авилова. Древние бронзы Ирана. Энеолит – средний бронзовый век.

В.И. Кулаков. Зооморфные роговые навершия эпохи викингов в Пруссии и на Руси.

Публикации и полевые исследования

Н.С. Абашина, Е.М. Кухарская, А.М. Обломский. Позднезарубинецкий горизонт поселения Головино 1 под Белгородом.

А.Е. Рогожинский, И.Л. Кызласов. Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье).

Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. Технология изготовления кузнецких изделий из могильника Дюрсо близ Новороссийска: (К проблеме различных производственных традиций).

Е.А. Армарчук, А.М. Новичихин. Украшения конской упряжи X–ХII вв. из могильника “Андреевская щель” близ Анапы.

Л.В. Конькова. Состав металла и технология изготовления украшений конской сбруи из могильника “Андреевская щель”.

В.И. Завьялов. Металлографические исследования железных предметов из могильника у аула Ленинахабль (Адыгея).

К 100-летию археологического изучения Коломны

А.Б. Мазуров. Древнейший некрополь Коломны ХII века.

Н.Б. Черных, А.А. Карпухин. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа).

Хроника

И.Л. Кызласов. Работа группы средневековой археологии евразийских степей в 2002 г.

В.И. Завьялов. Полевой семинар “Старая Рязань: Археологическое изучение русского средневекового города и его округи” (23–25 июля 2002 г.)

И.Л. Кызласов, В.Н. Чхайдзе. Московская конференция “Восточные древности в истории России. Эпоха средневековья”. 2003 г.

К.Н. Гаврилов. Расширенное заседание Отдела археологии каменного века Института археологии РАН, посвященное 100-летию со дня рождения О.Н. Бадера.

Вып. 217**Статьи**

В.В. Седов. Первое членение славян на две диалектные области.

И.Л. Кызласов. Новые основы тюркской рунологии.

Н.В. Жилина. Особенности восточной филиграны и ее проявления на Руси.

А.А. Тодорова. “Восточные” стеклянные бусы на территории Древней Руси.

Н.А. Кокорина. Керамические котлы Волжской Болгарии X–XIII вв.

В.Н. Чхайдзе. Изображение амфор-корчаг на одной миниатюре Радзивилловской летописи.

Н.А. Хан. Доходность булгарской торговли в XIV в.

Публикации

В.Н. Пилипко. Гневджик – древнеземледельческий памятник на юге Туркмении.

Т.С. Малютина. “Протогорода” эпохи бронзы Южного Урала и Древний Хорезм.

А.М. Обломский. Раскопки поселения позднеримского времени на р. Красивая Мечка (бассейн Дона).

У.Ю. Кочаров. Позднеполовецкие погребения всадников в Краснодарском крае.

Е.А. Армарчук. Позднесредневековые погребения Борисовского могильника (раскопки В.В. Саханева 1912 г.)

Хроника

С.В. Меснянина. Работа Отдела полевых исследований в 2000–2003 гг.

А.М. Обломский. Об образовании группы по археологии эпохи великого переселения народов.

Вып. 218

Памяти В.В. Седова (1924–2004).

Проблемы контактов между Западной и Восточной Европой в раннем средневековье. Материалы Российско-французского круглого стола. Москва, 21 ноября 2003 г.

Г.Е. Афанасьев, А.В. Маstryкова. Российско-французское сотрудничество в области раннесредневековой археологии (1997–2003).

В.В. Седов. Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов).

М.М. Казанский, П. Перен. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований.

П. Перен. О происхождении гранатов на вещах инкрустационного стиля из базилики Сен-Дени во Франции.

В.И. Кулаков. “Княжеские” захоронения в Балтии фаз В₁–С₁.

К. Цукерман. Аланы и асы в раннем Средневековье.

Статьи

В.Ю. Коваль. Византийские амфоры в Юго-Западной Руси.

Р.Ф. Воронина. Южные и степные влияния в культуре среднецинской мордовы VIII–XI вв.

О.А. Дружинина. Проблема первоначального заселения территории Калининградской области (палеогеографический аспект).

Публикации

Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт. Телль Хазна 1 (Сирия): итоги исследований 2003 г.

Зотов В.В. Шелкозаводское городище: к вопросу о культурной принадлежности.

Ю.В. Степанова. Керамика Избrijжского погребального комплекса X–XIII вв.

Хроника

В.Ф. Старков. В.П. Алексеев и изучение истории Арктики в Институте археологии РАН.

В.Ф. Старков. Международная конференция “Археология и история архипелага Шпицберген” (Баренцбург, архипелаг Шпицберген, 2003).

В.Ю. Коваль. Научный семинар “Археология Подмосковья” (Москва, 2003).

Вып. 219

Н.А. Макаров. От Редколлегии.

Н.Б. Леонова. Каменная Балка II – системный анализ при исследовании структуры культурного слоя.

М.Г. Жилин. Некоторые итоги раскопок многослойного торфяникового поселения Становое 4.

А.Н. Гей. Исследования древних памятников Западного Кавказа: (о работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 году).

А.Р. Канторович, В.Р. Эрлих. Уникальные навершия из святилища у ст. Тенгинской.

Л.Т. Яблонский, Д.В. Мещеряков. Раскопки курганов раннесарматского времени у дер. Прохоровка: (предварительные итоги).

В.Д. Кузнецов. Фанагория: новые исследования.

А.А. Масленников, С.В. Мокроусов. Новые исследования античных памятников в Крымском Приазовье.

А.М. Обломский. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени.

В.В. Мурашёва, Н.В. Ениосова. Исследования на территории пойменной части Гнёздовского поселения: Первые итоги.

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров. Северорусская деревня по материалам раскопок средневековых селищ на Кубенском озере.

А.В. Энговатова. Средневековые некрополи на территории Дмитровского кремля.

В.Л. Янин. Тридцать лет спустя: (Новгородские берестяные грамоты из раскопок 2003 г.).

Н.А. Кренке. Итоги раскопок на “Романовом дворе” в Москве.

А.Р. Артемьев, О.А. Лопатина. Буддийская кумирня XIII–XIV вв. в низовьях Амура.

Хроника

Е.Г. Дэвлет. Институт археологии РАН в 2002–2003 гг.

С.В. Кузьминых. К 70-летию Евгения Николаевича Черных.

Вып. 220

Археология и естественнонаучные методы

Л.И. Авилова, Н.Н. Терехова. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века.

Н.В. Жилина. Методика визуального изучения технологии филиграви.

И.Е. Зайцева. Ювелирные производственные комплексы селища Минино (XI–XIII вв.).

И.Г. Равич. Некоторые типы высокооловянных горячекованых зеркал сарматского времени и их технологические особенности.

Н.В. Ениосова, Т.Г. Саракева. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов: (результаты химико-технологического исследования).

А.А. Малышев, И.Г. Равич, А.В. Шишлов. Комплекс бронзовых предметов с поселения Азиатского Боспора: типология и технология изготовления.

А.Н. Наумов. Черная металлургия на древнерусских сельских поселениях Куликова поля.

А.А. Малышев, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. Технологические традиции в кузнечном производстве синдов, керкетов и торетов (VII–IV вв. до н.э.)

Н.М. Зиняков. Железообрабатывающее производство Западной Сибири.

Н.Б. Черных, А.А. Карпухин. Некоторые результаты дендрохронологического изучения древесины церкви Ильи Пророка в Цыпинском погосте (Вологодская обл., Кирилловский р-н).

М.И. Кулакова. Дендрохронологическое изучение дерева Казанских раскопов в Пскове.

М.А. Гурская. Древесно-кольцевые хронологии хвойных деревьев для абсолютного календарного датирования городища Усть-Войкарского.

Е.К. Столярова. Химический состав средневековых стеклянных перстней Москвы.

Ю.А. Лихтер. Вещественный источник и База данных – принципы взаимодействия.

И.В. Журбин. Компьютерное моделирование культурного слоя археологических памятников.

С.В. Беглецова, Л.Ф. Князева, М.В. Телегина. Создание геоинформационной системы памятников археологии Удмуртской Республики.

Дискуссия

М.Г. Гусаков. Римский центурион в Пруссии.

В.И. Кулаков. Об “Истории римского centuriона, побывавшего...”

Хроника

Л.И. Авилова. Работа Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН в 2001–2004 гг.

SUMMARY

N.A. Makarov, A.E. Leont'ev. N.N. Voronin and archaeological researches in North-Eastern Rus'. This issue of KSIA is composed of the proceedings of the scientific conference "Archaeology of North-Eastern Rus'. Problems and materials" held in November 2004 in Rostov Veliky in commemoration of outstanding archaeologist and historian of medieval Russian architecture N.N. Voronin (1904–1975). The presented publications help to shape an idea on the modern state of researches in North-Eastern Rus', new trends in investigations of medieval dwelling sites, material culture, production and colonization processes. The papers do not settle all problems of the archaeological studies related to Rostov-Suzdal Rus', but centre the reader's attention on certain points that today are investigated most intensively. Among these there are: specifics of formation of urban centres in the North-East, the character of material culture and economy of the medieval rural dwelling sites, continuity in cultural development and craft traditions of the pre-Mongol and post-Mongol periods, cultural relationships and contacts maintained by separate urban centres and regions of Medieval Rus'. Many publications introduce into scientific circulation materials obtained by new field works in the towns and rural dwelling sites of North-Eastern Rus' and adjacent regions, including some spectacular finds discovered recently in Vladimir, Smolensk, Myakinino archaeological assemblage in Moscow region, the Suzdal Field region. Considered as a whole, these materials reveal, on the one hand, cultural specifics of different regions in North-Eastern Rus', and, on the other hand, show the real unity of the historical process the discussed territories were involved in, strong influence the Centre of Rostov-Suzdal land exerted on colonization and formation of cultural traditions in periphery.

N.A. Makarov in his paper devoted to the Rostov-Suzdal colonization in the North discusses new archaeological data on the settlement of the northern periphery of Medieval Rus' in the 10th–13th cc. The author analyses the archaeological materials from the lands disposed around the Lake Kubenskoe, in the watershed of the rivers Sheksna and Sukhona between Beloozero and Vologda. The purposeful search of dwelling sites and cemeteries of the 10th–13th cc. in this insufficiently investigated territory has cleared essentially the picture of medieval settlement within the region. Between the dwelling sites of the 10th–13th cc. formed during the medieval colonization and the centres of territorial and administrative units of the late 14th – early 15th cc. known from the written sources and related to the Rostov-Suzdal principality a continuity was established. Analysis of finds from the cemeteries and dwelling sites permits to single out a significant group of ornaments typical of the Volga Finns in the second part of the 10th – the turn of the 10th and the 11th cc. They mirror penetration of the newcomers from the Volga-Klyazma interfluve to the Lake Kubenskoe region. Some types of ornaments of the 12th – the first part of the 13th cc. evidence relationships between the discussed territories.

S.D. Zakharov in his work considers defensive constructions as an indicator of social status of north Russian dwelling sites. Proceeding from the data of chronicles and archaeology, the author has grounded the urban character of the town of Beloozero situated on the Sheksna River. The town has never had fortifications traditionally viewed as the principal indication of medieval Russian urban centres.

A.A. Zaitsev discusses the role of Prince Rostislav's dynasty in development of the Smolensk architecture of the second part of the 12th c. In the paper are considered the questions of dating of the Smolensk churches of St. John the Theologian and St. Michael Archangel and the relationship of these churches with the Smolensk princely dynasty.

V.Yu. Koval's paper "On the medieval Russian *zmeevik*-amulets" is devoted to the publication of a new find of the 12th – the first part of the 13th cc. The bronze *zmeevik*-amulet was discovered at the dwelling site Myakinino 1 (Moscow region). The author suggests a classification of similar objects and puts forward a new idea on the provenance of the image shown on the reverse side of a series of amulets. It is supposed that the image of a snake-legged monster may find its prototype in the copper statue of Scylla, which stood in the Constantinople Hippodrome. In 1204 it was melted by the Crusaders to get metal for minting coins, according to the data from "The book on the statues of Constantinople" ascribed to Nicetas Choniates. Hence, 1204 is determined as *terminus ante quem* for the amulets bearing the image of Scylla.

N.A. Makarov, A.M. Krasnikova. "Christian antiquities from the Suzdal open dwelling sites: new finds". The paper introduces into scientific circulation the objects related to the Christian cult dating from the 12th–15th cc. obtained in the course of the recent excavations of the rural dwelling sites in the Suzdal Field region. These are icon-pendants, reliquary crosses, a pectoral cross; metal, stone and clay pendant-crosses. Of special interest in the published collection is a fragment of two-side stone icon bearing representations of saints and a medallion of *zmeevik* type with the scene of Epiphany. The finds related to the Christian cult from the Suzdal open dwelling sites well correspond to the general picture of wide spreading of the objects of personal piety among the inhabitants of the rural sites in the 12th–13th cc. unfolded by the recent investigations. Anyway, the content of the Suzdal collection is marked by certain specifics. These are the series of relatively rare categories and types of objects with rather complicated symbolic meaning. Probably, this mirrors some specifics of the cultural traditions developed in the centre of the Suzdal land that emerged in the situation of more intense and profound process of adaptation of Christianity in the discussed territory.

In the article of T.G. Saracheva "Pieces of jewellery of the second part of the 13th–16th cc. in the territory of North-Eastern Rus'" are analysed specific features of the ornamental set typical of North-Eastern Rus' in the Golden Horde period. The studied selection comprises over 380 objects originating from 36 excavated sites, as well as occasional finds. As a result, a preliminary list of ornaments was compiled (Table 1), their repertoire was established for the period under investigation, a more accurate chronology suggested for some categories. It was established that the set and shape of jewellery and their decorative elements showed substantial influence of Oriental production. Having compared the ornaments with those of the pre-Mongol

period, the author reveals a number of changes in the morphology of the studied pieces of jewellery.

I.E. Zaitseva in the paper “Production of metal ornaments at the rural dwelling sites in the North-Eastern periphery of Medieval Rus” considers production associations related to non-ferrous metalworking excavated at the rural settlements of the late 10th – early 13th cc. in the north-eastern periphery of Medieval Rus’. The remains of producing activity were revealed at many dwelling sites excavated within rather large areas. The majority of finds associated with craft production concentrated in and around dwellings. The repertoire includes crucibles, ladles, ingots and metal spits, plate and wire fragments, defect and non-finished artefacts. After a detailed analysis of the whole corpus of finds the author comes to the conclusion that the majority of metal ornaments used by the inhabitants of distant settlements were produced locally. The craftsmen were involved into long-distant exchange to obtain raw material supplies. Nonetheless, the discussed activity remained within the framework of home trade during the whole chronological span considered. Only one construction in Myakinino 1 was specially designed for production activity. The most widespread and easy technology was casting in the negatives obtained by imprinting of a finished object. The jewellers had perfectly mastered a very complicated Finno-Ugrian technique of lost-wax casting with application of “knitted” models. They used fusible lead-tin alloys, which were easy to cast, while the finished objects were of spectacular silvery colour.

The article by S.V. Shpolyansky dealing with the corpus of artefacts from the dwelling site Klenovo 2 in the vicinity of Peremyshl, Moscow region, is a research of the materials yielded by medieval rural settlements. It is aimed at revealing characteristic features in the development of the material culture of the Moscow principality at the turn of the 13th and the 14th cc. The site Klenovo 2 belonged to the most numerous group of medieval open dwelling sites – villages consisting of several households. This fact permits to consider the revealed trends characteristic. The most representative finds are belt fittings and some ornaments (bracelets’ fragments), they evidence substantial influence of the steppe and the Volga traditions on some elements of costume. To a certain extent they had ousted the ornamental set known from kurgan antiquities. The finds of pendant crosses document wide spread of Christianity; by the second part of the 13th c. the changeover to Christianity from the old pagan world-outlook was generally completed. Objects of Vyatichian types are few, which proves that these relatively late fell out of circulation and points to some characteristic features of the material culture associated with the transitional period, namely, the combination of costume details typical of different periods.

The article by N.N. Gribov “Nizhny Novgorod’s neighborhood: results and perspectives of the investigation” is a review of the researches carried out at the medieval settlements near the Oka River estuary. The author analyzes the local rural settlement structure in the historical context. The archaeological investigations have shown that Nizhny Novgorod’s neighborhood was settled in the Mongol period mainly. It included over one hundred dwelling sites situated on the right banks of the Oka and the Volga. Among the known medieval rural sites those of different social status are singled out. The region related to Nizhny Novgorod is divided into three zones in accordance with the level of the interaction the settlements maintained within the zone and beyond, with the urban centre.

N.G. Samoilovich presents a characteristic of stratigraphy and chronology of the Grigor'yevsky excavation trench in the Rostov Kremlin. The area near the church of St. Gregory the Theologian was excavated by N.N. Voronin in 1955. The field records remained unpublished until now. In the trench there were uncovered the layers related to the Merya dwelling site that preceded the emergence of the urban centre of Rostov, as described in the chronicle. Wooden dwelling constructions of the 10th–12th cc. were revealed.

E.K. Kadieva's paper is devoted to potter's stamps with the signs attributed to the members of Ryurik dynasty. The stamps were imprinted on the bottoms of wheel-made vessels dating from the 11th–13th cc. and originating from the Centre of North-Eastern Rus'. Different variants of the signs are analysed in details with the regard to their chronology. The author discusses the territorial spread of the stamps within the region in question.

N.I. Astashova publishes a knife setting from the excavations in Smolensk. The find is an iron knife with bone handle and bronze setting. Its archaeological context dates the find back to the second part of the 12th c. The setting is decorated with animal representations associated by their style with the art of the Vladimir-Suzdal land. The knife could have been brought to Smolensk by a member of a Suzdal prince's armed guard (*druzhina*) who accompanied his lord during his visit to Smolensk.

The paper by *M.E. Rodina* introduces into scientific circulation new rare finds from the excavations of 2004 in the Prince Yard in Vladimir. Of special interest are sphragistic materials. These are: a lead plate with the imprints of three pairs of a seal attributed to Prince Svyatoslav Vsevolodovich, and another variant of seal of the same prince. These seals of Prince Svyatoslav, the son of Prince Vsevolod's the Big Nest are for the first time discovered in Vladimir, though they are well known from Novgorod, where he reigned twice. Among the rare finds there are also instruments for processing white limestone and a detail of window grating. Of singular character is also a miniature bronze pendant showing a cock; it is stylistically associated with the birds carved on the walls of the Vladimir and Suzdal cathedrals.

N.A. Tropin publishes the paper concerning the Lava archaeological assemblage of the 11th–14th cc. The results of long-term investigations conducted by the expedition of Yelets University are summed up. The assemblage is situated on the River Bystraya Sosna. The total excavated area reaches ca. 4 thousand sq. m. Four stages of the site's functioning have been singled out within the span of the second part of the 11th–14th cc. The site is interpreted as an open settlement, administrative, trade and craft centre of the district. Its emergence in the late 11th c. was determined by the process of development of feudal system in the Russian periphery. The region was inhabited by the Slavic population with preserved archaic traditions in material culture. The site was destructed in the last quarter of the 14th c. marked by the crisis in the interrelations of Rus' with the Golden Horde. In the 12th – early 14th it was the centre of an administrative unit (*volost'*) in the south-eastern part of the Chernigov-Seversk principality. In the 14th c. it was an administrative centre in the south of the Novosilsk principality.

The paper by *M.V. Tsybin* deals with the Golden Horde frontier in the Don River basin. The results of the excavations are discussed. The author pays principal attention to the burial associations attributed to the medieval nomads: a mausoleum of the

Golden Horde period near the Krasny settlement, and two ground cemeteries included into the Golden Horde cultural circle – Novokharkovsky and Tagansky.

A.V. *Kudryashov* considers investigations of the dwelling site Minino 5 on the Bolshoi Yug River. In the article there are presented the results of long-term archaeological excavations at the dwelling site of the 10th – the early 12th cc. disposed in the Sheksna River basin (the left tributary of the Volga). The site is attributed to the Finno-Ugrian tribe Ves' characterized by a specific material culture. On its final stage the site coexisted with two medieval Russian dwelling sites.

L.V. *Koltsov*'s paper on the Mesolithic innovations deals with different innovations in human society (including new technologies as well as new branches of economy). The innovations may be classified as absolute and relative ones (the first emerged in the Mesolithic, but the second were resumed in the Mesolithic after some break). In stone processing technology sawing must be considered an absolute innovation. There are some new shapes of microlithic tools, certain bone and antler tools and some shapes of objects made of rocks different from flint. When fishing became a separate branch of economy, it was a serious economic innovation accompanied by introduction of special fishing instruments (fishing hooks, nets, fish-traps, and the like). It was in the Mesolithic that means of transportation were invented: boats, sledges, skis. The other innovations should be regarded as relative ones; they were known as early as the Palaeolithic, but returned into use after a chronological break.

In the paper by G.G. *Korol* is analyzed the image of a rider shown on a pair of horse protomas. The author analyses three bronze gilded openwork plates – the horse harness ornaments from the cemetery Kolosovka (the 10th–11th cc.) in the Republic of Adygei (the North Caucasus). The iconography of the subject, as well as the motif of a pair of animal protomas relates to the Near Eastern art of the first part of the 1st mill. BC represented by the Luristan bronzes. The author singles out a series of stylistic features of the medieval images that indirectly show the inherited elements. As a transitional stage should be regarded the art of the Caucasus of the 1st mill. BC – the first part of the 1st mill. AD; probably, there existed some unknown models, not pendants, but objects with different system of attachment, and the medieval pendants were cast after these prototypes. As for the semantics, the objects are associated with a solar male deity, a protector of animals and fertility. Such pendants used as horse harness details could have served for the horse and the rider as protective amulets. Survival of the early conservative decorative details through the centuries evidences their initial significance related to similar ideas.

In the article by E.M. *Veremeichik* and A.V. *Shekun* glass bracelets from the medieval Russian dwelling site Leskovoe are discussed. The site is situated on the Upper Belous River, on the riverway from Chernigov to Lyubech. Different associations dating back to the mid 11th – the first part of the 13th cc. have yielded totally 373 fragments of glass bracelets. Morphology of finds is characterized. Proceeding from spectral analyses of glass, the authors have revealed basic chemical formulas of glass used. The following conclusions are presented: the bracelets recovered at the settlement were delivered not only from the nearby workshops, but from Kiev and Byzantium as well. The authors suppose that in some cases glass bracelets were repaired by the craftsmen living at the dwelling site Leskovoe.

The paper by *N.N. Gribov and V.Yu. Koval* discusses the Golden Horde pottery from a number of medieval Russian rural settlements in the vicinities of Nizhny Novgorod. The largest collection was obtained from the dwelling site Blizhnee Konstantinovo 1. It was a large village dated from the late 13th – early 15th cc. Among the finds there were glazed and red-burnished vessels produced in the Golden Horde towns of the Volga basin, including the Volga Bulgaria; sherds of Iranian bowls with lustre painting; fragments of a Byzantine red-clay glazed jug with sgraffito ornamentation and several Byzantine amphorae attributed to the Trabzon group. The majority of the pottery was produced and brought to the site in the mid 14th c.

Translated by L.I. Avilova

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- ВАУ – Вопросы археологии Урала
- ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
- ВМУ – Вестник Московского университета
- ВОИСК – Вологодское общество изучения Северного края.
- ВСМЗ – Владимиро-Сузdalский музей-заповедник
- ВСРПО – Всесоюзное специализированное реставрационное производственное объединение
- ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.
- ЗРАО – Записки Русского археологического общества
- ИА РАН – Институт археологии РАН
- ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.; Л.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры. СПб.
- ИКОМ – Международный совет музеев
- КСИА – Краткие сообщения Института Археологии. М.
- МАК – Материалы по археологии Кавказа
- МАО – Московское археологическое общество
- МБК – Международный ботанический конгресс
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИСО – Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск
- МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации
- МКСА – Международный конгресс славянской археологии
- МНМ – Миры народов мира
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
- НРСИЦПКИ – Научно-реферативный сборник информационного центра по проблемам культуры и искусства. М.
- НIVЛ – Новгородская четвертая летопись
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РА – Российская археология. М.
- РИПК – Реставрация памятников истории и культуры. М.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников
- СЛ – Софийская первая летопись
- ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
- УрНИГРИ – Уральский научно-исследовательский геологоразведочный институт
- ЭО – Этнографическое обозрение
- FA – Fennoscandia archaeologica. Helsinki.
- SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ: ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ”

<i>Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев, Н.Н. Воронин и археологическое изучение Северо-Восточной Руси.....</i>	3
<i>Н.А. Макаров. Ростово-сузальская колонизация на Севере: Новые археологические данные .....</i>	6
<i>С.Д. Захаров. Оборонительные сооружения как индикатор социального статуса северо-русских поселений .....</i>	24
<i>А.А. Зайцев. “Племя княже Ростиславле” и смоленское зодчество второй половины XII в.....</i>	34
<i>В.Ю. Коваль. О древнерусских амулетах-змеевиках.....</i>	54
<i>Н.А. Макаров, А.М. Красникова. Христианские древности сузальских селищ: новые находки .....</i>	63
<i>Т.Г. Сарачева. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси .....</i>	73
<i>И.Е. Зайцева. Изготовление металлических украшений на сельских поселениях северо-восточных окраин Древней Руси .....</i>	89
<i>С.В. Штолянский. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского (К вопросу об изучении материальной культуры русской деревни после монгольского нашествия) .....</i>	99
<i>Н.Н. Грибов. Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения .....</i>	112
<i>Н.Г. Самойлович. Стратиграфия и хронология раскопа Н.Н. Воронина в Митрополичьем саду Ростовского кремля.....</i>	121
<i>Е.К. Кадиева. Геральдические клейма на круговой посуде Центра Ростово-Сузальской земли: морфология и хронология.....</i>	130
<i>Н.И. Асташова. Обойница ножа из раскопок Смоленска .....</i>	138
<i>М.Е. Родина. Атрибуция редких находок из раскопок 2004 г. на княжьем дворе во Владимире.....</i>	145
<i>Н.А. Тропин. Лавский археологический комплекс XI–XIV вв.: историческая оценка и этапы развития памятника .....</i>	154
<i>М.В. Цыбин. Периферия Золотой Орды в Подонье .....</i>	166
<i>А.В. Кудряшов. Исследование поселения Минино 5 на реке Большой Юг.....</i>	175

СТАТЬИ

<i>Л.В. Кольцов. К вопросу о мезолитических инновациях .....</i>	187
<i>Г.Г. Король. Северокавказский всадник на парных конях: истоки иконографии и семантика .....</i>	194
<i>Е.М. Веремейчик, А.В. Шекун. Стеклянные браслеты поселения Лесковое .....</i>	204
<i>Н.Н. Грибов, В.Ю. Коваль. Восточная керамика из окрестностей Нижнего Новгорода .....</i>	216

<i>А.А. Карпухин, С.В. Кузьминых. НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ЧЕРНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ</i>	228
Список работ Н.Б. Черных.....	231
СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКОВ 211–220	237
SUMMARY.....	246
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	252

CONTENTS

CONFERENCE “ARCHAEOLOGY OF NORTH-EASTERN RUS’: PROBLEMS AND MATERIALS”

<i>N.A. Makarov, A.E. Leont’ev, N.N. Voronin</i> and archaeological researches in North-Eastern Rus’	3
<i>N.A. Makarov.</i> The Rostov-Suzdal colonization in the North. New archaeological data	6
<i>S.D. Zakharov.</i> Defensive constructions as an indicator of social status of north Russian dwelling sites	24
<i>A.A. Zaitsev.</i> Prince Rostislav’s dynasty and the Smolensk architecture of the second part of the 12 th c.	34
<i>V.Yu. Koval.</i> On the medieval Russian <i>zmeevik</i> -amulets.....	54
<i>N.A. Makarov, A.M. Krasnikova.</i> Christian antiquities from the Suzdal open dwelling sites: new finds	63
<i>T.G. Saracheva.</i> Pieces of jewellery of the second part of the 13 th –16 th cc. in the territory of North-Eastern Rus’	73
<i>I.E. Zaitseva.</i> Production of metal ornaments at the rural dwelling sites in the North-Eastern periphery of Medieval Rus’	89
<i>S.V. Shpolyansky.</i> The corpus of artefacts from the dwelling site Klenovo 2 in the vicinity of Peremyshl Moskovsky (on the material culture of the post-Mongol Russian village)	99
<i>N.N. Gribov.</i> Nizhniy Novgorod’s neighborhood: results and perspectives of the investigation ...	112
<i>N.G. Samoilovich.</i> Stratigraphy and chronology of N.N. Voronin’s excavation trench in the Metropolitan’s Garden, the Rostov Kremlin.....	121
<i>E.K. Kadieva.</i> Heraldic stamps on wheel-made pottery of the centre of the Rostov-Suzdal land: morphology and chronology	130
<i>N.I. Astashova.</i> Knife setting from the excavations in Smolensk	138
<i>M.E. Rodina.</i> Attribution of some rare finds from the excavations of 2004 in the Prince Yard in Vladimir.....	145
<i>N.A. Tropin.</i> Lava archaeological association of the 11 th –14 th cc.: Historical assessment and stages of the site’s development.....	154
<i>M.V. Tsybin.</i> The Golden Horde periphery in the Don region	166
<i>A.V. Kudryashov.</i> Investigations of the dwelling site Minino 5 on the Bolshoi Yug River	175

ARTICLES

<i>L.V. Koltsov.</i> Concerning the Mesolithic innovations	187
<i>G.G. Korol.</i> The North Caucasian rider on a pair of horses: The origins of the iconography and semantics	194
<i>Veremeichik E.M., Shekun A.V.</i> Glass bracelets from the dwelling site Leskovoe	204
<i>N.N. Gribov, V.Yu. Koval.</i> The Oriental pottery from the vicinities of Nizhny Novgorod.....	216
<i>A.A. Karpukhin, S.V. Kuzminikh.</i> Natalia Borisovna Chernykh and Russian dendrochronology...	228
Contents of issues 211–220.....	237
SUMMARY	246

Научное издание

**КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 221**

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Зав. редакцией Н.Л. Петрова

Редактор М.М. Леренман

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Т.В. Болотина

Технический редактор М.К. Зарайская

Корректоры А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова

Подписано к печати 13.02.2007

Формат 70 × 100 ¼. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 20,8 + 0,3 вкл. Усл. кр.-отт. 22,6. Уч. -изд.л. 21,3

Тип. зак. 1120

Издательство "Наука"

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП "Типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12